

1
1
3

10 93-10
113

ЛЕОНИД СЛОВИН

ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ, КРАСНАЯ РЫБА,
ЧЁРНАЯ ИКРА

ЛЕОНИД СЛОВИН

10 93-10 | 113-6

985-2

10 93-10 / 113-6

ЛЕОНИД СЛОВИН

2

ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ,
КРАСНАЯ РЫБА,
ЧЁРНАЯ ИКРА

ТЕННИСНЫЕ МЯЧИ
ДЛЯ
ПРОФЕССИОНАЛОВ

Остожье
Издательство

МОСКВА 1993

СМТЛЕР

СОДЕРЖАНИЕ

Зеленое море, красная рыба, черная икра	3
Теннисные мячи для профессионалов	175

Российская
Государственная
библиотека
1993

Л. СЛОВИН

Зеленое море, красная рыба, черная икра

Том 2

Художник В. Богданов

Ответственный редактор А. Рыбакова
Художественный редактор Н. Рудакова
Технический редактор М. Столярова
Корректор Л. Гордеева
ИБ 9

Подписано в печать 22.12.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная.
Печать офсет. Усл. п. л. 18 : 3. Дополн. тираж 5000 экз. Заказ 364. С 9.
Издательство «Остoj» с/п. 119034. Москва, ул. Остоженка, 4.

ИПФ «Ставрополье», Ставрополь, 355045, ул. Спартак, 8.

С 4702010201-009 Без объявл.
944(01)-93

ISBN 5-85020-009-6

2020086638

ЗЕЛЁНОЕ МОРЕ,
КРАСНАЯ РЫБА,
ЧЁРНАЯ ИКРА

ПОВЕСТЬ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

PHOTOGRAPHY

То обстоятельство, что он служил в полиции, не играло особой роли. Многие в молодости плутают по пути к назначенной им судьбе, но время и случай обычно выводят их на верную дорогу.

Марис Пьюзо. Крестный отец

— Прощу сюда! Мимо моего заведения вам никак не пройти...

Центр кривой неряшливой площади занимал белый глинобитный домик, раскрашенный цветами и самодельной вывеской — «Парикмахерская Гарегина». Выше, в торце дома, поблекшей от времени краской было выведено крупно: «Смертный приговор убийце — браконьеру Умару Кулиеву...»

— Прощу ко мне, товарищ водный прокурор! — У дверей, сложа на груди руки, стоял пожилой человек в белом халате, седой и величественный. — Не удивляйтесь, у нас маленький город, все новые люди на виду. Гарегин Согомонович Мкртчян, — представился он. — Последний оплот капитализма в этом городе...

Он замолчал. Пелена загадочности окружала его, как профессиональный пеньюар.

— А почему капитализма? — полюбопытствовал я.

— Потому что я единственный на всем восточном побережье кустарь. Я — капиталист. Вот держу эту парикмахерскую и борюсь с фининспектором. Он считает, что я оскорбляю своей парикмахерской общественное бытие... — Мкртчян широко указал вокруг.

Кривая грязная улочка спускалась в сторону порта. С нее начинался Нахалстрой — жилые кварталы из списанных, значащихся сгоревшими, сгнившими, затопленными пиломатериалов, кирпича, ржавых труб, ящиков и употребленного будто бы в производство битума и цемента; жалкие строения, порожденные стремлением выжить в условиях суровой, почти континентальной зимы и испепеляющего, засушливого лета.

Последние дневные лучи падали на крыши домов. Было тепло и сухо. Замкнувшая город цепь не особо высоких гор выглядела земистой, в щербинках, как скорлупа грецкого ореха.

Мы простились.

— Заходите. — Мкртчян прижал руки к груди. — Здесь вам всегда будут рады. — В нем было замкнутое величие, таинственное подмигивание, горловой рокот.

— Спасибо.

Рубеж Нахалстроа обозначался двумя выдавшимися лучшими времена красными кирпичными домами, как башенными воротами в средневековом городе. В этих домах, на границе стихийного самстроа с запланированной и санкционированной застройкой, разместили роддом и приют для престарелых. Довольно странная идея — их поставили так, будто человек, родившись, должен был пройти через жизнь в Нахалстрое, чтобы вернуться по другой стороне улицы в приют для одиноких, потерявших надежды стариков.

За стенами саманных домов слышались звуки телевизоров.

— ...День большого футбола... — вырвался рядом со мной из окна ликующий голос комментатора.

Чужая жизнь...

— Поговори ты с патроном! — всего несколько дней назад наперебой советовали мне коллеги на том берегу. — Скажи: погорячился! С кем не бывает... Зачем тебе уезжать?!

А днями позже я стоял в багажном отделении и следил за оформлением своих вещей...

Суровая старуха поглядывала на чемоданы и на электронное табло, где юркие цифры сообщали о состоянии температуры воздуха и воды, о волнении и скорости ветра. Табло вызывало в ветеране багажной службы порта явное беспокойство. Я же с тревогой следил за ней. Случайность все еще могла изменить мою жизнь — одолев судьбу стихийным проявлением осознанной необходимости. Ткань нашего непрочного сервиса в любую минуту могла порваться — мне могли вернуть багаж по причине его негабарита, ветхости упаковки, неразборчивости адреса получателя и еще по десятку причин. Сработай это — и мне пришлось бы еще на ночь остаться дома, и — кто знает? — хватило ли бы нам с женой сил на новую встречу и новое прощание после того, как их едва хватило накануне. И утром — такое вовсе не исключено — мы с женой могли бы вместе прийти к патрону, и по моему обескураженному лицу и счастливым глазам жены он бы все понял, разглядел бы выброшенное мною белое полотенце, которое невидимо маячило бы в моем углу в течение нашего разговора. Скорее всего, он принял бы мое раскаяние, снова оставил бы меня в отделе, а может, стал бы даже в моих глазах и глазах моих коллег кем-то вроде ангела-хранителя нашей семьи, глава которой чуть было не взбунтовался.

Однако сервис, который мы все дружно ругаем, на этот раз

выдержал. Я внес деньги, получил накладную, и вот мои чемоданы с выведенными на них мелом номерами медленно поползли по транспортеру вниз, в трюм.

С прошлым было покончено. Именно после этого все знакомые и сослуживцы, встречая меня, принимались говорить о том, что я получил синекуру...

Особенность моей синекуры состояла в том, что руководимая мной прокуратура существовала только на бумаге. Принимать дела было не у кого. И как следствие — отсутствовали и реальные дела в производстве моего бумажного подразделения.

И все же! Напористый поток входящих и исходящих, секретных, для служебного пользования и совершенно секретных бумаг уже всюду бушевал рядом со стальной створкой моего неподъемного сейфа, попавшего в красноводские пески не иначе как во время интервенции Антанты. Областная прокуратура, обслуживавшая до этого водный бассейн, переслала вместе с сейфом и весь запас бумажного мусора, имевшего отношение к воде, — старые наблюдательные дела, переписку, жалобы...

Я свернул в улочку, показавшуюся мне шире других. У перекрестка над полуподвалом виднелась надпись: «Пельменная» — и окна, уходявшие под тротуар. По другую сторону, в окне «Кулинарии», сохли бутерброды с сыром и стыл сиротский белесый кофе.

Я купил пару бутербродов и взял стакан кофе.

Когда я вновь поднимался узкой улицей вверх к каменным вехам Начала и Конца человеческого существования, между роддомом и домом для престарелых, было совсем темно.

Неожиданно я услышал позади быстрые шаги.

Красивая пухлогрудая женщина-подросток с короткими полными ногами, с черной повязкой на рукаве едва не налетела на меня. Я остановился.

Несколько секунд мы молча разглядывали друг друга. Я определенно уже видел ее, она стояла и разговаривала с мужчиной недалеко от «Парикмахерской Герегина».

Годы профессиональной работы научили меня запоминать-внимательно смотреть на людей, если их приходилось встречать дважды в течение короткого времени, тем более в разных местах. Несколько раз мне пришлось убедиться в том, что меня, как выражаются милиция и уголовники, пасут. Действовал ли это кто-то по собственной инициативе или по распоряжению каких-то служб, не знаю, но, помню, мне всегда было тревожно, когда я делал для себя это открытие. Так, наверное, чувствовал себя Робинзон, неожиданно обнаружив в дальней части своего острова, который он считал абсолютно безлюдным и безопасным, свежий след ступни каннибала.

Женщина хотела что-то сказать, но внезапно со стороны приюта показался мужчина, с которым она стояла на площади. Он предупреждающе кашлянул — женщина мгновенно исчезла.

Я стоял под фонарем, чтобы лучше его рассмотреть. Он прошел почти рядом — высокий, с красно-рыжими волосами, в зеленой рыбацкой робе. Мне показалось, что он готов что-то сказать. Но сзади послышались голоса.

— Серега! Эй, Пухов!

Там перетаскивали в темноте что-то тяжелое.

— Осторожно хватай! Разобьешь! Пухов, ты где?

— Иду! — выдохнул рыжий, как-то странно взглянув на меня.

Потом я вспоминал его взгляд. Так смотрят дети в семьях, где между родителями царит мир, и детям кажется, что у взрослых нет тайн. После, когда они узнают секреты взрослых, у них уже никогда больше не бывает такого взгляда.

Пухов взглянул на меня доверчивыми чистыми глазами и вернулся назад — к людям, позвавшим его. А я направился к себе на квартиру.

На рассвете меня поднял стук в дверь. Стучали не очень громко, чтобы меня не напугать, однако достаточно настойчиво, чтобы я понял, что произошло нечто важное, требующее моего участия:

— Товарищ прокурор! У нас ЧП! Инспектора рыбнадзора убили! В районе метеостанции...

1

«Труп неизвестного мужчины лежит на животе, руки слегка согнуты в локтевых суставах...» — Гусейн Ниязов, мой единственный следователь, то и дело поднимал шариковую ручку, пачкавшую лист блеклыми голубыми каракулями.

— Почему труп неизвестного мужчины? Мы же знаем, кто это! — с раздражением заметил Хаджинур Орезов, оперуполномоченный, — высокий красивый лезгин в кожаной куртке и мягких сапогах.

Двое рыбаков-понятых молча-равнодушно поглядывали то на милицейских, то на солнце. День шел к обеду.

— Мы же знаем: это Серега Пухов! — не унимался Орезов.

— Эх, Орезов, учить тебя и учить... — вздохнул Бураков — неохватный в плечах и талии заместитель начальника водной милиции, русак с чистым, отмытым до первозданной свежести лицом. — Мы-то знаем, да протокол осмотра пишется не для нас! — Его уравновешенности даже в связи с чрезвычайным происшествием не поубавилось. — Не мешай. Лучше учись...

Я нагнулся над убитым.

Одного взгляда на красно-рыжую, с насыпавшимся на нее песком, успешную потускнеть шевелюру убитого было достаточно. Я сразу вспомнил неожиданное появление за моей спиной между роддомом и домом для престарелых.

Труп Сереги Пухова лежал теперь ничком, раскинув широко руки, будто хотел обхватить, уцепиться или обнять ушедшую из-под него навсегда земную твердь. С него уже была снята одежда — сильный, с белыми большими ногами, он казался огромной белой рыбой, подбитой точным профессиональным ударом остроги.

«В задней части головы имеются два отверстия, предположительно оставленные выстрелами из огнестрельного оружия...» — диктовала следователю молодая гибкая женщина в японской яркой двухцветной куртке, осматривавшая труп.

— Судебно-медицинский эксперт Мурадова, — представилась она мне, не прекращая работы.

Мурадова прошупывала голову убитого, стремясь хотя бы приблизительно представить себе внутренние переломы и смещения в черепной коробке. Лица ее мне видно не было, его закрывали упавшие на лоб черные жесткие пряди.

Убийство произошло еще ночью, на самом берегу, чуть выше линии отлива. Окочение, начинающееся обычно через два-три часа после наступления смерти, успело достигнуть своего полного развития, а трупные пятна при надавливании еще меняли свою окраску, хотя и в небольшой степени. По истечении суток эти темные пятна — следствие переполнения кровью сосудов в нижележащих частях тела — обычно уже не исчезали и не меняли местоположения.

Мурадова попробовала перевернуть труп, но мертвый инспектор рыбнадзора был слишком тяжел для нее, я сделал это вместе с Хаджинуром, от которого тоже не ускользнуло движение судмедэксперта. Описав в воздухе плавную кривую, откинута рука Пухова с деревянным стуком ударила в плотно утрамбованный мокрый песок.

— Стреляли сзади, — сказала Мурадова.

Но я и сам видел: по сравнению с весьма скромными размерами входных отверстий выходные выглядели более обширными с характерными щелевидными формами.

— И стрелявший находился не рядом, — ответил я в тон и обратил внимание на спичечный коробок, положенный кем-то на белый лист бумаги.

— Это его?

За спиной у меня хрипло засипел Бураков:

— Нет! Надо записать: «В кулаке убитого зажат коробок спичек, на этикетке которого изображен Евтушенко в роли Циолковского...»

— А ты откуда знаешь, что это Евтушенко? — препирался Хаджинур Орезов.

— Пусть напишут, тебе говорят, темнота...

У Буракова был неестественно хрипящий голос — как у гонимых попугаев.

Я заметил, что ветер усилился, прибой с грохотом тряс берег, казалось, что не коричнево-желтая пена вздымается над волнами, а лежат куски оторванной тверди.

По другую сторону — в проблесках солнца — тускло мерцали ртутные зеркала соляных озер. Марсианский пейзаж. Инобытие. Нельзя поверить, что где-то растут березы, еще лежат на полях снега, текут с тихим журчанием прозрачные ручьи, живут в суете и гомоне города.

От сизо-серых баракв метеостанции подошел милиционер:

— Звонил начальник милиции. С поста ГАИ. Насчет Мазута ничего пока не слышно.

— Кто это — Мазут? — спросил я у Буракова.

— Касумов... Первый браконьер этих мест. Он отсюда — с метеостанции.

— Начальник милиции давно уехал? — уточнил я.

— С час назад. С ним еще начальник областного управления и прокурор. Они хотели перехватить Мазута перед городом...

Все стало на свои места.

Я прибыл на место происшествия после того, как до меня тут уже побывало руководство территориальной милиции и прокуратуры. Впопыхах все как-то забыли о существовании недавно организованной бассейновой прокуратуры и ее главы.

— А что стреляные гильзы? Обнаружили? — спросил я.

Бураков поднял розовое, чистое, словно только что из парилки, лицо:

— Да вот! Тут лежали. Одна и другая...

Гильзы нашел моторист метеостанции Рифат, привлеченный в качестве понятого. Стреляли из «макаровского», со сравнительно небольшого расстояния — с десяти метров, с самой кромки линии прилива. Следы стрелявшего смыло море.

Неподалеку виднелись отпечатки велосипедных колес. Принадлежали ли они транспортному средству преступника, а может, велосипедист проехал раньше или, наоборот, позднее?

— И еще — вот что я нашел. — Хаджинур Орезов показал мне стальной рыболовный крючок. — Это от калады... — Видя, что я не до конца его понимаю, он пояснил: — Огромная сеть — шестьсот — семьсот метров. До километра. И на ней двести тысячи крючков, целый частокол. Браконьеры ставят ее на осетровых далеко в море и каждый день выходят проверять...

Я подержал крючок и вернул Резову. Вставал вопрос: как попал сюда Пухов? Кого-то выслеживал? Появился в момент причаливания браконьерской лодки? И вместо доказательств хищнического лова получил две пули в голову? Но почему в затылок? Может, его внимание было отдано чему-то другому?

Обо всем следовало поговорить с обитателями метеостанции. Что же касается осмотра трупа, то я мог и дальше смело положиться на Мурадову — передо мной был молодой, но знающий судмедэксперт, и, хотя я не видел ее лица, я понял, что мне будет приятно и легко с ней работать.

— Это жена Мазута... — шепнул Бураков.

Женщина, наглухо замотанная платком — только быстрые глаза были видны сквозь щель, — тянула за телогрейку громадного лысого казаха: «Спать, спать, спать тебе надо...»

Казах, как похмельный памятник, возвышался на площадке перед радиостанцией, предостерегающе-задумчиво покачивал передо мной пальцами, невнятно, вяло бурчал:

— Зачем ты приходил? Сюда... Ты — кто? Ты — чужой! Не надо... Не надо...

Рядом стоял мальчишка, почему-то босой. На шее у него висел маленький магнитофончик — «вокмен», соединенный оранжевым проводком с хомутом наушников, из которых еле слышно доносилось: «...не рокот космодрома, не эта голубая синева...». От холода ноги у парня были сизыми, он поочередно поднимал озябшие ступни и каким-то йоговским движением складывал колени и подсовывал бурьяковые пальцы под подол длинной фуфайки.

— Подойдите ко мне, — сказал я женщине. Она неуверенно шагнула вперед. Казах угрожающе накренился. Мальчишка вышел из позы цапли, несуетливо, но быстро подпер плечом сооружение в телогрейке.

— Вы здесь работаете? — спросил я.

— Да, уборщица, — донеслось из-под тряпичного забрала.

— А это кто?

— Живем мы рядом... Адыл... Он человек хороший...

— А чего же он пьяный с утра?

— Жалко ему очень... его... того... Сережу... — И ее черные влажные глаза исчезли в амбразуре темного платка.

Пьяный напрягся и медленно проговорил:

— Не говори... Ничего ты ему не говори...

Хаджинур Резов рядом со мной выкрикнул:

— Жалко! Конечно, жалко! Жалела кошка соловья! Браконьеры, сволочи! Вам всегда жалко мертвого рыбинспектора!..

Одним прыжком он оказался рядом с ними и провел сжатым кулаком перед носом Адыла:

— Вы за Сережку Пухова все здесь кровью харкать будете!

— И правильно!.. — Подошедший, коренастый, средних лет крепыш в брезентовой робе, по которой я уже научился отличать рыбнадзор, оглядел всех и первым делом обратился ко мне: — Цаххан Алиев. Начальник районной рыбинспекции.

Я пожал ему руку.

— Вторая смерть у нас меньше чем за два года... — У него было скуластое лицо, побитое кое-где оспой, маленькие, прижатые к голове уши.

Он порывался идти.

— Вы далеко? — спросил я.

— Надо моторы снять. Я как был — бросил все на причале...

— Жалко Сережу, — вставил Бураков.

Алиев кивнул.

— Такая наша работа. Меня самого чуть не сожгли вместе с рыбинспекцией. — Он посмотрел на меня. В глазах читалось застывшее, словно уже до конца жизни, изумление, которое теперь ничем не удастся прогнать. — Увидели, что «жигуль» мой стоит, ну и думали, что я дежурю. А был другой инспектор. Молодой парень, «афганец». Он и погиб за меня...

О нападении на рыбинспекцию и о поджоге я слышал. Его вела территориальная прокуратура, наша — бассейновая — была еще только в проекте.

— Дело Умара Кулиева. К расстрелу его и приговорили — народ настоял...

Мальчишка в это время снова подоткнул под себя ногу, скинул с головы наушники и тихо сказал:

— Мы-то при чем!.. И дядя Адыл никогда не попадался...

— Ты-то помолчи, браконьерский помет... — Алиев всплил. — Твоего отца я сам трижды ловил... А эту пьяную образину — Адыла — Сережка Пухов, царствие небесное, жалел, вот он и не попадался... Отплатили вы ему полной мерой... Где Мазут? Касумов?

— Не знаю... Нет его!

Неожиданно из проема глухого платка раздался неуверенный голос:

— Сережу все уважали... Ни у кого рука бы не поднялась...

— Эт-то точно! — сердито рубанул Алиев. — У вас здесь рука не поднялась! Из Палестины террористов пригласили! Или Умар Кулиев сбежал из камеры смертников и снова отличился?... Ну-ка, открой мне его «козлятник»...

Я обратил внимание на несколько отстоящих друг от друга то ли сараев, то ли складских помещений, окруженных сплошным частоколом.

— Цаххан Магомедович...

— Что? Ключа нет? — Алиев вконец разъярил себя. — Нет?

— Да разве он оставит ключ жене! Вы же знаете... Ну! Никогда он ключа не оставит!

С берега к нам шла доктор Мурадова — ее японская куртка выделялась на унылом желто-сером фоне окружающего нас мира ярко-красочным пятном. Даже издали было видно, какая она еще молодая и гибкая. Она была здесь неуместна. Как и мальчишка в наушниках. Здесь был старый мир, дряхлая, умирающая, недостоверная жизнь.

— Держи... — Мурадова сунула в руки Алиеву чемоданчик. — Я уже себе руки отмотала... Вы познакомились?

— Да так, — мотнул он головой. — В процессе общения...

— Цаххан Алиев. Гроза и ужас всех местных браконьеров... Вы первый раз тут? — спросила она у меня. — Историческое место... Люди специально приезжают посмотреть.

Метеостанция располагалась в трех домах. Грузные, освещенные по пояс в песок, иссеченные зимними дождями, искромсанные ветром, оплавленные нещадным солнцем каменные бараки.

На одном — остатки выведенного густой масляной краской призыва: «...февраля 1966... выборы в Верховный Совет СССР — все на выборы!» Выше — выложенное на фронтоном кирпичами слово «банк».

— А почему «банк»? — спросил я.

— Так здесь и был банк. — Мурадова улыбнулась.

— В пустыне?

— Здесь был город, — поучительно произнес начальник рыбинспекции. — Вот это все был город...

Я огляделся и только теперь заметил, что все эти ямы, рытвины, груды камней, щели, завалы каменного боя — это не хаотические осыпи пустыни, это разваленные фундаменты, рассыпавшиеся основания домов, исчезнувших навсегда строений. Что это не камни, а кирпичи. Помпея.

Полузанесенный трактор «Беларусь». Из глины торчат черно-серые доски развалившихся лодок. С визгом раскачивается на ржавых петлях дверь, какие-то дыры в стенах.

Мне досталась очень дремучая, старая, распадающаяся, по-видимому, никому, кроме меня, не нужная синекура...

— Какой же Везувий бушевал здесь?

— Город бросили уже давно, — сказала Мурадова. — Как закрыли химкомбинат. А когда стали перекрывать Кара-Бугаз, так кто-то придумал сэкономить средства... Ну, чтобы бут и камень не возить издалека — снесли город и вывезли на перемычку...

Перевозку из морга вызвать не удалось — у единственной на весь Восточнокаспийск лодки Харона заклинило двигатель. Я велел везти Пухова в город на милицейском «газоне».

Начальник рыбинспекции и Орезов осторожно укладывали окоченевшее тело в задний зарешеченный отсек машины, где обычно с патрульным нарядом ездит служебная собака. Ноги не пролезали в дверцу, и Хаджинур Орезов заорал на шофера, пытавшегося силой затолкать их в узкий проем:

— Угомонись, дубина! Это наш товарищ, а не дрова!..

Шофер смущенно пожал плечами:

— Я ведь как лучше... А он все равно ничего уже не чувствует...

— Много ты знаешь про это, чувствует он или не чувствует, — зло бросил через плечо лезгин.

Цаххан Алиев бережно взял сизую, распухшую ступню Пухова и осторожно засунул его ногу в машину, захлопнул дверцу с затворным стуком.

Невесть откуда взявшийся малюсенький человечек, смуглый до черноты, с грустными толстыми усами, просительно сказал:

— Пусть я с Сережкой поеду... Я — маленький, места много не занимаю, а ему одному в ящике не страшно будет... Все-таки не один он там...

На лице его плавала странная гримаса — не то печально улыбался, не то беспечно плакал. Он действительно был маленький — меньше мальчишки, поджимавшего под себя озябшую ногу. И возраст его определить было невозможно: может — тридцать, может — шестьдесят.

Хаджинур отодвинул его рукой от машины:

— Отойди, Бокасса, не путайся под ногами! Сказали ведь тебе, умер Сережа, не страшно ему больше... И один он теперь навсегда...

Карлик со своей страдальчески-веселой улыбкой тихо нудил:

— Не говори так, Хаджинур, дорогой... Сережка любил меня, друзья мы...

— Отстань, не до тебя!

С «газиком» я послал и Гусейна Ниязова. Гусейн меньше всего был похож на самоуверенного следователя, каким его не устают изображать средства массовой информации. Тихий, незаметный сутулый человек, отец пятерых детей, находящийся в том возрасте, в каком иные молодые люди только еще задумываются, стоит ли им обзаводиться семьей, Гусейн спешил: его младшая девочка была записана на консультацию к профессору, прибывшему специально с того берега.

Остальным предстояло уехать в «рафике», его шофер уже несколько минут кружил рядом со мной, повторяя:

— Если разойдется песчаный буран — до города не дотянем...

— Зовите Буракова, и тронемся в путь... — приказал я.

— Он сейчас подойдет, — сказал Хаджинур. — Только раздаст повестки...

— А кто такой этот Бокасса? — спросил я его.

— Блаженный. Тихий услужливый придурок... Фируддин... Люди подкармливают помаленьку, а он по всему побережью кочует...

Пришел Бураков, помахивая папкой с документами.

Толстый корпусной человек, он шумно-тяжело пыхтел на ходу.

Я пропустил его первым в «рафик». Бураков влезал, сопя и кряхтя.

— Эх, елки-палки, грехи наши в рай не пускают, — сказал он, отдуваясь.

Коренастый начальник рыбинспекции засмеялся:

— Была б моя воля, я бы из милиции всех пузанов вышиб...

— Больно шустрый ты... Да бодливой корове бог рог не дает...

— Это жалко — что не дает! Если мент толстый, значит, много спит. Толку, значит, от него на грош...

— Ты, Алиев, человек дерзкий. Кабы книги читал, знал бы, что грош в средние века был большой серебряной монетой, пока его всякие шустрики и фармазонщики не изворовали весь. А много бегать — это по твоей работе положено. У нас думать надо...

— Оно и видать, — сердито хмыкнул Алиев.

Я пропустил их вперед и подсадил в микроавтобус докторшу. Через рукав куртки чувствовалось, какая у нее тонкая рука. Она обернулась, кивнула:

— Спасибо. Я уже отвыкла от мужской галантности... У нас тут нравы простые.

За мной легко, по-кошачьему мягко прыгнул в машину Хаджинур Резов.

Закашлял, не схватывая, мотор. Стартер выл от изнурения, пока двигатель не чихнул, прогремели серией взрывы в цилиндрах, заревел, заорал мотор, трудно, натужно автобусик пополз из песка.

Над морем висело воспаленное краснотой бельмо солнца. Посеребренная желтизна холмов. Металлический блеск далеких солончаков.

По плотной глиняной колее машина пошла веселее, сноровисто ныряя среди барханов. Навстречу проехал верхом на лошади казах в чапане и лисьем малахае. И снова полное безлюдье.

Бураков и Алиев продолжали негромко препираться, а я пересел на заднее сиденье к Мурадовой.

— Как вас зовут?

— Анна, — ответила она, коротко взглянув на меня. Только сейчас я рассмотрел, что у нее ярко-синие глаза. А мне почему-то казалось, что они у нее совсем темные.

— Благодать...

— Что? — удивилась она, и глаза ее сразу потемнели.

— Анна по-арамейски значит «благодать». Благословение...

Она усмехнулась, и чернота отекла из зрачков, синева стала прозрачной до голубизны.

— Это я для матери была «благодать» — она у меня русская. А для отца я «святой день — четверг». У них Анна значит «четверг»...

— Будем считать, что вы — благословение, данное в четверг. Кстати, сегодня четверг. Вы учились в Ашхабаде? — Мотор ревел, мы едва слышали друг друга.

— Нет, я окончила первый мед в Москве...

— Чего так далеко уехали и вернулись?

Она улыбнулась одними глазами:

— Да были разные события и обстоятельства...

— Вы, как я понимаю, местная?

Анна кивнула:

— Да. Могу смело писать в анкете: родилась и умерла здесь...

— Ой-ой-ой! Что это вы так трагически-патетически?

— А-а! — махнула она рукой. — Как сейчас принято говорить, я женщина с неустроенной личной жизнью. А женщина, которая до тридцати одного года не успела это сделать, не живет, а зарабатывает себе на пенсию...

Но говорила она это все, смеясь глазами, и нельзя было понять — жалуется она или заводит меня, смеется над собой или грустит.

— Вы здесь с родителями?

— Нет, — покачала Анна головой. — Тут у меня дядя — в совхозе. А я — одна. Мама умерла, отец уехал в Небит-Даг работать...

Мы снова забуксовали.

В этом месте сшиблись грудь в грудь две стихии — соленое море и прогорклая пустыня, как жерновами растерли жизнь между собой. Разбрасывая с завыванием из-под колес мокрый песок, «газон» тянул в сторону еле различимой дороги.

Пустыня завораживала, парализовала. Как бездонный омут, она втягивала в себя, грозила бесследно растворить в своей рыжей пустоте.

Всевышний, создатель сих мест, приступая к творению, страдал в этот момент или приступом дальтонизма, или острым дефицитом красок. Наверное, как всегда, подвели снабженцы, и он, гоня план к концу квартала, соорудил этот мир из одних желтых и серых цветов всех оттенков — от серебристо-седого неба до охряной пены. И припорошил пепельным налетом соли.

— Вы, наверное, всех хорошо знаете? — мотнул я головой на наших спутников.

— Да. Во всяком случае, много лет. — Она помолчала мгновение и быстро подняла на меня взгляд — глаза у нее теперь были почти черные. — Вы хотите что-то узнать о них от меня?

Я даже не удивился, почему-то я уже принимал за данность, что она может угадывать мои мысли.

— Хотел бы... Конечно, хотел бы...
— Но вы и меня не знаете, — неуверенно сказала Анна.
— Нет, вас я знаю. Я вас чувствую...
— Тогда вы должны чувствовать, что если я что-то скажу про них, то только хорошее. Они все мои старые знакомые...
— А Сергей Пухов был тоже вашим старым знакомым? — спросил я мягко.
— Конечно... Хотя мы общались мало... Все свободное время Пухов проводил со своими детьми... Он был замечательный отец...

Мотор машины ревел, тяжело гудели и били на ухабах баллоны, салон автобуса был заполнен разрозненным шумом и грохотом, я говорил почти над ухом Анны — не боялся, что нас услышат.

— За несколько часов до своей гибели Пухов хотел со мной встретиться...

— С вами? — Она смотрела широко раскрытыми, как у ребенка, глазами.

— С ним была женщина. Молодая женщина. Совсем молоденькая. С черной повязкой...

— Это могла быть жена или подруга погибшего рыбака. Их тут много. И все в черном. Но почему вы не посоветуетесь со своими подчиненными? Вы им не верите?

— Я обязан им верить, — пожал я плечами. — Мне вместе с ними работать. Но дело в том... Даже не знаю, как сказать... По меньшей мере один из них — предатель...

— Почему вы так решили?

— Пухов не открыл свою тайну водной милиции, а решил открыть ее мне — человеку новому. Значит, он не доверял им.

«Рафик» в это время перевалил через плоский бархан и выкатил на шоссе, как будто облегченно вздохнул, повернул направо и покатил на юг. Мелькнул и исчез за песками взрытый малахит моря. Народ в автобусе был теперь полностью предоставлен себе.

Бураков, откинувшись на спинку, уютно свистел носом. Хаджинур, не обращая внимания на тряску, читал протоколы из черной папки Буракова.

— Подождите. Но почему вы говорите об этом мне? — спросила Мурадова.

— Я никого здесь не знаю. Кроме вас...

Неуловимо-легко провела она ладонью по рукаву моего плаща:

— Вы и меня совсем не знаете...

Брови у нее взлетели вверх, дрогнули ресницы.

— Я же сказал: я вас чувствую. И кроме того, вы не служите в водной милиции...

— Эх, говорил я Сереже — поостерегись! — Побитое оспой

лицо начальника рыбинспекции искривилось тоскливой гримасой. — Очень смелым был...

— А теперь стал очень мертвым, — не открывая глаз, тихо добавил Бураков.

Дорога подрагивала, дымилась, казалось, что мы мчим не по твердому свинцово-сизому асфальту, а с рокотом летим по реке, стремительно втекающей под колеса.

Прокуратура занимала второй этаж длинного жилого дома с балюстрадой, затянутой сухими безлистными лозами дикого винограда. Внизу, под нами, помещалась водная милиция.

Все прибывшие ненадолго заполнили мой кабинет. Говорили разом:

— Брать надо Мазута... Брать! И как можно скорее, пока не ушел!..

— Где Агаев? — улучив минуту, спросил я.

Бураков обернулся, толстый его живот остался недвижим.

— Начальник сейчас будет...

— Надо проверить, задерживал ли Пухов Мазута в последнее время... — Начальник рыбнадзора Цаххан Алиев прошел от окна к двери. — Может, он составил на него протокол, но не успел сдать...

Одна и та же версия — «убийцей рыбинспектора может быть только браконьер». И единственный мотив убийства — «месть на почве воспрепятствования преступной деятельности». Так при нападении на инкассатора всегда исходят из желания завладеть его инкассаторской сумкой.

Хаджинур, как мне показалось, сделал попытку вырваться из чертова круга «рыбинспектор — браконьер»:

— А если еще что-то? Может, женщина?

— Да ты совсем спятил! — рывкнул Цаххан Алиев. — У Сережки — и баба! Не было у него никого...

Я внимательно слушал.

— Все равно надо все предполагать, если хотим раскрыть, — подхватил Бураков. — И что ты заладил, Алиев, «не было у него никого»? Человек же он, в конце концов! В кино сходить, пива выпить...

Мой помощник Бала Ибрагимов — полный, неуклюжий молодой человек в очках с супермодной оправой — покрутил головой:

— Может, стоит дать обращение в газету... — Огромные, как витражи, очки предоставили каждому возможность отразиться в затемненных стеклах. — Кто-то мог видеть Пухова или его убийцу...

— И все испортим! — вмешался начальник ОБХСС — пузатый, с лысой головой, круглой, как бильярдный шар. — Убийца поймет, что ничего у нас против него нет!

— А что он, дурак? Не понимает этого? — набросился на него Орезов. — Так, что ли?

— Сейчас нужно любой ценой отловить Мазута... — На пороге появился начальник милиции Агаев, белотелый, сильный, с традиционными усиками и непроходящими бисеринками пота на лице.

Подчиненные его, как один, поднялись.

— ...Меньше по кабинетам надо сидеть, — сказал Агаев. — Больше бегать. Поймаем Мазута — вытрясем многое. Это ведь тебе не ворованная осетрина — убили рыбинспектора...

Через минуту мы остались вдвоем.

— Мазут этот, Касумов, заговорит обязательно, его надо только найти. Где-то он здесь должен обретаться... — Агаев взглянул на меня с высоты своего почти двухметрового роста. — У него и паспорта нет, он судимый. Его надо тут поймать. Поймаем — выйдем на убийц.

В отличие от своих подчиненных, Агаев не собирался переступать рамки официальных отношений. Дело было не во мне. Такие, как он, постоянно находятся в состоянии острого соперничества со всеми. Самое забавное — что мы с Эдиком Агаевым учились в одной и той же четырнадцатой спецшколе, в параллельных классах, и встречались почти ежедневно. Но, как это часто бывает, граница классов была и границей дружбы — мы не общались и, как мне помнится, за все время ни разу не разговаривали.

Был он из ребят, которые ходили большими компаниями — десять—двенадцать молчаливых амбалов, при виде которых школьникам помельче, очкарикам сразу становилось не по себе. Я подозревал, что они отбирают у младших жвачку, мелочь; за небольшую мзду в виде пачки сигарет могут выступать и как наемная боевая единица, помогающая сводить личные счета. Сейчас об этом было странно думать.

— Где он может быть? — спросил я.

— Бог его знает. У любого из этих... — Он бросил мне на стол тетрадку — «Список браконьеров, доставлявшихся в Восточнокаспийскую рыбную инспекцию».

Я полистал длиннющий реестр.

— «Алимурадов, Бердыев, Бобров, Гельдыев...» — фамилии шли не по хронологии допущенных ими нарушений, а по алфавиту.

От графы «Касумов-Мазут» шла вниз долгая «лестница» браконьерских подвигов.

— А почему «Мазут»? — спросил я.

— Браконьерский жаргон. «Мазут» — значит «икра»... Мы уже написали повестки им всем... Я с утра этим занимаюсь. — Он взял тетрадку. — А на метеостанции мы оставили сотрудника. На всякий случай.

— Удалось установить, с кем Пухов был вечером?

— Да. Они из этого дома. Джалиловы. Бала допросил. Их все знают. Муж, жена, два брата мужа, сноха и бабушка. Они вечером, после работы, переносили вещи на новую квартиру. Пухов им помогал... — Агаев взглянул на часы. — Надо идти, там у меня люди...

Высоченный, ражий — он напоминал снятую с петель большую дверь, уже гораздо большую, чем та, что вела в мой кабинет, поэтому, выходя, Эдик Агаев слегка пригнул голову, чтобы не задеть притолоку.

Я вышел вслед за ним. В приемной, напоминавшей объемом небольшой платяной шкаф, уже толпился мой огромный штат в лице все того же помощника — страдающего полнотой и одышкой юного Балы Ибрагимова и моей сильно беременной секретарши — гладкой, огромной, как дельфин, Гезели.

— Пухов долго еще находился у Джалиловых? — спросил я у Балы.

— Не очень. Поуживали, распили бутылку. Пухов ушел около двенадцати.

— Он говорил, куда идет?

— Нет. Никому ничего не сказал.

— Он был с ними с самого начала?

— Нет, они встретили его в Нахаловке, часов в девять, когда делали последнюю ходку. Он помог им нести посуду — тарелки, пиалушки...

«Похоже, так и было», — подумал я, вспомнив донесшийся до меня голос: «Осторожно хватай! Разобьешь!»

— С женой Пухова ты тоже говорил?

— Да. Она воспитывает детей и не знает о делах своего мужа. Не знала и знать не хотела. У них у каждого была своя жизнь... — Бала хотел говорить точно и резко, как милицейские оперативники, но ему мешала природная застенчивость да еще очки — затемненные, неохватные, готовые в любую секунду слететь и разбиться. Громоздкая фигура добряка и толстые губы дополняли портрет.

— Жена Пухова не говорила — в их семейной жизни не было проблем?

— Как? — Бала не понял.

— Может, ревность, месть...

— Нет, нет... — Он отверг самую мысль об этом.

Был уже вечер, но хозяин «Парикмахерской Гарегина» стоял у дверей своего заведения в той же позе, исполненной величия и трагизма, что и накануне.

— Так проходит слава мира... — грустно сказал он, глядя куда-то поверх моей головы.

Я хотел обернуться, но парикмахер неверно истолковал мое движение, взял меня под руку со словами:

— Отбросьте свои сомнения, тем более что у вас нет на них времени. Вы же наверняка еще не представлялись в обкоме! — Осведомленность капиталиста-парикмахера была исчерпывающей. — Вы приехали позавчера. Секретаря обкома не было. Сегодня вам наверняка было не до этого. Неизвестно, сможете ли вы завтра выкроить хоть минуту для себя... Все другое время у вас займут допросы. Надо же искать убийцу! А ищут обычно или поздно вечером, или ночью, или на рассвете...

— Пожалуй...

Я провел рукой по лицу. Мелкая колючая щетина покрывала подбородок.

Мы зашли в его белую мазанку, очень аккуратный домик, разделенный белой медицинской ширмой на два помещения. Передняя оказалась залом ожидания, включавшим столик с неизбежным потрепанным комплектом прошлогодних «Огоньков» и двумя стульями. За ширмой был парикмахерский рай. Гарегин усадил меня в кресло, обвязал хрустящей чистой белой салфеткой, намылил лицо горячей душистой пеной и начал колдовать, ни на минуту не прекращая разговор.

— У каждого свое призвание. Я не стригу, я рисую на голове... Один рождается солдатом, другой — художником... — витийствовал Мкртчян. Других клиентов, желавших последовать моему примеру, не было, и он не спешил сократить время, отведенное на саморекламу. — Вообще, в нашей стране умели делать настоящую прическу два человека: один уже умер, второй — мой учитель, он на пенсии. Я — третий. Я филирую, шлифую, разделяваю, просто точу красоту... Волос на голове должен лежать натуральной волной.

За окном парикмахерской показался черно-желтый похоронный автобус «пазик».

Я вспомнил о Пухове. Завтра в таком же автобусе убитый инспектор рыбнадзора отправится в свою последнюю дорогу. Где она кончается, никто не знает.

Много лет назад, когда моя жена была еще студенткой и училась на факультете психологии, ей предложили тему курсовой, которая ей и мне тоже — тогда студенту юрфака — пришлась по душе. Она называлась — вот и говори после этого о свободной воле и случайности выбора — «Поведение браконьера в конфликтной ситуации». Никогда до того я не интересовался вопросами рыбоохраны и после многие годы, вплоть до моего назначения в Восточнокаспийск, не предполагал вернуться к ним.

Вместе с еще одной молодой парой — студентами биофака — мы получили в свое распоряжение весельную лодку «кулаз» и возможность курсировать вдоль берега.

Прекрасное было время! Мы внимательно выслушивали

рыбинспекторов и задержанных ими нарушителей лова, заполняли карточки, вычерчивали диаграммы.

Конфликтная ситуация, как нам представлялось, ограничивалась поигрыванием мускулами в зависимости от силы обеих сторон — наличия оружия, количественного соотношения браконьеров и инспекторов, качества и числа имеющихся у них плавательных средств.

Мы не предполагали, что можно, подойдя почти вплотную, расстрелять инспектора рыбнадзора, как это произошло с Пуховым, или, проникнув в инспекцию, плеснуть бензин на живот спящему, выйти и выстрелить из ракетницы, как это проделал Умар Кулиев.

Метеостанция, где был убит Пухов, не находилась на участке его обслуживания, и было непонятно, что привело его в район бывшего банка. Что он ожидал от ночной этой поездки на берег? Где его лодка?

Я сидел в полудреме, слушая, как с легким скрежетом ползет по моим щекам бритва, и раздумывая над своими непростыми проблемами.

— А вот в рыбинспектора я бы, например, никогда не пошел, — клубился в это время надо мной голос Согомоньча. Задумавшись, я забыл, что, кроме меня, в парикмахерской присутствует кто-то еще, кто соединяет бесшумные успокаивающие прикосновение к лицу с такими же ласковыми неутомительными сотрясениями воздуха над моей головой. — Это же не шутка! Перед этим тоже молодой рыбинспектор погиб — Саттар Аббасов... Сожгли прямо в рыбинспекции!

Созвучие наших мыслей имело общую причину, и я легко установил ее. Из окна парикмахерской была хорошо видна выцветшая надпись, на которую я раньше еще обратил внимание, — «Смертный приговор убийце — браконьеру Умару Кулиеву...»

Еще трижды я увидел за окном желтые похоронные автобусы. Можно было подумать, что на побережье вчера бушевала война. Правда, у людей в катафалках лица были деловые, озабоченные; никакой особой печати скорби не наблюдалось.

— У вас пассажиры предпочитают похоронные автобусы обычным или что-то случилось?

Парикмахер недоуменно посмотрел на меня, потом проследил направление моего взгляда, увидел автобус и захохотал:

— Да нет! Просто фондов не хватило на нормальные, и нам спустили пятьдесят штук, предназначенных для похоронного обслуживания. Да вы не удивляйтесь! Вообще люди в нашем городе идут как-то вспясть.

— Почему?

— Не знаю, жизнь какая-то недостоверная.

Гарегин работал действительно очень быстро и ловко.

Приоткрывая глаза время от времени, я видел, как постепенно моя давно не стриженная шевелюра укладывается в ровный, точно продуманный рисунок.

— Вот и все!..

Гарегин бросил мне на лицо раскаленную салфетку. Обжигающий жар объял мое лицо, но в тот же момент, прежде чем кожа на физиономии начала плавиться, он начал прижимать ее ладонями, быстро гладить, потом сорвал раскаленное покрывало, быстро скрутил и начал со скоростью вентилятора обдывать прохладными струйками распаренную поверхность. Одно слово — тропические стихии.

— ...Неизвестно, когда придет Первый, но вы будете выглядеть в обкоме, как огурчик!

Я положил на столик трояк, поблагодарил Согомونها и твердо пресек его попытки переселить деньги обратно в мой карман.

— Иначе эта сегодняшняя наша встреча — единственная и последняя, и я немедленно отправляюсь в парикмахерскую Дома быта...

Я вошел во двор и увидел на крыльце крысу.

Большая серая крыса лениво шевелила влажно-розовым длинным хвостом. Черными бусинками глаз выжидательно смотрела на меня. Она хотела понять, пойду я на нее или отступлю. Чуть наклонив острую голову, спокойно смотрела она на меня, перебирая когтистыми голыми лапками, и я понял, что я ее боюсь. Со стыдом я подумал, что сидящий на крыльце здоровенный пес вряд ли произвел бы на меня такое сильное впечатление. А эта маленькая, кровожадная тварь внушала ужас.

Крысу можно было смести одним ударом ноги, но я боялся даже ботинком дотронуться до нее и поймал себя на том, что озираюсь в поисках камня или палки, чтобы шугануть с дороги эту мерзость. Наверное, она не чувствовала для себя никакой опасности, потому что, налюбовавшись вдоволь моей растерянностью, не спеша соскользнула с крыльца, неторопливо юркнула в дыру под стеной. Я облегченно вздохнул, мне повезло — никто не видел позорного поединка нового прокурора с крысой.

Вопросы, вопросы...

— Где вы были позавчера вечером? Кто может это подтвердить?

— Когда последний раз видели Пухова?

— А Мазута?

Опросы начались с раннего утра. В них принимала участие и водная прокуратура — и Бала, и Гусейн Ниязов.

Хаджинур Орезов, инспекторы рыбнадзора с дежурным

нарядом ездил безостановочно на милицейском «козле» и нашей «Ниве», привозя все новых людей.

Молодые и старые, одинаково черно-загорелые, с заросшими лицами, осторожно отвечали они на все вопросы, по долгу задумывались.

«Не видел», «не знаю», «не встречал»...

Я выбрал в собеседники старого Бахтияра-Сафарали-оглы Багирова, крепкого еще, высокого мужчину с маленькими острыми глазками, шесть раз привлекавшегося к уголовной ответственности за браконьерство.

Бахтияр-Сафарали-оглы оказался словоохотливым несуетливым стариканом, откровенным во всем, что не касалось сегодняшнего дня браконьерского Берега.

— У нас испокон веков ловили рыбу... — попивая заваренный Гезель чай, витийствовал он. — И всем всегда ее хватало. Человек должен употреблять в пищу все, что создал Аллах на земле...

— Государство запретило браконьерский промысел, приняло специальные законы...

— Мы тут все рыбаки. Какое же это преступление — ловить рыбу? Это ведь не убить, не ограбить! Своим трудом!..

Постепенно от защиты старик перешел к обвинениям:

— Ты возьми сажевый комбинат! Вот от кого рыбы не стало... И все знают, а молчат! Почему?

— Почему? — повторил я, как эхо.

— Потому что начальство сразу даст укорот! Хоть и прокурору!..

В коридоре закричали хрипло:

— Выходи! Серегу Пухова везут...

Все высыпали на балкон, на соседних появились жильцы: все словно ждали этого хриплого выкрика. Внизу хлопнула дверца — это под личным руководством Агаева в «газон» сели милиционеры с карабинами — на могиле убитого должны были прозвучать скорбные залпы.

А за забором протяжно запела труба. Процессия шла от здания рыбинспекции и приближалась к центру, здесь гроб должны были поставить в автобус. К первой трубе присоединилась вторая. Известная с детства щемящая мелодия затопила двор, улицу. Я увидел, как Гезель, зажав уши, с паническим страхом бросилась назад в комнату, закрыла окно.

Старый Бахтияр-Сафарали-оглы достал носовой платок, протер глаза, нос, потом трубно высморкался, взглянул на меня.

— Тебе надо на Осушной сходить, — сказал он негромко.

— На Осушной? — У меня было странное положение человека, который настолько плохо разбирается в местных обстоятельствах, что поневоле вынужден играть сомнительную роль болвана в польском преферансе. Я должен был поворачивать голову к очередному моему собеседнику, пытаюсь уловить нить рассуждений. — Что такое Осушной?

— Да у нас тут есть островок. Там живет Керим. Большой проказой. К нему Мазут часто наезжал раньше. Может, и сейчас там обитает...

— Вы считаете, что Мазут...

— Я тебе ничего не говорил, и больше меня не вызывай. Мне еще правнуков воспитать надо. — Он поднялся, пошел к дверям.

На пороге Бахтияр-Сафарали-оглы неожиданно белозубо усмехнулся:

— Когда человек на моем месте начинает много разговаривать со следователем, то язык у него становится длинным и извилистым, как Военно-Грузинская дорога...

У меня понемногу появилось тревожное ощущение того, что о чем-то подобном я уже слышал. Ощущение Сицилии. Все молчали не потому, что таили свои дела. Это не была их личная скрытность и закрытость от закона.

«Омерта — общий заговор молчания! Обет немоты!»

Изо всех кабинетов и другие рыбаки потянулись к выходу.

«Браконьер — это профессия на всю жизнь...» — подумал я, глядя, как такие степенные старики, как Бахтияр-Сафарали-оглы, осторожно сходят по нашей крутой лестнице во двор.

Похороны Пухова были многолюдными, люди отдавали должное благородным мотивам охранительной деятельности органа, который он представлял, и трагическим обстоятельствам его собственной гибели.

Пришли все свободные от дежурства инспектора рыбнадзора, ВОХРа; в полном составе явились члены бюро горкома и обкома.

Убийства рыбинспекторов всегда рассматривались как преступление против порядка управления, в конечном счете против власти. Как месть со стороны тех, с кем рыбнадзор ведет не прекращающуюся ни на миг тяжелую войну.

В последнюю минуту на автобусах подъехали сотрудники гор- и облисполкома, рабочие государственного заповедника, милиционеры с карабинами. И еще много другого народа. Мурадова тоже была здесь, вместе с сотрудниками бюро судебно-медицинской экспертизы. Я увидел Анну, разговаривавшую с какой-то женщиной, — мы молча, но душевно кивнули друг другу.

Секретарь горкома — седой высокий мужчина в очках — прочитал короткую речь, потом на холмик у могилы вскочил начальник рыбинспекции — Цаххан Алиев. Плоское, с мелкими оспинками, лицо его горело:

— Пусть дрожит земля под ногами у подлых нарушителей закона, опять поднявших руку на человека! Сначала на Саггара Аббасова, теперь — на Сергея...

Алиев оказался искусным оратором. Он отказался от

призыва к возмездию и посвятил свое выступление благородным задачам охраны.

— ...Только за первый квартал коллектив районной инспекции, душой которой был Сергей, изъял десятки километров красноволновых сетей, калад, — этих варварских средств пиратского лова... Пятьсот сорок рыб осетровых пород на сумму свыше ста тысяч рублей... Спи спокойно, наш дорогой товарищ! — закончил он. — Дело, за которое ты отдал свою жизнь, мы доведем до конца...

Всего выступило несколько человек. Мне запомнилось короткое слово директора заповедника — широкоплечего, высокого здоровяка, опиравшегося на костыли:

— ...Сережа охранял все живое, не только рыб. Неуклюжая безобидная птица качкалдак потеряла одного из самых верных своих защитников... Я как-то сказал Сереже: «По дороге, из машины, я насчитал на километр всего сто сорок птиц! Куда мы идем?...» Он только положил руку мне на плечо... Прощай, Сережа... — В конце он расплакался.

Жена Пухова — русая, в черном плаще с черной косынкой, — тихо всхлипывала, словно отплакала свое и не хотела нико-го обременять созерцанием ее слез. Одной рукой она теребила мокрый платок, другую не отрывала от руки мальчика лет шести — чисто и скромно одетого. На лице мальчика было полное непонимание происходящего, а еще желание делать все, как хотят старшие. Из него уже сейчас рос хороший помощник, я видел это по тому, как он, в свою очередь, держал за руку маленькую сестру и следил за ней. Может, это помогло мне лучше представить самого убитого, а главное, понять его существенную черту — надежность, самый редкий и ценный дар в человеке.

Я оглянулся на своих. Следователь Гусейн Ниязов — он прибежал на кладбище прямо с парома, поручив младшую девочку жене, — стоял, ничего не видя, погруженный в себя. О чем он думал? Отцовские и супружеские обязанности цепко держали его и на кладбище.

Милицейские сняли фуражки, стояли «вольно», в любую минуту готовые к приказу недремлющего, величественного Эдика Агаева.

Мой толстый молодой помощник Бала виновато улыбнулся мне одними губами; тяжелый, из твида, модный пиджак вздымался горбом на его животе.

По знаку секретаря горкома подполковник Агаев расставил своих карабинеров, негромко отдал команду. Сухой треск выстрелов согнал несколько птиц с окрестных памятников. Я машинально посчитал. Директор заповедника назвал точную цифру — птиц было именно четырнадцать на сто метров.

Тут же, мгновенно, оркестр перешел на бодрый марш. Ритуал похорон был давно отлажен. Мужчины забросали моги-

лу землей. Вдова Пухова, его дети, большинство присутствующих бросили по нескольку комьев земли. Я тоже подошел.

— Вы не поедете на поминки? — В мою сторону повернулось добродушное русопатое лицо одышливого Буракова.

— Некогда. Надо идти работать.

— У меня тоже работы по горло. Но надо и о семье думать. — Серые глаза смотрели обидчиво. — Со всеми может случиться... Вы ее не допрашивали? — Он показал головой на вдову.

— Нет пока.

— Ей надо прийти в себя...

Я прошел по аллее, прежде чем спуститься вниз, к машине. Кладбище было совсем не похоже на места погребения того берега. Выжженный солнцем безлюдный азиатский мазар, куда приходят только во время похорон и на котором в другие дни не встретишь ни единой души.

Народ быстро расходился. Отсутствие деревьев, зной делали свое. Музыканты спешили. Им предстояло повторение печальной программы. Что-то быстро глотая на ходу, они собирались у машины, разом поблекшие, в заношенных черных галстуках и пыльной обуви.

У ворот я снова увидел своих. Карабинеры возвращались в отделение. Бураков, руководитель рыбинспекции, ехавшие на поминки вместе с родственниками, садились в похоронные автобусы, выполнявшие на этот раз свои прямые функции. Верный себе, начальник милиции Агаев, за неимением равных по званию, сел в «Волгу» один.

Рядом с «Нивой» Хаджинур Орезов разговаривал с белообрисым высоким парнем в капитанской куртке. Я подошел, и Хаджинур, церемонно поклонившись, сказал:

— Товарищ прокурор, разрешите представить подведомственный морской состав. Миша Русаков — капитан водоохранного судна «Александр Пушкин».

Я протянул руку.

— Вы мне и нужны. Завтра с утра я хотел выйти в море, посмотреть окрестности...

Русаков мазнул ладонью по белым смешным усам, подчеркивавшим его молодость.

— Завтра в восемь «Александр Пушкин» готов вас принять.

Он скромно отошел, а мы с Хаджинуром сделали еще несколько шагов к воротам.

— Много людей... — заметил я.

Мое внимание внезапно привлекла молоденькая женщина в черном; она стояла ко мне спиной, но мне показалось, я узнал ее.

Я чуть замедлил шаг, задерживая Орезова. В этот момент женщина обернулась.

Я не ошибся. Это была она, та, которую я видел вместе с убитым Пуховым накануне его гибели.

— Много вдов... И совсем молодых. — Я незаметно показал на нее Орезову. — Не знаете, кто это?

— Ну, эта — еще только без пяти минут вдова! Муж ее пока жив... Его приговорили к расстрелу за убийство и поджог рыбинспекции!

— Это жена того браконьера, который...

— Ну да! Умара Кулиева!

Почувствовав, что за ней наблюдают, молодая женщина подняла глаза — безразличный взгляд ее безучастно скользнул по мне. Кулиева словно видела меня впервые. Еще через минуту, не оглядываясь, она уже шла к воротам.

2

Море было беспокойно. Спускаться на борт водоохранного судна «Александр Пушкин» пришлось по стальной лестнице, приваренной к причалу. Ветер рвал куртку. Хаджинур с Цахханом Алиевым следили с палубы, как я разворачивался, стараясь нащупать ногой очередную перекладину.

— Похоже на полосу препятствий! — заметил я, присоединяясь к ним.

— Не помешаю? — Начальник рыбинспекции пытливо взглянул на меня. Рябоватое лицо было настороженно. — Узнал, что вы едете на Осушной, решил примкнуть...

— Странно только — я никому не называл конечного пункта...

— А у нас так. Вы еще только подумали, а на Берегу уже известно. С другой стороны: где еще искать Мазуга, если не у прокаженного Керима?

Пенсионного вида старослужащий в форменных милицейских брюках, промасленной телогрейке и шапке-ушанке сбросил швартовы, начальник рыбинспекции ловко втянул их, закрепил на носу и корме. Цаххан Алиев был, в сущности, еще молодой крепкий мужик, которому не всегда удавалось сдерживать свои первые и наиболее сильные эмоции.

Я поднялся на мостик к Русакову.

— Товарищ капитан дальнего плавания...

Он не дал мне договорить, поправил смешные, как у моржа, совершенно белые усы.

— Я не дальнего плавания, я малого плавания капитан. Но любой подтвердит — кто на Хазарском море не плавал, тот не моряк. У нас четыре сопля на погон зазря не получишь. — Он показал на свои узкие погончики, пересеченные сломанными золотыми полосками нашивок.

— Просто для меня всякое плавание дальше, если выходим из порта, Миша, — сказал я.

Мы двинулись по изумрудно-зеленой воде. Ветер стих. Повсюду виднелись колонии водорослей, вырванных ноч-

ным штормом. Донная трава — любимый корм глупой здешней птицы качкалдак — была разбросана по всему заливу.

С мостика мне были хорошо видны выгашенные на причал плавсредства рыбнадзора. Стого времени, когда я с Леной и ее сокурсниками собирал материал о поведении браконьера и инспектора в конфликтной ситуации, обеспеченность его, в сущности, не изменилась. Та же «ракетка» на подводных крыльях — «Волна», быстрая, однако маломаневренная, с относительно небольшим углом атаки. Преследовать браконьеров на ней можно было только по прямой — на малой воде «ракетка» была и вовсе бесполезной. Водометный катер «Тритон»... Наконец, основное плавсредство рыбнадзора — не очень надежная мотолодка «Крым» с подвесным мотором «Вихрь-30».

Покойный Пухов, должно быть, чаще всего выходил на дежурство именно на ней — в одиночку или с другим рыбинспектором. Может, с покойным Саттаром Аббасовым, подумал я. Теперь оба покоятся на одном кладбище...

Далеко в море показался белоснежный паром, шедший в Красноводск. Мы быстро сближались. Высокий, с обрезанной напроць кормой, с круглыми дырочками иллюминаторов по бокам, паром был похож на старый гигантский утюг, направленный древесным углем.

— «Советская Нахичевань», — объявил Миша Русаков. Знал ли он об этом раньше или разглядел в бинокль, который время от времени подносил к глазам? — Югославской постройки...

Он мог и не объяснять. Я приехал этим паромом и все утро просидел со старшим помощником капитана, слушая историю судна.

Старпом говорил о тоннах топлива, которые сжигает «Нахичевань» за один рейс, о ее убыточности, я слушал вполуха, думая о том, что оставляю на том и что ждет меня на этом берегу.

Служебные дела и отношения с начальством напрягли и без того непрочную ткань моей семейной жизни, а ставшее привычным «качение прав» и выяснение отношений с женой после полнотчи и до утра взвинтили мою нервную систему и посеяли во мне ложную идею, будто все беды происходят только от лжи, и людям необходимо говорить всю правду, какой бы она ни была горькой. И — вовсе не от пришедшей ко мне мудрой смелости, а только от плохих нервов — я сказал начальству в глаза, что о нем думаю. Это была совсем маленькая правда. Горькая, как порошок хины.

Начальство искренне тяжело переживало изреченную мною печальную правду. Осознавало в многомудрой голове, раскаивалось в ранимой легкой душе и перестроилось в служебном приказе. В приказе о выдаче мне синекуры — на противоположном берегу Хазарского моря.

Все сразу стало на свои места. Страсти улеглись. Отношения с начальством тут же улучшились, потому что я со своей крошечной злопыхательской правдой сразу уматывал за триста верст, с глаз долой — на зеленый морской горизонт, да и вообще выходил из подчинения — водная прокуратура не подведомственна территориальной.

И жена облегченно-горестно вздохнула — будем теперь женаты, как шахматисты, — по переписке.

Мы всегда говорили как бы шутя. Пока не выработалось у меня четкое ощущение, что шутка — это только необходимая прелюдия к ссоре, эмоциональный фон приближающегося скандала. В такие минуты нам иногда удавалось достичь высокой ступени иронии и сарказма...

Я не стал отшучиваться: пускай, мол, лучше как шахматисты, чем как боксеры... А лишь высказал неопределенную надежду: наверное, меня с жильем там как-нибудь устроят?

А она переплывала вязкую надежду в твердокаменную уверенность:

— А как же может быть иначе! Но ты бери только служебную жилплощадь! Не бросать же нашу квартиру здесь...

Мы столько ждали нашу квартиру! В центре! В доме с улучшенной планировкой, встроенными шкафами и приличной прихожей! На всем восточном побережье нет такого дома!

И потом... «Прокурором ведь не назначают на всю жизнь, весь конституционный срок — пять лет. Подумаешь, пять лет! Тьфу!..» Мы оба охотно делали вид, что ничего не произошло в нашей семейной жизни...

— Скоро появится и Осушная... — Хаджинур вернул меня к действительности. — А вон и браконьер! Видите? — Он показал на черную точку впереди. За ней распалась надвое волна. — Ходил калады проверять... Но нам подходить к нему бесполезно...

— Потому что водоохранное судно?

— Если и лодка пойдет — все равно... — Начальник рыбинспекции тоже поднялся на мостик. — Сразу весь улов полетит за борт... Браконьер к браконьеру никогда не плывет. Если приближается — значит, рыбнадзор!

— Шустро идет. — Хаджинур взял у Русакова бинокль. — И грузоподъемность приличная — восемьсот кэгэ...

— А тысячу не хочешь? — возразил Цаххан.

Вокруг до самого горизонта морское поле было сплошь изрыто бороздами. «Вечная пахота моря...» Слышал ли я эти слова или придумал сам? Тысячи оттенков зеленого и синего переливались, переходили один в другой. Мы шли по гребням волн. Еще больше появилось водорослей, но они были чуть-чуть другого цвета, чем у побережья.

— Керим встречает нас... — сказал Хаджинур.

Он передал мне бинокль. Я не сразу разглядел песчаную косу и деревянный домик.

— Он действительно прокаженный? — спросил я, возвращая бинокль. — И действительно никогда не выезжает с острова?

— Сейчас ему восемьдесят четыре года, последний раз приезжал на берег лет сорок назад...

— А к врачам?

— Болезнь эта не лечится. И никому уже не опасна, кроме него самого.

— Так и живет один?

— Насколько я помню. Ни жены, никого. Из Кызылсу раз в неделю придет лодка — привезут ему воду, хлеба, иногда овощей. Крупу или консервы. А он им — рыбы, раков. А то браконьеры пожалуют. Он им наживку — кильки, сети чинит. Молчаливый старик, обходительный. Сейчас сами увидите! Стоп! А это кто? — Хаджинур повел биноклем. — Мазут собственной рожей! Клянусь! В лодке...

— Что за лодка? — вскинулся Цаххан.

— Летняя. С двумя моторами.

— Миша! — Цаххан сорвал с себя куртку, бросил на палубу. — Я размажу его по стене за Серезу! Только не упusti!

— Касумов? — удостоверился я.

— Касумов, — ответил он бодро, даже чуть весело. Браконьер был длиннорук, ловок, с копной жестких черных волос. На нем был изрядно потрепанный армейский бушлат, старую шапку-ушанку он держал в руке.

На вид Мазуту было лет тридцать пять. Он стоял у деревянного помещения с надписью: «Госзаповедник. Застава "Осушной"».

Вчетвером — Мазут, я, Хаджинур и Цаххан — мы вошли в помещение, являвшееся офисом заповедника на этом острове. Внутри было холодно и сыро. В углу топилась плавником печка, от нее наносило сырым дымом, но тепла она давала мало. Его, наверное, все без остатка забирал пузатый закопченный чайник, зло дребезжащий жестяной крышкой. Половину помещения занимал грубо сколоченный стол с двумя длинными лавками.

— Посидите. — Я вышел. Миша Русаков должен был вынести мою папку с протоколами, оставшуюся на мостике.

— Там чай. Я заварил... — Старик прокаженный стоял у трапа — небольшого роста, с тяжелой крупной головой и старческой безысходностью в глазах. Он был похож на Маленького Мука. Рыбацкие сапоги доходили ему едва ли не до груди.

— Спасибо. Попьем вместе.

Он кивнул, но с места не сдвинулся.

— Пожалуйста, Игорь Николаевич. — Капитан Миша Русаков протянул мне папку. Нам было приятно общаться друг с другом, я это быстро установил. — Мы еще не уйдем? Хотел угостить старичка пресной водой. В Баку заправился...

— Пожалуйста. Время есть...

Я проверил содержимое папки, вернулся в помещение. В общей сложности я отсутствовал не более трех минут.

Лицо браконьера заплывало пока еще только розоватым сплошным пятном, верхняя губа была разбита. Цаххан и Хаджинур смотрели куда-то по сторонам, мимо меня. Мазут достал сигарету, он единственный делал вид, что ничего не случилось.

— Что с вами? — задал я бесполезный вопрос.

Браконьер не ответил.

— Вот бумага, напишите, что произошло. — Я положил перед Касумовым чистый лист. — Я обещаю дать этому ход...

— Все нормально, гражданин прокурор, — сказал Мазут. — У нас свои дела.

— Это безобразие!

— А стрелять в рыбинспектора — не безобразие? Убить человека! Оставить сирот!.. — жутко закричал вдруг начальник рыбинспекции. — Мы ведь с ними как? «Обнаружив факт нарушения правил... — он кого-то копировал, — я, такой-то...» Будто они стоят — руки по швам! А они ведь стреляют! И не думают нам «представляться»! У-у, гад! На Осушной приплыл! Думал, не найдут!

— Почему это я должен думать, что меня не найдут? — Касумов, за неимением платка, вытер наплывающие синяки меховой опушкой ушанки.

— Одейся по погоде! Куда путь держишь, тварь? — Цаххан Алиев готов был снова броситься, едва сдерживался. — А когда в Сережку Пухова стрелял, тоже в этом был?

— Мне в Сережку Пухова нечего было стрелять. Если хочешь знать, Пухов мне первый друг стал, после того как я его подобрал у Русаковской банки...

— А из-за кого он туда попал, если не из-за тебя! Забыл?

У Касумова погасла сигарета, он вытащил спички. Хаджинур Орезов зыркнул на спички, потом — на меня.

Это был все такой же коробок с портретом Циолковского — Евтушенко.

— Прицекло! — не отставал Алиев. — Лодка, и та полна окурков! Смотри, спалишь!.. На чем браконьерствовать будешь?

Бесконечно длинный перечень взаимных претензий напоминал пример математического равенства. Но, в отличие от математики, слагаемые по обе стороны знака равенства здесь взаимно не уничтожались.

— А ты что, поймал меня, Цаххан?

— А то, что ты кукан в тот раз отрезал! Вся рыба на дно пошла... У тебя ведь нож в лодке остался. Весь был в слизи! И фонарь! Я и говорю: не спали!

— Если ты не спалишь, Цаххан Магомедович, — Касумов деланно засмеялся, чиркнул спичкой, — никто не спалит!

— Бесхозное орудие лова разрешено уничтожить! А что нам с ним делать? На руках тащить? У меня-то машины нет! А оставлю на берегу — вы вернетесь...

— Хватит! — тихо приказал я.

Они замолчали.

Я заполнил форменный бланк и предложил Касумову собственноручно записать полный ответ на мой единственный вопрос: «Где вы находились вечером 23 апреля, в ночь на 24-е и весь день 24 апреля?»

Касумов шапкой осторожно промокнул раны на лице, правое подглазье выглядело к этому времени красно-багровым, тяготеющим к фиолетовым тонам.

Я подумал: «Если бы следователь или оперативный уполномоченный знал, что подозреваемый — вор, грабитель, даже убийца — будет немедленно освобожден из-под стражи, как только будет установлено, что к нему применялись незаконные методы ведения следствия, — никто бы не поднял на него руку».

Мазут взял со стола шариковую ручку и к слову «ответ» приписал: «Где я находился вечером 23 апреля, в ночь на 24-е и весь день 24 апреля, я не помню. Кто убил Пухова, не знаю и никакого касательства к этому не имею. Касумов».

Даже если бы он собственноручно написал, что убил рыбинспектора, признание, полученное после избиения, лишалось доказательной силы.

— А теперь? — спросил он, положив ручку на стол.

— Снимай моторы с лодки, — вскочил со стула Алиев. — Они тебе больше не понадобятся. Поедим — и поедем в Восточнокаспийск, в прокуратуру.

Так, по-видимому, они и работали тут до моего приезда.

— Вы свободны, — сказал я Касумову. — Орезов даст повестку — завтра приедете в водную прокуратуру.

Мазут на секунду окунул лицо в ушанку, убрал ее, взглянул на меня. Хаджинур сунул в руку ему повестку. Не прощаясь, ни на кого не глядя, браконьер прошел к дверям.

Через минуту мы услышали гул спаренных моторов.

— Вот и обед приспел...

Едва Мазут ушел, Миша Русаков и Керим вошли к нам, и я понял, что они слышали наш разговор. Русаков принес с судна завернутые в скатерть буханки хлеба, две банки салакипряного посола, лук и кулек карамели.

Он и Хаджинур Орезов нарезали хлеба, вспороли банки с консервами.

— Зря вы его отпустили, Игорь Николаевич, — сказал начальник рыбинспекции. — Они теперь договорятся, кому какие дать показания. Вы их не знаете! Нам теперь их вовек не разоблачить...

Мы сидели за длинным, плохо обструганным столом и грели руки о пиалки с мутным чаем.

— Что, Керим? — спросил Цаххан Алиев у старика. — Если бы ты прокурора не боялся, сейчас бы нашлась из заначки осетрина да икра малосольная...

Старик прожеженный что-то жевал, по-стариковски, задумчиво глядя куда-то в стену. У него была массивная даже для его крупной головы, тяжелая нижняя челюсть. Он, казалось, не присутствовал при разговоре.

— Нельзя было его отпускать... — повторил Алиев.

— Оставьте, — сказал я. — И больше ни слова об этом. Я прокурор, а не костолом...

— Вас вызывают в обком! Первый... — объявила мне Гезель, едва я появился в приемной.

Хаджинур и начальник рыбинспекции, сопровождавшие меня, продолжали в это время разговор, который я искусно направлял, — о женщине, которая могла быть у погибшего рыбинспектора.

— Хорошо, хорошо...

Мы прошли в кабинет. Необходимое для доклада, документы — все уже было подготовлено. Хаджинур и Цаххан Алиев продолжали лениво препираться. Я взял папку.

— А я видела Пухова с женщиной... — Гезель открыла дверь, ей в приемной было слышно каждое произнесенное нами слово. — С месяц назад. Он разговаривал с Веркой Кулиевой...

— С Веркой?! — удивился Орезов.

— Женой Умара Кулиева. Я с ней училась. Мы и живем рядом.

— Верка Кулиева... — фыркнул начальник рыбинспекции. — Ну и удивила! Да просто она никому проходу не дает. Ни из рыбоохраны, ни из милиции... Думает, Умара спасет! Умар как взял ее в классе шестом, а то и в пятом — девчонкой, она так все и бегаёт за ним! Сказала тоже — Верка Кулиева...

Гезель смущенно ретировалась.

Мы ушли втроем: Цаххан Алиев, Хаджинур и я. В коридоре я извинился.

— Идите, я сейчас догоню.

— Гезель, — спросил я, возвращаясь в приемную, — ты давно видела жену Умара Кулиева?

— Да нет. Она то тут, то в Москве. Хлопочет за мужа.

— Попроси ее зайти к нам.

— Что?

Она уже отвлеклась — смотрела на меня влажными, полными затаенной надежды на будущее счастье глазами. Время от времени она нас никого не воспринимала, жила своим внутренним миром и его особыми сроками, где конкретные даты все заменены количеством недель и лунных месяцев, а также результатами систематических анализов мочи и крови.

Я вынужден был повторить:

— Мне надо встретиться с женой Умара Кулиева!

Гезель улыбнулась испуганно:

— Я понимаю.

Милицционер на входе внимательно посмотрел мое удостоверение и сказал:

— Вас ждут на втором этаже. Комната 201.

Аэродромное величие кабинета. От дверей к столу секретаря обкома вела ковровая дорожка, и она еще более усугубляла ощущение взлетной полосы. Я шел по безграничному паркетно-ореховому простору навстречу почти исчезнувшему за горизонтом хозяину кабинета, невольно убыстряя шаг, как самолет на взлете, и, когда Митрохин встал мне навстречу, я уже не шел, а почти летел в пространстве, преодолев земное тяготение.

Мы поздоровались.

— Значит, не успел приехать, а уже серьезное дельце подкинули? — спросил он. — Садись, пожалуйста.

Он не вернулся на свое место, а сел за приставной стол, напротив меня.

Первый был невысок ростом, широк в плечах. Моложавое, с тонкими злыми губами лицо его выглядело озабоченным.

— Это не случайное преступление. — Он поправил очки с чистыми, как капли морской воды, стеклами. — Я бы квалифицировал его как политическое убийство...

Я промолчал.

— Убит старший рыбинспектор при исполнении служебных обязанностей. Это уже второй случай. Перед этим был зверски убит и сожжен Саттар Аббасов... — Он пересказал то, что я уже знал. — Думали, там спит начальник рыбинспекции...

Говорил он коротко и емко.

— ...Тут — не курорт. У нас вечно фронтовой город: бьемся с пустыней, бьемся с трудностями климата...

Он говорил, и я видел, как он сам себя распаляет и заводит, и беседа наша с ним была не похожа на решлики двух обсуждающих какой-то важный вопрос людей, а напоминала публичное выступление трибуна.

— ...Диспропорция отраслей местного хозяйства, отдаленные последствия нарушений экологических норм...

Все это были, в общем, до некоторой степени абстрактные понятия. Но дальше Митрохин сказал:

— Браконьеры!.. — И по тому, как он произнес это слово, все сразу встало на свои места.

Дальше разговор пошел уже «без дураков».

Браконьер с его мощными орудиями запрещенного лова был для Митрохина реальным противником из плоти и крови, имел биографию, имя, национальность, социальную и партийную принадлежность, прошлое и будущее. Война с ним была зримой для всех, опасной, кровопролитной и справедливой. С вызовами для докладов на самый верх. Со справками о количестве уголовных дел, рассмотренных в судах. С экспонатами браконьерской техники, демонстрируемыми периодически в ЦК республики, в Москве и других городах на различных активах, семинарах, международных симпозиумах.

Если бы браконьеров не было, их стоило бы выдумать. Но они действительно были! И это подтверждали упомянутые трофейные выставки дорогих быстрых лодок с мощными японскими моторами «Судзуки» и отечественными «Вихрь-30», спаренными и учетверенными; вместительных бензобаков, успевших отслужить срок службы в военной авиации; километрами хищнической снасти, именуемой каладой, несущей на себе тысячи стальных крючьев, изготовленных специальными мастерами-профессионалами.

Прекрасное оправдание пустым полкам магазинов, снижению уловов, низкой производительности предприятий местной промышленности!

— ...Ты не думай, что назначение сюда — это... — Я с трепетом ждал продолжения. Со словом «синекура» у меня уже установились почти интимные отношения, а сама синекура уже имела милые индивидуальные черты, в расцветке ее оперения было даже что-то от японской куртки доктора Мурадовой. Нет, Митрохин не употребил этого слова, и я был ему благодарен. — Это... путевка на отдых. Встреча с браконьером происходит обычно один на один, ночью или на рассвете в глухом месте моря или побережья. Нападение может произойти врасплох или из засады... И браконьер обычно стреляет первым. — Он испытующе посмотрел на меня. — Дети есть у тебя?

— Нет. С этим все в порядке.

«Идеальная жертва для браконьера...» — хотел сказать я, но промолчал. От многих неприятностей в своей жизни я был бы избавлен, если бы научился не уповать на чувство юмора в беседе, не подсмеиваться над своими друзьями, а то и просто случайными людьми.

Расстались мы, можно сказать, даже сердечно. Митрохин снова поднялся:

— Во всем рассчитывай на мою поддержку. Желаю успеха.

Я вышел. В приемной на стуле удобно расположился плечистый высокий мужик, в котором я узнал директора заповедника. Он весело беседовал с секретаршей Зоей.

Когда я появился, Зоя сказала ему с невероятно сердечной любезностью:

— Андрей Павлович, подождите минуточку, я должна зайти к Первому, он мне продиктует две бумаги, а потом вы пойдете. Заодно познакомьтесь с новым водным прокурором. — Она показала на меня.

Андрей Павлович протянул мне крепкую мужицкую лапу и сказал мягким густым баритоном:

— Сувалдин...

— Очень приятно. Я собирался ехать к вам знакомиться, и вот встретились случайно.

Сувалдин подождал, пока за секретаршей закрылась дверь, и усмехнулся:

— Думаю, не случайно. У Митрохина в приемной никто никогда случайно не встречается. Да-да... Простоватая внешность этого человека пусть вас не смущает. Митрохин назначил нас с интервалом в десять минут, чтобы мы встретились. Он выразил таким образом свое расположение нам обоим, объяснил, что мы должны трудиться рука об руку.

— А более открытого способа для этого не существует?

Сувалдин засмеялся.

— Он мастер завуалированных идей и естественного течения жизни, которую он искусно организует...

Он очень хорошо смеялся. Его чуть грубоватое лицо смягчилось, в глазах прыгали веселые искорки, и он становился сразу на много лет моложе. Не хотелось думать, что видневшиеся сбоку за креслом костыли принадлежат ему, гаж же как и лежащие на столе тяжелый бинокль и широкая шляпа.

— Ну что, пострадал он вас браконьерами? — Сувалдин поднял театральным жестом руки вверх: — О, браконьер, наемник ночи, работник мглы и рыцарь мрака!

— Вы считаете, что разговор о браконьерах — это шумная демонстрация? — спросил я.

— Ну почему, браконьеры, конечно, тоже безобразничают. Но Первый вас выводит на запасной путь, который не ведет никуда.

— Почему?

— Потому что здесь все браконьеры. Когда их выведут, ликвидируют браконьерство, закон восторжествует в пустыне.

— А злостные браконьеры? Убийца Пухова...

Из кабинета Митрохина показалась секретарша:

— Андрей Павлович, вас ждут.

Он машинально нахлобучил шляпу, взялся за костыли.

— Мне кажется, с ними просто не хотят связываться. Возьмите машину и махните вечером вдоль берега, за метеостанцию. К скалам. Только осторожно. Народ там большей частью вооруженный. Могут и в лоб влечь. Даром что — прокурор... В справочнике есть мой телефон. Позвоните вечером. Повидаемся, обсудим все дела-делишки.

— Головной убор, — подсказала ему секретарь.

Сувалдин засмеялся, снял шляпу, тепло и по-приятельски хлопнул меня по спине и проковылял в кабинет Митрохина.

«С двумя людьми познакомился я сегодня... — думал я, спускаясь по широкой, с ковром, заправленным в стальные прутья, тщательно выскобленной обкомовской лестнице. — И какой результат? Один предлагал направить все силы на беспощадную борьбу с браконьерами. Второй сказал, что есть вещи серьезнее...»

Милицонер у выхода молча взял руки по швам, я рассеянно кивнул, занятый своими мыслями.

«Не предостерегали ли они меня оба от каких-то шагов, которые я по незнанию местных условий сразу же, в первые дни, могу совершить?»

А что, если водный прокурор поймет слова секретаря обкома буквально — примется с места в карьер преследовать браконьеров и сам станет жертвой злоумышленников? Не для того ли, чтобы произвести коррекцию, пригласил Митрохин директора заповедника? Настолько ли Митрохин подталкивал меня к этой борьбе, как мне показалось... Ведь последнее, чем он поинтересовался, было: есть ли у меня дети. И Митрохин, и Сувалдин дали мне понять, что борьба с браконьерами может стоить жизни...

У подъезда меня окликнул начальственного вида мужчина — круглый и спелый, как наливное яблоко. Он снисходительно протянул мясистую руку:

— Зампредисполкома Шалаев... Ты советскую власть уважаешь, прокурор?

— Конечно. — Я развел руками.

— Что-то не заметно. — Он повел толстой шеей. — Облесполком без рыбы сидит. С осетриной неужели никого в последнее время не задержали?

— Нет, по-моему, — сказал я. — Не слышал.

— Видимо, мимо тебя проплывает, — посетовал он. — И икорка, и красная рыбка... Я знаю: в восьмой магазин сдали вчера на Шаумяна. Ты смотри, не давай отстранить себя от кормушки...

— А кто сдал?

— Это ты должен знать, — зампред засмеялся. — Кто у нас водный прокурор? Ты или я? Ты отвечаешь за борьбу с браконьерами — ты и смотри!

Вернувшись в прокуратуру, я первым делом вызвал к себе старшего оперуполномоченного Хаджинура Орезова. Несмотря на случившееся с Мазутом, я не испытывал к нему антипатии. А случившееся утром должно было послужить ему уроком.

— Срочных дел нет? — спросил я.

— Нет. А что?

— Хочу прокатиться. Взглянуть на окрестности. Компанию составите?

— Конечно.

— Я позвоню.

В приемной у меня никого не было, кроме Гезель. Проводив Хаджинура, я спросил:

— Ты не найдешь мне копию приговора на Умара Кулиева? Ее, по-моему, в свое время рассылали по всем прокуратурам для сведения.

Она кивнула.

— Сейчас посмотрю.

Через несколько минут я уже держал перед собой несколько страниц тонкой папиросной бумаги — серых, плохо пропечатанных.

Фабула преступления была банальна, а злоумышленник действовал удручающе-примитивно.

«...Встретив на берегу райгосрыбинспектора рыбоохраны 7-го района Цаххана Алиева, подсудимый Умар Кулиев потребовал от него не препятствовать ему в ловле рыб осетровых пород, угрожая в противном случае с ним «разобраться»...» — начало.

И финал: «...В ночь на 22 октября того же года, увидев на стоянке у Восточнокаспийской морской инспекции рыбоохраны машину, принадлежавшую Цаххану Алиеву, и придя к выводу о том, что тот ночует в помещении, с целью осуществления угрозы произвел поджог здания, в результате чего погиб находившийся внутри младший рыбинспектор Саттар Аббасов...»

Мне показалось, где-то в середине приговора мелькнула знакомая фамилия.

Действительно, несколькими строчками выше я нашел.

«...Кроме того, — указывалось в приговоре, — вечером того же 21 октября Умар Кулиев пытался поджечь сарай с рыболовной снастью («козлятник») в районе метеостанции, принадлежащий гр. Касумову К. Но оказавшимся поблизости от места пожара гр. Касумову и Ветлугину А. удалось его затушить...»

«Темный лес... — подумал я. — Полная нелогичность. — Фамилию Ветлугин я тем не менее выписал. — Стоит вызвать, поговорить...»

Я снова вернулся в конец.

— «...Кулиев Умар вину в совершенном преступлении признал. Кроме признания подсудимого — его вина доказывается...»

Дальше перечислялись доказательства. Результативная часть приговора была сформулирована коряво: подсудимому сначала определили наказание за более тяжелое преступление — убийство рыбинспектора — расстрел, затем за поджог — лишение свободы сроком семь лет...

«...Окончательным наказанием считать — с конфискацией автомашины «Москвич-2140» № 26—43 высшую меру наказания — расстрел...»

Возникшая у меня версия о том, что Пухов оказался накануне гибели вместе с Верой Кулиевой, потому что был как-то связан с ее мужем, не нашла подтверждения в приговоре. Фамилия Сергея ни разу не упоминалась на сереньких, с узористым мелким шрифтом, страничках.

На этом берегу темнело тоже рано и сразу. Почти одновременно.

Когда мы выезжали со двора прокуратуры, было еще светло. С бесчисленных балконов жилого дома, где мы обитали, доносились голоса телевизионных дикторов, крики детей.

Я посадил Хаджинура за руль. Он вел машину спокойно, худые, сильные руки крепко держали управление.

— Фиолетова, Чапаева... — объявлял он незнакомые мне названия улиц. — Азизова, Джапаридзе...

Между каменными домами шли кирпичные связки — назвать их заборами было как-то неудобно — по силуэту что-то вроде римских акведуков, только без желоба вверху и значительно уменьшенные. Отверстия в них закрывали виноградные лозы.

Мы выехали на пустынную трассу. Она шла вдоль берега, покрытого ракушечником. Встречного движения не было вовсе.

— Бензина выписывают на два часа в день, — проворчал Хаджинур. — А что такое два часа по такой дороге? День поездишь, три дня на приксте.

— Как чумы... — Я показал на видневшиеся впереди сараи — «козлятники».

— Их полно тут, — тотчас отозвался Орезов. — Подсобки. Хозяева — кто крабами промысляет, кто чем. А если рыбинспекция спит, может и калату там держать... Запросто!

Несколько раз Хаджинур останавливался, глушил мотор — мы оба выходили, прислушались. На море был полный штиль. Я не слышал ни одного звука.

В одном месте Орезов неожиданно резко затормозил, убрал свет.

— Вон там вроде! Фонарь... — Мы вышли. Он долго смотрел в бинокль, потом передал его мне. — Машины...

— Ничего не вижу. — Я покрутил бинокль.

— На звезду — и ниже. Видите?

— Кажется, вижу.

— Ну, они-то нас наверняка еще раньше заметили. У них специальный человек с биноклем следит за дорогой... Это посредники. Приезжали за рыбой. Теперь начнут разбегаться.

— По трассе?

— Как выйдет. Могут и целиной махнуть.

Несколько точек быстро перемещалось в линзе бинокля.

— Как они обычно объясняют свое присутствие здесь?

— Как? — переспросил Хаджинур. — А никак. Йода в организме не хватает. Приехали подышать морским воздухом. Или проверяли ходовые части механизма...

— Надо переписать номера машин.

Хаджинур серьезно сказал:

— Да я их и так всех знаю. Вот подъедут ближе — каждого назову.

Теперь уже и без бинокля был виден ползший вдоль берега легковой транспорт. Машин было не меньше шести, в том числе и мощный «КрАЗ». Часть их направилась в сторону барханов, в пески. Две повернули в нашу сторону.

Впереди шла «Волга» бежевого цвета. Вскоре я услышал усиленную мощной стереофонической системой эстрадную мелодию. Одно время на том берегу запись эта была весьма популярной.

Бодрая музыка резко контрастировала с окружающей нас скучной местностью — с невысокими, похожими друг на друга, как черепахи, уползавшими за горизонт песчаными барханами.

— Ну-ка, остановите! — приказал я старшему оперу и, прежде чем Хаджинур полностью затормозил, выпрыгнул на дорогу.

«Волга» замедлила ход, я перешел на другую сторону, поднял руку. Хаджинур тем временем заглушил мотор и тоже вышел из машины. Это решило исход — «Волга» встала: работника милиции знали.

— Прокурор бассейновой прокуратуры участка, — представился я, подходя к стеклу водителя. — С кем говорю?

Лысый, приземистый толстяк, сидевший за рулем, вырубил магнитофон, показался из машины. Внешность его была заурядной — усы подковой, выбритый подбородок, мясистые щеки.

Словно не доверяя мне, он обратил взор на старшего опера.

— Это прокурор Восточнокаспийской водной прокуратуры... — подтвердил Хаджинур.

— Ваша фамилия? Кто вы? — спросил я. — Куда ездили?

— Вы новый прокурор? — До него наконец дошло. — Я —

Вахидов, работаю в отделе снабжения сажевого комбината... — Он посмотрел на меня. — Я здесь по указанию Кудреватых... Он в курсе.

Я не спросил, кто такой Кудреватых, заметив, что Орезов реагирует с вниманием и даже почтительностью.

— Все согласовано... — заверил Вахидов.

Другие водители машин, поняв, что произошло, съехали с трассы и теперь объезжали нас через пустыню.

— Вы тут новый человек, наших дел не знаете... — Вахидов смотрел на меня с сочувствием. — Условия работы на комбинате трудные, поставлена задача дать людям прибавку к столу... В первую очередь — витамины. — Он пригладил усы. — Человек, ежедневно употребляющей рыбу, имеет меньше шансов получить такие болезни, как стенокардия, язва желудка, остеохондроз. Если помните, раньше каждому ребенку в детском саду давали пить рыбий жир! Ежедневно!..

— Объясните механизм добывания витаминов... — прервал я.

— По официальным каналам многое запрещено, но...

— Откройте багажник!

Вахидов посмотрел на меня как на человека совершенно безнадежного:

— Я же объяснил: все в курсе!

— И все-таки покажите багажник...

Последняя машина, съехав с трассы, была уже далеко позади нас, когда Вахидов, побурчав еще для видимости, открыл багажник. В нем ничего не было.

Снабженец перехитрил меня.

— Можете ехать, — сказал я. — Извините.

— Ничего. — Он с трудом удержался, чтобы не засмеяться. Я представлял, что он будет говорить за моей спиной. — На то мы и организация, ведающая рабочим снабжением. — Он включил зажигание. — Народ надо кормить! Пока!

— Теперь пойдут разговоры... — заметил Хаджинур, когда мы отъехали. — Востоchnокаспийск — город небольшой.

— Кто такой Кудреватых?

— Крупная фигура. Герой Социалистического Труда. Депутат. Директор сажевого комбината... Он обязательно вступится за своего снабженца... — Мы ехали быстро. Монолог старшего опера растянулся на несколько километров. — Дело в другом. Случай этот с Вахидовым поставил вас на какую-то позицию... Понимаете? Теперь все друзья Кудреватых, даже если они вас не знают, — ваши враги...

— Еще ничего не совершив, мы попали в большие заботы, — пошутил я.

— Начнут говорить: «Новая метла!»

Мы проехали еще с десяток километров, никого больше не встретив, не увидев ничего, кроме темных, окруженных забо-

рами «козлятников», разбросанных по берегу. Уже собравшись развернуться, мы увидели впереди пламя костра.

— Лодка горит, — сказал Хаджинур.

Отблески костра взбегали на барханы, стоило огню вспыхнуть чуть ярче, и снова сжимались, подвижные, как мехи гармонии.

— Рыбнадзор обнаружил браконьерскую лодку, а увезти не смог, — объяснил Хаджинур. — Слишком тяжела. Поэтому сожгли и составили акт...

«Умар Кулиев пытался сжечь «козлятник» Касумова, — вспомнил я приговор. — Но его хозяин и находившийся поблизости А. Ветлугин погасили пожар».

— У Мазута есть связь, — сказал я. — Некто А. Ветлугин. Что-нибудь известно о таком?

— Сашка Ветлугин? Он же утонул.

Мне снова не повезло.

— Давно?

— Примерно в то же время, когда сожгли Саттара Аббасова. Второй год уже!

Когда мы подъехали, лодка догорала. Судя по остаткам костра, в ней было не менее шести метров, моторы были предварительно сняты. Запах бензина свидетельствовал о том, что лодку, прежде чем поджечь, обильно полили горючим. На песке виднелись рифленные следы сапог. Никого из инспекторов рыбнадзора, свершивших акцию, на берегу уже не было.

Высадив Орезова у дежурной части, я понял, что способен только на одно человеческое чувство — чувство острого голода. Кроме того, мне надо было позвонить домой.

Я сыграл отбой, забрал документы и ключи от нашей «Нивы» и покатил на морской вокзал. Там, в зале ожидания, были установлены телефонные аппараты междугородной связи. Удивительной формы белые пластмассовые яйца висели на стенах, внутри которых были вмонтированы телефонные аппараты. Над яйцами были надписи: «Баку», «Красноводск», «Ашхабад», «Москва».

Люди, которые звонили по телефону, были похожи на доисторических животных, которые выползали из этих гигантских яиц и, посмотревши на неудобный и неприятный мир, снова лезли обратно. Они втискивались под овальное пластмассовое прикрытие яйца, крича «алле! алле!», будто пытались докричаться до первородной причины, вытолкнувшей их в неприглядный мир.

Я дождался своей очереди, опустил монетки, набрал междугородный код и сразу же соединился с женой.

— Как жизнь, покоритель заморских территорий? — спросила она весело, зло.

— С утра до вечера страдаю из-за того, что ты грустишь обо мне, — ответил я, стараясь поддержать наш обычный шуточный-пикировочный тон.

— Давай разделим наши занятия, — предложила она деловито, — я буду страдать, а ты пока что обустройвай наши дела, если тебя они еще волнуют...

— Хорошо, — послушно согласился я. — К тебе никто не заходил из моих бывших коллег?

— Нет, — удивилась она. — А зачем?

— Так. Ни за чем. Если зайдут, скажи, что я действительно нашел здесь синекуру, только она какая-то странная... Катаюсь, как сыр в масле...

Жена помолчала минуту, полагая, что это какой-то шифр, направленный на ущемление ее интересов, и нерешительно сказала:

— Хорошо, передам. А мне ты ничего не хочешь передать?

— А что тебе, Леночка, передавать? — сказала я. — Тут жизнь замечательная, но, по-моему, пока что не для тебя.

— А что?

— Да... как тебе сказать? Жилья пока нет. Развлечений не существует. В магазинах — «пустыня Калахари». Видимо, придется повременить с обустройством нашего быта.

— Ладно, ладно! Не жалуйся, — сказала Лена бодрячески. — Ты наверняка, стараешься не как следует?

— Я стараюсь как следует, — возразил я, — только результатов пока не видеть.

— Больно скоро хочешь...

— Запиши номера моих служебных телефонов.

— А домашний? Я хочу звонить тебе домой.

— Домашнего у меня пока нет.

Лена даже замолчала.

— У прокурора нет домашнего телефона?

— Нет. Пока нет.

— Ну и дела, — вздохнула она. — А если ты срочно понадобишься?

— Наверное, пришлют посылного.

— Хорошо, видимо, ты там живешь, — усмехнулась Лена.

— Ладно, жду от тебя вестей.

— При первой же возможности позвоню, — пообещал я. — Целую. Пока. — И положил трубку.

Кто-то, нетерпеливо ждавший своей очереди, втиснулся в яйцо, оттолкнув меня от кабинки.

Я пошел к выходу, раздумывая о своей единственной и неразлучной на всю жизнь подруге. Не было случая, чтобы после нашего разговора по телефону я почувствовал бы себя счастливей или хотя бы бодрее.

Я уселся в «Ниву» и тихонько отъехал от морвокзала. Надо было где-то поужинать. Дома ничего нет да и быть не может.

Я вспомнил теплую, гнилостную сырость выключенного навсегда холодильника и решил ехать в ресторан.

В этот момент я увидел идущую по тротуару Анну Мурадову. Я узнал ее сразу, хотя разделяло нас метров пятьдесят.

Шла женщина, не спеша и мило размахивая сумкой на длинном ремне. На ней был традиционный туркменский наряд — платье «куйнек». Этакое среднеазиатское «макси». Но во всем ее облике было какое-то удивительное плавно-ленивое изящество.

Я выключил скорость, и машина бесшумно догнала ее. Я тормознул, высунувшись в окно:

— Не нужно прокатить?

Она подняла голову, всмотрелась в меня и засмеялась:

— О-о-о! Вы что, по вечерам подрабатываете как таксист?

— Да, среди интересующих меня женщин.

— Нет смысла занимать вашу машину, — сказала она с усмешкой. — Тут ходьбы до дома пять минут.

— А вы что, с работы? — спросил я.

Она кивнула.

— Идемте куда-нибудь вместе поужинаем. Я с утра во рту не имел еще той самой пресловутой маковой росинки. Где у вас можно поесть?

Она пожала плечами:

— Если честно сказать, то я просто боюсь наших душегубов с поварешками. Но если невтерпех, можно пойти в ресторан на морвокзале. Это надо объехать вокруг здания.

— Садитесь, — распахнул я дверь.

Она уселась в машину, и я на крутом форсаже, как гонщик, описал дугу вокруг двухэтажного морвокзала.

Около плохо освещенных дверей с вывеской «Ресторан» мы заперли машину и, распахнув двери, оказались в здании.

— Прекрасно...

В полупустом зале какие-то подвыпившие люди громко разговаривали, а магнитофон вполголоса хрипел что-то хардрокное.

Мы уселись за свободный стол, посмотрели друг на друга. Глаза у нее сейчас были светло-синие. Это было видно, несмотря на густой полумрак ресторанный интима. Она повесила сумочку на спинку стула и спросила меня:

— А почему с вами не приехала жена?

Я развел руками:

— Проблема бытовой неустроенности.

Она покачала головой и одновременно просто и как-то очень настойчиво поинтересовалась:

— У вас хорошая жена?

— Да! — воскликнул я готовно. — Нас объединяет общее чувство любви к ней.

Она засмеялась.

— Вы что, жалуетесь на жену мне?

Я не успел ответить, поскольку появился опухший толстый официант и спросил:

— Что будете есть?

— А вы нам дайте меню, — попросил я.

— А зачем? У нас все равно есть только шашлык «Дружба».

— Очень увлекательно. Тогда чего же вы спрашиваете, что мы будем есть?

— Так полагается. Шашлык «Дружбу» будете?

— Будем, — обреченно согласился я. — Дайте нам четыре шашлыка «Дружба». Кстати, а почему «Дружба»?

Официант развел короткопалые ручки и показал на пальцах:

— Два кусочка свинины, два кусочка баранины, два кусочка говядины — дружба.

— Коньяка и минеральной воды! — крикнул я ему вслед.

Я положил на стол сигареты. В спичечном коробке осталась одна спичка, я чиркнул — вялое пламя лизнуло белую тонкую деревяшечку и синим столбиком поднялось вверх, сигарета разгорелась. Я с наслаждением глубоко затянулся, судорожно вздохнул. Она смотрела на меня сочувствующе, спросила негромко:

— Ну, как впечатления на новом месте?

— Трудно сказать... Сегодня ходил к начальству представляться.

— И как прошло?

— Да трудный дядя здешний ваш Первый...

Анна вздохнула.

— Он несчастный человек. У него тяжело, неизлечимо больна дочь. Если бы от меня зависело, я бы никогда не назначала большими руководителями несчастных людей. Они проецируют свою судьбу на подчиненных.

— Боюсь, мы тогда бы вообще не нашли руководителей, поскольку известно, все в мире несчастны.

— Что да, то да, — усмехнулась она. — Очень счастливых людей в поле зрения не наблюдается. Но есть откровенно, кричаще несчастные...

Я отрицательно покачал головой:

— Глядя на Митрохина, этого не скажешь. Мне показалось, что в нем живет готовность сделать несчастным всякого, кто не соглашается с его мнением.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Не торопитесь с суждениями. Мы живем в странном мире. Тут странная жизнь и странные люди.

— Да, я уже заметил, — сказал я. — У вас как в Сицилии — кого ни спросишь, никто ничего не знает, никто ничего не помнит.

Анна с интересом спросила меня:

— И вам ничего не удалось узнать за это время?

— У нас нет правильного направления. Зачем, например, ко мне подходил Пухов накануне своей смерти? Если бы это удалось понять, мы бы решили вопрос.

— Я думаю, что найти убийцу Пухова будет очень трудно.

— Я тоже так думаю, — согласился я.

Официант принес бутылки на подносе и тарелки с шашлыком, слабо украшенным соленым огурцом.

— Как же так, у вас, на краю субтропиков, нет никаких овощей? — спросил я его, пожав плечами.

— Откуда они возьмутся? У нас порог пустыни!

— Ежегодно область отчитывается о бескрайних садах, разбитых здесь, нескончаемых огородах, тысячах высаженных деревьев...

Анна усмехнулась:

— Если бы все это не было липой, мы бы давно жили в джунглях. А так все порог пустыни!

Официант буркнул:

— Я за это не отвечаю.

Повернулся, направился от нас.

— Спичек принесите! — крикнул я ему.

— Спички тоже дефицит, — сказала Анна.

— Я все время думаю о том, зачем ко мне подходил Пухов? — сказал я ей.

Мы выпили по рюмке коньяка и с удовольствием вонзились в шашлык «Дружба» — жесткий, переперченный, острый, похожий на любовь, неразделенную любовь.

Вернулся официант и протянул мне коробок спичек.

— Спасибо, — поблагодарил я его. Взял картонную коробочку и обратил внимание, что на этикетке все тот же Циолковский на фоне музея космонавтики в Калуге.

Я взял официанта за рукав, не давая ему снова покинуть нас, и спросил:

— Скажите, эти спички продаются везде в городе?

— Да нет, это нам на той неделе из Каспийского пароходства, из орс завели.

— Скажите, а рыбинспектора Пухова вы знали?

Официант насторожился и осторожно высвободил свой рукав.

— Знал. А что?

— Он у вас на этих днях был?

— Вообще-то был, недели две назад.

— А после этого?

— Нет, не был, — твердо покачал головой официант.

В моей комнате — чистошотное запустение казенного дома. Кочевая необремененность никакими приметами обжитости. Только белые занавески на пыльных окнах, отпертый чемодан в углу на полу и портфель-дипломат на столе.

Кроме них, ничто не свидетельствовало о том, что здесь кто-то живет. Это нехорошо. Когда я вошел сюда несколько дней назад, под окном валялись засохшие листья с тополей — их еще с осени занесло сюда через неплотно прикрытую форточку. Форточку прикрыли, слегка протерли пыль, и я поселился.

А сейчас уже весна, преддверие лета!

Вернувшись домой, как я мысленно называл уже свою пристройку, я заварил крутой чай. И выпил его. Погасил свет.

Ладно! Теперь мне жить тут. Вряд ли жена примчится когда-нибудь, чтобы делить со мной радости синекуры. Она вообще-то человек стойкий, с юмором и трудностей никаких не боится, так она, во всяком случае, говорит... Но беда в том, что она не любит кататься как сыр в масле. Не пробовала наверняка. Наверное, она не ощущает себя в должной мере сыром. И у меня нет духа даже предложить ей это сказочное наслаждение. Ладно, бог с ней. Пока мне даже одному лучше... Обычно, доходя до этой мысли, я понимаю, что сейчас усну.

Что-то прошуршало под шкафом, я мгновенно пробудился. Как женщина, которая может спать во время артиллерийской канонады, но мгновенно просыпается, стоит только ее ребенку пошевелиться, — так и я во время сна ориентирован на едва слышные шорохи и царапание.

Крыса!

Несколько секунд лежал я, представляя, как мерзкая хвостатая тварь быстро, бесшумно пролагает путь по комнате.

Я не считаю себя трусом и, увидев ночью подозрительные личности, идущие мне навстречу, хладнокровно решаю, как действовать. Но мысль о крысе вызывает во мне настоящую панику. Тварь эта вырастает в моем воображении до размеров доисторического животного. Не оттуда ли, из глубины веков, от наших пещерных предков, эта не поддающаяся контролю разума удивительная реакция? Ведь крыса — многократно уменьшенная копия древнего ящера с его огромным мощным хвостом.

Прыжок! Вот она уже поверх стопки моих неразвязанных книг, оттуда — на письменный стол. Теперь она уже на уровне подушки, рядом со мной. Мысль, что между нами никакой преграды и ее колкая серая шерсть, когтистые лапки или голый шершавый хвост могут сейчас коснуться моего лба, заставляет меня буквально похолодеть.

Так проходит несколько долгих неприятных минут. Но шорох больше не повторяется. Крыса ушла.

3

Когда я вышел из дома, то увидел, что «Нива», которую я вечером припарковал под окнами, унизительно скособочилась на правую сторону. Оба правых колеса были проколоты.

Я постоял на дороге в некоторой растерянности, бесплодно раздумывая о том, зачем и кто мог это сделать. У машины был жалкий вид, как у собаки с перебитыми ногами.

Я спустился вниз по улице до площади, и около приюта для стариков меня догнал похоронный желтый автобус. Я махнул рукой, и он готовно остановился. Я влез внутрь и подивился тому, что для маршрутного автобуса даже никто не постарался сделать нормальные лавочки поперек салона, здесь сиденья были как в обычном похоронном катафалке, вдоль бортов.

Странная жизнь. И надо было вписываться в ее реалии. Не спрашивая меня, водитель автобуса через несколько минут притормозил около здания прокуратуры. Все тут действительно знали друг друга.

В приемной меня встретил Бала.

— Вы еще не знаете новость? Мазута задержали городские... Так до дома и не добрался...

— Потом-то отпустили? — Я посмотрел на своего помощника.

— Получилось так. Патруль увидел его на пристани. Привез в отделение милиции... — Бала опирался на сейф, я подозревал, что, несмотря на молодость, моего помощника мучает радикулит. Он и со стула приподнимался в два приема — привставал, затем начинал разгибаться. — Мазут сослался на вас, но ему не поверили. Позвонили дежурному...

— Но после этого-то отпустили?

— Сообщили в областное управление внутренних дел, в обком. Кто-то передал Первому, что водный прокурор отказал в санкции. Митрохин позвонил прокурору области...

Я почувствовал себя мальчиком, которому взрослые публично приказали выйти из-за стола.

— При чем здесь прокурор области? Речь идет о преступлении, отнесенном к компетенции водной прокуратуры...

Бала хмыкнул, но это было скорее от растерянности:

— От территориальной милиции прямой путь в территориальную прокуратуру. Митрохин работает с нею в контакте. Они до нас вели все дела о браконьерах.

— Что с Касумовым?

— Прокурор области арестовал Касумова на четырнадцать суток.

— Беззаконие... — Надо было ехать в прокуратуру Восточнокаспийской области, но на девять было назначено оперативное совещание. — Народ подходит? — спросил я.

— Почти все здесь. Курят.

Оперативное совещание прошло под знаком ареста Мазута.

Начальник рыбинспекции Цаххан Алиев не скрывал удовлетворения:

— Мазут — бродяга, бандит, Игорь Николаевич, — не-

сколько раз повторил он. — Злостный рецидивист-браконьер. Пять раз за браконьерство привлекали... Главный враг Сережки Пухова был на этом участке... Все знают!

— Не фантазируй! — неожиданно откликнулся дремавший Бураков. — Не был он враг Сережки! Мазут браконьерствовал. Сережка ловил — вот и вся вражда!..

— Да ладно! Много ты знаешь! Спишь, и спи! Тебе бы главное — поменьше шевелиться... — махнул на него рукой начальник рыбинспекции.

— Когда шевелишься больше чем надо — суета одна получается, — ответил, не открывая глаз, Бураков. — А ты что, Алиев, всерьез подозреваешь Мазута?

— Никого я не подозреваю, — сердито буркнул Алиев. — Это вам надо подозревать или оправдывать. Но знаю, что воевали они всерьез...

— А ты в курсе, что Мазут вытащил Пухова из воды, когда он чуть не утонул у банки Зубкова?

— Ну да, вытащил! До этого Сережка два часа на моторе гонял за ним, пока Мазут его на камни не завел! Если бы Сережка утонул тогда, Мазуту срок обломился бы, как из аптеки!

— А кто узнал бы про это? — сонно поинтересовался Бураков. — Людей там не было!

— Были! Монтажники из Нефтегаза...

Говорили громко и много — не по делу. Но скольких я видел в жизни следователей и прокуроров, криминалистов и оперуполномоченных — толковых, юридически грамотных, — которые за всю свою деятельность никогда не раскрыли ни одного убийства!

Это давалось всегда только избранным, отмеченным особым даром. Сильные стороны таких людей нередко являлись продолжением их недостатков — неумения мыслить абстрактно, ограниченности, агрессивного, неумного честолюбия.

Я смотрел на окружающих меня сыщиков и думал: кто из них может оказаться сейчас наиболее удачливым? Уравновешенный, косяя сажен в плечах, Бураков, разглядевший поэта Евтушенко на этикетке спичечного коробка, посвященного Циолковскому? Горячий, идущий напрямик к цели Хаджинур Орезов? Мой тихий, сутулый, многодетный следователь Ниязов — вечно занятый проблемами детского сада, лекарств, панамок, колготок... А может, я сам?

Полковник Эдик Агаев величественно молчал, передоверив мне все полномочия. Вновь созданное управление внутренних дел Каспийского бассейна уже объявило о присылке бригады проверяющих — не менее трех ревизоров, обещавших перетряхнуть все его бумаги, и мой однокашник чувствовал себя весьма неудобно.

— Этих людей хорошо допросили, тех, кому Пухов помогал вечером перетаскиваться? Джалиловых? — спросил я.

— Хорошо, — крикнул Хаджинур. Он сидел в углу у балюстрады. Между полами его незастегнутой кожаной куртки виднелся ремень, шедший под мышку — к кобуре. — Я сам с каждым говорил. Они ночевали на новой квартире.

— И никто не выходил до утра?

— Никто. Первым ушел в семь утра зять — на работу. Я беседовал с бригадиром, он лично инструктировал его в половине восьмого. Надо еще учесть: Сергея перед его гибелью видели много людей. Он весь день провел в центре. Жене ничего утром не сказал. Ушел, и все. Может, ему кто-то был нужен?

На это счет у меня имелась своя версия: Пухов искал встречи со мной. Наедине. Вне этих стен.

Извинившись, я вышел в приемную. Гезель была на месте, на столе перед ней стоял красивый, старинной работы, глиняный кувшин — по утрам Гезель выходила на угол, где старая армянка в киоске каждый раз открывала специально для нее свежую банку виноградного сока.

— С Пуховой ты можешь меня связать, Гезель? Ты давно видела ее?

— Жену Сережи Пухова? — удивилась она. — Сегодня. Вернее, сейчас. Она, кстати, спросила, когда у вас прием.

— Какое совпадение!

— Я сказала — по понедельникам.

— Гезель! Сегодня только четверг!

— В обед она собирается на кладбище...

— Ничего не поделаешь, — сказал Бураков, когда после совещания я рассказал о плачевном состоянии, в котором пребывает прокурорская «Нива». — Надо посылать Рустама, чтобы чинил колеса. — Он покачал головой, похлопал себя по толстому животу.

— И все? — спросил я.

— А что поделаешь? Все равно виновника не найдем. Такие вещи можно вскрыть только случайно.

— Постарайтесь объяснить мне, зачем это сделали?

— Ну как зачем? — развел руками Бураков. — В порядке общей дисциплины. Чтобы знали, что не вся власть у вас.

— Может, все-таки из хулиганства?

Бураков посопел в короткие широкие ноздри, будто продул двустволку, потом сказал:

— Не думаю, что из хулиганства. Это вас все-таки припугивают.

— Кто, зачем?

— О-о-о, если б я знал, — сказал Бураков. — Такие уж условия игры. Вам намекнули, что здесь на каждого можно найти управу. Он ведь знали, что вы не будете поднимать сильный скандал.

— А почему они, по-вашему, это знали?

— У нас все про всех знают. Знают, что вы вчера ужинали с девушкой в ресторане, выпили пару рюмок коньяка, а потом ездили на машине, что запрещается. Уже основание, чтобы вас вздрючить. Потом поставили машину около дома, а не оставили в прокуратуре... Есть тактика упреждающих ударов, — рассудительно заключил Бураков. — Вперед ваших шагов они вам легонечко так по носу дали, чтобы вы знали: полезете дальше — они вам найдут укорот серьезнее. Сейчас я скажу Рустаму!

Он вышел, но в ту же секунду голова его снова показалась в дверях.

— Вас тут ждут.. — Он выразительно мигнул.

Я вышел в приемную. Там было несколько человек — Бала, Ниязов, еще кто-то. В углу весьма решительно, не глядя ни на кого, с голыми коленками, в черном траурном платье и таком же черном платке сидела жена Умара Кулиева. Я едва не назвал ее про себя вдовой, хотя приговоренный к расстрелу муж Кулиевой пока еще был жив.

— Ко мне? — спросил я. Она поднялась. — Проходите.

Едва мы уединились, за дверью кабинета воцарилась полная тишина. Я словно кожей почувствовал интерес моих коллег, вызванный приходом Кулиевой.

Я предложил ей сесть. Она села недовольно, ничем не дав понять, что помнит нашу первую встречу — на улице, накануне убийства Пухова.

— Гезель передала вам мое приглашение? — спросил я.

Она подняла голову. В приемной скрипнули половицы, затем послышались чьи-то приглушенные шаги на балконе. Я поднялся, закрыл балконную дверь.

Кулиева молчала. Я начал разговор снова:

— Тогда, в переулке, вы хотели ко мне обратиться. Может, по поводу мужа?

— А что по поводу мужа? — Она вскинула голову. По ее манерам я угадал в ней несовершеннолетнюю. В школе ее не обучили ни полным предложениям, ни интонациям вежливости. — И так все знают. Знают и молчат... — Она дернула носом.

— Молчат? О чем?

Она пожала плечами. Разговаривать с ней было одно удовольствие.

— Кто все? — снова спросил я.

— А все!.. — Она махнула рукой.

— Я, например, ничего не знаю.

— Вы — другое дело! Я говорю про местных!

— И Гезель?

— Ну, Гезель сейчас ничего не интересуется, кроме своего живота...

Кулиева упорно не хотела смотреть мне в глаза.

— Но что же они знают, эти «все»? Ваш муж невиновен?

Я попал в точку.

— Конечно, нет!

— А приговор? Он вошел в законную силу...

— Подумаешь! Рыболовные сети Умару подкинули, а потом будто бы нашли!..

— Кто подкинул?

— Милиция, рыбнадзор...

Иного я не ожидал от жены осужденного. Но меня интересовал Сергей.

— А Пухов верил, что ваш муж невиновен?!

— Сергей потом узнал... — Мне показалось, в ее отношении ко мне наметился поворот. — Сначала и Пухов не хотел ничему верить. Год не хотел верить! А когда Мазут передал ему записку от Умара...

— Касумов? Разве они не враждовали? В приговоре указано, что ваш муж в тот вечер поджег «козлятник» Касумова и Мазут с Ветлугиным его едва затушили...

— Ветлугин! — Она как-то странно взглянула на меня. — Вы сначала узнайте, что они с ним сделали, с Ветлугиным...

— Что вы имеете в виду?

В приемной послышалась громкая речь. Это Эдик Агаев о чем-то спросил Бала. Бала ответил. Мой заместитель как-то удивительно робел перед начальником милиции. Агаев интересовался — на месте ли я. Затем в дверях появился он сам — высокий, барственный, остановил холодный начальственный взгляд на Кулиевой, многозначительно помолчал.

— Я зайду позже, — сказал он. — Есть важные новости... — Он так же величественно удалился.

Мгновенного этого вторжения оказалось достаточно, чтобы уничтожить наметившееся было движение ко мне моей посетительницы.

— А-а... Что зря говорить! Не верите — ну и не верьте... — Она сделала движение подняться.

— Подождите!

— Ничего я вам не скажу!

— Вы сказали, что Мазут передал Пухову записку от вашего мужа... Когда это было? Перед нашей встречей с вами?

— Не знаю.

Она снова сделала движение подняться. И потому, что она делала все во вред себе, я был готов ей верить.

— У Мазута связь с тюрьмой?

— Пусть он сам вам и объявит. А я ничего не знаю... — грубо сказала она.

Момент был упущен.

Я вдруг вспомнил девочку, которая жила в нашем дворе во времена моей юности. Многие ребята из дома с нею спали,

но каждый раз ее предстояло завоевывать заново: наутро она ни с кем из них не желала здороваться.

— Все, что ли? — Она поднялась, поправила сбившееся над голыми коленями платье.

Я пожал плечами. Она вышла, не попрощавшись.

— А где... — спросила меня через минуту Гезель, она отлучилась из приемной, чтобы наполнить заварной чайник.

Я только развел руками.

— С ней бывает, — успокоила Гезель, — убежит, хлопнет дверью, а потом, смотришь, опять идет как ни в чем не бывало...

Мне показалось, Кулиеву напугал барственно-надменный вид начальника милиции, брошенный на нее презрительный, злобный взгляд.

Надо же было ему появиться в эту минуту!

— Гезель, — попросил я, — мне нужен один материал. Попытайся его найти...

— Конечно!

— Материал о несчастном случае с Ветлугиным.

— Потрясающая новость!.. — Агаев, к которому я зашел, поднялся из-за стола мне навстречу. Бисеринки пота блестели у него на висках. Он, не глядя, достал батистовый платок и так же, не глядя, промокнул их. — Я узнал, почему арестовали Мазута! Сначала я решил, что Довиденко просто хотел утереть нос водной милиции и водной прокуратуре... Нет!

Еще в школе Агаева и его компанию отличала поразительная осведомленность. И не только в отношении учителей и директора. Они коллекционировали фамилии директоров заводов и управляющих, инструкторов, заведующих отделами ЦК, не говоря уже о командующих военными округами, министрах, председателях госкомитетов и их заместителей.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного — в компанию их входили в основном сынки республиканской номенклатуры. Удивительно другое — информированность эта никем в школе не ценилась, а успеваемость компании была даже ниже средней.

— Ночью передали с парома «Советская Нахичевань»... — сказал Агаев, складывая платок и убирая его в карман. — К матросу на трапе подошла цыганка. Сказала, что за «козлятиком» Касумова, на Берегу, есть тайник. Он закрыт камнем. В нем будто бы находится пистолет, из которого Мазут убил Пухова...

— Что за цыганка? — спросил я.

— В том-то и дело! Пока матрос бегал за помощником по пассажирской работе, цыганки все перемешались — там целый табор!

— Нашли?

— Искали. Но безрезультатно. Информация пошла не через нас, а по старому каналу — через территориальную милицию и прокуратуру области. Нас только сейчас подключили. И то — областное управление настояло! Генерал Эминов!

— Безобразия...

— Это не все! Они сразу поехали на метеостанцию и все изъяли. «Макаров» с запасной обоймой. С патронами. Все — в управлении внутренних дел области. Довиденко дал им свое благословение.

— Все это делается в обход нашей прокуратуры, — сказала я. — Я буду сейчас говорить с прокурором области.

— Довиденко можете не застать.. — заметил Агаев. — Он собирается в обком. Там Кудреватых. Приехал из Москвы...

В отличие от моих сотрудников, этот всегда все знал.

Я спустился во двор.

Человека, проколовшего колеса на ночевавшей под моими окнами прокурорской «Ниве», Буракову найти, конечно, оказалось не под силу. Хотя это и было легче, чем разыскать убийцу рыбинспектора Пухова. Об этом поведал мне на чистейшем русском языке шофер-милиционер Рустам, спортивного вида туркменский парнишка, не знавший ни слова по-туркменски. Он успел устранить оба повреждения и коротал время перед дежурной частью.

— Спасибо, Рустам, — поблагодарил я.

Сверху упало несколько капель — я поднял голову. Над балюстрадой, сквозь расплывшиеся по балконам не распустившиеся пока лозы винограда, показалось погруженное в мир собственных ощущений прекрасное лицо Гезель. Она занималась единственным достойным в ее состоянии занятием для беременной женщины в водной прокуратуре — поливала тюльпаны.

Прокурор области Довиденко принял меня как бедного родственника. Следуя сформулированной Бураковым «тактике упреждающих ударов», он «в порядке общей дисциплины» не дал мне войти — через секретаря предложил посидеть в приемной.

Хотя должности наши начинались одинаково — «прокурор», дистанция между нами была примерно такой же, как между командиром роты и командиром полка или дивизии. Однако, если я и был командиром роты, то — «особого назначения», абсолютно самостоятельной, автономной, подчинявшейся непосредственно министру.

Проигнорировав предложенное, я сразу протопал в кабинет. Как и в первый раз, когда я приезжал к нему знакомиться, Довиденко — длинный, худой, как жердь, — сидел за огромным, заваленным бумагами столом, лицо у него было серого,

нездорового цвета, как у всех, кто проводит большую часть жизни в кабинете.

Впрочем, столов в кабинете было несколько. Тогда на соседнем лежала литература. Сейчас она тоже был здесь. Я не обратил внимания на название книг. Заметил лишь одну — «Прокуроры» Анатолия Безуглова. С автографом писателя.

— Ну, что у тебя стряслось? — спросил Довиденко милостиво, не имитируя, однако, движения тазом, как человек, который собирается подняться, чтобы поздороваться. Он отложил авторучку и протянул мне холодную потную ладонь.

— Если у тебя не очень важное — зайди к моему замку. Я каждую минуту могу уехать в обком...

Эдик Агаев обладал абсолютно точной информацией.

— Кудреватых приехал из Москвы. — Я дал понять, что тоже не лыком шит, и Довиденко с любопытством взглянул на меня. — Ну, что там с Касумовым? — спросил я. — Дело об убийстве Пухова у меня в производстве, а я даже не могу допросить подозреваемого!

Довиденко улыбнулся механической улыбкой человека, давно разучившегося улыбаться:

— Мне позвонил Митрохин: «Водники отпустили браконьера, который убил рыбинспектора...» — «Где? Что?» — «Передали с парома: рядом с «козлятником» тайник, а в нем пистолет, из которого совершено убийство...»

— А кто сообщил Митрохину? Ни я, ни мой помощник ничего не знали!

— Мир не без добрых людей...

Довиденко позвонили, он снял трубку.

— Да. Сейчас выхожу...

— А что Касумов? — спросил я. Довиденко запер сейф и двинулся к двери. — Что он говорит?

— Касумов твердит, что он тайник этот ни разу не видел...

Мы вместе спустились в подъезд.

Я посмотрел на часы. Пора было ехать на кладбище, где я рассчитывал встретить вдову убитого рыбинспектора.

Пухова была одна. Она что-то поправляла среди венков. Рядом стояла тяжелая хозяйственная сумка.

Я поздоровался. Пухова доверчиво взглянула в мою сторону. Она ничем не дала понять, что узнала меня.

Я отошел. Фанерный обелиск со звездой на верхушке привлек мое внимание. Был он свежепокрашенный, новый, как и металлическая ограда, начинавшаяся непривычно высоко над землей. Дощечка на могиле гласила:

«Аббасов Сагтар Габибулла-оглы, воин-интернационалист, инспектор рыбнадзора, 23 года, погиб при исполнении служебных обязанностей...»

Теперь, подумал я, обоих инспекторов связывает не только прежнее место работы.

Когда жена Пухова освободилась, я подошел.

— Вот зашла Сереже рассказать, как мы живем... — Пухова смахнула слезу. — Он ведь беспокоится там!

Против этого было трудно возразить.

— Как дети? — спросил я.

— Дети и есть дети. Младшую отправляю в Челекен, к старикам. Старшего в городской пионерский лагерь. Вы идете?

— Да.

Я оставил «Ниву» внизу, рядом с кафе, на двери которого было приколото объявление: «Кафе не работает. Нет воды».

Я взял у Пуховой сумку, она оказалась полной продуктов. Мы молча начали спускаться по тропинке, вокруг которой не было ни деревьев — ничего, кроме могил и смерти.

Пухова что-то еще говорила — скорее, для себя.

— Вы меня не помните, — сказал я. — Я новый водный прокурор. Вы даже собирались ко мне на прием...

— Как же! — спохватилась она. — Кто-то из ваших спрашивал про Сережины бумаги. Разрешите... — Она нагнулась к сумке, которую я продолжал держать, быстро достала зеленую тетрадь, зажатую каким-то свертком. — Пожалуйста! В портфеле лежала вместе со школьными учебниками...

Я быстро открыл ее где-то посередине, потом в конце. Это был список браконьеров, задерживавшихся Пуховым. Почему-то я рассчитывал на большее.

— Спасибо.

Пухова отмахнулась:

— Зачем она мне...

— Других бумаг у вас не осталось? — спросил я.

— Нет. Меня уже спрашивали. И про докладную, которую Сережа посылал в Москву год назад...

— А кто?

— Спрашивал-то? Начальство... Цаххан Алиев. Из управления приезжали... Да где же я ее найду? У нас ведь даже обыск был тогда! Негативы искали... Сережа к докладной фотографии приложил, кто, значит, осетрину у браконьеров брал. Там и номера машин, и снимки...

— И что?

— Все забрали. Увезли. А сейчас ищут!

— А Сергея?

— Предупредили! Больше, мол, не делай, а то головы не сносишь. Вот и не снес.

Я завез Пухову домой, помог занести продукты и еще несколько минут постоял в маленькой, заставленной вещами прихожей.

На вешалке я увидел синюю, с форменной кокардой, фуражку Пухова, высокие рыбацкие сапоги. В глубине картины висел портрет в траурной рамке.

— Вы разрешите от вас позвонить? — спросил я.

— Пожалуйста, звоните.

Я набрал номер Агаева:

— Какие новости?

— Никаких. Если не считать того, что Мазут уже в красноводском следизоляторе... Генерал Эминов и областная прокуратура если берут, то берут крепко... — Я почувствовал в его словах укор.

— Я собираюсь подъехать на метеостанцию, посмотреть тайник...

— Дело хорошее. — Он не предложил мне себя в спутники.

Пока мы разговаривали, в дверь позвонили. Приехал Цаххан Алиев. Поздоровавшись, начальник рыбинспекции объяснил цель визита:

— Пухов сигнализировал о браконьерах. Вовремя мер не приняли, а сейчас высокое начальство как с цепи сорвалось. Требуется копии докладной... Может, я рано заехал? — спросил он у Пуховой. — Вы хотели поискать бумаги. Искали?

— Да нет их. — Она махнула рукой. — Все тогда увезли! Пусть у себя ищут...

— Ну, ладно. Я все-таки еще заеду.

— А первые экземпляры? — спросил я у Цаххана, когда мы вышли.

— Как всегда... Списали. Переслали. Подшили. Отфутболили. И концов не видать. И копии найти не можем... Кстати, — он усмехнулся, что-то достал из кармана, протянул мне, — вы этого никогда еще не видели...

Я взял в руки маленький полотняный мешочек, раздернул завязочку — черные сухари с какой-то темной пылью. Принюхался — перец.

— Что это? — спросил я.

— Это здешняя черная метка. Предупреждение о смерти.

— Где вы это обнаружили?

— «Обнаружил!» — усмехнулся он. — На веревочке к двери моего дома привязали. Предупреждают, чтобы я их не трогал. Но они меня напрасно пытаются испугать. Перед тем как сожгли Саттара Аббасова, мне тоже такую прислали. Я приносил к Буракову, показывал. Они ведь не на Саттара охотились — на меня...

— А что Бураков?

— Сказал, что у каждого милиционера десяток таких дома. И у него, и у Агаева тоже... — Он спрятал метку в карман. — Но я им яйца поотрываю, прежде чем они до меня доберутся.

«Что за странные обычаи... — подумал я. — Черные метки присылают одним, а убивают других...»

Машину я вел сам.

Когда проезжали по центральной площади города, мы с

Балой стали свидетелями прибытия в обком двух высоких гостей.

Крупный мужчина с депутатским значком и Золотой Звездой Героя и молодой стройный генерал вышли из белой — со шторами на стеклах — «Волги» и не спеша направились к подъезду. Их сопровождал уже знакомый мне зампредисполкома Шалаев.

— Кто такие? — спросил я Балу.

— Не знаете? Кудреватых, директор сажевого комбината. С ним генерал Эминов — начальник областного управления...

Мы выехали из города.

Серое, затянутое низкими облаками небо несло нам навстречу. Земля вокруг проживала свой самый счастливый, медовый, месяц — вся она была темно-зеленой, покрытой фиолетовым цветом верблюжьей колючки. Через две недели, знал я, от всего этого нежного цветения ничего не останется, поскольку это не степь, это пустыня. И она вернется в свой исконный желто-серо-белый выгоревший естественный цвет.

Бала был идеальный попутчик. Он не начинал разговора первым — ерзал, пыхтел, поправляя сползавшие на нос огромные свои очки, но все же был нем, как рыба.

Трасса была пуста. Вблизи берега не было видно ни одной лодки, ни одной машины с перекупщиками. Все тот же космический ландшафт — пески да колючки — сопровождал нас вдоль всего пути. Пустая, все еще малообжитая земля. Совсем недавно несколько незадачливых путешественников, ехавших на машине из Бекдаша в Красноводск, рассказывал мне кто-то, решили сократить путь и поехали напрямик через пустыню. Спустя несколько недель их нашли мертвыми — заблудились в дороге, умерли. Видимо — от жажды. Шакалы поели останки.

Мы проскочили место, где в прошлый раз вместе с Хаджинуром остановили машину снабженца сажевого комбината. Впереди показалась метеостанция. Я не снижал скорости.

Теперь мы мчали вдоль серых песков. И разнотравье здесь было в основном сине-серое, цвета ветоши. Почва казалась известково-белой, на небольших барханах темными кляксами чернели колючки, разросшиеся до размеров кустарников. Справа показались серо-зеленоватые темные полосы.

Не доезжая метеостанции, я круто повернул к берегу. Затормозил.

Нас успели заметить — от метеостанции к нам потянулась делегация: жена Касумова, малюсенький, смуглый до черноты усатый человек — Бокасса, которого я видел во время осмотра трупа Пухова, знакомый высокий казах — он и сейчас был выпивши, а может, так и не протрезвел с того дня, мальчик в коротких шортах с маленьким магнитофоном на шее и еще несколько детей — мал мала меньше.

— Ну, как там он? — спросил Бокасса, крохотный «мальчик-дедушка» с толстыми усами. — Живой? — На лице его плавала та же, что и в прошлый раз, когда я увидел его впервые, странная гримаса — то ли печальная улыбка, то ли счастливый плач. — Как? Как? — Он наступал на нас с беспечной опасной шуткой сумасшедшего, и я принужден был ответить ему словами Хаджинура Резова:

— Отойди, Бокасса, не путайся под ногами!

Карлик тотчас же забыл о своих вопросах, счастливая страдальческая улыбка стала выглядеть более веселой, даже игривой. Он присоединился к детям, став между мальчиком с «вокменом» — самым крупным из детей, которому Бокасса доходил головой до плеча, — и самым меньшим.

— Ну, как он? — повторила жена Мазута, здороваясь. — Передачи принимают?

— Должны, — сказал я.

Она кивнула.

— Легко сказать — «принимают»... Я поеду, а с ними как? — Она показала на детей.

— Хорошо, — сказал я. — Соберите ему что-нибудь, мы захватим.

Она невнятно поблагодарила.

Я поискал глазами и увидел «козлятник» Касумова — он ничем не отличался от других таких же — прибитые «заподлицо» доски-«двадцатки» образовали глухой непроглядный круглый забор, достаточно высокий, поэтому взобраться снаружи и увидеть, что там, внутри, тоже не было возможности. От метеостанции к «козлятнику» тянулись электропровода. На калитке, навешенной изнутри и полностью прикрывавшей любые щели, висел огромный ржавый замок.

Я показал на забор.

— Откроете нам? Ключи есть?

Она полезла в карман цветастой, как у цыганок, юбки.

— Вот.

Втроем мы вошли в маленький, огороженный со всех сторон дворик. В середине находился домик или сарай, дверь которого забыли закрыть. Я заглянул внутрь — кроме верстака с инструментами, там стоял еще маленький телевизор «Шилялис». На полу виднелось несколько гребных винтов, а на приколоченной к стене сарая перекладине висели два новых мотора «Вихрь-30».

Настоящая браконьерская база, подумал я.

— А где тут тайник нашли?

Не говоря ни слова, Касумова обошла изгородь — сбоку, со стороны моря, рядом с несколькими досками лежал камень-валун; она нагнулась, с усилием откатила его.

— Это? — я удивился.

— Да.

Мы с Балой подошли ближе. Под камнем была отрытая,

видимо, совсем недавно, не очень глубокая ямка. Дно ее устилал песок.

Все это было странно. Браконьер наверняка смог бы подыскать на берегу более надежный схрон.

Пока жена Касумова собирала передачу мужу, я снова осмотрел берег.

Вдоль залива тянулся обширный пляж, устеленный мелким белым ракушечником. Огромные черные камни, видневшиеся в прибрежной полосе, были остатками древней скалы, обрушившейся в море.

— Передайте, пожалуйста. — Жена Касумова принесла узелок. Я увидел в нем лепешку, несколько луковиц, вяленую рыбу, овечий сыр.

— Слушайте, — сказал я, — ваш муж за последнее время ездил в Красноводск?

— Мой муж? — Она хотела выиграть время.

— Ну да.

— Не знаю.

Закон всеобщего молчания не позволял ей отвечать.

— Его отпустят? — спросила она.

— Возможно. Пока я ничего не могу сказать.

— Не виноват он! Они с Сережей дружили...

— «Козлятник» этот ваш муж отстроил уже после пожара? — спросил я. — Умар Кулиев его сжег... Так?

Она робко возразила.

— Его только подожгли, а сделать ничего больше не сделали. Люди затушили...

И снова — ни одного имени.

Мы отправились в обратный путь.

«Кирли-кирли...ц-э» — чайки с визгом пикировали на воду, пронзительно, на одной ноте повторяя свой жалобный крик.

Странно, что моя синекура выбрала такое место для гнездовья, думал я. По моим представлениям, эта экзотическая птица радости должна селиться в тропических садах, жемчужных лагунах, под сенью олеандров или там рододендронов каких-нибудь. А здесь не было олеандров. Здесь вообще ничего не было. Здесь была пустыня. А на краю пустыни — урез взбесившегося от шквалистого ветра буровато-грязного прибора, размытого мутно-зелеными полосами. Был еще тусклый, слепой свет солнца — как бы день, а все безвидно. Летит по воздуху песок и превращает свет в дым. Земля вспучена нарывами сыпучих дюн. Жалобный подшерсток укрывает горбы холмов — кусты саксаула и карагача, верблюжья колючка, чертополох пустыни, отчаянная растительность, ожесточенно цепляющаяся за жизнь.

— Бала!

Я заметил, что он сидит как-то боком.

— Ты не заболел? — спросил я.

— Да нет. Спина немного... Пройдет! Вы что-то хотели?

— Я попросил Гезель найти один материал о несчастном случае. Мы будем проверять его сами, не привлекая водную милицию.

Я имею в виду случай с Ветлугиным.

Моей жене чай никогда не удавался, хотя она изводила уйму заварки и приправляла ее травами. Я подозреваю, что искусство заваривать чай передается по наследству. Гезель заваривала чай небрежно, даже не особенно приглядываясь, как это делают профессиональные чайханщики, но чай тем не менее у нее всегда получался одинаково ароматный и терпкий.

С пиалой в руке я открыл пуховскую тетрадь, другой придвинул карандаш.

Первой в списке браконьеров, задерживавшихся Пуховым, я увидел фамилию уже знакомого мне Багирова Бахтияра-Сафарали-оглы.

Видимо, охотиться на старого браконьера считалось «классикой» — «школой» Восточнокаспийской рыбинспекции. Старика ловили все. И все-таки Бахтияр-Сафарали-оглы оставался на свободе.

Дальше шли тоже уже известные мне люди. Большинство их мы уже вызывали, допрашивали. Мне вспомнились проходившие через мой кабинет рыбаки — в высоких, с раструбами, сапогах, в комбинезонах и телогрейках, в теплых ушанках и шерстяных лыжных шапочках; молодые и пожилые, тихие и горластые...

В нескольких местах на страницах виднелись отметки красной пастой:

«Смотрел. Ц. Алиев». И даты.

Начальник рыбинспекции регулярно знакомился с реестром. Последний раз просматривал записи примерно месяц назад.

Я уже хотел было отложить тетрадь, как вдруг заметил в списке некую странность. Я заново пересмотрел его. Действительно! Именно Касумова Пухов не задерживал ни разу!..

«А если Кулиева права — и существовали какие-то скрытые отношения между Мазутом, Умаром Кулиевым и Пуховым? И Мазут доставил записку из тюрьмы от Умара Кулиева — Пухову?»

Я даже пошел в своих предположениях дальше: «А что, если Пухов оказался в ту ночь вблизи метеостанции именно потому, что шел к Мазуту?»

Вошел Бала. Он занес не очень объемистую папку — «Материалы по несчастному случаю на охоте с гр. Ветлугиным А. Т.».

— Успел прочитать? — спросил я, переправляя папку себе на стол.

— Там, собственно, немного. — Бала осторожно — с прямой спиной — опустился на стул. — Ветлугин был в нетрезвом состоянии. Когда давал напарнику прикуривать, качнул лодку. Ударил прикладом о борт...

Синекура завела меня в удивительное место, где окружающее постоянно оказывалось недостоверным и твердь то и дело оказывалась хлябью. Как люди умудрялись тут ориентироваться?

— ...Лодка перевернулась. Заряд угодил Ветлугину в лицо.

— Их было двое в лодке?

— Да. Ветлугин с приятелем.

— А кто приятель?

— Баларгимов Садык. Осмотрщик кабельного участка.

— На берегу был кто-нибудь? Может, другие охотники?

Очевидцы?

— Никого. — Бала протер очки. — Ночное время.

— А что следовательно?

— Он допросил Баларгимова, выехал на место. Есть протокол воспроизведения. Подняли со дна ружье — в нем один патрон. Во втором стволе только гильза. Проведена судебно-баллистическая экспертиза...

Я знал методику подобных дел.

— Спусковой механизм оказался изношенным? — спросил я.

— И довольно сильно.

— А что боеприпасы?

— Экспертиза подтвердила: дробь, порох, пыжи — все такое же, как изъятые в квартире Ветлугина... С этим все в порядке...

— Отношения Баларгимова с Ветлугиным действительно приятельские?

— Собутельники!

— А возраст?

— Баларгимов — тот постарше, лет сорока. Женат, есть дети. У Ветлугина — жена...

— Я хочу с ней встретиться. Вызови ее, пожалуйста. И свидетелей.

Мне позвонил Агаев — его интересовали результаты поездки на Берег.

Оставшись один, я внимательно прочитал показания Баларгимова. Если вначале, в объяснениях, он слегка путался, то к окончанию следствия показания его обрели необходимую ясность.

Ничем не опровергнутые, они установили окончательные обстоятельства случившегося:

«...Ветлугин и Баларгимов в лодке «кулаз» вышли ночью в море для отстрела птицы. Баларгимов сидел на веслах, а

Ветлугин — напротив него, с заряженным ружьем. В море Ветлугин закурил и хотел угостить сигаретой Баларгимова, руки которого были заняты...»

Бала доложил обо всем существенном полностью. Мне осталось лишь просмотреть обычные в делах подобного рода документы: протокол выезда на место происшествия, справки о принадлежности дробовых ружей, протокол допроса понятых...

Капитан рыбоохранного судна «Спутник», допрошенный в качестве свидетеля, сообщил:

«... Баларгимов показал место, где это произошло. Спустили катер... Море было мелкое, камни. Примерно восемьдесят метров от берега. Вода была чистая, глубина небольшая, дно было хорошо видно. Недалеко от камней обнаружено ружье...»

Увидел я и документ, подписанный водной милицией. Ей поручалось изъять образцы боеприпасов погибшего для криминалистической экспертизы.

Протокол был составлен Бураковым и отличался присущей ему обстоятельностью: «...Когда Ветлугиной Т. В. в присутствии понятных было предложено показать, где в доме находятся охотничьи боеприпасы, принадлежащие ее мужу, Ветлугина заявила, что охотничьих боеприпасов в квартире нет. Однако при осмотре платяного шкафа была обнаружена картонная коробка, в которой...».

Далее шел перечень гильз и описание пыжей.

Бураков с честью выполнил данное ему поручение.

Поздно вечером неодолимое чувство жалости к жене заставило меня кривыми улочками Нахалстроа спуститься на морвокзал, занять очередь у автоматов междугородной связи.

Связь с тем берегом была плохой. Люди под пластмассовыми белыми яйцами громко выкрикивали свои «алле», «алле», припечатывая их ударами по неуязвимым, как БТРы, выдавшим виды металлическим ящикам.

Пропустив сквозь себя десятки имен, просьб, упреков и признаний абонентов, звонивших передо мной, я снял трубку, надеясь, что тоже окажусь в безопасной звуковой отдаленности и мы с женой будем больше догадываться, нежели слышать друг друга.

Все, однако, оказалось не так.

— Я думала, что ты уже не позвонишь, — просто произнесла она так близко, что я расслышал все оттенки каждого слова.

Ее злое веселье, делавшее меня отчаянным, отвечающим за себя одного, куда-то исчезло. Голос был печален. У меня сразу испортилось настроение.

Мы поженились не сразу. К тому времени, когда я помогал ей собирать материалы о поведении браконьеров в конфликтной ситуации, о ней уже знали мои близкие — и мать, и сестра не чаяли в ней души. Лена охотно всем помогала,

дарила книжки, советовала, заступалась. Она боялась одиночества, болезней, неохотно оставалась одна. В ней было что-то от ласкового ребенка, который знает, что его любят. Иногда, правда, ребенок этот мог оторвать голову кукле, с которой любил играть. Этой куклой порой чувствовал себя я.

— Ты совсем забыл обо мне? — Сейчас ребенок чувствовал, что любимую куклу взяли у него и забросили аж на другой берег моря.

— Ну что ты, малыш! — Мои интонации были насквозь фальшивы, но она этого не почувствовала. — Жутко много работы...

Она обрушила на меня вихрь быстрых вопросов, от которых невозможно было укрыться.

— А насчет жилья ты говорил? Пока еще ничего неизвестно?

— Нет.

— Не говорил или неизвестно?

— Неизвестно.

— Может, мне приехать к тебе в следующую субботу? — спросила она. — Как там с продуктами? Привезти?

Я вспомнил, что уже давно, как принято у нас на том берегу, не брал в воскресенье две большие корзины и не отправлялся на рынок за провизией на всю неделю. Лена все это делала теперь сама.

— Я могла бы тебе захватить фруктов. Как ты обходишься с питанием? — снова заговорила она.

— Нормально. У меня все есть. Ни о чем не беспокойся. А насчет приезда — давай обсудим. Позвони заранее, чтобы достать тебе каюту...

— Если тебе неудобно, я сама могу позвонить Эдику Агасу... Я знаю его жену. Достать каюту не так сложно...

— Думаю, я устрою... Ладно! Очень много желающих звонить. Так все ничего?

— Ничего, — сказала она вдруг мрачно-зло. Тон ее переменялся. — Если не считать всего, что происходит... Тебя, по моему, это устраивает.

— Ну почему?

Вокруг были люди, мне неудобно было обсуждать наши отношения. Тем более что в прежние времена даже не по телефону мы никогда не могли прийти к огласию.

— Это тебя надо спросить — «почему?», — сказала она.

— Ну ладно! На неделе я тебе позвоню...

С другого конца провода уже неслись гудки.

«Неудивительно ли, что жилище прокурора, человека, поставленного державой наблюдать за точным исполнением законов, — думал я на обратном пути домой, — расположено в самом центре Нахаловки — того самого огромного город-

ского района, который официально не существует, но, несмотря на эту свою юридическую недостоверность, развивается исключительно бурно?»

Наверное, в этом тоже заключалась одна из прихотей моей загадочной птицы счастья.

Крестьяне, пришедшие после войны в порт и на нефтепромыслы на заработки, перетаскивали из кишлаков многочисленные семьи, а потом друзей и соседей; демобилизовавшиеся из армии; отбывшие срок заключенные, которым был воспрещен въезд в родные места; надумавшие осесть на месте цыгане и, главное, огромные крысы — пионеры освоения и возникновения Нахалстроа — отстроили себе жилье самовольно, без всяких разрешений, планов, проектов, согласованных виз.

Они возводили свои домишки из чего попало и где попало, самоуправно врезались в газовые трубы, присоединялись к нитям водопровода, воровали со столбов электричество, в общем — жили. И город, остро нуждающийся в них, делал вид, что их не замечает, поскольку их как бы нет в красивых генеральных планах развития и расширения, в статистике, в отчетности — и нет их проблем. Собственно, они есть, эти проблемы, но это их проблемы — нахалстроевцев...

Лишь потом как-то неожиданно выяснилось, что их жалобные жилищные делишки стали городскими проблемами. И чтобы их решить, необходимо стало канонизировать существование Нахаловки и войти в правительство с просьбой о многомиллионных кредитах. Но от этой мысли городские власти закрыли в ужасе глаза.

«Не в этом ли причина «недостоверности» здешней жизни?»

У дома меня окликнули:

— Игорь Николаевич... — Я увидел милицейскую машину. — Дежурный послал за вами... — Из кабины высунулся помощник дежурного.

— Что-нибудь случилось?

— На сажевом комбинате ЧП: нефть прорвало. Большой ущерб! Комбинат хотел скрыть, но директор госзаповедника узнал. Дал телеграмму в Москву с просьбой создать государственную комиссию...

4

— ...Так испортить настроение директору сажевого комбината, да еще накануне женитьбы его единственного сына!..

Проворные пальцы представителя частнопредпринимательского капитала на восточном берегу быстро перебирали кожу на моих щеках, натягивая и тут же отпуская ее в зависимости от взмахов и приземлений выдернутой с моим появле-

нием из ножен особо острой, привезенной «оттуда» контрабандной бритвы.

— Закрывать установку, которую с такой помпой пустили... Говорят, Кудреватых кричал вам: «На том берегу один Баку сливает в море триста миллионов кубометров — так и его закройте!»

Парикмахеру были известны самые свежие городские новости.

— «...Да я тебя за Можай загною! На Камчатку...»

Согомоныч ждал подтверждения, но я молчал.

— В городе только и разговоров, что о водной прокуратуре... Так им спокойно жилось! — наклоняясь почти к самому моему лицу и поминутно заглядывая в зеркало, шептал Гарегин. — Браконьеры таскали осетров. Заводские сбрасывали отходы в море. Ни штрафов, ни санкций...

«Самое удобное для рыбинспектора, — отмечали мы с женой много лет назад в ее студенческой курсовой работе на тему «Поведение браконьера в конфликтной ситуации», — это контактное поведение нарушителя. Объектное поведение неудобно, поскольку человек быстро выходит из этого состояния и, как последующая реакция, появляются попытки преувеличения своей активной роли. Поэтому объектное поведение не переводится сразу в контактное, а только через конфликтное...»

Я вспомнил об этом, когда браконьер, в данном случае Кудреватых — плечистый, с испитым, но приятным лицом, голубоглазый, властный, — пошел в атаку на рыбинспектора, то есть на меня.

— Водная прокуратура... Это сейчас модно — охрана окружающей среды!..

О! Он никак не хотел себя считать нарушителем, по чьей вине в море ушли тонны нефтепродуктов из-за никуда не годной системы очистки и блокировки, которыми никто не хотел заниматься! Эта работа не приносила ни денег, ни славы, и за нее не давали ни Героев, ни грамот.

— ...Люди нацелены на большие свершения... — кричал браконьер.

И благодаря странной его логике, благодаря лицемерной демагогии многих десятилетий в этой конфликтной ситуации, я — рыбинспектор, поставленный представителем всего, что не может ни слова сказать за себя — плавающего, растущего, обитающего на дне бассейна, накрытого теперь масляной, уничтожающей все блевотиной сажкомбината, — выглядел в его, директорской, интерпретации как человек никчемный, живущий инструкциями, не видящий ничего вокруг, глубоко равнодушный к судьбе страны, поскольку сажа, которую выдавал на-гора Кудреватых, где-то там, в недоступных прокуратуре сферах, сложным образом обра-

чивалась в конвертируемую валюту и просыпалась на всю страну, и в первую очередь на Восточнокаспийск, обильными осенними золотыми дождями.

— О чем говорить, когда вы образовали мертвую зону! Уничтожили одним махом рыбное стадо! Вы понимаете, что вы сделали... — В запале я пренебрег важным правилом: не увеличивать нагрузку на человека, находящегося в раздраженном состоянии, а, наоборот, дружелюбно стремиться вывести из него — в таком случае больше вероятности, что поведение его не станет и вовсе агрессивным. — Я вынужден закрыть установку. Сегодня же вы получите от нас письменное предписание...

— Прокурор области отменит ваше указание! — заорал он.

— У него нет прав!

— Есть еще обком партии...

— А он при чем?

— Обком, по-вашему, ни при чем? Вы выше обкома? — Еще раньше, до того как разговор наш перешел на крик, Кудреватых вернулся к столу, выдвинул ящик, что-то искал в нем, не нашел, задвинул, вернулся назад. — Обком партии вам не указ?

— Мы выполняем указания Генерального прокурора...

— Вот и договорились! — продолжал орать на меня Кудреватых. Он вернулся к столу, пошарил в ящике — по-видимому, выключил диктофон. — Обком для тебя никто!

Я нарушил золотое правило службы и уже пожинал плоды этой оплошности. Было бы куда дипломатичнее, если бы, перед тем как закрыть установку, я бы пришел к директору со словами извинения:

— Вынужден! Пойми правильно... Жмут на меня!

И Кудреватых понял бы!

— Я не обижаюсь... — Подумав, он, может, пригласил бы меня на свадьбу своего сына. Судя по всему, там должна была собраться вся восточнокаспийская элита.

А вместо этого! Оскорбленный и униженный, вернувшись, я поднял трубку и неожиданно для себя позвонил Мурадовой. Она была на месте.

— Я не буду называть себя. Интересно, узнаете ли вы, кто вам звонит...

— Уже узнала! — Я почувствовал, что ей приятен мой звонок, она ждала его.

— Как вы смотрите, если мы вместе пообедаем, конечно, если вы не избавились от этой неудобной привычки...

— Представьте, не успела!

— Очень хорошо.

— ...Взять, к примеру, рыбкомбинат! — Чистые пухлые пальцы Согомоныча бегали по моему лицу, не причиняя никаких неудобств. — Рыбкомбинат никогда не выполнял плана, а всегда был с наваром... — Он не мог работать молча.

— Как? А очень просто. Бегут в обком. Так и так... «Конец квартала, а рыба не идет...» Оттуда звонок Сувалдину: «Пусти-те рыбкомбинат в заповедник! В порядке исключения!»

До меня не сразу дошел смысл долгого его монолога, но, подытожив, я понял: Согомоныч и какая-то группа людей, близких ему, связывали свои надежды на оздоровление обстановки с моим появлением. Предполагалось, что водная прокуратура и я лично можем поставить предел ведомственному беззаконию.

Я спросил:

— Вам кажется, что рыбинспекция работает неэффективно?

На мгновение бритва в руках Согомоныча дрогнула, но в следующую секунду она так же ровно и легко поползла по моей намыленной физиономии...

— Стараются... — Он кивнул за окно, на призыв расстрелять убийцу — Умара Кулиева. — Скоро тут такое начнется! Каждую весну у них настоящая война на море. Автоматы, вертолеты... Сами увидите. Главное, все равно никого не поймают. А если поймают — то мелкую сошку. Не знаю, как это там у них выходит, но крупная никогда не попадает. Может, с вашим приходом что-то изменится...

Я прервал его философствование:

— А если конкретно?

Согомоныч обтер свою раздвижную опасную бритву о белый листочек, вздохнул и категорически отрезал:

— Я думаю, большего вам никто не скажет.

— Может, и скажет. Кроме того, существует уголовная ответственность для тех, кто знает о совершенном преступлении и молчит.

Согомоныч пожал плечами. Мы были вдвоем. Р его уютной частной лавочке никто нас не слышал.

— Дай-то бог... Но не думаю. У нас не Сицилия, но длинный язык могут отрезать в два счета...

— Бывают и такие случаи?

— О, сколько хотите! — Согомоныч предпочел переменить тему. — А вы, оказывается, не только на воду смотрите! Освежить? Тонкая туалетная вода — «О'жен», Франция! Совершенно необходима мужчине... — Он заговорщицки на меня взглянул, словно уже все знал обо мне и Анне Мурадовой.

Я-то полагал, что по крайней мере еще неделю мы можем встречаться совершенно спокойно.

— Спасибо, — сказал я, кладя на стол художника его гононар. — Сейчас, правда, мне предстоит свидание не с женщиной. Я бы сказал, с одним из наиболее мужественных мужчин города. Кстати, когда свадьба у сына Кудреватых?

— В субботу. На той неделе.

Бала ждал меня в кабинете вместе с болезненной, средних

лет блондинкой, которую я видел на похоронах Пухова, — она разговаривала тогда с Анной Мурадовой.

Когда я вошел, женщина испуганно оглянулась.

— Это Татьяна Ивановна, вдова Ветлугина, — представил ее Бала. — Мы только начали... Значит, в ночь, когда это случилось, дома вы не ночевали? — спросил мой помощник у Ветлугиной.

— Я работала. А кроме того... Видите ли... У нас две квартиры. Мы жили то у него, то у меня. А иногда каждый уходил к себе...

Я сел. Ветлугина тревожно взглянула на меня, снова обернулась к Бале.

— ...Сходились, расходились. Одно время Саша страшно пил. Его направляли в ЛТП, он давал мне слово не пить, не выдерживал...

— А в последнее время перед его гибелью?

— Последнее время держался... Но я боялась оставлять его одного, когда у меня были ночные дежурства. Соседи и прочее. Он у меня не прописан...

— Тогда он ночевал у себя?

— Да. И в ту ночь тоже. Я пришла утром, была в уверенности, что он дома. И вдруг приходит его приятель... Садык...

— Баларгимов Садык, — пояснил мне Бала.

— Все его зовут Садык. Сказал: поехали они на качкалдаков. Саша стал давать ему прикурить, перевернул лодку. Произошел выстрел... Там все записано. — Она показала на уголовное дело, лежавшее на столе перед Балой.

Мы помолчали все трое, наблюдая, как Гезель поливает над балюстрадой цветы, что-то тихо мурлыкая под нос для своего малыша.

— Вы раньше Баларгимова знали? — спросил я.

— Видела несколько раз. — Ветлугина снова насторожилась.

— Муж дружил с ним?

— Дома он у нас никогда не был. Я вообще не любила его компании. Ничего хорошего... Одна пьянка! Знаю, что они встречались. Саша последнее время был на инвалидности, не работал...

— Травма?

— Слегкими у него было плохо. Вообще-то он подрабатывал, только в штате не состоял. У нас своя машина. Смотришь, подвезет кого-нибудь. Заплатят.

— Вообще-то он рыбак?

Она замялась.

— Иногда приносил рыбу.

— Осетрину?

— Ну да... Но где брал? Этого не знаю...

Я продолжал расспрашивать:

- С Касумовым вы знакомы?
- Первый раз слышу.
- Ваш муж помогал тушить ему «козлятник». Его кличка

— Мазут.

— Мазут — я слышала.

В кабинет постучали, это был Хаджинур Орезов.

— Извините, Игорь Николаевич. Я не знал, что вы не одни.

— Я скоро освобожусь.

Прежде чем дверь закрылась, я разглядел в коридоре приземистого, с черными живыми глазами мужчину, смахивавшего по одежде на рыбака. Я понял, что это Баларгимов.

— Сколько уже прошло, как он утонул? Года два? — У него был грубоватый глухой тенор, речь — простая, и я не почувствовал в нем ни робости, ни испуга ни перед нами, ни вообще перед вызовом в прокуратуру. — Небось и косточки уж давно сгнили!

Он сидел на том же стуле, что и Ветлугина, тяжело и свободно, ни разу не оглянувшись на дверь.

— Как все вышло? — спросил Бала.

— Ну, как...

Баларгимов повторил сказанное им на допросе, не путаясь и ничего не добавляя.

— ...Когда перевернулись, я отплыл немного, чувствую — дно. Кричу: «Монтер! (Кличка у Сашки такая.) Ты где?» ...А темно. Мы ушли метров на сто от берега. Хоть глаза выколи... Где искать? Сам мокрый. Все утонуло. Думаю: «Козел! Сам выберешься, не мальчик. Верзила под потолок!» Потянул домой, а на завтра прихожу, спрашиваю: «Сашка приходил?» — «Нет!...»

Я ощутил знакомую грубую манеру общения — следствие сурового жизненного опыта, непоказного презрения ко всему — к смерти, к жизни, к тому, что происходило раньше, потом, вчера, завтра.

«Странно: его фамилия ни разу не упоминалась среди браконьерских...» — подумал я.

— Вы сразу заявили в милицию? — спросил Бала.

— В этот день не пошел. Подумал: нажрался после купания, спит где-нибудь! А на другой день пошел.

Баларгимов был одинаково презрителен — это чувствовалось из его рассказа — и к самому себе, и к погибшему и не собиравшему от нас это скрывать.

— ...В милиции объяснение написал. Потом несколько раз еще вызывали, допрашивали. Свозили на место. Я показал. Там под водой камни. Там и ружье нашли. И мой рюкзак.

— А что с вашим ружьем?

— В рюкзаке осталось. Я так и не собрал его.

— Вы член общества охотников?

— Был. Сейчас уже выбыл. Думаю снова вступить... Что? — Он показал на дверь, вслед ушедшей Ветлугиной. — На меня, что ли, бочку катит? Так, во-первых, мы с Сашкой друзья. Что нам делить? А потом: зачем бы я к ней пошел? Она и не знала, что он на охоте, и с кем — не знала! Я сидел бы дома и молчал в тряпочку...

Бала спросил:

— Вы работаете?

— Осмотрщиком кабеля. На южном участке.

— Зарплата большая?

— Какая зарплата! — Он махнул рукой.

Вошел Агаев.

— Не помешаю? — Из-за неудобства помещения у нас все время гостил кто-нибудь из милиции.

— Нет, конечно. — Я тоже задал несколько вопросов Баларгимову: — Как вы охотитесь на качкалдаков в темноте?

Он с любопытством взглянул на меня.

— Птица ведь не видит! Подпускает совсем близко.

— А как подбираете дичь?

— Так и подбираем. Много, конечно, теряется... Начальник! — Он посмотрел на часы. — Мне на работу! Не хочу опаздывать. Назначь другое время!

— Ветлугина жалуется? — спросил Агаев, когда Баларгимов вышел. — Она думает, что мы ей его воскресим... — В голосе звучала неприкрытая вражда. — И, между прочим, никакая она ему не жена. Разбежались. Незадолго до его гибели.

— Развелись?

— Она его бросила: пил по-черному.

— Браконьер?

— Нет, по моим данным. Мы этого дела не вели. — Агаев закурил. — Только отдельные поручения.

Мой бывший одноклассник был раздражен. Вскоре выяснилась и причина:

— Кудреватых — крупная фигура. Вы не знаете, с кем связались. После того, что случилось, можете считать, что вам здесь не работать...

— Как знать!..

— Нельзя закрывать установку. Так не делают. Это война! Объявление войны!

Стиль самого Агаева был, безусловно, иной. На его скромной должности и более работающие начальники всю службу проходили в майорских, а то и капитанских погонах.

Всю текучку Эдик Агаев передал Буракову и Хаджиниру, оставив себе обслуживание областной номенклатуры. Билеты на суда, дефицитные комфортабельные каюты, связь с аэропортами и, конечно, снабжение начальства черной икрой и красной рыбой.

«Цена полковничьей папахи...»

— Может, я поговорю с Кудреватых? — спросил Агаев. — Он простой, отходчивый. Настоящий мужик!

— Да нет. Спасибо.

— Вас, говорят, можно поздравить? — спросила Анна, когда наш заказ — не вызывающие аппетита слова: «два комплекса» — был принят. — Вы успели нажать врага среди сильных мира сего?

Мы сидели за столиком в длинной очереди других, расставленных вдоль стен продолговатого узкого помещения.

— Неужели об этом уже известно? — Я удивился.

— О закрытии пусковой установки? Конечно! И о том, что Суваддин дал телеграмму...

Официантка поставила перед нами тарелку с жижицей: «луковый суп». Длинные волоконца от куриного желтка ветвились на дне.

— Вы разворошили самое гнездо...

— Время покажет, кто прав!

— А в это время убийца Сережи Пухова наслаждается свободой!

— Это недолго продлится. У меня такое чувство, что дело раскроется в целой серии здешних преступлений. Если, конечно, меня до этого отсюда не выставят...

— Будем надеяться.

— И все-таки надо бы поспешить... Раскроется в «комплексе»... — Я заметил, что единственный человек, которому я мог бы сейчас охотно рассказать о своих планах, была эта, в сущности, мало знакомая мне женщина. А отнюдь не моя жена. — Как все преступления, совершенные устойчивой группой.

— Вы считаете, Пухова убила устойчивая группа?

В отличие от Анны, разговаривая, моя жена быстро все смекала и быстро-быстро задавала вопросы мне, словно стремилась поскорее освободить меня от необходимости продолжать. Я укладывался в короткие, отведенные для ответов секунды, но после разговоров с нею я часто чувствовал себя так, словно мою душу поспешно и не очень деликатно обыскали.

— Да, так мне кажется. Многое тут странно.

— Странно? — Светло-синие под черными длинными ресницами глаза смотрели ласково-любопытно. Анна не торопила меня. Мы словно много лет знали друг друга.

— Я встречался с женой Умара Кулиева... Она сейчас в Москве. Кулиева могла бы многое рассказать.

— Только она вряд ли решится. — Как в каждой женщине, в Анне жил природный следователь, сыщик от бога.

— И все-таки одну вещь Кулиева сказала. Мазут переправлял записку из тюрьмы от ее мужа...

— От приговоренного к смерти? И такое бывает?

Анна качнула плечами, поправила висевшую на спинке

стула сумочку — движения ее были удивительно гибки, мне доставляло удовольствие наблюдать за ней.

— Ты лучше знаешь здешнюю жизнь... — сказал я, взгляды-ваясь в желтоватые волокнистые растения на дне тарелки.

— Знаю только, что она не скажет тебе всей правды. У нас все разуверились. Человек жалуется утром должностному лицу на мерзавца, а вечером тот, на кого он жалуется, уже в курсе дела. И расплата грядет.

— Я, честно, не очень-то в это верю. Хотя многие говорят то же. Ну, хоть один пример у тебя есть?

— Но ведь и у меня только одна жизнь... — Она улыбнулась.

Официантка снова приблизилась. Она принесла что-то рыбноконсервное, выловленное в чужих морях и привезенное за тысячи верст. Свежую рыбу нашего моря достать к столу можно было только из-под прилавка.

— Хоть один пример! — напомнил я, когда официантка удалилась.

— Ты видел, когда хоронили Пухова, на кладбище... Со мной стояла женщина. С черным бантом...

— Вдова Ветлугина?

— Ты с ней знаком? — Анна удивилась. — Она, кстати, здесь, в ресторане. Не оборачивайся. Третий столик за твоей спиной... — Мы незаметно перешли на «ты».

— У нее муж погиб на охоте, самопроизвольный выстрел из охотничьего ружья...

— Ерунда! — Она отложила ложку. — Никакой это не несчастный случай. Ее мужа убили. Закатили в лоб полный заряд дроби. Днем! Принародно!

— Наверняка нашлись бы свидетели!

— Они есть! Человек десять, а может, пятнадцать! Но они тоже ничего не скажут!

— Откуда все это известно? И про свидетелей, и про дробь? Ты вскрывала его?

— Это было до меня. Но всем это известно! Все знают!

— В том числе и вдова Ветлугина?

— Конечно!

— Вот ты и попалась. — Я легко хлопнул ладонью Анну по руке. — Я час назад с ней разговаривал. Она и слова не сказала о том, что ее мужа убили!

Анна улыбнулась.

— Господи! Да она боится! Я именно от нее и слышала, что его убили.

Я сидел, сбитый с толку.

— Поэтому я и говорю: вы ничего не знаете о здешних трагедиях! Сколько людей гибнет! И все тихо! Все списывают на несчастные случаи! Не молчат у нас только мертвые.

Я снова вспомнил жену: речь ее была удивительно образной. Сложись обстоятельства иначе, Лена могла стать попу-

лярным телеобозревателем или видным общественным деятелем. Видит бог, я испытал бы чувство удовлетворения и гордости за нее. Мне же для жизни требуется, видимо, простая женщина. Как Анна Мурадова.

— Не знаю. — Я замолчал. — Для начала мы должны снова вместе поужинать. Шашлык «Дружба», я надеюсь, поможет нам во всем разобраться.

— Меня ни для кого нет, кроме прокуратуры бассейна, — предупредил я Гезель.

Весть о том, что водный прокурор предписал немедленно приостановить новую установку, вызвала мощный противоречивый взрыв общественной активности. Наш телефон буквально разрывался от звонков.

— Со всеми делами, Гезель, переключай на Балу!

Моего молодого помощника никто пока в городе не принимал всерьез, кроме случайных посетителей и младшего чиновничьего аппарата.

— Гезель! — сказал я. — Пожалуйста... Когда жена Умара Кулиева вернется, заведи ее под каким-нибудь предлогом к нам. Я хотел бы с ней еще поговорить. Но так, чтобы никто не мешал.

— Это легче простого... Мы ведь ходим с ней на курсы стенографии... — Напоминая о курсах, Гезель ненавязчиво давала понять, что я могу помочь ей поупражняться в качестве стенографистки.

— А что с Гусейном? — Я уже несколько дней не видел своего следователя.

— Сейчас звонил. Меньшую сегодня не повели в садик...

— Есть еще новости?

— В основном только спрашивают, когда вы будете...

Узнав, что водный прокурор отсутствует, абоненты Бале не перезванивали — все же некая картина события понемногу вырисовывалась.

Кудреватых не решился открыто нарушить прокурорский запрет и, по одним сведениям, капитулировал. Это давало ему возможность списать на меня все огрехи с выполнением плана во втором квартале. По другим сведениям, слухи о капитуляции не имели под собой никакой почвы и делалось это для активизации против меня общественного мнения: невыполнение плана грозило потерей премии за полугодие и исключением комбината из списка предприятий, представленных к награждению знаменем ВЦСПС.

Один раз я хотел взять трубку, но не успел — Гезель появилась в дверях и сказала:

— Какое-то ЧП в заповеднике... Сейчас приедет директор... «Ответный удар не заставил себя ждать...» — подумал я.

Сувалдин буквально вбежал в мой кабинет — быстро, насколько позволяли ему костыли:

— Вам уже доложили об этих зверствах? Именно зверствах! Иначе это нельзя назвать!

У него были голос и лицо человека, побывавшего в аварии и внезапно лишившегося всех своих близких.

— Садитесь, пожалуйста.

Он сел, бросил на стол шляпу и бинокль.

— Кто-то разбросал отраву по территории заповедника. Это — конец качкалдакам... — На него было больно смотреть. — Мерзкое, бессмысленное истребление... Птице этой только и надо-то от нас — чтобы ей не мешали спокойно кормиться! Набрать сил для длинного перелета. Подлое убийство слабых! Кто заведомо не может за себя постоять... — Он всхлипнул.

— Много птиц погибло?

— Очень! Качкалдаки, они как дети! Они же не знают, что человек — самое страшное животное, какого надо бояться. Я сам виноват, я их к этому приучил!

— Каким образом яд попал в воду?

— Это сделано с парома. Связь хорошо налажена. Восточнокаспийск не зря называют Малый Баку. Вы не знаете, когда возвращается секретарь обкома?

Я слышал, что Митрохин в Москве, на каких-то совещаниях, — об этом по телефону в дежурке говорил Агаев.

— В конце недели. — Постепенно мне удалось его если не успокоить, то хотя бы отвлечь. Пару раз он даже улыбнулся.

— Вы давно здесь живете? — поинтересовался я.

— В Восточнокаспийске? — У него был мягкий раскатистый голос, неторопливая речь, совсем не похожая на быструю, лишнюю индивидуальности речь юристов. — Всю сознательную жизнь. Хотя начинал, как и вы, на том берегу...

Он снова заговорил о своих подопечных:

— В Красной книге записано: «Каждая нация перед лицом мира несет ответственность за сокровища своей природы». А нам говорят: «Мы не выполняем план, потому что птица поедает рыбу! Из-за нее пусты прилавки!»

Я тоже слышал об этом.

— Человек, к сожалению, опускается до своего биовида. Он подсознательно не допускает конкурента. Не хочет, чтобы кто-то еще питался тем же, что и он. А ведь говорить о вреде можно только в тех случаях, когда птица берет рыбу непосредственно у человека! То есть то, что человек создал сам, разводит и охраняет... Вы согласны?

Я был полностью с ним согласен.

— ...Бакланы и определенные виды чаек питаются и вредителями сельского хозяйства. Не только рыбой. Вы наверняка видели чаек на пахоте...

Его проблемы были так очевидны — бакланы, чирки, доверчивая птица качкалдак, которая без Сувалдина и его людей давно бы уже погибла.

— Вы кого-то подозреваете? — спросил я.

— Могу это сказать только вам... — Он заговорил сумбурно. — Это они... В отместку за сажевый комбинат. Я не политик, говорю, что думаю. Моя специальность — орнитология, там не надо хитрить...

Впервые я видел живого представителя этой редкой профессии. В сборниках военных приключений они фигурировали обычно в качестве кадровых иностранных разведчиков. Под предлогом наблюдения за птицами орнитологи следили за передвижением наших войск, а имидж чудаков, людей не от мира сего, служил прекрасной крышей.

— Это — за мою телеграмму в Москву о сбросе нефти. И за государственную комиссию, которая должна прибыть. Теперь они будут держать водоплавающих в качестве заложников...

Мы спустились к машине. Несмотря на костыли, Сувалдин легко шагал впереди меня — высоченного роста, атлетического сложения. Джинсы, шляпа, первоклассная оптика и впрямь делали его похожим на кадрового разведчика, каким рисовались они на страницах шпионских книжек.

— Мне и моей семье, — он обернулся, — эти бандиты ничего не могут сделать — только птицам... И они этим пользуются!

Директор заповедника прошел во двор, я еще заскочил в дежурку.

— Вы в курсе происшедшего в заповеднике? — спросил я.

— Да, Игорь Николаевич. — Дежурил капитан Баранов, светлоголовый русак, уроженец здешних мест. — Принимаем меры... Какая-то тварь набросала с паррома заразы. Качкалдак — глупая птица, ее и на крючок можно ловить, как рыбу. Нажралась!.. — Он говорил с ужасающим акцентом. Так и не овладев местным языком, он, похоже, свой родной утратил окончательно. — Сувалдин приучил ее не бояться плавсредств, вот и получается...

Ущерб, нанесенный заповеднику, оказался значительным, но все же меньшим, чем Сувалдин вначале представлял, и орнитолог понемногу успокоился.

На обратном пути мы на скорости проскочили дамбу через залив, нанесенный когда-то на все карты мира. Плотины не возвышались над окружающей местностью, вся она была внизу, под ногами, с опущенным в ее тело городом. С умолкнувшими голосами, с призывами повышать, увеличивать, встречать успехами, рапортовать, единодушно отдавать голоса. Как все петли и удавки, она была куца, крайне уродлива и действительна. Мы миновали ее за несколько секунд, а чтобы прочитать все статьи, книги, публикации, посвященные целесообразности или нецелесообразности дамбы, понадобились бы годы.

Сувалдин сам вел машину — юркий «Москвич» последнего выпуска. Я сидел сзади — по диагонали, так нам было легче разговаривать.

— Как убийство рыбинспектора? Раскрыли? — спросил Сувалдин.

— Нет пока.

— Я очень надеюсь на начальника инспекции. На Цаххана Алиева. Энергичный товарищ. Жесткий.

— Большая власть делает таких людей весьма опасными.

Сувалдин засмеялся:

— А другие на этой работе и не нужны. Вы считаете браконьерство узловой проблемой в деле защиты осетровых?

— Я человек новый, — отшутился я.

— Там есть отмель. — Директор заповедника показал куда-то вперед. — Это отмель Зубкова. По фамилии прежнего начальника рыбинспекции. Портрет его как лучшего работника был помещен на обложку центрального журнала. А пока журнал печатался, сам Зубков предстал перед судом по обвинению во взяточничестве в крупных размерах и коррупции... — Сувалдин разговорился. — Все находится в состоянии единства и борьбы противоположностей, то есть в соответствии с одним из основных законов диалектики. Но есть одно, что в нужную минуту сплачивает тут всех...

— Что же?

— Это звучит по меньшей мере странно. Красная рыба!..

Как мало я знал об этих краях. Моя жизнь только начиналась под знаком пухлогрудой, с полными короткими ногами, молодой синекуры...

Сувалдин вел машину быстро. Вокруг повторялась обычная круговерть пейзажа. Ближайшая обочина, убегая назад, словно тянула за собой горизонт — даль забегала вперед и некоторое время двигалась вместе с машиной. Только фиолетовая середина пейзажа, вокруг которой все кружилось, оставалась неподвижной, пока не исчезала позади.

— ...Огромный азиатский регион может получить ее только отсюда. А что такое красная рыба, икра? Продукты, без которых вы лично абсолютно болезненно обходитесь... Он легко, на ходу импровизировал. — Но есть люди, для которых балык, икра, осетрина — ежедневный обязательный атрибут барского стола. И не только аксессуар — но, как где-то на Западе, показатель твоего уровня, принадлежности к определенной части населения. Как марка машины, как фирменный знак костюма, обуви, района, где ты живешь. Ни одного высокого гостя, представителя центра, человека, от которого хоть что-то зависит, не отпустят отсюда без красной рыбы! Без деликатеса. Ни один уважающий себя функционер не поедет ни в республику, ни тем более в Москву без подарков. Так принято — его и ждут с этим. Не с арбузом же! С рыбой, с икрой...

Он замолчал.

Впереди, на обочине, показались величественные рыжие драмадеры, похожие на сорванные этикетки сигарет «Кемел».

— А где их взять? Вот рыбнадзор и милиция и начинают браконьерские игры на море. Что-то вроде гона. Каждую весну. На днях будем снова свидетелями. Общесетевая операция...

Погода, похоже, портилась. Боковой ветер наносил на трассу ползучие дымящиеся языки песка. Машину начинало водить, как по наледям.

Судя по сводкам, ежегодно проводились большие мероприятия по озеленению Восточнокаспийска и пригородов, в чем отцы города аккуратно отчитывались. Если бы хоть десять процентов было не липой, а реальными посадками, люди бы давно уже жили в джунглях.

— ...Обычно обставляют с большой помпой. План игры утверждает высокое начальство...

— Я думал, свою икорку и рыбу они получают из других фондов.

— Не говорите! Фондов всегда не хватает. А тут Кудреватых женит сына, съедется человек сто добрых молодцев. И каких! И Москва, и Днепрпетровск, и Тольятти... Господа, от которых все зависит! Каждому надо и с собой дать. И не в «дипломат», а тючок... А тут еще юбилей начальника управления внутренних дел...

— Эминова?

— Да. Сорок лет. Самый молодой генерал в республике. Прочат заместителем министра... Вы знакомы?

— По существу, нет.

— Вы должны знать его жену. Точнее, бывшую его жену. Она — судмедэксперт... Мурадова.

— Анна?!

— Да. Толковый специалист, красивая женщина...

Сувалдин включил магнитофон. Лайма Вайкуле и Валерий Леонтьев тотчас откликнулись модным шлягером: «А вы вдвоем, но не со мною...»

Сувалдин достал платок, вытер лицо.

— Как вы думаете, может ли заповедник назначить вознаграждение тем, кто обеспечит сохранность птиц? А? У нас с женой нашлись бы свои сбережения...

— Как-то не принято, — сказал я, думая о другом.

— Я знаю. Но что делать?!

Несколько лебедей замечательной красоты плыли к нам по аквариумной воде.

— Птицы эти были больны, — объяснил Сувалдин. — Ослабели, поэтому вовремя не улетели. Теперь обречены на гибель... Закон жизни: кто вовремя не улетел, тот погибает...

Он замолчал, и до самого города мы больше не разговаривали.

Я вышел на перекрестке, неподалеку от прокуратуры, перешагнул тяжелую чугунную цепь, отделявшую проезжую часть от тротуара. Кто-то поздоровался со мной, я рассеянно кивнул. Набрал номер судебно-медицинской экспертизы и услышал голос Анны.

— Мурадова...

Я помолчал.

— Алло! — сказала Анна. — Вас не слышно...

Она хотела повесить трубку, но вдруг замолчала. Была хорошая слышимость — очень близко я ощутил ее глубокое, сдерживаемое дыхание. Так же, видимо, внимала она моему. Вдруг снова прозвучал ее голос.

— Позвоните мне вечером. А лучше — просто приезжайте. Адрес есть в вашем справочнике...

Еще в коридоре услышал из приемной громкий голос Цаххана Алиева.

Начальник рыбинспекции возмущенно рассказывал моему помощнику и Гезель:

— ...Сидят передо мной в автобусе в обнимку и целуются...

Бала флегматично задал вопрос:

— Ну и что такого?

— Как «что такого»? — возмутился начальник рыбинспекции. — Неприлично это. Порядочная девушка не даст себя целовать в автобусе.

Гезель, поглаживая свой большой живот и тихо усмехаясь, заметила:

— У вас, Цаххан Магомедович, не очень современные взгляды. Кому они мешают, если целуются в автобусе?

— Как «кому мешают»? Женщина, подумай, что ты говоришь? Это ж до чего угодно они так могут дойти. Ну хорошо еще, если бы был легкий братский поцелуй — ладно, пускай. А врасосе? Это мыслимо ли раньше было?

Бала со смехом заметил:

— А откуда вы знаете, как раньше-то было?

Алиев не успел ответить, потому что заметил меня в дверях, махнул на своих оппонентов рукой и сказал мне сочувствующе:

— Ох, тяжело вам будет, Игорь Николаевич, с таким штатом работать... Люди уже в автобусах целуются — а им «ну и что!».

Может, целомудрие Цаххана особенно оскорблялось тем, что молодые люди целовались не в обычном рейсовом автобусе, а в бывшем похоронном?

— Вам звонили... — дoloжила Гезель. — Жена. Потом из обкома. Еще прокурор бассейна. Он уже второй раз звонит. Я сказала, что вы скоро будете.

Я пожалел, что звонок из обкома меня не застал. Там не

любили, когда нужного человека не оказывалось на месте. И никогда не звонили зря. Прокурору бассейна я еще мог что-то объяснить, как, впрочем, и жене.

— Есть чай. — Гезель включила свет, было уже сумрачно. Я внимательно посмотрел на нее. Под моим взглядом Гезель не прошла, скорее, проплыла к двери, обтекаемая, невесомая в ватной полноте кокона. Было ясно, что очень скоро я лишусь одного из самых надежных своих помощников. — Прокурор бассейна в принципе одобрил закрытие установки...

— Точно, — Бала кивнул.

Внизу послышался шум машины. Мы вышли на балкон. Приехал начальник милиции. По тому, как он поднял глаза на окна, я понял, что он зайдет в прокуратуру.

Так и было.

В коридоре послышались шаги.

— Это Эдуард Гусейнович, — предупредил Бала.

Он удивительно робел перед ним. Для меня же Эдик Агаев по-прежнему оставался одним из парней моего детства. Эдик куда-то собирался — на нем был новый, с иголочки, костюм из какой-то блестящей, не виданной мною доселе ткани.

— Сувалдин не проявил достаточной распорядительности. В сажевый комбинат полез, а у себя под носом не заметил... — В конфликте с Кудреватых Агаев безоговорочно поддержал местное начальство.

— Кто мог это сделать?

— Трудно сказать. Мог и кто-то из работавших раньше в заповеднике. Как администратор Сувалдин — пустое место... Ему качалдаки дороже людей. Чуть что — «уволить»! Я приказал проверить всех, кто был обижен директором. Таких там несколько.

Вслед за Агаевым в кабинете появился Бураков. Он был как-то особенно пугат и спокоен.

— Я позвонил на тот берег... — начал он. — Они допросят команду парома — может, кто-нибудь что-то знает. Обойдут каюты, трюм — мог остаться запах карбида или сам химикат. — Он достал платок, тщательно продул нос. — Когда паром вернется, произведем повторный осмотр.

Бураков был, несомненно, профессионалом в своем деле, хотя я по-прежнему считал, что чиновничьи игры — не занятие для людей медвежьей породы. Они здоровеют от мешков с цементом, которые шутя снимают с машины и кладут на транспортер, а от невесомых, покрытых каракулями бумажных страниц у них повышается давление и барахлит сердце, которое они с тайной тоской по прошлому именуют мотором. Я слышал отдышку, которую Бураков тщательно маскировал, и вспомнил, как однажды видел стопку книг, купленных Бураковым. Все были издания Академии наук в тяжелых дорогах переплетах — Светоний, Эразм Роттердамский,

Платон... «Пойду на пенсию — буду читать...» — пояснил заместитель Агаева, убирая литературу в сейф.

— Несколько человек я послал на пристань, — продолжал Бураков. — Там постоянно люди с того берега. Могли быть в курсе — видели что-то либо слышали. Я думаю — это дело несовершеннолетних. У них это вроде лабораторных занятий... Опыты!

Я не стал его разочаровывать: «Лабораторный опыт отличается тем, что за ним нужно наблюдать! А что увидишь за бортом парома! Ночью!..»

Милиция всегда преуменьшает степень преступления, пока не удастся найти виновных, когда же преступники попадают ей в руки — важность и общественный резонанс сразу же на порядок возрастают.

Гезель ушла. Один за другим поднялись Цаххан Алиев и Бураков. Агаев все сидел, время от времени поправляя острую стрелку на брюках. Ожидал ли он, что я проявлю интерес к его экипировке?

Наконец поднялся и он.

— Готовится большая общесетевая операция на море. Дату сообщат в последнюю минуту в запечатанном конверте...

— Вот как? — Предупрежденный Сувалдиным, я не проявил особого любопытства.

— ...Будут задействованы водоохранные суда, вертолеты. Весь личный состав... Удар нанесем крепкий и неожиданный.

— В ближайшие дни?

— Я думаю, недели через полторы...

«Начальство успеет отыграть торжества...» — подумал я.

— А план операции?

— Мне как раз и надо сегодня согласовать его с генералом Эминовым...

Я взглянул за окно, было совсем темно.

— Эминов пригласил к себе. Вместе с Лорой. Лорка и его жена какие-то там родственницы...

Он объяснил свое появление в парадном костюме и заодно предостерег.

— ...И еще. Меня пару-тройку дней не будет. Поеду по участку... Так что — связь с Бураковым... — Он простился, не подав руки.

Пятиэтажный, хрущевской застройки, дом стоял в самой глубине двора. Я поднялся по незнакомой, плохо освещенной лестнице. Дверь была не заперта. Меня ждали. В крохотную прихожую падал свет, проникавший сквозь короткое колено узкого коридорчика.

Анна вышла навстречу, загородив свет. Я не видел лица, висок ее оказался рядом с моими губами, я поцеловал его вместе с жесткой прядкой волос, а моя рука невольно ощутила

сильную упругую грудь, закрытую тяжелой гладкой материей. Анна подняла голову, с минуту, а может, всего секунду мы стояли, прижавшись друг к другу, дрожа, — покорные, даже печальные перед стихией, которая нами теперь распрямлялась.

Нас закружило. Не разъединяясь, не говоря ни слова, не разнимая рук, мы вошли в комнату. Против двери стояла тахта; не отпуская друг друга, мы лихорадочно-быстро стали раздеваться. Я ощутил под ногами мягкий туркменский ковер. Свет погас.

— Милый-милый-милый... — вполголоса бессвязно повторяла Анна.

Потом мы лежали молча, мысленно прогнозируя возможные последствия происшедшего.

Никогда в жизни у меня не было коротких связей. Я всегда принадлежал человеку, с каким делил ложе, и чувствовал себя виноватым перед женщинами, с которыми раньше был близок.

Оказали ли на это влияние позднее созревание или полная сексуальная непросвещенность моего поколения? Что мы знали? Рассказы о шпанских мушках, которых никто никогда не видел, но которые якобы все сильно облегчали, если подложить их в еду или питье. Долгое время над моим сознанием, как и у других десяти—двенадцатилетних пацанов, висела страшная угроза «склеживания» — соединения «намертво» с девочкой во время близости. Впереди маячила полная безвыходность, поскольку разъединиться в таких случаях можно было единственно только с помощью ванны и парного молока. Но если с ванной еще все в общем было ясно, то полностью непонятно — как бы мы попали в нее и как достали необходимое количество молока...

— Не спишь? — спросил я.

— Нет. — Она смотрела перед собой, в потолок. — Я думаю, как все осложнилось теперь для нас обоих.

— Но вы с Эминовым разошлись?

— Официально? Нет, он не дает мне развода. Бойтся, чтобы это не отразилось на его карьере.

Я повернулся и ощутил ее нежное, крепкое бедро. Анна освободилась от моей руки, повернула голову. Жесткая копна волос снова упала мне на плечо.

— Милый-милый... — Ее горячие губы коснулись моей ключицы. — Милый-милый...

Поздно ночью мы пили на кухне зеленый ароматный чай и говорили обо всем, кроме того, что касалось нас самих.

Я рассказал, что прокурор бассейна в принципе одобрил запрет на пользование пусковой установкой.

— Надо ждать: вот-вот появится комиссия из Москвы!..

Она улыбнулась невпопад — чему-то, что теперь было между нами, погладила меня по руке.

— Все равно все обернется против Сувалдина и тебя. За Кудреватых можно и не волноваться. Он — Герой Труда. Комбинат всеоюзного значения. Считается, что работает на оборону. Директор откупится! Так уже бывало. Я ведь местная, знаю. Откупится и на этот раз.

— Чем? Сажей?

— Зачем сажей? Красной рыбой! — Она взяла мою руку и неожиданно поцеловала. — Самое ценное в наших краях — чего нет нигде: это зеленое море, красная рыба и черная икра... — Она почти слово в слово повторила то же, что и Сувалдин. — Сейчас начнут готовить операцию на море...

— И после набьют холодильники осетровыми?

— Ни в коем случае! Браконьеры, перекупщики, снабженцы получают задание начальства и сами все принесут. А когда откупятся, для виду будет устроена облава. С катерами, с вертолетами. Только ловить будет некого... Это каждый год повторяется... Помню, в доме у Эминова в это время всегда появлялись огромные чаны. Икра, осетрина... В день рождения все это подавалось. Вместе с сайгаком...

— А сайгак откуда?

— Твой сослуживец Эдик Агаев за несколько дней до юбилея возьмет служебную командировку в горы...

— Он уже предупредил меня об отъезде... Что это?

В углу что-то тихо зашуршало, я прислушался.

— Ты чего? — спросила Анна.

— Тш-ш!

— Боишься мышей?

— Панически. Особенно крыс!

— А я котов. — Анна засмеялась. — Наверное, в другой жизни я сама была мышь или крыса...

— А знаешь... — сказал я. — В этом году все будет иначе. Я смешаю им карты...

5

Бала ждал во дворе.

Позади хлопнула дверь — это был Хаджинур. Я окликнул его:

— Домой?

— Да нет. — Он прикурил. На Хаджинуре были все те же кожаная куртка и брюки, раструбом спускавшиеся на мягкие сапоги. — Надо пройти по пристани, там вечерами предлагают краденое.

Кто-то позвал его: из дежурки выкатилось сразу несколько человек.

Я отошел.

Под деревьями было уже темно — несколько магнитофонов крутили один и тот же шлягер, который я слышал в

машине Сувалдина: «На вернисаже как-то раз случайно встретила я вас...»

Луны не было, это показалось мне хорошим знаком. В безлунные ночи браконьеры охотнее проверяют свои пиратские сети на осетровых.

Мы с Балой сели в машину.

— Ну, что ж! — сказал я. — С богом!

Через несколько минут я притормозил «Ниву» рядом с Орезовым.

— Садитесь, прокатимся. — Я открыл дверцу.

— Далеко? — спросил Хаджинур.

— В сторону метеостанции. А то Бала совсем заскучал. — Мой помощник смущенно улыбнулся.

Хаджинур постоял. Он чувствовал, что выбор, который он сейчас сделает, может круто изменить всю его жизнь. Но колебался он не более секунды.

— Согласен. — Орезов мягко-бесшумно пересел в машину.

На этот раз я вел «Ниву» сам. Рядом сидел Хаджинур, сзади, подпрыгивая на неровностях дороги, трясся Бала.

Ехали молча. Хаджинур, удобно устроившись, маленькой полоской наждака шлифовал свой охотничий нож. Даже на взгляд было видно, что финка — бритвенной остроты. Когда она достигла нужной ему кондиции, Хаджинур засучил рукава и аккуратно провел ножом вдоль волосатой руки.

— Будем держаться трассы или махнем берегом? — Я отвлек его от опасного развлечения.

— Можно трассой. — Он удовлетворенно хмыкнул и засунул финку в ножны.

Светофоры салютовали нам желтыми предупредительными огнями. Прохожих было немного. У магазина на проспекте Рыбаков пришлось резко затормозить. Бедолага-офицер, рискуя нарваться на патруль, тащил через дорогу две нагруженные с верхом сумки; впереди, сунув руки в карманы плаща, належке топала его жена.

— Я бы в жизни такого не потерпел... — скрипнул зубами Хаджинур.

Мы с Балой промолчали.

За оградой завода минеральных удобрений высились, словно гигантские кастрюли, белые металлические баки. Дорогу нам перебежала желтая бродячая собака — я снова затормозил. Фары осветили голые темные бугры впереди.

Уже знакомая дорога вела в ночь, исчезая и вновь появляясь между барханов. Я хотел сократить расстояние, но раздумал.

В пустыне нет ориентиров. Она бесплодна, безгранична, однообразна, нельзя точно определить, не имея опыта, сколько ты проехал, сколько тебе осталось. Пустыня втягивает тебя, как пропасть, делая ничтожной частью самой себя. Чер-

ная пасть вседозволенности. Как, наверное, страшно остаться в пустыне одному ночью.

Иллюзию обжитости составляли столбы электропередачи. Насколько глухо это место, можно было судить по тому, что за все время, пока мы ехали, нам никто не встретился, и только в одном месте я обогнал казаха с лошадьёю, явно единственного на трассе.

— Машины! — хрипло сказал вдруг Хаджинур. — Выключите свет...

Далеко, по другую сторону впадины, шли встречные машины. Еще дальше начиналась темнота, простиравшаяся, казалось, до самой отмели преступного рыбинспектора Зубкова, о котором мне поведал Сувалдин.

Я затормозил. Мы вышли из «Нивы».

Огни встречных машин были еще далеко, снопы света то вздымались, то снижались вместе с дорогой.

— Как мы узнаем, едут ли они с рыбой? — спросил Бала обеспокоенно. Выросший в семье юристов, он заботился о том, чтобы не нарушить прокурорскую этику.

— Этого я пока не знаю, Бала, — ответил я. — Там увидим.

Встречный транспорт был уже недалеко.

Я услышал музыку. Это была вся та же мелодия — «...А вы вдвоем, но не со мною...».

Мы вернулись в машину, я снова включил зажигание. Приблизившиеся снопы света весело ползли между барханамми.

Я подвел «Ниву» к осевой и затормозил.

— Будете останавливать здесь, — объявил я Хаджинуру и Бале. — Сам я останусь за рулем. Если они попробуют развернуться, мы их быстро догоним.

— Это Вахидов, — сказал Хаджинур через минуту. — Сажевый комбинат. Нас заметили.

Впереди шла уже знакомая, бежевого цвета, «Волга», она шла прямо на нас. Нашей прокурорской карете предстояло первое боевое крещение.

Другие машины начали сворачивать — мы ничего не могли с ними поделать.

«Волга» Вахидова затормозила, подъехав почти вплотную к высланным мною дозорным, из нее вышел грузный, начальственный вида человек. Он что-то сказал Хаджинуру и Бале, и все трое направились ко мне. Вид у моих посланцев был явно смущенный.

Не заглушив мотор, продолжая наблюдать за «Волгой» на дороге, я вышел, остановившись у кабины.

— Здоров... — начальственно-дружелюбно пробасил прибывший. — Парфенов, зампред Рыбакколхозсоюза. — Моя ладонь утонула в его мощной мясистой лапе. — Рад познакомиться. Вот... Предисполкома дал машину — проехать, посмотреть, какие условия у рыбачков... Куришь? — Он достал

коробку с вензелями на крышке. — «Герцеговина Флор». Любимые папиросы были у Хозяина...

Я хмуро смотрел на его добродушно-оплывшую будку, добротный, слегка расплывшийся по обрюзгшей фигуре пиджак с депутатским значком.

— Такие дела, мужики... — Он помолчал, словно обдумывая общую нашу беду — пустые полки магазинов, казнокрадство, экономическую катастрофу.

Я знал все, что сейчас будет: доверительный перекур, несколько конфиденциальных новостей с самого верха, пара одобрительных слов по адресу нашей благородной профессии... И возвращение. Вместе с крепким мужским рукопожатием.

Мы уже курили. Все так и было.

— Обстановка в области сложная. — Парфенов энергично зачал «Герцеговиной». Мощные струи потянулись по его новой, со склада, штормовке. — Мэр мандражирует... Его можно понять: правительственную комиссию возглавит кто-то из зампредов...

Предполагалось, что я, прокуроришка маленькой пяти-степенной прокуратуры со штатом в три человека, изойду слюной от великой чести, оказанной мне одним из сильных мира сего.

В бежевой «Волге» было тихо, там тоже не выключили зажигание.

Парфенов не спешил. Выдержке его стоило позавидовать. Он задал несколько незначительных вопросов, лишь потом взял быка за рога:

— Квартиру тебе не дали? А чего не приходишь? — Он разыграл удивление. — Вы же водная прокуратура! Можешь претендовать на площадь в ведомственном жилом фонде... Постой! На днях уезжает предрыбколхоза Куманьков... Знаешь его? Хоромы у него, правда, не бог весть какие... Три комнаты. Окна на одну сторону. Ты зайди...

Я был благодарен судьбе, что жена не слышит нашего разговора.

— Тогда помощник твой, — он взглянул на Балю, — переехал бы в комнату, которую ты занимаешь...

Транспорт, который двигался позади бежевой «Волги», успел благополучно нас объехать и теперь снова выбирался на трассу далеко за нашими спинами.

— Ну ладно, — сказал я. — Мы здесь не за тем собрались. Скажите водителю — пусть откроет багажник...

— А это еще зачем? — Парфенов разыграл искреннее недоумение. — Ты можешь мне объяснить?

— Могу. — Я уже закусил удила, и все было мне нипочем. — Там, может статься, есть красная рыба.

— Там нет никакой рыбы.

— Я предпочел бы убедиться.

Он с сожалением посмотрел на меня.

— Что же, по-твоему, коммунист, даже если он прокурор, не может доверять другому коммунисту? Ведь если мы с тобой друг другу сегодня не поверили, как же нам люди будут верить?

— Дело не в партийной принадлежности...

— Вот, значит, как... — Он присвистнул. — Круто берешь! Ну ладно. Будем считать, что ты погорячился... Я поехал! — Он подал руку Хаджинуру, Бале, сочувственно взглянул на меня, тяжело повернул к машине. — И смотри, не откладывай с квартирой. А то перехватят...

В «Волге» включили мотор, водитель аккуратно подал ее вперед, к Парфенову. Под шипами закрипел песок. Машина была уже рядом.

Я нагнулся к дверце водителя. Через окно — он не успел мне помешать — выдернул ключ зажигания.

— Выходите.

— Что такое?

Уже знакомый мне снабженец сажевого комбината — лысый, с выбритым подбородком и усами подковой — показался из машины.

— Откройте багажник. — Я положил ключи на капот.

Снабженец посмотрел на Парфенова. Начальственный зампред Рыбакколхозсоюза ничего не сказал, сделал несколько шагов в сторону.

— Я человек маленький, как скажете... — Вахидов открыл багажник, крышка поднялась до упора, энергично и плавно качнулась.

Багажник оказался заполнен тушами свежей рыбы. Это были осетры — не особо крупные, шесть — десять килограммов каждый.

Я закрыл багажник.

— Прошу в машину. Бала. — Я обернулся к своему помощнику, он был тише воды и ниже травы. — Перейдете в «Волгу». За руль. Доставите обоих в прокуратуру. Хаджинур сядет на заднее сиденье между ними...

— Я понял.

— Возьмите от обоих объяснения. Чья рыба, как к ним попала? Куда везут, занимались ли раньше скупкой осетровых у браконьеров и у кого именно? И ждите меня. Я еще проскочу вдоль берега. Все.

— Не все! — Парфенов злобно взглянул в мою сторону. — И здесь смотри тоже! — Он дернул дверцу. И меня обыщи! Чего уж там! — Он стал выворачивать пустые карманы. — Поиздевайся вдоволь! Сегодня Парфенов у тебя в руках! Но завтра ты мне ответишь за провокацию! — Он бешено закрутил перед моим носом огромным кулаком. — За то, что вы

мне подсунули в багажник! Вместе с этим... — Он ткнул пальцем в Вахидова. — Все ответите! Сволочи!

Он тяжело плюхнулся в машину, но не сзади, с Хаджинуром, как я предлагал, а на первое сиденье, рядом с Балой.

— Я требую срочно доставить меня к дежурному по облисполкому. Я — депутат и пользуюсь депутатской неприкосновенностью...

«Черт с тобой, — подумал я. — Надеюсь, ты не выхватишь руль и не сбросишь машину в кювет».

Орезов молча сел на второе сиденье.

— Одну минутку, товарищ прокурор!..

Вахидов отозвал меня.

— Одну минутку... — В машине нас не могли слышать. — Я человек не богатый, есть люди богаче меня... Но все же! Я позвоню, мне принесут. Сколько? Тридцать тысяч?

— В машину! — приказал я.

— Пятьдесят? Сто тысяч?

— Бала, — я нагнулся к кабине, — сразу вызывайте следователя. Пусть возбуждает уголовное дело, посылает людей на обыск. И сразу арест на имущество...

Минут тридцать я буквально крался с «Нивой» по трассе, до одури вглядываясь в черноту. Время от времени останавливался, выходил на дорогу. Стояла абсолютная тишина. Ветер был с моря.

«Настоящая браконьерская ночь... Даже если заглохнет мотор, лодку все равно не вынесет на середину, а прибьет к берегу...»

Побережье было пусто. В одном месте я увидел несколько «козлятников», но и в них тоже было темно и пусто. Я плохо представлял себе, где может находиться браконьерская лодка, выгрузившая добычу. Зарыться в песок? Вернуться в море? Я слышал об обоих этих вариантах. Тягач тоже мог уволочь тяжелую лодку. Но чтобы погрузить ее на машину, требовалось достаточное число людей.

Под ногу мне попало что-то твердое. Я нагнулся. Это был обломанный кусок весла, тут же валялась изуродованная ключина от «кулаза». Железо было натыкано всюду.

Я решил не ехать дальше, укрыл «Ниву» позади «козлятников»: если бы лодку повезли по трассе, они не смогли бы проскользнуть незаметно.

Показалась луна, она была похожа на огромную приплюснутую чашу. Вдали виднелось несколько домов — в них никто не жил: пустые глазницы окон, выщербленные стены. Берег, покрытый серым мелким ракушечником, чуть слышно скрипывал, звук напоминал скрип качалок, без усталости ночью и днем качавших нефть.

В море, впереди, что-то темнело. Это были уже виденные

мною остатки разрушенных скал. Я находился метрах в трехстах от метеостанции, у опустелого города.

«Все следы ведут сюда...»

В ту же секунду я увидел фары быстро отъехавшей от берега машины.

Пока я был здесь, она находилась по другую сторону метеостанции. Это был, должно быть, приспособленный для езды по ракушечнику с песком мощный «газон» с двумя ведущими осями и высокой посадкой. Водитель шел на скорости по грунтовой, сильно петлявшей дороге в сторону шоссе. По-видимому, он решил пройти ее быстро, в один прием, чтобы не засесть.

Это ему удалось. На трассе машина остановилась. Водитель, как и я, выключил фары, вышел из кабины — мне было хорошо слышно, как щелкнула дверца. Он несколько секунд постоял. Потом дверца щелкнула вторично.

Я дал ему отъехать, осторожно повел «Ниву» к шоссе.

План мой был прост — не приближаться к едущему впереди, пока мы не окажемся перед самым городом.

Гонка началась.

Он знал дорогу и сразу же легко ушел вперед. Я мчался в полном одиночестве.

Шуршал асфальт. Я держал скорость под восемьдесят с лишним, но впереди было по-прежнему темно, пусто.

«Бала и Хаджинур завезли сиятельного зампреда Рыбакколхозсоюза в облисполком и занялись Вахидовым и рыбой... — подумал я. — Бала, должно быть, берет объяснение, а Хаджинур созванивается с торгашами...» Ресторан на пристани еще работал.

«Ниву» сильно заносило — я мчался, словно по наледи.

Скоро должны были появиться окрестности Восточнокаспийска — железнодорожный переезд, замкнутый перемычкой кусок залива для сброса использованных вод, и дальше старый, полуразрушенный пост ГАИ...

Внезапно далеко впереди я увидел ощупывающие дорогу полоски света, они показались мне удивительно короткими, словно отрубленными. Там шла машина. Вот ее фары выхватили из черноты информационный щит ГАИ, поднятый под углом полосатый шлагбаум. Я резко прибавил скорость.

В город мы въехали почти одновременно. Незнание топографии города не позволяло мне двигаться параллельными улицами: я принужден был держаться «на длинном хвосте».

Не удалось мне и разглядеть номер машины. Я понял только — передо мной был никакой не «газон», а обычный «Москвич». В полумраке было трудно определить его цвет, что-то подсказывало мне, что машина изрядно потрепана и управляет ею никакой не ас, а любитель. И возможно, нетрезвый.

Так мы тянулись еще некоторое время один за другим, пока неизвестный водитель неожиданно не свернул к Нахал-строю. Мы проскочили центр неряшливой площади с «Парикмахерской Гарегина», с основополагающими жизненными вехами — роддомом и приютом для престарелых. «Москвич» сделал еще два-три поворота, и тут я его потерял.

Было темно. Я мгновенно прекратил преследование, главным было сейчас — точно установить свои координаты, тогда утром можно продолжить розыск.

Я выскочил из машины. Прошел вдоль улочки. Глиняные невысокие двалы. Тусклый свет. Приземистые домики с прилепившимися к ним террасками. Сарайчики. Гаражи.

«Если я точно свернул за ним, машина должна стоять где-то здесь...»

«Второй тупик Чапаева» — значилось на табличке.

Я почти бегом вернулся в машину, включил зажигание.

Панельный жилой дом — с водной милицией и прокуратурой в угловом подъезде — не спал. Идя по двору, я слышал доносившиеся сверху отголоски детского плача, приглушенный смех, музыку.

Окна водной милиции были ярко освещены, словно там отмечалось торжество. Балюстрада водной прокуратуры выглядела тускло. В кабинете у Балы неярко горела настольная лампа.

— Прокурор области вас разыскивает, Игорь Николаевич... — объявил дежурный Баранов. — Он просил сразу ему позвонить.

— Что-нибудь произошло? — спросил я.

— Да нет. Все нормально. Повезли осетрину сдавать — пока не вернулись.

— Следователь приехал?

— Сказал, уложит детей и приедет...

Я поднялся к Бале.

В кабинете было тихо. Мой помощник что-то быстро записывал. Напротив, обняв ладонями виски, беззвучно раскачивался на стуле Вахидов. Я понял, что он молится. Или плачет.

Я включил верхний свет. Вахидов поднял голову. Передо мной сидел человек, увидевший за моей спиной собственную смерть.

Я поманил Балу на балкон.

— Что случилось?

— Парфенов в машине повел себя резко. Сказал, что Вахидова надо расстрелять, как Умара Кулиева, потому что это экономическая диверсия — спекулировать осетриной, когда простой народ голодает...

— Ну и подонок!

— Вахидов понял, что начальство от него открестилось. Сделает козлом отпущения... Сейчас он все рассказывает...

— Все?

— Или почти все. Как выручал начальство. А заодно набивал карманы себе и им... — Бала выражался в не свойственной ему решительной манере. — По указанию областных властей он на протяжении ряда лет закупает у браконьеров икру и красную рыбу... Причем в большом количестве. В последнее время он приобрел двести пятнадцать килограммов приготовленной кустарным способом паюсной икры...

— И куда икра пошла дальше?

— На стол к узкому кругу лиц. На подарки. В Москву.

— А что руководство комбината?

— Оно — в курсе. Все оформляется через ОРС...

— А указания?

— Только устные. Ни письменных распоряжений — ничего! Собственно, мы как следуем и не поговорили... Очень много звонков. Я не беру трубку, тогда звонят дежурному. Областной прокурор, директор сажевого комбината — все уже знают — Парфенов будто бы обвинил нас в провокации... Смешно!

Смешного было мало.

Бала не представлял себе людей, против которых мы выступили, и последний нашего противостояния. За нечто совсем невинное по сравнению с этим я в один момент оказался по другую сторону Хазарского моря.

— На обыск к Вахидову уехали?

— Да. Хаджинур и обэхээсник. Сразу же, как мы вернулись.

— Бураков не приезжал?

— Его не нашли. Полковник Агаев в командировке.

— Сделаем так, Бала... Сейчас ты отсюда уедешь. — Он удивленно посмотрел на меня. — Тут нам не дадут работать. Перевезем Вахидова на пристань... — Несколько дней назад полковник Эдик Агаев уступил нам часть причала, где мы могли поставить свой катер. Там же у нас было небольшое помещение со столом и несколькими стульями. — Магнитофон у тебя на месте? — Я знал, что он держит в столе портативный магнитофон и кассеты.

— Тут.

— Возьми с собой. Обязательно запишешь его показания...

— Я спешил, нервозность моя передалась Вале. — Будешь продолжать без меня. Я приеду, как только освобожусь...

Вахидов, не слушая наш разговор, тягуче-безмолвно раскачивался на стуле.

— Пойдемте с нами, — сказал я. Он покорно поднялся.

Мы пошли к дверям. Бала хотел выключить свет, но я предупредил:

— Не надо. Только дверь запри!

В приемной я нашел ключ от черной лестницы, незамеченные, мы спустились вниз.

— Сюда? — Бала показал на бежевую «Волгу» Вахидова.

— Пусть стоит. Я отвезу вас сам.

Едва я вернулся, как в коридоре раздались шаги. Последним движением я выгреб из сейфа кучу бумаг, бросил на стол. И тут же кто-то без стука властно распахнул дверь.

— Могу?

На пороге стоял круглощекий, спелый, как наливное яблоко, зампредисполкома Шалаев, который еще на днях интересовался, не задерживали ли мы браконьеров с икрой. За ним выступал собственной персоной прокурор области Довиденко — длинный, под потолок, колосс на бог весть уж каких там ногах.

На Довиденко была «генеральская» — государственного советника юстиции — форма. Непонятно, почему он оказался в ней в столь поздний час. Может, надел специально? Чтобы покрепче надавить?

Кто-то третий — невидимый мне — подергал дверь кабинета Балы, но, решив, что она заперта изнутри, отошел.

— Вот он, возмутитель спокойствия!.. — вполне дружески, даже радостно приветствовал меня Шалаев. Небольшого роста, в отличие от Довиденко, он производил впечатление человека сильного и крупного, с крутыми, как у зубра, плечами и короткой шеей. — Навел, понимаешь, страху на всех, а сам сидит тут со своей макулатурой... — Он показал на сваленные в беспорядке бумаги.

— Дежурный передал тебе, чтоб позвонил? — сухо спросил Довиденко. — Может, забыл? С ним станется...

Я успокоил его:

— Передал.

— А чего не звонил?

Он хотел, чтобы я четко определил позицию. «Не дозволился», «У тебя было занято», «Извини»... Мне простилась бы любая ложь, потому что за ней стояло отступление, нежелание портить отношения с местной властью, покорность, капитуляция.

— Не позвонил — и все! — сказал я.

— Как это? «Не позвонил — и все»? — попер Довиденко.

— Ну так. Как слышал...

Я с ходу сломал его представления о каких-то отношениях, которые будто бы связывают нас крепче, чем наши обязанности перед законом, перед совестью. Перед элементарной порядочностью.

— Да я!.. Да ты знаешь!.. — От моей наглости Довиденко даже потерял дар речи.

— Пошел ты!

— Бросьте вы, мужики... — Шалаев просунулся между нами. С его круглого смешливого лица не сходила терпеливая, ласковая улыбка. — И ты тоже хорош! — Он обернулся ко мне. — Мы к тебе в гости в первый раз... А ты? Разве гостей так встречают?

В ту же минуту, словно по волшебству, в дверь постучали. Баранов внес на подносе заварочный чайник, ложки, чашки, тарелочку с миндалем и изюмом. Откуда-то появилась бутылка «Кер-оглы». Дежурный проворно разлил по чашкам коньяк, сунул в каждую чайную ложечку, как в чай, пожелал нам приятного аппетита и неслышно удалился.

Я узнал школу Эдика Агаева.

— За встречу. — Шалаев поднял чашку, предварительно убрав из нее ложку. — За успехи. И служебные, и личные.

Шалаев не опустил до разговоров о квартире для прокурора, как это сделал до него незадачливый зампред Рыбакколхозсоюза, и даже не упомянул о Парфенове.

— Непорядков много. Не все идет, как хотелось бы...

Он оказался хитрее и дипломатичнее прокурора — он понял меня сразу и теперь пытался переориентировать дубоватого, прямолинейного Довиденко.

— Но надо друг другу помогать. Интересы-то у нас одни. Так? Надо всем вместе. Тогда, может, что-то и получится... — Он допил чашку. Мы с Довиденко только пригубили. — Что нам делить?

Мы немного еще поговорили. Шалаев взглянул на наши чашки с коньяком, на часы, поднялся.

— Ну, вы тут сами, мужики. Если что надо, мы всегда поддержим, только чтобы для дела хорошо...

Я проводил Шалаева вниз. Когда я вернулся, Довиденко ждал меня в приемной, глядя на закрытую дверь в кабинет Балы.

Из-под двери моего зама тянулась узкая светлая полоска. Я включил свет в приемной, и она исчезла.

Мы вернулись ко мне в кабинет.

Несмотря на то что Довиденко приехал специально, чтобы со мной поговорить, начало разговора у него не было готово. Слишком долго действовал он и жил только либо как начальник, либо как подчиненный. Обе эти позиции сейчас не годились.

— Какие у тебя силы, чтобы раскрутить это дело с рыбой? — Довиденко, наконец, решился.

— Не густо, — признал я. — Нас всего трое.

— Следовательно у тебя один?

— Один.

— Еще у Агаева один, — задумчиво сказал Довиденко. — Да еще двое оперативников.

— Трое. Один в ОБХСС.

— Да-а.

Он вынул расческу, несколько раз тронул макушку, где уже намечался заметный отлив волос, продул зубцы и, не глядя, сунул ее назад, в карман. Несмотря на генеральские отличия, он был похож на начальника станции, принарядившегося к встрече поезда с делегатами.

— А дело большое, серьезное... Тут для целой бригады работы на несколько лет. Согласен? Изымать документацию в отделе снабжения... Экспертизы... Судебно-бухгалтерскую, судебно-экономическую... Эти обязательно! Осетровую оформляли, видимо, как частичковую, полученную в рыбколхозах... Значит, судебно-ихтиологическую...

Довиденко, скорее всего, был выдвинут в прокуроры из следователей, в нем чувствовался конкретно-деловой профессионализм.

— ...Поднять накладные, путевые листы — доказать, что в те дни, когда оформлялись накладные, в рыбколхозы машины не направляли. Допросы шоферов, экспедиторов... А тут еще — холодильные установки! Мастера должны были видеть, чем загружены холодильники. Большо-о-е дело!

Все, о чем он говорил, было абсолютно верно.

— ...Конечно, взять в производство такое дело лестно и почетно... Но маленькой прокуратуре с этим не справиться. Нет ни сил, ни средств, так? — Я молчал. — Значит, все равно придется просить помощь со стороны...

— Есть еще бассейновая прокуратура... — возразил я.

— Дело это только начинается в море, — гнул свое Довиденко. — А ниточки-то все равно тянут сюда, на сушу. В глубь города, в районы. К нам. А кроме того, водникам не пробить противодействие, которое наверняка начнется. Вы не знаете расстановки здешних сил...

Он не обманывал меня. И сам, почувствовав это, успокоился — таково волшебное свойство правды.

Замолчав, он слил остатки «Кер-оглы» в чашку Шалаева и плеснул себе чая.

— Я уже говорил с прокурором бассейна... — Он отпил чай.

— Не остыл? — спросил я.

— Пить можно... Твой шеф согласен со мной. Кроме того, я связался с транспортной прокуратурой Союза. Ну, и партийные органы, конечно, нас поддержали... Так что вопрос о подследственности уже решен.

Я повторил процедуру с переливанием коньяка, налил себе чая. Заварка была индийская — давно забытая в наших краях. К агаевскому угощению мы не притронулись.

«Этого следовало ожидать, — подумал я. — Бассейновая прокуратура — организация новая, межрегиональная. За ней никто не стоит, кроме московского начальства, а оно далеко!»

Я сидел, постукивая костяшками пальцев по столу. Довиденко не торопил меня — пил чай, потом обнаружил на тумбочке газету «Водный транспорт» — в областной прокуратуре ее не получали, — прошуршал страницей.

«Областная прокуратура, конечно, потянула бы это дело, оно ей под силу... Но Довиденко нужен мой материал не для того, чтобы его расследовать! А чтобы его похоронить! Спасти репутацию коррумпированных местных властей...»

У меня не было выбора.

«Дело они все равно отберут...»

— Прокурор бассейна сказал, что у тебя все еще висит убийство Пухова... — Довиденко только делал вид, что читает. — С ним много работы.

— Вы его так и не раскрыли? — спросил я.

— Нет. Мазут молчит. Оружие мог подложить любой...

— Между прочим, из-за того, что меня не допускают к Касумову, я не могу расследовать убийство Пухова! — зло сказал я.

— Он тебе действительно нужен? Я распоряжусь, чтобы завтра Касумова перечислили за тобой. А впрочем... — Довиденко решил ковать железо, пока горячо. — Я прямо сейчас позвоню начальнику следственного отдела. Он все подготовит с Мазутом...

Довиденко подвинул себе телефонный аппарат.

— Пышматов! Завтра перечислишь Касумова за водной прокуратурой... Что? Ну, хорошо... — Он положил трубку. — Послезавтра. Как всегда — в последнюю минуту что-то или упущено, или забыто. Сам знаешь... Кстати, как ты думаешь поступить с Вахидовым? — спросил он вдруг.

— А как ты посоветуешь?

Довиденко сделал вид, что пока не решил.

— Он хоть и негодяй, но целая куча детей. К тому же коммунист. Характеризовался положительно. Фотография — на городской Доске почета...

— Отпустить?

— Пусть идет. Мы сами изберем ему меру пресечения... — Довиденко отпил чай.

Я подвел итог.

— Хорошо. Поскольку я уже послал на обыск, дело все-таки возбудим мы. А Вахидова потом отпустим.

— Слово?

— Дикси, как говорили римляне. «Я сказал».

Я проводил Довиденко к лестнице, вернулся, вышел на балкон. Со света в первую секунду внизу нельзя было ничего разобрать. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что Довиденко, стоя у машины, разговаривает с двумя молодыми людьми в длинных черных пальто или плащах.

На том берегу молодые следователи прокуратуры давно

уже прирастились к дорогим черным кожаным пальто с погончиками. Теперь эта мода, видимо, шагнула через Каспий.

«Это — следователи, — безошибочно определил я. — Они оставлены, чтобы задержать Вахидова, как только он покинет прокуратуру».

Я подождал. Вокруг была тишина густонаселенного общеджития, изредка нарушаемая чьим-то вырвавшимся громче других стоном, скрипом матраса или звяканьем кружки о ведро.

Еще через минуту огоньки красных стоп-сигналов плавно закачались над рытвинами нашего неухоженного жилого двора.

Собрался и я. Моей лампе, как и светильнику в кабинете Балы, предстояло гореть до рассвета.

Я подождал, пока оба следователя прокуратуры войдут в дежурку, прошел к «Ниве» и, стараясь не особенно шуметь, выехал со двора.

— ...Часть рыбы шла в шашлычные и рестораны, — рассказывал Вахидов. — Разница покрывала накладные расходы. Остальную рыбу отправляли в разные города. В Москву, в Тольятти. В Среднюю Азию. Мне давали адреса, я отправлял.

— Письменные распоряжения были? — спросил я.

— Все устно. «Надо послать в Москву, в Главснаб... Утверждают лимиты...» Я отсылаю.

— А квитанции?

— На комбинате. В сейфе... Часть рыбы закупали через ОРС как частичковую... — Довиденко как в воду глядел.

Вахинову и в голову не приходило, что он совершает тяжкие преступления:

— Все знали! Благодаря икре да осетрине мы выбили для области импортной мебели, дополнительно к лимиту — машин, запчастей...

Отчасти было жаль его. Он мотался по побережью в ночь-заполночь, договаривался с браконьерами, рисковал, организовывал. Большие люди пользовались его услугами, не скупались на благодарности, смотрели сквозь пальцы на то, что он не забывает и себя, и никогда не оставляли улики.

«Довиденко легко отрубит концы, как оговоры уважаемых в городе лиц...»

Мне оставался круг вопросов, связанных непосредственно с браконьерским промыслом, и я не собирался и его тоже отдавать «территории».

— У кого вы брали рыбу? У разных рыбаков или у одного?

— У меня был свой постоянный шеф лодок...

— Как его зовут?

— Я называл его просто Шеф.

— Опознаете, если показать фотографию?

- Конечно! Небольшого роста. С усиками...
- Работает где-нибудь?
- Вряд ли! Обычно он на берегу. С ездоками... Лодки ведь могут прийти в любое время!
- Ездоков его знаете?
- Сейчас все больше новые. Часто меняются... Прежних я знал — по многу лет ходили.
- Сейчас совсем не ходят?
- Ветлугин Сашка погиб. Умара Кулиева приговорили к расстрелу... Еще был Мазут. Его, говорят, посадили...
- Ветлугин, Умар Кулиев, Мазут... Не ошибаетесь?
- Что вы! Сколько рыбы закуплено было!
- А не боялись, что задержат? Ведь есть рыбнадзор, милиция...
- Милиция сама брала рыбу. Участковые, дежурные...
- А этот дежурный, который сегодня...
- И он тоже. Шеф ежемесячно платил и милиции, и рыбнадзору...

Я завез Балу на квартиру.

- Отоспись. Придешь после обеда.
- Не могу. У меня вызваны люди.
- Я сам с ними поговорю. Спи. Магнитофон я оставлю с собой.

От Балы я ехал вдвоем с Вахидовым.

Город просыпался.

Окрестные скалы четко вырисовывались по обеим сторонам бухты. Какая-то женщина снимала замок с двери аэрокасс — пудовый, им можно было запирать ангар с боевыми самолетами. С базара на автостанцию несли сумки с овощами, цветы.

Вахидов жил рядом с парком, в доме, где обитали многие уважаемые в городе люди. Рядом находился хлебный магазин, в котором хлеб всегда был свежим; «Гастроном», где хоть что-то можно было купить, кроме рыбных консервов, верблюжьего мяса и супных концентратов. Здесь же поблизости располагалась срочная химчистка, прачечная и спецполиклиника.

- Кто будет вести мое дело? — спросил Вахидов. — Вы?
- Нет. Областная прокуратура.
- Эти будут вести дело так, будто я действовал в одиночку и никто ничего не знал!

Я промолчал.

— Все всё знали! Из той же прокуратуры постоянно звонили: «Две-три рыбы, пожалуйста... Или с килограмм икры! У нас гость из прокуратуры Союза!» А то записки присылали. Надо бы сохранять! — Вахидов совсем раскис. — Жену ждет удар, не знаю, как ей и сказать...

У парка он попросил остановить:

— Не надо к дому.

Он тяжело дышал. Как писал царь Соломон: «Есть время собирать камни и время их разбрасывать. Время жить и время умирать...»

Под деревьями я увидел двоих в кожаных пальто, это были те же следователи, что ждали Вахидова во дворе прокуратуры. Не дождавшись, они поняли, что их обманули, и переместились сюда.

— Хотите, я отвезу вас куда-нибудь, где вы сможете выпастись? — поколебавшись, спросил я. — Это единственное, что я могу еще для вас сделать.

Он вопросительно взглянул на меня.

— Видите, те, в черном? Это за вами.

— Спасибо, — он покачал головой. — Я пойду. Голова у меня, слава богу, работает. Я еще не такое расскажу! Сейчас надо кричать во весь голос. Если свиньям этим ничего не напоминать, они и вовсе от меня откажутся...

Я проехал мимо областной больницы. Напротив находилась станция «Скорой помощи». Несколько «рафиков» стояло прямо на улице.

«Где оставить кассеты с показаниями Вахидова?»

Только после этого можно было ехать домой или в прокуратуру. В которой раз проезжая мимо железнодорожного вокзала, я вспомнил, что с вечера ничего не ел, остановил «Ниву» на стоянке, вышел на площадь.

Утро выдалось пасмурным, но дорога была оживлена. Шли в школу дети. На перекрестке молодая дама в туркменском национальном макси смотрела, как два ее малыша с портфелями перебегают дорогу. Видимо, дальше она их уже не провожала.

Я вошел в вокзал. Буфетов внутри не оказалось. В высоком, как собор, пустом зале под потолком свиристела цикада. Я вернулся на площадь. Ни один поезд в этот час не прибывал, не убывал. Сбоку, рядом со входом, продавали пирожки. Я купил и, отойдя в сторону, начал есть.

Ничего толкового не приходило на ум. Я вернулся в машину, положил магнитофон на колени, включил запись.

Чужой голос, совсем не мой, только напоминавший его, задавал вопросы, Вахидов на них отвечал.

«— И сколько одна лодка доставляла в сутки?»

— До ста осетровых каждый раз.

— А по весу?

— Примерно по пятьсот — семьсот килограммов в день круглый год. Иной раз привозили и до тонны...»

Я вырубил магнитофон.

«Размер нанесенного ущерба — миллионы рублей с одной лодки!»

Внезапно я вспомнил человека, которому смело мог оставить на сохранение кассеты.

Я снова сел в «Ниву», проехал с километр в сторону набережной, вышел и направился к молу.

Темная, тяжелая бирюза тянулась за горизонт, сквозь облака пробивалась узкая щелочка света. Я подошел ближе, «Александр Пушкин» чуть покачивался на зыбкой воде. Сквозь стекло рубки я увидел черную курточку капитана Миши Русакова. Миша словно отбивал поклоны — фуражка его то появлялась в стекле, то вновь исчезала. Он драил необычного вида лодку, пришвартованную к борту «Пушкина».

— Миша, — позвал я.

Он не слышал.

— Миша Русаков! Капитан!

«Капитан» он сразу услышал — это было уже от профессии.

— Прошу вас, Игорь Николаевич! — смешные, как у моржа, усы затопорщились.

— Что это за агрегат у тебя там? — Я показал на лодку.

— Бесхозная. Хозяин так и не нашелся... Хотите, покажу ее в действии?

Русаков отвязал цепь, движения его были быстры и четки.

Один за другим он завел спущенные за корму лодочные моторы. Взревев и почти вертикально задрав нос, лодка выскочила в залив, оставляя за собой пенистый след. Вдоль бортов лодки тянулись длинные серебристые «сигары». Сделав круг, Русаков выключил двигатели — опустив нос, лодка вернулась на место.

— Игрушка, — сказал Миша Русаков. — Ни один милицкий катер не догонит. А это дополнительные баки с горючим, — он ткнул в «сигары». — Используются в военной авиации.

Я показал Мише на причал — Русаков накрыл лодку маскировочной сеткой, поднялся ко мне.

— На судне полный порядок, — он полушутливо бросил руку к фуражке.

Мы подошли к «Ниве». Я достал завернутые в «Водный транспорт» пленки.

— Это кассеты, Миша, — сказал я. — Очень важные для нас. Положи их подальше. И помни: о них никто не должен знать. Вернешь их только мне...

Миша улыбнулся:

— Хорошо, Игорь Николаевич!

Пленки, жегшие мне руки всю вторую половину ночи и утро, были теперь в надежном месте, я мог не бояться, что у меня их выкрадут из кабинета, из дома, из машины.

Облака начинали рассеиваться. С моря приближалось небольшое судно, похожее по классу на «Александра Пушкина». Белые буруны сопровождали его с обеих сторон. Оно передвигалось словно в кипящей воде...

— Это «Спутник» рыбнадзора. — Миша подал мне руку. Он все хорошо понял. — Не беспокойтесь. Все будет в полной сохранности... Вы домой?

— Нет, надо проехать еще в одно место...

При свете дня Второй тупик Чапаева выглядел грязным рядовым мостком в клоаке гигантского, безбрежно раскинувшегося вокруг Нахалстроя. Грубо окрашенные заборы. Мусор вокруг единственного контейнера. Узкий цементированный тротуарчик с навечно оставленными при его создании вмятинами чьих-то сапог. Гнилостный запах напоминал, что Каспий, как ни говори, находится все-таки во впадине, где все разлагается быстрее, чем наверху.

Дважды прошел я из конца в конец, пытаюсь решить, попала ли машина, которую я преследовал накануне, сюда, в тупик. Или в тупик попал я сам, а машина свернула на другую улицу.

Обе версии имели одинаковые права. Водитель мог и свернуть, и поставить машину во двор, тем более что сначала я проехал мимо Второго Чапаевского и лишь потом, не обнаружив ее впереди, вернулся.

— Помощь не требуется?

Я увидел мужчину в теплом рыбацком ватнике. Он стоял рядом с дощатым туалетом, напротив забора, — я не сразу заметил его.

Должно быть, он довольно долго наблюдал за моими передвижениями.

— Чапаевских — два тупика? — поинтересовался я.

— Целых четыре. — Он подошел ближе, лицо его показалось мне знакомым. — Смотрю и думаю, что водному прокурору понадобилось в нашем тупике?

Я узнал его.

«Баларгимов... Напарник Ветлугина по последней его охоте на качкалдаков...»

— Материал о самовольной застройке... — Я сам удивился собственной находчивости. — А вы? Ваш дом тут?

Он открыл калитку.

— Заходите, посмотрите, как мы живем.

Я взглянул вдоль улочки, показавшейся мне вымершей, — вокруг не было ни единой души, не доносился ни один звук.

— Ну что ж. — Я не заставил просить себя дважды.

Маленький двор под стая был каркасно-засыпному ящику, типовому жилищу самстроя. Никакой машины нигде я не обнаружил. Во дворе я увидел песок, несколько крафтпакетов с цементом — хозяин что-то строил. Еще дальше виднелся сарай.

— Сюда. — Дверь открывалась прямо в комнату, прихожей не было.

Вдоль узкого пенала стояли подряд буфет, газовая плита, две узкие, с металлическими спинками, кровати.

На полу с самодельными половиками играли два ясельного возраста малыша. В конце пенала висела занавеска, там была вторая комната.

— Знакомься, — сказал Баларгимов женщине, показавшейся из-за занавески. — Это новый водный прокурор.

— Добро пожаловать. — Жена Баларгимова была русская — с открытым, приятным лицом, пышной грудью, с русым тугим пучком на затылке. На голом предплечье я увидел синюю татуировку — «Нина». — Как вам наши хоромы?

— Уютно, хотя и тесновато, — признал я. — А зимой? Не холодно?

— Газ обогревает... Жара, хоть двери настежь! А выключишь — тепло сразу выдувает.

— Другое жилье не обещают?

— Кому мы нужны? Если сами не позаботимся, о нас кто подумает?

Она взяла с буфета маленькие, послевоенные еще часы «Звездочка», подкрутила, положила на место.

Буфет был старый — с семейными фотографиями между стекол. Фотоснимки чередовались со старыми поздравительными телеграммами. Была тут и завоевавшая мир неизвестная японская девушка, интимно мигающая с фотографии.

Разговор не получался — позади себя я постоянно ощущал присутствие настороженно-притихшего Баларгимова.

— Что же вы, пешком от самой прокуратуры? — подал он голос. — Или на автобусе ехали?

— Служебной машиной.

— Вроде я не видел ее...

— Она у парикмахерской Гарегина. Я спрашивал, где Чапаевские тупики. — На всякий случай я дал понять, что меня будут искать здесь.

— Да вы садитесь, — предложила хозяйка. — Какая правда в ногах...

— Надо ехать: дела... — сказал я.

— У всех дела. — Малыши потянулись к ней. — Да вы не спешите! Может, чайку?

— Прокурор так не придет, чтоб чай тут с тобой пить, — подал голос Баларгимов. — Наверное, соседи что-нибудь наговорили... — Он все стоял у порога. — Богатства наши кому-то спать не дают...

Женщина подняла с пола наперсток и положила на буфет рядом с фарфоровыми рыбками и пачкой молочной смеси. Японская девушка интимно мигнула мне, не меняя выражения лица.

Рядом я увидел фотографию молодой пары — парень в белой сорочке, при галстукe, в шапке рассыпавшихся волос,

прижимал к себе улыбающуюся счастливую невесту в белой фате.

— Сын? — Я кивнул на снимок.

— Нет. — Она отстранила малышей. — Это племянник мужа...

Баларгимов за моей спиной нетерпеливо переступал с ноги на ногу. Я простился. Хозяйка пригласила:

— Заходите, если окажетесь в наших краях...

— А я уж решил, что вы стрижетесь в Доме быта... — Согомоньч повторил тезис: — У каждого человека парикмахер должен быть, как домашний врач, — свой! И я хочу сделать вам предложение. Вы будете каждый день бриться у меня, и я буду следить за вашей прической...

Я не ответил, и Гарегин, видимо, воспринял мою заминку как раздумье о совместимости моего высокого должностного статуса с возможностью пользоваться услугами наемника капитала. Он быстро сказал:

— Впредь я это буду делать бесплатно.

Я поинтересовался:

— А из чего же вы будете извлекать свою капиталистическую прибыль?

— Такой клиент, как вы, создает репутацию заведению. Всякое капиталистическое производство тратит значительную часть средств на рекламу. Вы будете моей рекламой...

— Боюсь, что меня обвинят во взяточничестве. Или, в лучшем случае, в злоупотреблении служебным положением...

Он замахал руками:

— О чем вы говорите! Вы же на суше! Не в акватории. А кроме того, у нас священная традиция оказывать уважение людям, это называется «хэрмет» — подарок бескорыстия...

— Если вы хотите, чтобы я поддерживал вашу рекламу, давайте оставим разговоры про хэрмет.

— Будет лучше, если вас станут подвозить ко мне на персональной машине...

Под ровное вибрирование воздуха у моего уха я вернулся к открытию, сделанному мною во Втором Чапаевском тупике.

«Свадебная фотография!»

Жениха — смуглого, с длинными волосами и выдававшими-мися вперед скулами, в белой, с галстуком, сорочке — я видел впервые... А вот невесту я узнал. Я ее видел вместе с рыбинспектором Пуховым вечером, накануне его гибели.

«Вера — жена Умара Кулиева! Выходит: Умар Кулиев — племянник Баларгимова!»

Наемник капитала снял с меня пеньюар, провел щеточкой по затылку, отошел, любуясь своей работой.

— Мое призвание — стричь! А вы, спасибо вам, первый человек, который называет меня правильно. Все остальные дикари зовут меня Георгин Самогонч... Именно поэтому я предлагаю вам бриться и стричься у меня бесплатно.

Из автомата на углу я позвонил Орезову:

— Достань фотографию Баларгимова и любым способом предьяви ее Вахидову. Только срочно...

6

В прокуроре, надзирающем за местами заключения, я узнал своего сверстника — уроженца того берега. Когда-то нас даже знакомили. Он поднялся мне навстречу — тяжелый красавец с традиционными усиками, как две капли воды похожий на Эдика Агаева.

— Игорь, — напомнил я.

— Фурман. Это имя. Не фамилия.

— Как имя оно даже симпатичнее.

Мы посмеялись. Я сел и перешел к делу.

— Меня интересуют осужденные по делам, отнесенным к подследственности водной прокуратуры. Не все, конечно. А только по неисполненным приговорам. Есть такие?

— Одно. — Фурман нагнул, вынул из тумбочки заварной чайник, налил в него из графина воды и достал кипятильник. На столе появились пиалы, сахарница. — Приговор вошел в законную силу, но еще не приведен в исполнение. Умар Кулиев. Высшая мера наказания.

— Его не помиловали?

— Нет. Учли просьбы трудящихся. Да вот, если хочешь... — Фурман достал из сейфа несколько бумаг, одну протянул мне.

Я прочитал:

«Президиум Верховного Совета... Учитывая степень тяжести совершенного преступления и то, что личность Кулиева представляет исключительную опасность для общества, Президиум постановил ходатайство о помиловании отклонить».

— И когда? — спросил я, возвращая бумагу.

Он понял вопрос, хотя я и не договорил.

— Этого не знает никто. Обычно Президиум через Прокуратуру возвращает уголовное дело назад в суд, а суд уведомляет органы исполнения приговора, что уголовное дело пришло... На этом переписка заканчивается.

— А дело Кулиева? — спросил я.

— Пока не возвратилось.

Напротив прокуратуры размещался пневматический тир, тускло выбеленный, с казенными лозунгами ДОСААФ, которые вывешивают обычно только в тирах. С угла, рядом

со старой, с выбитыми стеклами, телефонной кабиной пожилой, в пыльном халате казах торговал дынями.

Я позвонил Гезель.

— Игорь Николаевич! Это вы? Я вас очень плохо слышу... — ласково, как ребенку, сказала Гезель. Она боялась испугать малыша, который все это время, очевидно, проводил в полудреме, набираясь тепла и нежности на всю свою грядущую жизнь, которая, судя по всему, не обещала измениться к лучшему.

Внезапно мне стало тепло и спокойно.

— Что там, Гезель? Кто-нибудь есть?

— Бала здесь.

— Я же разрешил ему отдохнуть!

— Он тут. Они с Гусейном допрашивают брата Ветлугина.

— Гезель! Скажи, чтобы его не отпускали, я тоже хочу поговорить... А что у Сувалдина?

— В заповеднике спокойно. Бала заказал для вас справку в Институте экологии моря. По поводу икры, изготавливаемой браконьерами...

— Отлично. Хаджинур не появился?

— Нет. Звонили от прокурора области Довиденко. Вы скоро будете?

— Сейчас еду.

Звонки начались, едва я появился у себя.

— Прокурор области... — Гезель открыла дверь. — Возьмите трубочку...

— Поздно приходишь, дорогой! — необычайно сердечно пропел Довиденко. — Не икается? Весь день тебя вспоминаем... — Первый человек Востокаспийской прокуратуры готов был видеть во мне соратника, если я во всем буду следовать его желаниям. — Вот какое дело. Прохвост этот — Вахидов — одумался! А может, кто-то его надоумил... Короче: от всего отказался!

— Хорош гусь, — поддакнул я.

— Надо ехать в обком — исключить из партии, а он одно твердит: «Я наболтал лишнего водному прокурору, чтоб отпустили!..» А у него, знаешь, шестеро детей...

— Что ты предлагаешь?

Довиденко солидно прокашлялся.

— Есть выход... Ты записал его показания на пленку... Дай мне свозить эту запись в обком!

Я ни в чем не подозревал своих коллег. Но, если я, новый человек, всего за несколько недель вышел на сбытчика осетровых, легко вообразить, как быстро — если б хотели! — задержали его здешние шерлоки холмсы. Верхушка, организовавшая массовый браконьерский промысел, плотно прикрывала его сверху.

«Теперь кто-то из них хочет заполучить магнитофонную запись, чтобы ее уничтожить! Нет-нет!..»

— Мы бы его быстро приперли, прохвоста. Представляешь? — лебезил передо мной прокурор области.

— Представляю. Беда в том только, что ничего не записалось... Магнитофон импортный — в левом углу панель с кнопкой. Надо их вместе нажимать. А я — только на панель.

— И ничего-ничего не записалось? — недоверчиво спросил Довиденко. — Хотя что-нибудь-то получилось? Мы тут в лаборатории доведем до ума!

— Он вообще не работал на запись! Только Вахидову говорить об этом не надо, — предупредил я. — Пусть думает, что пленка эта существует!

— Конечно. Я ему ничего не скажу... — Довиденко сделал вид, что верит мне, но простился довольно холодно. — Ладно. Поговорим еще...

Он не допускал мысли, что пленку с показаниями наиболее опасного свидетеля заполучить не удастся.

— Это вы обнаружили в море труп своего брата?.. — спросил я. — Как это произошло?

Бесцветный высокий блондин прокашлялся, подробно рассказал о своих сборах на поиск, все последующее уместилось в одном предложении:

— ...На малой скорости стал объезжать залив, смотрю, плавает что-то! Сашка!..

Он замолчал и в последующем отвечал только на мои вопросы.

— Далеко от берега?

— Плыл-то? Метрах в двадцати пяти.

— Это уже на третий день?

— Ну да. Случай был двадцать пятого...

— До этого вы часто виделись?

— Раза два в неделю.

— Он к вам приходил? Или вы к нему?

— Чаще я.

— Почему?

Он задумался, пожал плечами.

Я перелистал дело. Вернулся к протоколу обыска. Жене Ветлугина предложили добровольно указать местонахождение охотничьих боеприпасов мужа, но она ответила, что в квартире их нет.

«Между тем их нашли в платяном шкафу...»

— У вас много братьев?

— Мы двое.

— Брату приходилось жить у вас?

— Нет.

— А вам у него?

— Пришлось. Однажды все лето прожили.

— Давно?

— Перед тем, как этому случиться... Он жил у жены, а я со своей переехал к нему. Квартиру сдавали — деньги были нужны.

— Помните, что у них находилось в платяном шкафу? — неожиданно спросил я.

Он вспоминал: костюмы, платья, обувь... Часы, фигурные ножницы, фотоальбом...

Забыл только об охотничьих боеприпасах — гильзах, пыжах. Я зашел с другой стороны:

— Помните, что он купил в то лето?

— Вы имеете в виду сервант?

Я ничего не мог иметь в виду, поскольку не располагал информацией. Эх, как бы я провел это дело, будь оно в моем производстве с самого начала!

— Мотоцикл?

— А ружье?

— Ружья не помню.

— Сможете узнать, если я покажу его?

— Нет, — он покачал головой.

— Брат говорил с вами об охоте?

Ветлугин замаялся.

— Честно говоря, про охоту не слышал.

— Но если бы он ходил, вы бы знали?

— Думаю, знал.

— А почему вы не сказали об этом следователю?

— Он не спросил.

Я пробежал глазами первый протокол допроса. Ветлугина допрашивал следователь прокуратуры района Алиханов. Фамилия ни о чем мне не говорила. Вопросы о ружье, о том, был ли погибший на охоте, действительно заданы не были.

«Ясно! Отрицательные ответы торчали бы, как шило из мешка!»

— Ваш брат нигде не работал, а между тем имеет машину, мотоцикл...

— Он сторожил лодку...

— Ну, сколько это могло дать?

— Немного...

— Вот видите! — навалился я. — С его смертью ни о каком уголовном разбирательстве, конечно, не может быть и речи... Дело прошлое! Но, наверное, он и за красной рыбкой хаживал? Был ездоком! Ведь так?

Бесцветное лицо его впервые стало живым и даже приятным — таково обычное воздействие правды, отказа от лжи.

— Был! Но с кем ходил, на чьей лодке, брат никогда не говорил. Мы, Ветлугины, молчуны... — Он покраснел. Передо мной была очередная жертва омерты — заговора всеобщего молчания, полностью смирившаяся с происходящим. Он скрыл убийцу, имя которого, должно быть, вслух называли все, жившие жизнью Берега.

Ветлугин ушел, а я позвонил в прокуратуру области, новому своему знакомцу:

— Следователь Алиханов... Знаешь такого?

— Знаю, — сказал Фурман, — молодой следователь.

— Когда он пришел?

— Года три назад.

Выходит, когда Алиханов вел дело о гибели Ветлугина, он был вообще новичком.

— А что? — спросил Фурман.

— Читаю одно прекращенное им дело — не перестаю удивляться...

— Слабый мальчик. Он сейчас только еще соображать начинает...

— Ну ладно, — я дал отбой.

«Материал о криминальном трупе поручили начинающему следователю, вчерашнему стажеру!» Кто-то, имеющий власть, заранее определил линию следствия, а молодой следователь только выполнил указание.

Я листал дело. Формальные запросы в водную милицию. Формальные ответы за подписями Буракова и Агаева.

«...Обнаружить лодку, на которой Баларгимов с Ветлугиным ходили 25 сентября на охоту, не представилось возможным...»

«...Дробовое ружье, принадлежащее Ветлугину, за № 141917 16-го калибра марки ТОЗ на учете в Восточнокаспийском городском обществе охотников не значится...»

«...Баларгимов является членом общества охотников, и за ним зарегистрировано охотничье ружье за № 0637 12-го калибра иностранной марки...»

Первые показания Баларгимова изложены были крайне противоречиво. В собственноручном письменном объяснении на четвертый день после случившегося было сказано, что лодка едва не перевернулась вместе с выпавшим из нее Ветлугиным, и ему, Баларгимову, с большим трудом удалось подплыть к берегу. В протоколе допроса от того же числа говорилось, что после выстрела и падения Ветлугина лодка перевернулась... Баларгимова допрашивали несколько раз, и каждый раз он показывал чуть иначе.

Следователь Алиханов этого вроде бы не замечал.

«После того как Ветлугин упал в воду, я тоже свалился в море. С трудом достиг берега, а лодку унесла вода...»

«Я упал в море, ухватился за край лодки и в это время увидел, что Ветлугина нет. Я начал кричать и звать его, но он не ответил. Вода унесла весла, и я, держась за край лодки, толкал ее до тех пор, пока ноги мои не почувствовали землю...»

Как видно было из показаний капитана «Спутника», который присутствовал при выезде на место, ружье, выпавшее из рук Ветлугина, было поднято со дна не в ста — ста пятидесяти

метрах от берега, как показывал Баларгимов, а только в двадцати пяти. Вода доходила здесь Баларгимову до плеч... Других подводных камней, где лодку могло перевернуть, в этой части залива вообще не оказалось...

Позвонил Хаджинур:

— Ваше указание я выполнил.

— Вахидов опознал его? — Я еще боялся в это поверить.

— Да.

— Твердо?

— Без всяких колебаний. Баларгимов продавал ему рыбу и икру все эти годы.

— Ты где сейчас, Хаджинур?

— В следственном изоляторе. Вахидов уже в камере. Будут еще указания?

— Я подошло сейчас Балу и Гусейна. Втроем вы арестуете Баларгимова и перевезете его на пристань.

— Понял.

— Бала и Гусейн останутся там, а ты заедешь в Союз охотников. Я хочу знать, кому в действительности принадлежала двустволка... — Я продиктовал номер. — До того, как ее подняли со дна в заливе...

— Разве это не Ветлугина ружье?

— У меня есть все основания в этом усомниться, Хаджинур...

Гезель сделала чай, и время мое надолго остановилось, пока из этого состояния меня не выудил звонок Балы.

— Мы на пристани, Игорь Николаевич...

— А Баларгимов?

— Тут. Хаджинур уехал по вашему заданию.

— Я сейчас подъеду, Бала...

Я сложил документы в сейф, запер его, вышел в приемную.

— Гезель! Меня ни для кого нет! Но ты сможешь найти по этому телефону... — Я записал на перекидном календаре номер.

Одновременно зазвонила междугородная.

— Ответьте Астрахани...

— Игорь Николаевич! — Я узнал голос Луизы — секретаря прокурора бассейна. И сразу, заполнив поле слышимого, знакомый голос протянул басовито:

— Тебя поймать невозможно! Третий день охочусь. То связи нет, то тебя...

Прокурор — как и я — был человек новый, и отношения его с подчиненными были тоже в стадии становления.

— Ты принципиально против телефона? — спросил он.

— Вы убедились, как работает связь... — Его «тыканье» меня почему-то не задевало. Наверное, и он не был бы шокирован, обратись я к нему на «ты». — Насчет Вахидова вам передали? Что мы направили дело в областную прокуратуру?

— Мне звонил Довиденко... Он вот почему-то дозванивается!

— Ему легче. Он пользуется правительственным каналом. Помощник сказал, что вы поддержали наш запрет на эксплуатацию установки...

— На Сажевом? Ты действовал абсолютно правильно.

— Рад слышать. Не собираетесь к нам?

— Собираюсь. Но пока я хочу, чтобы ты приехал сюда. Есть срочное дело. Это разговор не для телефона...

— У меня тоже дело к вам... И тоже не для телефона.

— Значит, берете меня? — спросил Баларгимов. Он не показался мне расстроенным. — За эту пьянь Ветлугина?

Балу и Ниязова я отпустил на обед, а Баларгимову захватил по дороге несколько чебуреков и бутылку воды.

— ...Только ничего у вас не выйдет! — заверил он. — Справедливость пока существует...

Мы остались вдвоем в маленьком — на два кабинета — помещении, выделенном нам водной милицией.

Он продолжил:

— Живем с женой тихо. Никому не мешаем. Дети уже выросли. Дочь — в институте. Старший сын женился, двое детей. Я работаю. Нам хватает... Только блуды нас не трогали, не завидовали бы! Вы были у меня, видели мою жену. Так?

Я кивнул.

— Все время я дома, никуда не хожу... Бывает, выпьешь с соседом — и снова домой! А тут Сашка Монтер! Надрался в сиську: поедем да поедем на качалдаков!..

Я записал его показания. Это была грубо состряпанная, лживая от начала до конца небылица. Приходилось удивляться тому, что она оказалась принятой кем-то на веру. «Охотники» — Ветлугин и Баларгимов — стреляли качалдаков на мелководье в кромешной тьме, не видя не только птицы, но и друг друга... Вода в том месте, где обнаружили ружье, доходила Баларгимову до плеч...

Вскоре вернулся Бала.

— А Гусейн? — спросил я.

— Сейчас придет. В ларьке на пристани — детская обувь. И народу — почти никого... Посмотрите. — Бала протянул бумагу. — Хаджинур передал.

Бумага была подписана председателем Восточнокаспийского городского общества охотников.

— Ружье, с которым будто бы охотился Ветлугин, поднятое со дна, по справке в уголовном деле значилось не состоящим на учете в городском обществе охотников...

— Так.

— А это новая справка. — Мой мягкий, с расплывчатыми очертаниями, молодой помощник был доволен. — Одно вре-

мя оно значилось за охотником Изутиным. Проживает: улица Бакинская, шестнадцать... Хаджинур уже уехал туда...

Бала заскочил по дороге в прокуратуру и привез еще документ. Он был из института, который для краткости в Восточнокаспийске именовали просто Институтом экологии моря.

Это был ответ на запрос: «На приготовление 250 кг паюсной икры кустарным способом пошло 369,42 кг икры-сырца, из которых в промышленных условиях изготавливается 27,78 кг зернистой икры высшего сорта. Что касается рыбного стада, то для этого было выловлено не менее 100 икрыных рыб осетровых пород, что предполагает уничтожение примерно 600 рыб...»

Я показал справку Баларгимову.

— А я здесь при чем? — спросил шеф лодок.

— Вся эта икра оприходована Вахидовым как заготовленная вами...

Может, он и не поверил. Во всяком случае, не спросил, кто такой Вахидов.

Я продолжил:

— Вахидов подробно рассказал об организации браконьерского промысла и системе взяток, которые шли в морскую инспекцию рыбоохраны и в милицию. Имеются магнитофонные записи, подтверждающие показания...

Вернулся Гусейн. С ним был милиционер-старослужащий, охранявший лодки. Он передал Баларгимову папиросы и, прежде чем его успели остановить, сообщил новость:

— Вахидов повесился. Кладовщик с сажевого комбината...

— Где? — спросил Баларгимов.

— В камере.

Я взглянул на следователя — Гусейн молча кивнул. Я набрал номер все того же Фурмана:

— Водная прокуратура приветствует... Это правда — насчет Вахидова?

— Увы! — Он был обескуражен. Я понял, что самоубийство Вахидова и для него полная неожиданность. — Удавился на поясе от летнего пальто...

— Каким образом?

— Сам не понимаю. Привезли с допроса, все нормально...

— Фурману нравилась эта приговорка — «все нормально». — И на тебе!

Я поблагодарил его, хотя и не мог понять, каким образом пальто оказалось в камере вместе со снабженцем в одуряющую жару.

Я задумался.

Хотя Вахидов и отказался от первых показаний, которые он дал мне, было не исключено, что в будущем он снова их повторит. Тем более что существовала магнитофонная запись его свидетельств...

— Гражданин прокурор, — окликнул меня Баларгимов, — могу я сказать вам несколько слов наедине?

Бала и Ниязов вышли. За ними двинулся к дверям и старик милиционер.

— Слушай, — обернулся к нему Баларгимов, — сходи к моей, скажи, чтоб все приготовила... что надо...

Милиционер почтительно кивнул.

— Видите, что получается? — спросил Баларгимов, когда они вышли. — Тут еще до суда можно концы отдать!

— Я уже думал об этом, — сказал я. — И намерен переправить вас на тот берег.

— А на чем? — быстро спросил он.

— На «Спутнике»...

— С этим краснорожим взяточником? Да они его просто потопят!

— А если на пароме? Или с «Александром Пушкиным»?

— Возьмут приступом в море. Или еще до отправления...

— Думаете? — усомнился я.

— Как дважды два... — Узнав о грозящей ему опасности, шеф лодок, похоже, даже успокоился.

Я вернул Балу и Гусейна в кабинет.

— Мне надо ненадолго отъехать. Вы остаетесь с задержанным.

В прокуратуре меня ждал начальник рыбинспекции Цахан Алиев, Гезель успела налить ему чая.

— Игорь Николаевич! — Он отставил пиалу, прошел по приемной. Он всегда говорил на ходу либо стоя. — Один человек мне подсказал: на сажевом комбинате есть холодильная камера. О ней мало кто знает. Понимаете?

— Что же это за камера такая? — полюбопытствовал я.

— Емкость ее не на сто килограммов и не на триста. Гораздо больше!

— И что?

— А то, что ее соорудили на всякий случай. Пробраться к ней, если не знаешь, очень трудно. Она в здании заводоуправления. За стеной архива. В подвале. Может, понадобится вам...

— Он остановился перед столом Гезель против своей пиалы.

— Не знаю, понадобится ли. Во всяком случае, спасибо.

— Может, помощь нужна?

— Пока нет...

Я не очень вежливо отделался от него, прошел к себе, открыл сейф-мастодонт.

Неожиданно мое внимание привлекла одна из бумаг — мятая, на серой волокнистой промокашке: она слегка высовывалась из стопы «для служебного пользования», которую я всегда аккуратно выравнивал и подбивал, прежде чем уложить в сейф.

«Кто-то заглянул в мой ящик... — Открытие это не ошеломило меня. — Кассеты! Записи с показаниями Вахидова!»

Кто-то из имевших доступ в помещение выполнял задание браконьерско-административной мафии... «Но кто? — Мне ничего не было известно о ключах, которые могли остаться у прежнего владельца этого нетранспортабельного стального чудища. Я должен класть бумаги в сейф Гезель...»

Со смертью снабженца игра начиналась серьезная.

«Баларгимова нельзя оставлять на этом берегу. Иначе его убьют. Нельзя и открыто отправлять с небольшим конвоем. Я не могу рисковать людьми».

Я вынес постановление об аресте и этапировании Баларгимова, заверил гербовой печатью, спрятал второй и третий экземпляры в бумажник — теперь они должны были постоянно находиться со мной.

Позвонил Бураков:

— У вас нет Гусейна?

— Нет.

— Где он может быть? Не знаете?

— Не знаю, — лгал я. — Может, в аптеке на Шаумяна. Ее не открыли?

— На ремонте!

— Что там у вас?

— Заявитель. Я хотел, чтобы Гусейн на него посмотрел. Ладно, я позвоню позже.

— Орезов тут?

— Тоже куда-то уехал.

Я окликнул Гезель:

— Вызови, пожалуйста, капитана судна «Спутник» — Антонова. У нас записан его телефон...

— Антонов? — спросила Гезель. — А имя-отчество?

— Он был понятым по делу Ветлугина. Посмотри. Попроси срочно заехать.

С Русаковым и руководством парома я предполагал связаться самостоятельно.

— Разрешите, Игорь Николаевич?

Показался Хаджинур Орезов в кожаной куртке, с которой он никогда не расставался, с высовывавшимся снизу ремнем, уходящим под мышки, к кобуре.

— Что там случилось, в дежурке? — спросил я.

— Ничего особенного, — он остановился у балюстрады. — Заявитель пришел. Говорит, ночью на пароме у него триста рублей украли. Из каюты. Врет, как сивый мерин. Только не могу понять — зачем? Триста рублей от нас он все равно не получит... — Хаджинур был явно озадачен. — Если бы заявил, что украли документы, — тут ясно!

— Разберется... — Меня интересовало другое. — Что с ружьем Ветлугина?

— Интересная история, Игорь Николаевич. — Орезов

оживился. — Ружье 141917, которое подняли со дна залива, значилось за гражданином Изутиным. Изутин продал его некоему Яскину, тот — Досову...

— А Досов...

— Нет! Ни за что не догадаетесь! Досов заявил, что ружье, которое ему продал Яскин, у него дома!

— Не понял.

— Сейчас поймете. Поэтому я взял Досова с работы, поехал к нему домой и осмотрел ружье. Тоже шестнадцатого калибра ТОЗ. Но номер другой!

— Не понимаю.

— Я тоже не понял. И повез Досова вместе с ружьем к Яскину...

— Хаджинур! — взмолился я.

— И что же выяснилось? — Орезов, довольный, прошелся по кабинету. — Оказалось, примерно года три назад Яскина, пьяненького, задержала с ружьем водная милиция. Ружье отобрали и долго тянули: «Зайди завтра, зайди в конце недели...» А когда вернули, он заметил, что ружье в милиции подменили. Его-то он и продал Досову...

— А ружье, которое отобрали?

Хаджинур развел руками:

— Выходит, осталось у кого-то из сотрудников. И исчезло! А потом снова возникло... Теперь уже с морского дна! А перед тем успело выстрелить! Прямо в лоб Ветлугину...

— Любопытно.

Нас прервал звонок Буракова:

— Гусейна еще нет?

— Нет.

— А Хаджинур?

— Сейчас вошел.

— Не задерживайте его, Игорь Николаевич! Он очень нужен...

Разбирательство со лжезаявителем, по-видимому, потребовало больше сил, чем первоначально казалось.

— Сейчас идет... Вот что, Хаджинур, — сказал я, положив трубку. — Завтра с утра меня может не быть. Агаева тоже нет... Необходимо организовать конвой в Красноводск. Довиденко перечислил Касумова за нами... Я решил Мазута отпустить.

— Зачем конвой?! Я сам за ним съезжу!

Орезов ушел. Вскоре я тоже спустился к дежурному.

Дежурный — капитан Баранов — выдавал оружие заступавшей на пост смене.

За столом Хаджинур и Бураков продолжали разговаривать с заявителем, плутоватого вида мужчиной с короткой стрижкой. Когда я появился, он внимательно-фиксирующе глянул в мою сторону.

— Где ваши вещи? — спросил его в это время Хаджинур. — Вы что, приехали в командировку без вещей?

— А какое это имеет отношение? Я пришел заявить, что у меня украли деньги... — Он снова взглянул на меня, пытаясь привлечь к разговору. — А вы мне — «где документы, где остановился, где вещи?». Вы мне найдите деньги, которые у меня украли на пароме.

Он явно намекал на нежелание милицейских регистрировать его заявление.

— Будете искать? Или нет? Иначе я уйду.

Бураков смущенно протрубил в поднесенный к носу платок:

— Мы хотим убедиться в том, что деньги действительно были. А вы не позволяете!

Хаджинур снова вмешался:

— У вас еще есть деньги с собой?

Мужчина поколебался:

— Предположим, есть.

— Покажите...

— А зачем? — Он играл какую-то игру, которую я не был в состоянии понять.

Несколько секунд они препирались. Наконец заявитель достал кожаный новый бумажник, осторожно, чтобы работники милиции не могли видеть содержимое, пошарил пальцем между прокладками...

В ту же секунду Хаджинур ловко выхватил из его рук портмоне, раскрыл. Три купюры — достоинством в сто рублей каждая — упали на стол.

— Триста рублей. — Хаджинур не стал осматривать бумажник, вернул владельцу. — А вы говорите, они пропали!

— Это другие триста! — Заявитель сжал портмоне.

— Значит, вы те триста отделили?

— Да!

— Для чего?

— Просто так!

Он врал, но я не мог догадаться, зачем ему это нужно.

Милицейская система отчетности давно приспособилась под своих малокомпетентных руководителей, периодически встававших у республиканских и союзных министерских штурвалов. «Зарегистрировал преступление — раскрой его, не можешь раскрыть — лучше не регистрируй...» — оборачивалось на практике.

Подошел капитан Баранов:

— Слушаю, Игорь Николаевич.

Мне показалось, он как-то странно, иначе, чем обычно, посмотрел на меня. Что-то неуловимое, разделяющее, возникло между нами с той ночи, когда в милицию приехали Шалаев и Довиденко, а он, дежурный, принес бутылку «Кероглы».

— Закажите для нас каюту на вечерний паром, — сказал я.

Он вздохнул, покачал головой:

— Ничем не могу помочь. Начальник запретил нам заниматься билетами...

— Капитан приехал... — сообщила Гезель.

— Пусть заходит!

В дверях показался необыкновенно круглый маленький человек с красным лицом и шкиперской — вокруг лица — бородкой. Он словно вкатился в кабинет, в руке он нес портфель.

— Антонов Василий Сергеевич, — представился он.

«С этим краснорожим взяточником? — вспомнил я Баларгимова. — Да они его просто потопят!»

Я показал Антонову на стул, и он живо водрузил на него свой объемистый широкий зад — казалось, что капитан восседает на массивной воздушной подушке.

— ...Мы помогали водной милиции искать ружье, — он считал, что знает, зачем его пригласили. — Оно выпало из лодки во время несчастного случая на охоте...

— И как это все происходило? — спросил я.

— Обыкновенно, — он подернул короткими округлыми плечами. — Приехали из прокуратуры, из милиции. С ними — охотник, который остался в живых... — Антонов имел в виду Баларгимова. — Поплыли к камням... — Капитана мучила одышка, он сделал паузу. — Недалеко от метеостанции. Я спустил лодку, туда сели этот охотник, я и другой понятой. Стали грести к берегу. Вода прозрачная — все видно...

— Судовой журнал у вас с собой? — спросил я.

— Вот, пожалуйста. — Он открыл портфель, вынул и положил на стол толстую книгу — самую важную на любом судне. — Смотрите...

«6.00, — прочитал я, — подъем флага... 11.32 — вышли в море. Первая остановка. Координаты... Спущена лодка для поиска ружья. Ружье обнаружено в 11.48. Удаленность от берега 25 м, глубина обнаружения ружья 90 см... — Я машинально заглянул вниз. Записи за день заканчивались традиционным: — 20.00 — спуск флага...»

Антонов закрыл портфель, готовясь уйти. Но я остановил его: — Не смогли бы вы сегодня выйти на вашем судне?

— Далеко? — Он нацелил на меня маленькие глазки-щелочки, зажатые щеками.

— На тот берег.

— А груз?

— Арестованный и конвой... Три человека. Время отплытия я уточню.

Он поправил бородку, сказал осторожно:

— В принципе это возможно. Вообще-то предполагался такой рейс...

— Я позвоню, когда мы будем готовы.

— Хорошо.

Он, пятясь, покатился к двери, так что в конце концов открыл ее спиной. Антонов мне не понравился.

Улучив минутку, я набрал телефон судебно-медицинской экспертизы — Анна не отвечала. Я вышел в приемную.

— Уехал на паром, — предупредил я Гезель.

Первым, кого я увидел на пристани, был старший помощник капитана «Советской Нахичевани» Акиф, с которым так давно — уже забыл, когда это было, — я плыл к месту своего нового назначения.

— Поужинаешь? — спросил он меня.

— Я, по-моему, еще не обедал.

— Пойдем, Валя накормит, — сказал Акиф.

Мы пошли к трапу. На пароме действительно нашлось что поесть — суп, котлета с вермишелью. Потом мы прошли в бар-салон; бармен, арендовавший помещение, сварил кофе и подал к нему маленькие блюдечки с миндалем.

Акиф ни о чем не расспрашивал, только смотрел на меня черными доброжелательными глазами.

— Какой прогноз погоды? — спросил я. — Уходите вовремя?

— Да, вроде никаких неожиданностей. Скоро начнем загружаться.

В иллюминатор была видна растянувшаяся в несколько рядов колонна автомашин.

— Вид у тебя невеселый, — констатировал Акиф. — Может, ты влюбился?

— И это тоже.

— А что основное?

— Мне, возможно, придется переправить на тот берег несколько человек, но их надо принять, когда вы уже отойдете...

— В море? — удивился он.

— На этот счет есть инструкции?

Акиф подумал.

— Наверное, мы должны выполнять указания водной прокуратуры... Я доложу капитану.

Я хотел расплатиться, но буфетчик отказался получить деньги. На его месте и я тоже никогда не взял бы денег с гостя старпома.

Мы вернулись на несколько минут в кают-компанию, прошли в красный уголок для командного состава. Здесь все было по-прежнему. Я сел в то же кресло под фотографией непримечательной женщины — крестной матери судна, разбившей бутылку шампанского о борт спускавшегося со стапеля парома.

— Что от меня требуется? — спросил Акиф.

— Билеты. Каюта.

Он тут же вышел, а я как-то беспечно и сразу задремал, успев услышать свое то ли чересчур громкое дыхание, то ли приглушенный храп.

Проснулся я мгновенно. Акиф протягивал мне билеты и ключ с биркой, как в гостинице.

— Спасибо. — Я отдал деньги. За время короткого, глубокого сна мышцы у меня на лице словно одеревенели и во рту пересохло.

Мы договорились, какими ракетами судно, которое доставит на паром оперативную группу, объявит о себе.

— Если мы не появимся, ты тоже не удивляйся, — предупредил я. — Успехов!

— Тебе тоже.

У трапа мы простились.

Смеркалось. На пристани уже собирались пассажиры. Тяжелые многотонные грузовики и юркие легковушки, словно по конвейеру, вползали в огромное чрево парома.

Я заехал к капитану Мише Русакову — он одобрил мой план и сразу же принялся за его техническое обеспечение.

Мнением шефа лодок я мог не интересоваться — Баларгимов высказал его достаточно ясно.

— Значит, напротив второй скалы, — уточнил Миша.

— Да. Не забудь о кассетах.

— Я понял.

«Нива» стояла неподалеку, рядом с детским парком. Я сел в машину, когда в кустах раздался осторожный шорох.

— Кто здесь? — Я резко раздвинул кусты.

На уровне груди я увидел старую армейскую фуражку, грубо вылепленный нос, тяжелую даже для большой головы массивную нижнюю челюсть. В лицо мне смотрели черные, жалостливые глаза.

Я узнал старика прокаженного

— Керим? Что вы здесь делаете?

— Ждал вас.

— Меня?!

— Да. Я приехал, когда стемнело. Сорок лет, как я не был здесь.

— Как вы меня разыскали?

Прокаженный вздохнул.

Он таращился на изменившиеся за сорок лет улицы, примыкавшие к причалу. Все вызывало в нем интерес. Дом культуры, киоск, угрюмый дом, опоясанный фанерным цитом с аршинными буквами: «Востоchnокаспийчане! Крепите мир трудом!»

— Добрые люди подсказали... Но я не хочу, чтобы нас вместе видели.

Детский парк был пуст. Из усилителя, на невысоком колесе обозрения, разносилась песня Владимира Высоцкого: «...Но был один — который не стрелял!»

— Садитесь в машину. — Я взглянул на часы. Времени у меня оставалось совсем немного.

В двух шагах находилась витрина «Не проходите мимо» — много лет не обновлявшаяся, хранившая на себе следы воздействия сурового, почти континентального климата. Старик подошел к ней. На выпцветших фотографиях изображены были какие-то темные личности, лица задержанных — плохо различимые, мелкие — ничего не выражали. Зато хорошо была видна мертвая белуга. Голый неукрытый труп со рваной раной на животе, беззащитный, как труп человека. Рана зияла под сердцем, как это бывает при умышленных убийствах.

— Алеутдинов... — Прокаженный легко опознал браконьеров на фотографиях. — Афанасий... Алеутдинов утоп в шторм. Перевернулся у самой калады.

— В шторм тоже проверяют калады? — спросил я.

— В пять и шесть баллов. А если больше — только дурак пойдет! В большую волну калада амортизирует — не снимешь рыбу!..

Он отошел от витрины, сравнительно легко взобрался в «Ниву» на заднее сиденье.

— Калада постоянно в море, — объяснил он. — На мертвом якоре. Зимой ставят далеко. Добираются примерно часа за два. А летом ближе, потому что рыбы больше.

— Часто их проверяют?

— Зимой обычно раз. С утра...

Что заставило старика прокаженного быть откровенным со мной? Потому что видел, как я отпустил Касумова?

— ...А летом три раза. Летом рыба быстрее портится. Работа тяжелая. Не успел вернуться — опять надо идти! А пока в море — головы да хвосты отсечь! А то и туши рассечь! — Старик вздохнул.

— А сколько рыбы можно привезти за раз?

Он подтвердил то, что я уже слышал от Вахидова:

— И семьсот, и восемьсот килограммов. Как когда!

— А много в Восточнокаспийске таких лодок? Это мой последний вопрос...

Старик помолчал.

— Думаю, не меньше двадцати... Может, тридцать.

Я не представлял раньше гигантский размах браконьерского лова. Счет шел на десятки тонн выловленных ежедневно осетровых! И это при наличии контролирующего аппарата рыбнадзора, милиции!

— ...Не спрашивайте меня, пожалуйста. Мне нельзя врать...

— Глаза его стали жалобными, словно он сейчас расплачется.

— Вы искали меня, чтобы мне что-то сказать... — напомнил я.

— Да...

Несколько секунд мы посидели молча. Потом прокаженный сказал:

— Мазут не убивал Сережу... Я приехал в город впервые за сорок лет, чтобы об этом заявить. Мазут дружил с ним. А в ту ночь Мазута вообще не было. Он ездил в колонию, к своему приятелю.

— Точно?

— Да.

— Почему же Касумов не сказал, что он там был? Установили бы его алиби!

— Его приятель сидит! — Старик достал платок, громко высморкался. — Колония особого режима. Свиданий нет.

— Свиданий нет, но свидания есть...

— Кто как сумеет. — Старик шевельнул ногой. Я увидел, что на ногах у него огромные ботинки со шнурками и брюки по крайней мере сантиметров на пятнадцать не доходят до щиколоток. Старик словно был в кальсонах. Может, так ходили лет сорок назад?

— Касумов часто к нему ездил?

— По-моему, второй раз.

Живя уединенно — на острове, — старик прокаженный был неплохо осведомлен.

— За какое время?

— В этом месяце.

Внезапно меня осенило. Я вспомнил разговор с Кулиевой.

— Мазут привез записку? От Умара?

Черные зрачки Керима странно кружили — он сидел боком ко мне, и я не знал, кружат ли оба зрачка одинаково, в одном направлении.

— Я не спрашивал, а он мне не сказал. — Старик вздохнул. — Я всем говорю: «Ничего не рассказывайте. Меня будут спрашивать — я вынужден говорить. Мне нельзя врать. Бог не велит».

Впервые он остановил свой черный зрачок на мне. Я заглянул в него и почувствовал затаенную боль, щемящую отверженность и безысходность. Я представил, как старику прокаженному сиротливо на безлюдном острове долгими одинокими ночами, как он уязвим и незащищен.

«А сейчас, после того, как я уйду, все водные прокуроры страны не смогут его защитить...»

— Завтра Касумов будет на свободе, — сказал я. Теперь я уже спешил. — Отвезти вас куда-нибудь? Есть у вас где ночевать?

— А... побуду тут...

Массивная нижняя челюсть старика хищно задвигалась, она казалась чрезвычайно сильной, грубая тяжесть ее как бы уравновешивала пронзительную ранимость глаз.

Я понял, что он не уедет, пока не встретится с Касумовым.
— До свидания!

Я не погнал «Ниву» кратчайшим путем по набережной, а с Баларгимовым, Балой и Гусейном на заднем сиденье сделал короткий крюк через перевал.

С возвышенности Знаменитых Географов на мгновение открылась центральная часть города, окруженного с трех сторон скалами; ниже, на уровне заводских труб, у подножия, двигался крохотный, словно игрушечный, тепловозик. Мелькали ставшие привычными похоронные автобусы городских маршрутов. А дальше, близко к воде, виднелись стайки портовых кранов, насыпи щебня, грузовые и рыбоохранные суда.

Еще несколько минут — и мы снова были на набережной. За нами не было «хвоста».

Капитан «Спутника» встречал нас на трапе.

— Здорово, Садык. — Антонов отдал честь задержанному, потом почтительно поздоровался за руку.

— Здорово, адмирал! — гаркнул Баларгимов. — Здесь-то меня, надеюсь, накормят?

— Что-нибудь найдем... — Антонов взглянул на меня.

— Не сейчас, — отвел я его невысказанный вопрос. — Обед на берегу. И сразу потом отдадим швартовы...

— Маршрут прежний? — уточнил Антонов. — Тот берег?

— Нет. Мы должны выйти по курсу «Советской Нахичевани». Они предупреждены. В море следует обеспечить переход арестованного вместе с конвоем на паром.

— Я готов, — только и сказал Антонов.

— Старший конвоя — мой помощник. — Я показал на Балу. — В мое отсутствие он исполняет обязанности водного прокурора участка.

— Во сколько вас ждать?

— Если в течение двух часов нас не будет, поездка автоматически отменяется.

— Понимаю. — Антонов учтиво наклонил голову, ее положение при этом практически не изменилось, а щеки еще больше покраснели.

Я проехал через центр, мимо казаха, торговавшего дынями. Утром, когда я приезжал к Фурману, перед ним лежало четыре дыни, к вечеру осталось три. Но это не смущало его, и завтра он был готов продолжать свою малоэффективную торговую деятельность.

Я высадил следователя. Гусейн был рад тому, что не едет в командировку.

— Спасибо, Игорь Николаевич.

Я еще несколько минут покрутил по близлежащим улицам и взял курс за город.

— Так мы куда? — Шеф лодок был озадачен. — На метеостанцию?

Мы миновали показавшиеся на берегу здания, вблизи которых был убит Пухов, а потом и место, где стоял когда-то город, нанесенный на карты. Недостоверность здешней жизни, которую я постоянно со дня своего приезда ощущал, шла именно отсюда.

Пыльный участок суши. Несколько проложенных под землей труб, в которых слышен рев каспийской воды. Полный бред. Город, положенный в плотину.

Там, внизу, печи, которые топили хозяйки, стены кухонь и спален; священные домашние очаги; лестницы домов, на которых играли дети, мостовые, перекрестки — все, что сначала вошло в жизнь, а потом разом, бессмысленно, сброшено было в поток.

«Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели...» — сказал поэт.

«Ничего не осталось, — снова подумал я, — только рытвины, искореженная земля».

Я свернул к берегу. Тихие овцы лежали на земле спинами друг к другу.

Вода в заливе слегка плескалась, несколько выступавших из моря огромных черных камней метрах в трехстах от берега казались игрушками, плававшими в детской ванне.

— На сигарах пойдем? — Браконьер догадался, а может, просто заметил в темноте дюралевые баки, соединенные с лодкой. — Только снимите с меня наручники, прокурор! В наручниках мне как-то непривычно.

— Сниму. Обязательно.

Я обрадовался по-настоящему, когда увидел впереди Мишу Русакова с его разбойной лодкой.

Все было уже готово к отплытию. На баке я заметил прорезиненные комбинезоны, какие носят обычно на сейнерах. Тут же лежали еще три пропахших морем и рыбой тяжелых рыбацких ватника. Я предпочел бы, чтобы они оказались заодно и пуленепробиваемыми.

— Оружие взяли? — продолжал интересоваться Баларгимов. — Если они догонят, без автоматов нечего делать! Перетопят, как котят...

— Не перетопят, — заметил Миша.

Он обернул пленкой привезенные с «Александра Пушкина» кассеты, спрятал в носовом отделении.

Надсадно кричали голодные чайки.

Бала напряженно вслушивался. Я не мог рассмотреть выражение глаз за темными стеклами очков.

— Ты останешься, Бала, — сказал я. — У меня дела на том берегу...

— Но, может, я... — возразил он.

— Ты отведешь машину. Все!

Я снял с Баларгимова наручники, подождал, пока он затынет комбинезон.

Мы отчалили на веслах. Отойдя за камни, Миша Русаков поочередно, один за другим, врубил все четыре мотора «Судзуки».

Море наполнилось гулом.

Несколько лысух поднялось в воздух. Они разбегались, низко, словно гидропланы, касаясь воды. После их разбега на поверхности некоторое время еще оставались полосы — подобие взлетных.

Ночь пала сразу — полная невидимых брызг, темноты и ветра. Мы держались в стороне от путей, какими обычно ползуются суда, ориентируясь по звездам и компасу. Интересно: провожала ли меня и моя пухлогрудая сизокрылая синекюра?

Мы шли быстро, отбрасывая назад клочки разорванной голубоватой пены, пузырившейся, словно в огромном стиральном корыте.

Один раз нам показалось, что какая-то лодка движется нашим курсом неподалеку от нас.

Миша усилил обороты.

Мы были одни — три крохотные личинки в глубине бескрайней Вселенной, держащие курс на плывущую в толще вязкого неба Рыбацкую звезду.

О, этот отчаянный бросок через море с ревущими моторами за спиной и дюралевыми «сигарами» по бортам! Когда-нибудь он еще приснится мне в горячечном сне и обернется ночным кошмаром, следствием и результатом болезни или кризисного состояния.

7

Недалеко от парикмахерской Гарегина меня окликнул Цаххан Алиев — он покушал пирожки.

— Будете?

Я качнул головой.

— А я, кроме них, по утрам ничего не ем...

Продавец знал Алиева — плюхнул на страницу из школьной, в клетку, тетради две штуки позажаристее.

— Я тоже в ваши края. К Буракову. — Начальник рыбинспекции на ходу принялся есть. — Я заходил — вас не было. Уезжали?

Мое путешествие на тот берег затянулось не по моей воле. Прокурор бассейна все-таки вытянул меня в Астрахань. Баларгимова я сдал в следственный изолятор и заодно наметил с начальством ближайшие неотложные мероприятия.

— Да, отъезжал по делам.

Я не сомневался, что о моем вояже уже всем хорошо известно.

— А у нас ЧП... — рассказал Алиев. — Слышали? На Челекене опять стреляли в рыбинспектора!

Купив пирожки и начав есть, он так ни разу и не посмотрел на них.

— ...А спросите общественное мнение! Большинство относится к рыбнадзору отвратительно: «Рыбинспектор работает грубо, берет взятки». А где правовая защищенность инспектора? Об этом никто не хочет знать!

В последнее время все больше говорили о правовой защищенности рыбнадзора, милиции в ущерб правовой защищенности граждан.

— Сейчас начальство делает мне втык — как же, водный прокурор задержал Вахидова, а твои инспектора не смогли!.. — Мы почти пришли, и он поспешил с объяснениями. — Но, во-первых, Вахидова задержали на берегу, а рыбинспекция борется с браконьерами в море! На берегу с ними должна работать милиция! Во-вторых, на шоссе с рыбой в багажнике браконьер никуда не денется! А когда она у него на кукуане — за лодкой?

Я молча слушал.

— Или другое! Браконьер и в шестибалльный ветер идет в море. А нам запрещено: техника безопасности!

Он принялся объяснять:

— Есть характеристика согласно шкале Симпсона. Один балл — тихий, два — легкий, три балла — слабый... Потом умеренный, свежий, сильный... При свежем, тем более сильном ветре мы уже не выходим...

Скорее всего, он специально ждал меня, чтобы защитить полностью утратившую в моих глазах романтический ореол участковую инспекцию морской рыбоохраны.

— ...Недостатки, безусловно, есть. У кого их нет? Разобщенность надзора, неудовлетворительная профилактика...

У ворот водной милиции Алиев замешкался. Мне показалось — ему не хочется появляться в дежурке вместе со мной. «Эдик Агаев приехал...» — подумал я.

Гезель сообщила последние новости.

Ниязов взял бюллетень по уходу за детьми и на работе не появлялся. Мазут освобожден, он вместе со стариком прокаженным ждет меня на метеостанции для частного разговора. Эдик Агаев по возвращении из командировки злобен, запретил техничке убирать наши кабинеты и приказал Буракову и Хаджиниру заходить к нам только по делу.

— А что проверяющие из Москвы? — спросил я.

— Проверка закончена. Все хорошо. Старший ездил в горы вместе с Агаевым. Сегодня вечером их пригласил генерал Эминов... Как вы считаете, Игорь Николаевич, а строевой смотр будет?

Я удивился, обнаружив у Гезель истинно женский вечный интерес к войску, к военным.

— Обязательно, Гезель.

Все проверяющие, приезжавшие под предлогом оказания практической помощи или инспекторской проверки, всегда действовали одинаково. И именно по этой причине Эдик Агаев на радость жителям нашего двора периодически гонял подчиненных по двору, заставляя выполнять бесчисленные повороты в строю.

— Бала далеко? — спросил я напоследок.

— В исполкоме.

Я вошел к себе, разворошил свежую почту.

Все те же длинные занудливые инструкции, формы очередной отчетности. Среди бумаг мелькнула одна с подписью Главрыбвода. Я выхватил ее в надежде узнать о судьбе пуховских докладных, но телеграмма, которую я прочитал, любопытна была разве только своим пустомыслием: «Инструкцией по ведению делопроизводства в аппарате Главрыбвода, — сообщалось в ней, — определен срок хранения служебной переписки по вопросу охраны рыбных запасов. Поскольку время хранения докладной Пухова истекло, запрашиваемые вами докладная и фотографии не сохранились. Замначальника Главрыбвода Апизурнов».

Отложив в сторону почту, я набросал запрос в филиал Центрального научно-исследовательского института осетрового хозяйства — меня интересовал ущерб, который могла панести одна браконьерская лодка в течение трех лет. Сотни тысяч? Миллионы рублей?

Впрочем, в штормовые дни браконьеры не выходили.

Другой запрос я составил в Гидрометеорологический центр республиканского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды — я просил сообщить сведения о погоде в заливе, прилегающем к метеостанции, за последние три года.

Других срочных дел у меня не было, и, если бы появился Бала, мы смогли бы ехать на метеостанцию к Касумову и старику прокаженному.

Уехать, однако, не удалось. В дверях возник худой высокий старик с двумя медалями, в широком спортивном костюме, оставшемся от лучших времен.

— Я отец Саттара Аббасова... — Он рукавом провел по медалям. Награды висели неровно, одна ниже другой. — Рыбинспектора. Ты, наверное, слышал о моем горе, сынок?

— Да, конечно. — Я усадил старика, выглянул за дверь. Попросил Гезель поставить чай.

— Нет, нет. — От чая он сразу и решительно отказался. — Пока этот подонок, убийца моего сына, Умар Кулиев ходит по земле, поверь, мне ни от чего нет радости...

Он испытующе взглянул на меня. Я кивнул.

— Знаешь, каким был мой мальчик? — Старик отер слезу, достал конверт со снимками. — Вот...

Это были репродукции фотографий, увеличенные, с выпавшим зерном, по которым безошибочно узнаешь снимки умерших.

— Как он плакал, когда мы водили его в детский сад... Совершенно не мог оставаться один. Так и ходил, держался за мамину юбку. И все его дразнили... А потом вырос. Пошел в армию — одни благодарности. Знаешь, где он служил? Под Кандагаром. Слышал про Кандагар? И вот вернулся, чтобы погибнуть...

Старик расплакался.

— Отец... — Я налил ему воды, он отвел мою руку.

— Не надо... Они убили его, потом подожгли с домом-инспекцией за то, что в тот вечер рыбинспектора сожгли браконьерскую лодку... Ты понял? О, горе мне! — Старик был безутешен. — Знаешь, какие деньги мне предлагали, чтобы я замолчал?! Чтобы я продал им своего сына! Ты даже не представляешь!

— Примите, дедушка. — Гезель принесла валидол, старик взял таблетку, положил под язык. Из глаз его катились слезы обиды.

— Что за лодку сожгли рыбинспектора? — спросил я.

В приговоре Умару Кулиеву не было ни слова о лодке, тем более, как я узнал, Кулиев был «ездоком» — то есть не имел своей лодки! И Цаххан Алиев говорил мне, что мотив преступления — месть ему, начальнику рыбинспекции, за запрещение ловить краснорыбными сетями.

— Что это за лодка была? — повторил я.

— Не знаю, — по-ребячьи жалобно сказал Аббасов. — Люди говорят. Они не стали бы мне врать... А этот подонок... — слезы его вдруг просохли, — хочет ходить по земле, когда Саттар уже два года как лежит в ней! Этому не бывать... Я послал на сто рублей телеграмм! В Верховный Совет, в совет ветеранов, министру обороны... И буду посылать. У меня пенсия, и у жены тоже. Нам хватит! Люди не дадут нам пропасть...

Слова о сожженной браконьерской лодке смутили меня. Я долго думал о ней и потом, после того, как нам удалось проводить старика.

«У Кулиева лодки не было. Он и Ветлугин ездили на лодке Баларгимова. Лодка эта цела. На ней доставили рыбу, с которой я захватил Вахидова...»

Я взглянул на часы. Касумов и старик прокаженный уже ждали меня в центре как бы не существующего района массового браконьерского лова осетровых.

Несколько раз я набирал номер Анны — у нее было занято. Но едва положил трубку — раздался звонок. Я не сомневался в том, что это — она, и мы подумали друг о друге одновременно.

— Я слушаю...

— Игорь Николаевич... — у телефона был Бураков. — Тут товарищи из Москвы, хотят разобраться... Помните, к нам обратился заявитель по поводу кражи на пароме? Вы как раз заходили в дежурку...

По многословной нерешительности, с которой Бураков, то и дело отдуваясь, приступал к сути, я понял, что он звонит в присутствии «товарищей из Москвы» и своего грозного начальника.

— ...Так вот. Заявитель этот — тоже сотрудник главка. Он был послан проверить практику регистрации заявлений о преступлениях...

Я удивился:

— И никаких денег у него не украли?

— Нет. Он нас проверял...

— Его предупредили об уголовной ответственности за подачу ложного заявления?

Бураков запыхтел в трубку:

— Да.

— В таком случае он совершил преступление, и мы обязаны реагировать...

— Ему дали инструкцию... — Бураков растерялся. — Я чего звоню? Может, вы с ними поговорите?

— Не вижу необходимости, — сказал я. — Но вы объясните товарищам: выполнение незаконного приказа не освобождает от ответственности...

У Анны номер был еще занят. Я позвонил в рыбинспекцию — у них хранились все акты об уничтожении браконьерских лодок. Дежурный инспектор сказал, что наведет справки и сообщит.

С балкона меня позвала Гезель:

— Игорь Николаевич...

Моему секретарю хотелось увидеть, как водная милиция пройдет по двору, выполняя пресловутые повороты. Того же ждали все выползшие на балконы зрители.

— Равняйсь! — раздалась команда. — Ат-ставить!

Я подошел к окну. Знакомые лица были словно вставлены в одинаково серый бутафорский трафарет. Бураков с майорскими погонами выглядел по-генеральски осанистым. На Хаджинуре форма казалась обуженной. У многих из-под брюк виднелись «неположенные» — с цветными разводами — носки.

— Равняй-йсь! Смир-р!.. — рявкнул мой бывший однокашник.

Эдик Агаев держал подчиненных в непрерывном страхе. Это был его стиль. Он только еще смотрел на них, а те уже начинали дергаться, как лапка погруженной в формалин мертвой лягушки, у которой раздражают нерв.

— Равнение... На... Средину... Товарищ проверяющий! — Агаев отдал рапорт. Один из ревизоров проверил отделение на «Здравие желаю» и «Ура». Ответы звучали громоподобно.

Под устрашающим взглядом Агаева перешли к поворотам в пешем строю, в движении. Я отошел от окна. Если бы Агаев и его войско работали как следует, браконьерская мафия не торговала бы рыбою прилюдно, на берегу, под самым носом у водной милиции.

Бала так и не приехал.

«По дороге заеду за Русаковым...» — решил я.

Мазут и старик Керим встречали нас недалеко от места, где был убит Пухов.

— Ну, что? Пойдемте ко мне?

На Мазуте был все тот же ватник с торчащей из дыр ватой. Старик щеголял в своих узких, с широкими манжетами, брючках и куртке.

— Я, пожалуй, останусь. — Миша Русаков готовился к экзамену на «классность» и всюду возил с собой учебник по навигации. — Немного подзубрю... Ну и погодка!

Было довольно ветрено, гул волн долетал до нас, и землю чуть трясло, будто где-то неглубоко под нами проходила подземная линия метро.

Я подумал, что ему будет холодно в «Ниве».

— На, надень. — Я стащил с себя ветровку — синюю, бросающуюся в глаза, — с белыми полосками вдоль рукавов, Лена привезла ее мне из Кельна. — Все-таки не так продувает.

Мы отправились к уже известному, окруженному трехметровым забором, без единого зазора между досками, «козлятнику».

Поодаль виднелась еще фигура — карлик Бокасса. Ему запретили подходить, он приседал, кривлялся, передразнивая старика прокаженного.

— Бокасса! — Касумов погрозил карлику кулаком, тот отбежал на несколько метров, закрыл лицо руками, словно собирался плакать. — Узнал, что Садыка увезли, и сам не в себе.

— Баларгимов привечал его? — спросил я.

— Это точно. Если едет из города, всегда гостинцы везет. Он ведь как ребенок малый, Бокасса...

Карлик был действительно возбужден, угрожающе сжимал свои крохотные кулачки.

— Баларгимов зарвался. — Мазут начал говорить еще по дороге. — Всех подмял! Признаешь — он тебе все сделает: и похороны, и свадьбу. Денег даст, сына в институт устроит...

— Многие его признали?

— Почти все! Любого мог остановить: «Езжай за водкой!» И попробуй откажи! А уж если махнет рукой — машина или

автобус, — тормози сразу! Осетрину открыто продавал. Все видели. И милиция, и рыбнадзор. И всегда с ружьем. И поддатый. Крови много за ним! Люди подтвердят, если надо...

Я понял, что восточнокаспийская браконьерская «коза ностра» от Баларгимова отказалась.

Со здания бывшего банка на нас смотрел проступивший из-под краски призыв: «Отдадим голоса за нерушимый блок коммунистов и беспартийных!»

Сколько их было тут — выборов в Советы, в Верховные и местные! И ничего не менялось. Иссеченные дождями каменные стены, бочки с питьевой водой, доставленной бензовозом. Занесенная песком техника. Распад. Разруха. Запустение...

Собственно, так и должна была выглядеть столица этой порожденной застоєм республики, управлявшейся советом шефов лодок, с их собственными вооруженными силами, разведкой, контрразведкой и всеобщим заговором молчания.

Мы вошли в «козлятник». Вокруг лежали все те же разбросанные ящики — никто не собирался наводить порядок.

Касумов включил свет. Переступив через гребные винты, мы прошли к столу, к чурбакам, заменявшим табуретки.

— Я «ездок» у Садыка походил. Знаю!.. — Мазут достал сигареты. — Тогда у него еще была одна лодка — старая, двухмоторная. Потом уж новую заказал...

— А из-за чего расстались? — спросил я.

— Хотел на своей лодке походить. Была такая мечта...

— И как?

— Пошел к одному знающему человеку посоветоваться. Так и так... Лодка есть, мотор. И мне будет хорошо, и тебе...

— А он?

— Засмеялся: «Мне ведь с начальством делиться... А у тебя лодка маленькая — много не заработаешь. Давай так: строй большую лодку, на четыре мотора. Нанимай ездоков. Платить мне будешь шесть тысяч в месяц...»

— Рыбнадзору? — я не удержался.

— А еще и милиции. А по мелочи — участковым, капитанам судов рыбоохраны, охране природы...

— Капитану «Спутника» тоже? — Я вспомнил красное гладковыбритое лицо и шкиперскую бородку.

— И ему.

— Выходит, все взяточники?

— Нет, конечно... Менты и рыбнадзор — люди дисциплинированные. Дадут им приказ брать — в минуту возьмут. Нет приказа — не подойдут! Ведь так, отец? — Он взглянул на прокаженного.

Старик кивнул. Он сидел на пристроенном к стене лежаке. Короткие его ножки в узких брючках со смешными манжетами на добрый вершок не дотягивали до пола.

— Я отказался платить! И через месяц уже сидел...

— Вы Пухову говорили об этом?

— А что Пухов? Что Сергей мог сделать? Он направил в Москву бумагу, в Главрыбвод. Все написал. Так у него же и сделали обыск! Искали черновики письма и негативы... Вот как все обернулось!

— Странные дела...

В студенческом исследовании моей жены — «Поведение браконьеров в конфликтной ситуации» — инспекторам рыбнадзора предлагалось дать оценку личностных качеств браконьера: «хороший» — «плохой», «умный» — «глупый», «щедрый» — «жадный» и так далее. При обработке полученных данных выявилась обратная зависимость между стажем инспекторской работы и величиной негативной оценки. С увеличением стажа работы инспектора отрицательная оценка имела тенденцию к сглаживанию, уменьшению. Видимо, Пухов, которого все одинаково характеризовали как опытного инспектора, был в силах подняться до понимания человека, ставшего браконьером в силу сложившихся вокруг него условий, и даже воспользоваться его помощью.

Я прибегаю к тому же.

— Чью лодку сжег рыбнадзор перед тем, как ночью подожгли инспекцию? — спросил я.

Мазут не дал мне договорить:

— Баларгимова.

Мне показалось — я ослышался.

— Баларгимов платил им за одну лодку, а ловил двумя... — пояснил Мазут. — И кто-то его продал.

Я начал понимать.

«Вот почему в ту же ночь пытались сжечь «козлятник» Касумова!» Браконьерские войны переносились на Берег.

Мазут поднялся, включил стоявший на электроплитке чайник, достал из шкафчика заварку. Подумав, он снова полез в шкафчик — вынул три граненых стакана, и сразу же появилась бутылка.

Я молча смотрел, как мутноватая, здешнего производства «Русская горькая», булькая, освобождает емкость. Видел бы сейчас меня Генеральный! Водный прокурор участка. С граненым стаканом. В «козлятнике». С браконьерами.

Мы выпили.

— Вам известно — кому Баларгимов платил деньги? — спросил я.

— Нет. — Касумов не поднял глаз. Старик тоже смотрел куда-то в сторону.

— Давал, но кому конкретно... — Мазут пожал плечами.

Я понял, что заговор молчания — омерта — перестает действовать только против тех, кто уже не опасен: убит или арестован.

— Вы доставили записку из тюрьмы от Умара Кулиева, —

сказал я. — Я не спрашиваю, кто вам в этом помог... Пухов знал о ней?

— Только о первой...

— Другую Мазут должен был привезти в ту ночь, когда Пухова убили... — Керим пошевелил маленькими, в коротеньких брючках, ножками.

— Должен был, да застрял! Человек, через которого шла бумага, в чем-то проштрафился, попал в изолятор. Мне пришлось сутки ждать...

Я все понял.

— Вы можете мне ее показать? Она у вас? Я обещаю, что без вашего согласия ни она, ни вы, ни те, кто вас послал, — никто не будет фигурировать в этом деле.

— Это можно. — Касумов поднялся. — Можете ее взять себе. Тем более что за доставку заплачено.

— Кем?

— Женой Умара.

Мазут подошел к окну — на полочке, рядом с подоконником, сушилось несколько сигарет, знакомые коробки с изображением Циолковского — Евтушенко.

— Откуда эти спички? — спросил я.

— Садыку привезли несколько ящичков. Он раздавал всем. Мазут выбрал одну из сигарет, подал мне. На ощупь сигарета была совершенно обычной, я раскрошил табак. Внутри лежала маленькая, свернутая трубочкой бумажка.

Я поднес ее к свету. Написанная острозаточенным, как игла, графитом записка была короткой:

«Отец он меня уговорил взять все на себя перед приговором в автозаке он обещал, что все сделал, что расстрел дадут только чтобы поугаать если вы не поможете, я буду третья его жертва».

Громкий крик донесся неожиданно со стороны метеостанции. Еще через минуту дверь «козлятника» была отброшена сильным ударом ноги. Огромный лысый казах, которого я уже видел раньше, впихнул внутрь маленькое, выпачканное кровавой краской верещавшее существо, в котором я узнал крохотного карлика Бокассу.

Казах прокричал Касумову несколько слов на своем языке, бросил на стол нож с наборной ручкой, похожий на финку, мотнул головой на забор.

На берегу уже были сумерки. Вместе с Касумовым я бросился к машине, там причитали женщины. В тусклом свете фары, установленной на метеостанции, я увидел лежавшего на заднем сиденье капитана Мишу Русакова, на нем была моя синяя, с белыми полосами, ветровка из Кельна, по ней ползли, ширились страшные, не меньше чем сама смерть, коричнево-бурые пятна.

Миша был жив, он попытался улыбнуться, но было видно, что это ему дается с трудом. В ногах у него, рядом с сиденьем, валялись брошенные убийцей спички со знакомым портретом — Бокасса, видимо, предлагал Русакову прикурить.

Вдвоем с Касумовым мы быстро сняли с Миши одежду, я достал аптечку, как мог, затампонировал рану под лопаткой, сел за руль.

— Бокассу возьмите! — крикнул кто-то.

Я только махнул рукой.

Касумов устроился на заднем сиденье, рядом с Мишей, аккуратно привалил его к себе.

Нападение на Русакова было, очевидно, повторением того, что произошло с Пуховым. В том же месте. Пользуясь неожиданностью. Сзади.

«Только против Пухова в ход пущен был пистолет, а не финка!»

Исполнителем обоих преступлений оказался психически неполноценный человек, послушное орудие в руках, которые его направили.

Мы отъехали не мешкая.

Время от времени Миша тихо стонал, особенно когда я, стараясь ехать быстрее, попадал на выбоины.

«Что я знаю о Мише? Женат? Есть ли у него родители?» Из больницы надо было срочно звонить дежурному.

— Как он? — спрашивал я Касумова, не услышав очередного стона.

— Порядок, — отвечал Мазут.

Казалось — дороге не будет конца, я уже подумал, что еду словно по закрученной поверхности ленты Мебиуса, когда впереди неожиданно блеснули тусклые огни. Восточнокаспийск был уже рядом.

— Где лучше проехать? — не оборачиваясь, спросил я, лишь только мы въехали в город.

— Все время прямо, я скажу, где свернуть...

По территории больницы мы с Мазутом несли Русакова на руках, благо приемный покой оказался в нескольких десятках метров.

Пока шла операция, я прошел к телефону в кабинет главного врача, поднял на ноги дежурного и Буракова и дал указание выехать на место и арестовать Бокассу. Потом мы еще долго вместе с Мазутом сидели в коридоре, пока не приехала маленькая светловолосая женщина с девочкой-школьницей — мать и сестра Миши Русакова.

Так мы сидели, когда из операционной появился грустный хирург — в колпаке, домашних тапках и непривычном, зеленого цвета, халате.

Хирург подошел к нам и вместо слов, которые висели в воздухе: «Мы сделали все, что могли, но тщетно... Мужайтесь!» — сказал:

— Он будет жить. Все в порядке. Ничего опасного...

Я прослезился и — страшно сказать! — тут же забыл о Мише, потому что голова моя была крепко забита тем, что я узнал и что временно просто отошло в сторону, пока я занимался раненым.

Из кабинета главврача я снова дозвонился до водной милиции — к счастью, Хиджинур был на месте.

— Ты по-прежнему в бригаде по раскрытию убийства Пухова? Изменений нет?

— Разумеется, Игорь Николаевич... — Он один делал вид, что не замечает событий, происходивших вокруг опального водного прокурора.

— Можешь говорить?

— Да.

— Слушай внимательно. Смертный приговор Умару Кулиеву вынесен областным судом 5 января...

— Слушаю.

— Нужно найти тех, кто мог находиться в тот день в автозаке вместе с ним...

— Арестованных?

— Ну да. Восточнокаспийск — город небольшой. Я думаю, конвой был один. По дороге мог захватить людей и в районные суды... Понял?

Во дворе я увидел Агаева с московскими проверяющими. Они ждали машину. Увидев прокурорскую «Ниву» и меня в ней, Агаев увлек собеседников чуть в сторону. Это избавляло его и меня от взаимных приветствий.

«Плохи, Игорь, твои дела, — подумал я. — Агаев уже прекратил с тобой здороваться».

В дежурке на столе перед капитаном Барановым стояли три «кейса», принадлежавшие гостям, и три одинаковых, средней величины, целлофановых пакета.

— Сувениры в Москву... — объяснил мне по-приятельски Баранов. Мы были в дежурке одни.

От него я узнал также, что неназванная сила, имеющая власть на Берегу, отменила запрет на эксплуатацию установок на сажевом комбинате. Отмена была оговорена множественном предупреждений — «в виде исключения...», «учитывая насущную потребность промышленности...». Правительственная комиссия, которая должна была расследовать случившееся, переложила свои функции на республиканский комитет народного контроля. Смысл был ясен: Кудреватых победил.

Я поднялся к себе. Начальство только еще покинуло здание, а сотрудники уже бросили работу. В коридоре и на лестнице курили. Дым стоял коромыслом.

Методы устрашения, к которым прибегал мой однокаш-

ник, могли лишь вызвать имитацию дисциплины. Я снова вспомнил лягушачью лапку в формалине, дергавшуюся под влиянием раздраженного нерва. С прекращением активного воздействия на нее мертвая лапка мгновенно замирала.

— У нас новость, — встретила меня Гезель. — Балу вызвали в Астрахань. Он оставил записку.

Я развернул ее.

«Меня включили в следственно-оперативную группу по делу Баларгимова...» — Нечто подобное я предвидел.

— Что еще?

— Звонили из рыбинспекции. — Гезель подала мне лист бумаги: «Акт об уничтожении браконьерской лодки за 22 сентября в рыбоохране не зарегистрировано».

— А это? — Я увидел на столе у нее конверт: «Восточнокаспийск. Водному прокурору. Лично».

— Это? Из дежурки принесли.

Я вскрыл конверт. На квадратной четвертушке, вырванной из тетради, было начертано: «Качкалдаков отравил директор заповедника».

Письмо без подписи.

«Анонимка — позорное орудие сведения счетов, — шумел на совещаниях прежний мой шеф по прокуратуре. — Честный человек обязательно подпишет заявление. Не побоится!»

Я не поддерживал праведный гнев начальства. Может, это и ускорило мою синеглазую синектуру. Сигнал без подписи — увы! — порой оставался последней надеждой маленького человека в борьбе с высоким коррумпированным начальством. И в нем не больше неэтичного, чем в выборном бюллетене с зачеркнутой фамилией кандидата... О, как бы им хотелось знать, кто против них выступает, пишет, голосует!

Эта анонимка была иного толка.

«Качкалдаков отравил директор заповедника».

По мере того как следствие выходило на финишную прямую и один за другим, как карточные домики, рушились мифы о законности и порядке, существовавших в восточнокаспийских правоохранительных органах, меня все время пытались увести в сторону, заставить заниматься не основным — второстепенным.

Маленький зловредный листок. Четвертушка бумаги в клетку, вырванная из школьной тетради...

Мне показалось, что я уже видел такую. Сбоку внизу проступала едва заметная полоска жира. Продавец утром на углу завертывал пирожки начальнику рыбинспекции...

Я набрал номер.

— Это вы, Цаххан?

— Я слушаю вас внимательно, Игорь Николаевич...

— Мне нужен совет. Это касается заповедника. Качкалда-

ков.

— Я; как пионер, — отозвался начальник рыбинспекции, — всегда готов. Особенно для водной прокуратуры...

— Никто нас не слышит? — подпустил я туману.

— Нет, нет.

— Я о Сувалдине... Не могут они там, в заповеднике, химичить? А?

— Что вы имеете в виду?

— Это массовое отравление птиц... Может, цифры не сошлись? А тут появляется возможность списать качалдаков как погибших...

Начальник рыбинспекции с секунду поколебался. Если он и был вдохновителем анонимки, то все равно обязан был согласиться не сразу, а сначала проверив, что дичь, в данном случае я, действительно заглотила наживку.

— Вообще-то... — Подумав, он решил, что можно дожимать. — А что? Мне, честно говоря, тоже приходило это в голову... На людях распинаются в любви к бедной птице, бьют себя в грудь, а на деле...

— Ну, хорошо. — Больше мне ничего не надо было. — Мы еще поговорим!

Я бросил трубку, но тут же схватил ее снова.

Звонил Орезов:

— Человек, который ехал в автозаке с Кулиевым. Я сейчас прочту... «Подсудимый Семирханов — нарушение правил безопасности движения. Освобожден в зале суда с учетом срока предварительного заключения, проживает: улица Карла Маркса, 7...»

— Я еду.

Мы разговаривали во дворе двухэтажного деревянного барака. У Семирханова было мясистое лицо, приплюснутый нос, восточные, с поволокой, глаза.

Против нас, рядом с водоразборной колонкой, бродили голуби. Каждый раз, когда кто-нибудь приходил за водой, они бросались на каждую пролитую каплю. В углу двора лежал ободранный, повернутый набок «Запорожец».

— Убийцу везли в крайнем боксе... — Поездку в суд Семирханов хорошо помнил, потому что она оказалась для него последней. Домой он вернулся пешком. — Во втором боксе везли воровку, а ее подельница сидела в общей камере с нами. Они всю дорогу переключались...

Он показался мне человеком бывалым, медлительным, из тех, кто не поступает опростачливо.

Я заглянул в составленный Хаджинуром список — там действительно значились две женские фамилии. Разыскать и допросить их в будущем не составляло труда.

— ...Конвоиры им не препятствовали...

— Помните конвоиров?

— Нет. Освещение тусклое. Крохотная лампочка, даже

углы не видать... Меня в Морской райсуд везли. Пока ехали, чуть не ослеп!

— «Воронок» из тюрьмы подъехал сразу к райсуду Морского?

— Нет. Сначала в Черемушкинский, там оставили женщин. Потом в областной. Отвезли парня из бокса.

— Вы этого арестованного видели?

— Нет! Его раньше провели.

— А откуда знаете, за что он был арестован?

— Он крикнул статью: умышленное убийство...

— Ясно. Скажите — после того, как вы отъехали от тюрьмы, автозак останавливался?

— Останавливался. Вернее, притормозил...

— Что-то случилось?

— Да нет! Кто-то сел. Ему открыли снаружи...

Я так и представлял все это себе: в заранее обусловленном месте автозак остановился, кто-то сел, заговорил со смертником.

И все же в глубине души я надеялся, что ошибаюсь.

Парадокс! Лопались ложные авторитеты, садились на скамью подсудимых министры и секретари обкомов, члены ЦК, а я верил в маленьких людей, выполняющих несложную, но очень важную и необходимую для общества работу, требующую всего двух качеств — честности и уважения к закону. Я — прокурор! — как мальчишка верил, что в «Воронок», в котором под усиленным конвоем везут убийцу, можно попасть только как в танк — подорвав либо полностью уничтожив экипаж...

— Вы слышали, как этот человек садился? — спросил я.

— Да. По-моему, на повороте от базара к улице Павлика Морозова. — В Семирханове говорил шофер-профессионал.

— Там вираж на подъеме. И сразу идет спуск.

— Видели его?

— Нет. Он сел с конвоирами в предбаннике. Между нами была решетчатая дверь. Я слышал, как он говорил с тем парнем, из первого бокса.

— Какой у него голос? Что-нибудь можете сказать?

— Немолодой. Вот все, пожалуй. В основном он говорил.

Парня я почти не слышал.

— А что именно? Помните?

На неподвижном мясистом лице появилась короткая усмешка, Семирханов покрутил головой.

— Ничего не слышал!

— Гезель! Я прошу срочно отпечатать и отправить эти телеграммы...

«Председателю Президиума Верховного Совета СССР тов. Громыко А. А. Копия Генеральному прокурору СССР тов. Рекункову Т. В., г.р. Москва, — писал я. — Прошу немедленно

приостановить исполнение вошедшего в силу смертного приговора Восточнокаспийского областного суда Умару Кулиеву, осужденному по обвинению в умышленном поджоге здания рыбнадзора и убийстве инспектора рыбоохраны Саттара Аббасова, и возобновить дело по вновь открывшимся обстоятельствам. Прокурор Восточнокаспийской зоны прокуратуры Каспийского водного бассейна, имярек».

Еще две телеграммы, почти дословно дублировавшие текст, я послал в Астрахань, прокурору бассейна и прокурору Восточнокаспийской области Довиденко — «для сведения».

— Пожалуйста, Гезель. — Я передал ей черновики, подождав в приемной, пока она перенесла текст на телеграфные бланки, бросая время от времени поверх пишущей машинки преданные взгляды в мою сторону.

Гезель ушла, а мне вдруг стало стыдно: я ни разу не вспомнил о раненном из-за меня Мише Русакове!

Я позвонил в больницу — ответ меня успокоил: состояние Миши было удовлетворительным, хотя мне и сказали, что он пролежит в больнице несколько дней.

Со вторым участником уголовного дела — Бокассой — все тоже было ясно: его задержали, и Бала, уезжая, направил карлика на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу.

Я набросал еще несколько бумаг.

Председателя Восточнокаспийского областного суда я просил «в связи с возникшей необходимостью выдать для допроса осужденного Кулиева Умара, значащегося за областным судом...».

Следующий документ я адресовал всесильному начальнику Восточнокаспийского областного УВД генералу Эминову.

«...В связи с возникшей необходимостью, — потребовал я, — срочно направьте в водную прокуратуру Восточнокаспийской зоны список лиц, конвоировавших из тюрьмы в областной суд на заключительное судебное заседание 5 января осужденного Кулиева, а также сообщите о возможности пребывания в автозак с подсудимыми посторонних лиц...»

Подумав, я предложил дежурному передать текст по телефону в областное управление. Период колебаний для меня сразу и полностью закончился, мне стало легко, как человеку, которому нечего терять.

— Не помешаю, Игорь Николаевич? — Мой секретарь Гезель вернулась с телеграфа. — Сейчас такое было! У приемщицы во-от такие глаза: «Срочно. Правительственная»... А когда дочитала до конца, где вы просите приостановить исполнение приговора, у нее будто схватки начались... — Гезель использовала сравнение из близкой ей сферы. — Передо мной как раз сдавала почту начальник канцелярии облпрокуратуры. Только я отошла, они начали шептаться!..

— Ничего, — успокоил я. — Прокурор области узнает о телеграмме раньше, чем ее получит...

Мы еще не кончили говорить, как мне позвонил Довиденко.

— Срочно приезжай, надо поговорить! — не здороваясь, сквозь зубы сказал он.

— Слушаюсь. Завтра вечером буду. Пока.

Он сбавил гонор:

— Подожди. Надо посоветоваться. Машина есть? А то я пришлю свою.

Мне не пришлось ждать его в приемной. Молодой помощник Довиденко кивнул мне на дверь, и я сразу вошел в кабинет. Несколько незнакомых работников сидели за приставным столом. Ждали меня — потому что, едва я появился, все молча удалились.

— Напоминает великий исход, — я кивнул на дверь.

— Скорее — приход великого инквизитора. — Довиденко убрал с стол какие-то бумаги, мне показалось, я заметил среди них телеграфный бланк.

— Ты знакомился с уголовным делом по убийству Саттара Аббасова и поджогу рыбинспекции? — жестко спросил меня Довиденко.

— Дело-то в Москве!

— А с заключением Прокуратуры и Верховного суда для Отдела помилования Президиума Верховного Совета?

Я и понятия не имел о том, что они составляют такие заключения. О чем? О законности вынесенных приговоров? Или рекомендуют Президиуму — кого помиловать, кого нет?

— Я думал, решение о помиловании — прерогатива Президиума Верховного Совета...

— Он «думал»... — презрительно сказал Довиденко.

Он набрал какой-то номер, тот оказался занят, Довиденко нетерпеливо принялся крутить диск.

— Ну что вы там разболтались... — крикнул он наконец раскатисто-зло кому-то, кто снял трубку. — Зайди вместе с Фурманом. И захвати наблюдательное по Умару Кулиеву... — Довиденко снова развернулся ко мне. — Ты видел его заявление из тюрьмы? Тоже нет! А не мешало бы!

И прежде чем кто-то из прокуроров вместе с Фурманом доставил наблюдательное дело, Довиденко постарался устроить мне жесткий прессинг по всему полю.

— Умар Кулиев как сознался в первый день, когда его милиция допросила, кстати, твоя — водная, так до последнего дня ни слова не изменил! Кто и где только его не допрашивал! Он и на место выезжал и тоже подтвердил! Два суда было! Потом дополнительное следствие. И всюду — одно и то же! Почитай его ходатайство о помиловании... — Довиденко был

впис себя. Моя телеграмма Генеральному произвела на него впечатление взорвавшейся бомбы, разрушительные последствия которой пока еще не были до конца известны. — Там нигде и слова нет о невиновности. Только — «Каюсь. Винават. Простите...».

В приемной послышались голоса, но прежде чем Фурман и его коллега вошли, в кабинете появился молодежавый тонкий брюнет в костюме из блестящей ткани и белоснежной тончайшей сорочке — начальник областного управления генерал Эминов. Он поздоровался с Довиденко, который шустро поднялся ему навстречу.

На меня Эминов даже не взглянул.

— Я уже приказал, чтобы ему подготовили бумагу. Разъяснили. Если у него самого котелок не варит... — Лицо у начальника УВД было недоумевающе-брезгливым. — Кто из посторонних мог попасть в автозак? Ты слышал такое? Согласно уставу караульной службы во время транспортировки подследственных и осужденных внутри автозака могут находиться только, — Эминов поднял пафец, — лица, содержащиеся под стражей, и конвой. Он думает, это рейсовый автобус в Красноводск...

Довиденко развел руками:

— Я тоже говорю.

— Митрохин придет — надо выносить вопрос на бюро. Сколько можно!

С высоты сфер, в которых Эминов вращался, я казался ему крохотным существом, величиной с насекомое.

— Кончать надо с этим делом. Я сегодня же буду звонить министру...

— Да, да... Эминов прав, — поддакнул Довиденко, обернувшись. — Есть правила конвоирования арестованных в автозаке. Я не слышал, чтобы их нарушали. Это — святая святых МВД. Особенно когда конвоируют смертника!..

Я положил на стол скопированную мной записку Кулиева.

— А как ты это понимаешь? «В автозаке он обещал, что все сделал, что расстрел дадут только, чтобы поугатать...»

— Откуда она у тебя? — Довиденко набычился.

— Неважно. Можешь оставить себе, — сказал я. — Это копия.

Фурман и второй работник прокуратуры — невысокого роста, с белыми обесцвеченными волосами и маленькими больными глазками, похожий на альбиноса, — подошли ближе, тоже прочитали записку.

С прибытием в кабинет Эминова и еще двух работников прокуратуры соотношение сил резко увеличилось не в мою пользу. Я смог убедиться в верности данных о поведении инспектора и браконьера в конфликтной ситуации, собранных когда-то моей женой. «В тех случаях, — писала Лена, —

когда нарушителей несколько, они объединяются в группу таким образом, что выделяется старший — направляющий поведение группы, и младший — ориентирующий на старшего больше, чем на инспектора...»

Так и произошло.

— Не вижу ничего удивительного, — сказал тот, который был похож на альбиноса. — Человек, приговоренный к расстрелу, идет на любую хитрость! Он же борется за свою жизнь! Так? Кулиев надеялся, что ему не дадут смертную казнь, поскольку он рассказывает правду. Но как только ему объявили приговор, он изменил тактику. Это естественно. Сразу возник мифический организатор, человек-невидимка, призрак... — Он взглянул на меня маленькими, незрячими глазками.

— Это вы потребовали для него на суде смертную казнь, — догадался я. — С учетом «как отягчающих, так и смягчающих вину обстоятельств...».

— Я поддерживал обвинение. Ни о каком организаторе до вынесения смертного приговора и в помине не было...

— И почему Кулиев нигде не называет его? — подхватил Фурман, не глядя на меня.

Но старшим продолжал оставаться генерал Эминов. Все замолчали, когда он заговорил:

— ...Мы многих тут видели, но такого прокурора еще не было!

Слегка припорошенная сединой, тонкая, как у борзой, голова так и не повернулась в мою сторону. Эминов что-то смахнул с рукава.

— Все начинается с аморальности. С легких связей. Надо с этим кончать...

Эминов грозил не только мне, но и Анне...

На улице из ближайшего автомата я позвонил в бюро судебно-медицинской экспертизы.

— Алло, перезвоните, пожалуйста, — сказала она очень ласково, так, словно ей звонил самый близкий на свете человек. — Вас не слышно...

Автомат, как это было сплошь и рядом, не работал.

Я позвонил снова — на этот раз Анна услышала меня.

— Как ты живешь? — спросил я.

— Тихо. А ты?

— В первую очередь голодно. Мне кажется, что у меня уже несколько дней не было ни крошки во рту, — пожаловался я. — Не знаю, смогу ли я когда-нибудь утолить свой голод. Но, может, я ошибаюсь?

— Необходимо провести эксперимент.

— Предлагаю сегодня в «Интерконтинентале».

— Что-то я не слыхала о таком.

— Я тоже. Придется повести тебя все в тот же ресторан.

— Я не взыскательна.

— Значит, в восемь. У входа.

Я поставил «Ниву» на площади, недалеко от памятника погибшим воинам. У меня еще было немного времени. В киоске «Союзпечать» пожилая женщина предлагала старые газеты, заодно сигареты, галантерею.

— У вас есть лезвия бритвы? — поинтересовался я на всякий случай. С лезвиями был дефицит.

Оглянувшись по сторонам, женщина достала из-под прилавка книгу. Это была «Лезвие бритвы» Ивана Ефремова.

— Отложила себе, но если вам необходимо... — Она назвала сумму, которая могла бы, по ее мнению, отчасти компенсировать жертву.

Я покачал головой. На прокурорскую зарплату разделенной семьи я не мог позволить себе покупать книги по черным ценам.

Теперь я уже опаздывал, но мне осталось только перейти дорогу. Улица перед рестораном была короткой, но весьма оживленной, поскольку вся площадь отдана была пешеходам. Машины появлялись неожиданно — по дуге, это было вдвойне неприятно.

Я стал переходить и внезапно застрял. По обе стороны, впереди и позади меня, шел транспорт. Внезапно одна из машин, шедшая на большой скорости, выключила свет и вышла на осевую. Я понял: это — «моя».

Каким-то чудом я бросил себя вперед на тротуар, кокава-шемуся прямо напротив светильнику, и буквально прилип к нему.

Скрежет тормозов раздался словно внутри меня! Лихач крутанул руль в мою сторону, потом так же резко в другую. Крыло машины просквозило в нескольких сантиметрах. Не поверни водитель во второй раз — он припечатал бы меня к фонарю, смяв заодно себе крыло вместе с фарой. Не это ли заставило его действовать столь энергично? Водитель прибавил газу и скрылся в темноте.

Несколько прохожих, видевших, что произошло, бросились ко мне. Я почувствовал нахлынувшую на меня теплую волну человеческой солидарности.

— Как вы?

— Не задел вас?

Какая-то женщина заметила:

— Наверняка пьяный. Ведь видит, что на человека едет!..

— Номер запомнили? — спросил стоявший на ступеньках ресторана военный.

— Нет. — Я знал, что несколько минут назад находился на волосок от гибели.

— А зря, — философски заметил он.

— Наверное. — Я поспешил отойти, чтобы Анна не увидела меня в самом центре кружка сочувствующих.

Она появилась через несколько минут.

— Я не очень опоздала? — Анна была в тяжелом туркменском «макси» с вышивкой вокруг квадратной рамки. Я заметил: она подстриглась под мальчика, выглядит молодо и это чувствует.

— Ну, как? — спросила она о прическе.

— Потрясающе. — Я взял ее под руку и круто повернул к дверям тускло освещенного ресторана.

Она сделала попытку высвободиться:

— Только не сюда. Там нас многие знают.

— Но ведь мы сидели уже в прошлый раз!

— Тогда было другое дело!

— По-моему, мы и тогда ужинали.

— Ты отлично знаешь, о чем я говорю. Такое ощущение, будто у меня на лбу написано про нас с тобой. И я не хочу, чтобы все это читали.

— Хорошо, — согласился я. — Куда же мы поедем?

— Есть одно место — «Сахиль». — Она, по-видимому, еще раньше приняла решение. — Это недалеко. На берегу.

— Прекрасно.

На этот раз я не спешил перейти улицу. Держа Анну за руку, я тщательно примерился, прежде чем ступить на мостовую. В результате мы благополучно перебрались на другую сторону, к памятнику павшим.

Я не стал осматривать покрышки. На этот раз я был уверен, что все будет в порядке: проколотые покрышки могли бы бросить тень на классически чистый несчастный случай с прокурором, попавшим под машину.

Впрочем, заговор всеобщего молчания, в существование которого я постепенно поверил, не был бы нарушен и в том случае, если бы вместо проколотых покрышек «Ниву» после моей гибели мгновенно обули бы в новую резину или вообще сменили колеса.

Мы ехали молча. Мигалки-светофоры на перекрестках хлопали желтыми пустыми глазами. Пешеходные дорожки в центре, огражденные от мостовых тяжелыми якорными цепями, были пусты.

Мы выехали за город.

— Направо. — Анна показала дорогу. — И прямо в него упрямся.

Кафе «Сахиль» оказалось обыкновенной «стекляшкой» с несколькими столиками, за которыми никого не было. В глубине у стойки возился буфетчик — он то ли снимал остатки, то ли освобождал тару. Было уже темно. Еще несколько легких столиков с металлическими основаниями стаяли под деревьями, но и они были пусты.

Я взглянул на Анну, она уже вышла из машины — стройная, в строгом длинном платье, похожая на женщину с памят-

ника павшим. Я запер машину, догнал Анну, когда она уже огибала кафе.

— Ты куда?

Мы обошли темные пристройки, примыкавшие с обратной стороны подсобные помещения и оказались у грубо сколоченной незапертой двери.

— Видишь, настоящий вход не с улицы. — Сбоку от кафе было припарковано не менее десятка машин.

От неказистого входа шел узкий, тускло освещенный коридор.

— Сюда, — повела меня Анна.

По обеим сторонам виднелись такие же неказистые двери. Мы прошли несколько метров. В конце коридора я заметил стоящую в темноте парочку, мужчина что-то объяснял, стараясь говорить как можно тише, женщина колебалась. По ее неуверенности можно было сказать сразу, что она пришла сюда с чужим мужчиной.

Анна толкнула одну из дверей — мы оказались на кухне. Худенький, в очках, мальчик-официант поздоровался с Анной, что-то спросил, потом быстро куда-то сходил. Вернувшись, он протер очки и открыл нам дверь рядом с кухней — кабинет администратора или директора — с двумя столами: обеденным в середине и тяжелым, двухтумбовым, в углу; с телевизором, тахтой и даже торшером.

— Располагайтесь как дома. Самый лучший кабинет во всем заведении, — произнес он по-русски чисто, без малейшего акцента, и снова протер очки.

Мне он показался старшеклассником из неполной семьи, подрабатывающим на мытье посуды в третьесортном кафе.

— Шеф передал: для вас, — объявил официант, — есть овощи и рыба. А точнее — шашлык из осетрины. Мы получили небольшую тушку...

Я подумал, что речь, может, идет о рыбе, которую конфисковали у Вахидова и сдали в общепит.

— Очень хорошо. — Анна обрадовалась.

— Водку, коньяк?

— Я бы выпила сухого.

— А вам? — спросил он меня.

— Мне коньяка. Лимон.

Когда он ушел, мы посидели молча.

— О чем ты думаешь? — спросила Анна.

— Откуда ты знаешь про «Сахиль»? — Мне отчего-то стало грустно. — Ты приезжала сюда с мужчиной?

— Нет. — Она накрыла ладонью мою руку на столе. — Просто у меня подруга — санитарный врач. Несколько раз мы вместе здесь обедали.

— Там, в коридоре, это все отдельные номера? — спросил я.

— Да. У нас ведь как? Сооружают обычную «стекляшку» — приходи, пей, ешь! А кто пойдет? Тогда директор правдами и неправдами пристраивает какие-то кабинеты для шеф-повара, администратора, делопроизводителя. Вечером все превращается в номера.

Постепенно, несмотря на тусклое освещение, глаза ее обрели природный светло-синий цвет.

— Какие новости в мире? — спросил я.

— Мир велик, — резонно заметила Анна. — Кроме того, есть макромир и микромир...

— Все это время я пробавляюсь новостями небольшого, но очень важного для маленького человека мирка.

— А что такое — маленький человек? — спросила Анна.

— Ну, это тот, кто до поры до времени позволяет другим решать его собственные проблемы...

— Тогда я — маленький человек. Совсем маленький. Вот та-кой...

Мальчик-официант внес поднос с закусками, установил его в углу на письменном столе, и, поправляя то и дело спускавшиеся с переносья очки, принялся ловко сервировать наш стол. Я обратил внимание на его совершенно круглые глаза, худенькую длинную шею и нежную мальчишескую кожу — в детском театре он мог бы играть верблюжонка.

— Кто этот малыш? — поинтересовался я у Анны, когда он вышел.

— Сын директора кафе. Между прочим, у него исключительные способности...

— Представь: я догадался.

— Думаю, что ты шел не по совсем правильному пути. Это маленький делец. У него свой счет в сберкассе. Тебе нужны американские сигареты или ящик чешского пива? Он поставит тебе в багажник. Может познакомить с девочками. За комиссионные, разумеется.

— Мне это и в голову не пришло, — признался я.

— Я поняла. Ты видел, как быстро он решил наше устройство? Он наверняка знает, кто ты. И кто мы — друг другу.

— Ну, с этим-то значительно проще. — Я взял ее руку. — Как его зовут?

— Уктем. Его все знают.

«Еще образ, — подумал я. — Целая галерея, годная, может быть, лишь для фантастического романа».

— Удивительное место на земле, — заметил я. — Область стоит на одном из последних мест по стоимости основных фондов непроизводственного назначения в расчете на одного жителя... Идет недооценка социально-культурной сферы. Закон зоны... — Мне показалось — я нашел верное слово. — Преступные авторитеты берут верх над администрацией. А вместо денежного эквивалента — икра и красная рыба. Продукты, добытые воровским путем.

Порочный, похожий на нежного верблюжонка Уктем появился снова, поколдовал над письменным столом и перенес на обеденный шампуры с янтарного цвета ломтями осетрины, чуреки, терпкий гранатовый сок и тонко нарезанный лимон. Потом он наполнил нам рюмки, оглядел стол.

— Приятного аппетита. — Вид был у него простовато-бесхитростный: круглые глаза интеллигентного мальчика, беспрепятственно сползающие, в металлической импортной оправе очки, чистая ковбойка, прикрытая коротким белым фартучком. — Тут есть звонок. Позвоните, когда я понадобится. До этого вас никто не побеспокоит.

— Мальчик должен многое знать, — сказал я, когда Уктем вышел.

Анна согласилась.

— Но он не скажет. Никто ничего не скажет, пока ты не арестуешь тех, кого здесь боятся. А потом не арестуешь и тех, кто покровительствовал тем, которых боятся. И еще следующий слой...

Я не стал ей говорить об угрозах ее бывшего мужа. Зачем?

Мы просидели довольно долго. Разговор вился как деревенская тропинка — вокруг, с учетом местных условий. Мы не касались наших взаимоотношений, как настоящих, так и будущих, кроме того, мы не говорили о прошлом каждого, будто жизнь началась со времени нашего знакомства — на берегу у метеостанции в день гибели Сережи Пухова.

Убийство Пухова, несчастный случай с Ветлугиным, выброс нефти на сажевом комбинате, отравление качалдаков...

Уктем появился через несколько минут после моего звонка — по-прежнему деловой и тактичный.

Я спросил, как бы между прочим:

— У вас большая холодильная камера?

Он поправил очки:

— Какая? У нас их две.

— И было две? С самого начала?

— Вторую поставили недавно. — Он с любопытством взглянул на меня. — А что?

— Мы иногда сдаем бесхозную рыбу. Вероятно, можно сдать и сюда. Если есть емкие камеры...

— Конечно, — круглые глаза верблюжонка заблестели. — У нас большие камеры. Самые большие в городе. У нас их арендует Рыбакколхозсоюз.

— Парфенов?

— Парфенов — зам. — Мальчик знал все.

Когда я посмотрел на часы, собираясь рассчитаться, Уктем сказал:

— Ваш счет оплачен.

— Кем же? — удивился я.

— Не знаю... Он сказал, что ваш друг, — мило соврал верблюжонок. — В таких случаях мы никогда не отказываем. Дружба у нас — святое дело.

— Так, так. — Я согласился.

— Вопрос исчерпан. Правда? — удостоверился он.

Анна смотрела на меня с улыбкой и любопытством.

— Но могу я, по крайней мере, узнать, сколько стоил наш ужин? По-моему, это не возбраняется.

— Нет. — Мальчик достал блокнот, лежавший в кармане фартука. — Шашлыки из осетрины — три рубля сорок копеек, закуска... Итого, — он уменьшил стоимость ужина примерно втрое, — семнадцать рублей шестнадцать копеек...

— Передайте спасибо нашему доброжелателю, — попросил я. — В свою очередь, мы хотим тоже оставить вещественные знаки нашей признательности. — Я достал бумажник, отсчитал пять десятирублевков. — Это ни в коем случае не плата по счету за ужин. Рассматривайте как чаевые...

Я взял Анину сумочку, которую она, садясь, повесила на спинку стула.

Маленький плут развел руками.

— Не обидит ли это вашего друга? Он ведь может оскорбиться!

— Не обидит, — успокоил я.

Мы вышли.

Народ разъезжался. В коридоре впереди мелькали быстрые тени женщин, приехавших не с мужьями. Тусклое освещение не позволяло никого разглядеть. Анна шла впереди — в своем длинном платье, касавшемся, казалось, пола. Я шел за ней. Коридор привел нас в пустой двор, с ночным звездным небом между деревьями и отдаленным гулом волн.

Мы остановились. Я обнял ее.

В эту секунду из стоявшей под деревьями машины прямо в лицо нам дважды пальнула фотоспышка.

Яркий свет открыл все, скрывавшееся в темноте, — складки Аниного платья, ее коротко, по-мальчишески остриженную голову, склоненную к моей сумочку, которую я все еще нес в руке, жалкую дверь нашего убежища...

Нас сфотографировали дважды, и машина уехала. А мне стало вдруг смешно и грустно. По-моему, я первый раз засмеялся легко и бездумно с тех пор, как получил синеглазую свою синекуру. Я ничего уже не мог потерять после того, как летевшая на меня с выключенными фарами машина на осевой линии чуть-чуть опоздала.

Ночью меня поднял удар захлопнувшейся под кроватью стальной крысоловки.

Звук этот мог поднять даже глухого. Я взлетел над своим жестким ложем и, холодея, прокричал первые пришедшие на язык слова: «Что же это такое!» Несколько секунд крысоловка ходила ходуном на полу, сотрясалась, звенела — у меня не хватало мужества заглянуть под кровать, чтобы обзреть стальной капкан с пойманным зверем.

Крыса росла в моем воображении, превращалась в модель

своего двойника — севшего на мощный хвост, хищного, поднявшего недоразвитые передние конечности гигантского первоящера.

Придя в себя, я наконец спрыгнул на пол, осторожно поднял край одеяла.

Крысоловка была пуста. Рядом с металлической рамкой, выполненной при взведенной пружине функции ударника, я с омерзением увидел часть голого, довольно толстого розового хвоста.

Крыса ушла, оставив веское доказательство своего интереса к моей персоне.

Я заснул нескоро.

Кто знает, приходят ли крысы за обрубленными хвостами? И в каком обличье?

Утром в приемной меня уже ждали — жена и дочь арестованного Баларгимова.

Жену я сразу узнал: матрона на пятом десятке, давно махнувшая на себя рукой — выпяченная под шерстяной кофтой высокая грудь, короткие толстые ноги. Дочь, видимо, напоминала мать, когда той было не больше двадцати. Пухлая девица. Длинная стрижка. Капризные губы.

На столе у Гезели атели тюльпаны, я понял, что их принесли Баларгимовы.

— Игорь Николаевич! — Жена Баларгимова знала, как меня зовут. В некотором смысле мы даже были лично знакомы: я был у нее дома. — Что с моим мужем? Уж вроде теперь тише воды и ниже травы! И пьет меньше... Все знают! А все равно таскают...

— Проходите в кабинет, — пригласил я.

— Вам звонил Бала, — отрапортовала тем временем Гезель. — У него все в порядке. Состояние Миши Русакова удовлетворительное. Передал привет. И еще директор заповедника. Просил приехать. У него для вас сюрприз: какие-то бумаги Сережи Пухова...

— Докладная?

— Да. Кажется, докладная.

— У Садыка характер непредсказуемый, — пожаловалась Баларгимова, устраиваясь в непосредственной близости от меня. — Я всегда говорю ему: ты, Садык, сначала делаешь, потом говоришь, потом уже думаешь! А надо все наоборот...

Она говорила одна и не замечала этого. Дочь обидчиво поджала губы, взглянула на часики.

«В семейных неурядицах дочь, должно быть, держала всегда сторону отца, — подумал я. — И не бескорыстно!» — Я представил, как Баларгимов под настроение дарит ей то шерстяную кофточку, то модные импортные часики.

— Вся беда оттого, что люди нам завидуют... — тянула свое

Баларгимова. — Считают чужие деньги! Отец работает, дети послушные. Дочка на третьем курсе... Дом, правда, совсем развалюха. Стыдоба от соседей... Вы видели!

— Зато дача! И неплохая! — раздраженно заметила дочь.

Как многие неумные люди, она была не удовлетворена степенью внимания к себе и дала это понять.

— Одно слово — что дача! — Баларгимова колыхнулась рыхлым, как у медузы, телом. — Малю-ю-сенький домик. Остался отцу от дяди... Три комнатки.

— Четыре!

— Четвертая совсем крохотная! Вроде чулана!

— Часто бываете там? — спросил я.

— Когда? И зачем? Работы хватает. — Баларгимова махнула рукой. — Муж иногда заедет. Там у него гараж.

— Никто постоянно не живет?

Она пожала плечами, бесформенный бюст ее на мгновение слегка округлился.

— Одно время соседка жила. Ребенок у нее. С мужем разошлась. Молоденькая. Пусть живет! Римка Халилова...

Дочь быстро испытующе взглянула на мать, но та была спокойна. То ли не видела ничего необычного в том, что молодая одинокая женщина живет на их даче, то ли не хотела трепать себе нервы.

— Дача тут, в городе?

— В Дашкуди.

Я видел это название по дороге к метеостанции. Одинокий столб на краю трассы, и грунтовая дорога, уходящая к мэрю среди барханов.

— Халилова и сейчас там?

— Зачем? Это больше года назад было! Муж ее уехал. Она снова дома. Рядом. Видели — голубые наливники? Так вы ничего и не можете нам обещать? — спросила Баларгимова. — Скоро его отпустят?

— Пока нет. Я задержал его на четырнадцать суток. Он на том берегу. К сожалению, ничего больше не могу вам пока сказать.

Они ушли. Дочь Баларгимова не пожелала со мной проститься, обидчиво поджала губы. Я подумал, что падение отца не послужит ей уроком, поскольку теперешнее ее существование — это только борьба за то, чтобы ее признали. Ничего другого я не обнаружил в ее красивой головке, пока мы разговаривали.

Контора Сувалдина находилась в двухэтажном доме старинной кирпичной постройки на самом берегу.

Кабинет орнитолога, увешанный фотографиями и диаграммами, был похож на музей. В центре, на видном месте, висела уже знакомая мне цитата из Красной книги: «Каждая нация перед лицом мира несет ответственность за сохранение природы».

Сувалдин, не поднимаясь с кресла, протянул мне обе руки; его постоянные атрибуты — шляпа, бинокль и костыли — находились рядом.

— Слава богу! Нам удалось сначала полностью выявить, а потом и ликвидировать очаги поражения птицы. Потери качалдаков меньше, чем я ожидал...

Он принадлежал к той категории людей, чье слово превращается в проповедь.

— Но сколько еще невежества, непросвещенности! Люди злонамеренно распускают слухи, натравливают на водоплавающих... «Рыбы нет — потому что ее съели птицы!» Или: «Лещей съели бакланы...» Но подумали бы — может ли баклан заглотить рыбу, которая больше его самого!..

Он взял со стола тонкую пластмассовую папку.

— Это докладная Сережи. Вернее — копия. А это... анонимное письмо. В нем написано, что я... автор книги в защиту рыбацких птиц... отравил качалдаков! Чтобы улучшить отчетность...

Анонимка была исполнена тем же почерком, что и полученная мною. Текст был тоже идентичен, как и школьная бумага. Мне показалось, над нижним ее краем тоже виднелось крохотное жирное пятнышко.

— Докладную возьму, — сказал я. — А заниматься анонимкой у меня просто нет времени...

— Что я по закону обязан с ней сделать? Кому-то отправить?..

— Спустите ее в унитаз.

— Можно? — Он обрадовался.

Я поднялся.

— Вы не осмотрите наш кабинет? В этой комнате результаты моей десятилетней деятельности на Берегу...

— К сожалению.

— Я понимаю, — с горечью сказал он. — Но в следующий раз вас ждет знакомство с фламинго!

— Тут водятся фламинго? — Последний раз я видел их еще школьником — в зоопарке.

— И не только они... — Он указал на фотографию на стене.

— Волки гонят по мелководью двадцать восемь сайгаков. Лучшая моя работа.

Я задержался.

Снимок сделан был, очевидно, с вертолета, с небольшой высоты. Желтое, расплывшееся по краям пятно — головы и спины каких-то крупных парнокопытных, схваченных на бегу фотокамерой. Сумасшедшая гонка. Белая пена. Зеленая гладь моря. И темно-серая длинная тень хищной догоняющей стаи...

— Знаете, что я подумал? — сказал Сувалдин. — Лучше ей висеть в вашей экологической прокуратуре... — Он, конечно же, был фанат. — Она всегда будет напоминать вам о защите слабых! Увозите!

Он хотел кого-то позвать, чтобы сняли фотографию, но я его отговорил.

— Потом... Сколько, сказали вы, здесь сайгаков?

— Двадцать восемь. Можете не считать.

Знал ли он так же точно количество преследователей Пухова? Сувалдин оставался нейтральным в больших рыбных войнах последнего столетия. Не пытался ли он таким способом сохранить своих качалдаков и фламинго?

«...Я убедился в том, — писал Пухов в докладной на имя руководства Главрыбвода, — что на участке обслуживания 1-й инспекции рыбоохраны идет незаконный массовый вылов осетровой рыбы, о котором все знают, но не принимают никаких мер. Браконьеры в дневное время в присутствии работников рыбоохраны и милиции причаливают к берегу в районе метеостанции, где реализуют выловленную рыбу... Начальник рыбнадзора непосредственной борьбой с браконьерами занимается мало, передоверяют работу старшим рыб-инспекторам, каждый из которых является полномочным хозяином на своем объекте. В ответ на мое замечание о положении дел на участке обслуживания 1-й инспекции мне сразу дали понять, что это не мое дело. Между тем положение на участке очень серьезное.

Браконьеры устанавливают ежедневно по 3—5 калад по 2000—5000 крючков, которые круглосуточно и круглогодично находятся в море. Ими используются большие самодельные лодки с 4—5 подвесными лодочными моторами, которые могут брать на борт до 2 тонн рыбы.

В летнее время калады устанавливаются недалеко от залива, а зимой их ставят далеко в море, куда на лодке едут более двух часов, ориентируясь по компасу.

Выходя в море трижды в течение суток, они вылавливают за каждый рейс по 700—800 килограммов рыбы чистым весом, а в сентябре — октябре обычно около одной тонны за выход. Зимой, выходя в море один раз в сутки, вылавливают в день 300—500 килограммов рыбы.

«Ездоки», по принятой среди браконьеров терминологии, за каждый выход в море получают от шефа лодки по одной штуке осетра или севрюги весом 5—6 килограммов, а после реализации рыбы еще 30 процентов от стоимости проданной рыбы, что составляет порой 150 рублей за один выход в море на человека.

Особенно дерзко действуют лодки Баларгимова. Являясь шефом, Баларгимов в заливе метеостанции устроил базу, причалы лодок к берегу и места для их стоянок, которые обслуживает специальный бензовоз.

Учитывая масштабы промысла, браконьер имеет в наличии не менее 14 лодочных моторов, для ремонта и регулировки которых содержит моториста.

Круглосуточно охрану базы в ночное время и штормовые дни несут люди, вооруженные огнестрельным оружием, которые получают за смену по 30—35 рублей и 3—4 килограмма осетрины...»

Я взял карандаш. В месяц, по самым скромным подсчетам...

— Спрашивают Балу. — Гезель открыла дверь в кабинет. — Вы сможете принять?

— Пригласите. — Я положил докладную Пухова в папку. — Это, видимо, с участка связи, где работал Баларгимов.

— Вызывали? — Вошедший был угольно-черен с лица, хотя пора летнего загара была еще впереди. В узких глазах-щелочках плавали крохотные яичные желтки. — Рахимов, исполняющий обязанности начальника участка связи...

— Здравствуйте. — Я усадил его за приставной столик против себя. — Ничего, что мы попросили вас приехать в середине дня? Вам это удобно?

— Ничего. — Он для солидности надул губы — они казались тоже черными от загара, — нагнул голову к плечу. Вообще держал себя не очень уверенно.

— Давно исполняете обязанности начальника участка? — спросил я.

— Порядочно.

Что-то в его голосе, в том, как он стеснен, меня смутило.

— Сколько?

— Две недели. Вообще-то я работаю электромонтером.

— А кто начальник участка?

— Сабиров. Его тоже вызвали, он сейчас придет.

Все стало на место. Я мог рассчитывать на то, что замечу малейшее его затруднение с ответом. Так и произошло.

— Баларгимова знаете?

— Да.

— Много лет?

— С год или два... — Он говорил как о человеке, который ему мало знаком.

— Кем он работает?

— Проведен как электромонтер первого разряда.

— А в действительности?

— Используют на должности обходчика трассы магистрального кабеля...

Я усомнился — ориентируясь только на интонацию Рахимова.

— Существует такая должность?

— Вообще-то нет, но...

— В чем его обязанности?

— Он должен обходить или объезжать участок магистрального телефонного кабеля... — Рахимов снова был не уверен. — Проверять трассу. Предупреждать, чтобы не производились земляные работы, где проходит кабель...

— Вы видели его на работе?

Он помялся:

— Трасса большая!..

— Видели или нет?

— Не видел.

— Чем можно это объяснить?

— Не знаю. Может, это лучше Сабиров знает.

— В конторе вы Баларгимова видели?

— Несколько раз. Он приходил к Сабирову.

— Зачем?

— Этого я не знаю. Может, зарплату получал.

— Вы сами выдаете зарплату?

— Да.

— Вам приходилось платить Баларгимову?

— Сабиров сказал, что сам ему отдаст. Взял себе платежку и деньги.

Мы подошли к выяснению весьма щепетильного для Рахимова обстоятельства.

— Две недели, как вы исполняете обязанности... В табеле Баларгимову ставите рабочие дни?

На моих глазах он почернел еще сильнее, а в щелочках глаз появились красноватые прожилки.

— Да. — Рахимов колебался. — Сабиров приказал ставить ему рабочие дни. Я ставлю...

В приемную кто-то вошел, о чем-то спросил моего секретаря. Рахимов обрадовался:

— Вот и Сабиров! Он знает...

Начальник связи — седой узкоплечий человек с тонкими губами и землистым лицом — оказался крайне неудобным свидетелем.

Вялым голосом Сабиров поведал мне, что вынужден был ввести должность обходчика магистрального кабеля, чтобы быстрее узнавать, где на трассе могло произойти повреждение.

Сабиров был медлителен. Я перегорал во время долгих его пауз, обдумываний, отступлений, экскурсов в производственную деятельность «Восточнокаспийскнефтегаза». Наконец я принужден был ограничить маневренность моего собеседника.

— Прошу вас точно ответить на мои вопросы. Все другие объяснения вы сможете внести в протокол собственноручно. Итак... Как оплачивался труд Баларгимова?

— По часовой тарифной ставке — сорок и четыре десятых копейки...

— Что это составляло в месяц?

— По-разному, — он заговорил чуть быстрее. — Шестьдесят и восемьдесят рублей...

— Плюс компенсация за неиспользованный отпуск?..

— Обязательно.

— Сколько за три года Баларгимов обнаружил поврежденный кабеля на трассе?

Сабиров не мог припомнить.

— Сколько продолжался рабочий день Баларгимова?

— Он работал полный день, как все.

— Должен он был ежедневно являться в контору?

— Нет.

— Вы все равно ставили ему рабочий день...

— Да.

— И приказали Рахимову, чтобы тот тоже ежедневно ставил Баларгимову рабочие дни... Почему?

Сабиров не ответил. Разговор был, по существу, закончен.

Я составил протокол, из которого явствовало, что шеф браконьерской лодки семь-восемь часов ежедневно находилась на трассе, выявляя и устраняя механические повреждения магистрального кабеля.

Сабиров подписал, не читая. В отношении к происходящему у него произошел неожиданный перелом, я ощутил его, заметив, что, подписав объяснение, он не делает попытки подняться и продолжает сидеть.

— Могут меня исключить из партии? — спросил он неожиданно. — И даже отдать под суд?

— Получение денег за работу, которая в действительности не выполнялась, — это хищение.

— А если меня к этому принудили?

— Кто? Назовите!

— Я не настаивал бы на вашем месте. Не хотите же вы ссориться со здешними властями! — Он смотрел зло. — Человек достаточно авторитетный. Вам тоже придется с ним считаться... Давайте так! Положим, что Баларгимов уже уволен. Вчерашним числом... А деньги я возьму. За все годы. Займу и возьму!

— Так не пойдет. Кто этот человек? Из милиции?

— Бураков тоже знал. А приказал не он. «Баларгимова оформи к себе. Он будет числиться, а работать не будет. Все! Иди». — Тонкий голосок Сабирова словно набирал высоту и в конце сорвался. — Больше я ничего не скажу. Он член обкома. Депутат. Довольны?

На этом мы поставили точку. Точнее, многоточие. Я отпустил его.

Прозвенел телефон.

— Простите, у вас нет Эдуарда Гусейновича? — Женщина почему-то искала Эдика Агаева по моему номеру.

Вежливый голос, знакомая интонация. Так разговаривали наши девочки, потом жены, с того берега, живущие за мужьями. Так могла спрашивать обо мне моя жена — стараясь не обременить своим обращением. Доверчиво, чуть стеснительно. Я не звонил ей уже несколько дней. Лена тоже не звонила. Ей передали, видимо, что я был и не заехал, сопровождая Баларгимова в Астрахань.

Особый кодекс семейных отношений позволял мужчинам того берега быть людьми относительно свободными — встречаться с друзьями, проводить время в мужских компаниях, бывать в ресторанах; с другой стороны, он обязывал относиться к женам строго по-рыцарски и, как самую малость, не только ежедневно возвращаться домой с цветами, но и отправляться по воскресеньям с огромными сумками на базар, делать закупки — то, чего я теперь был лишен. Женщины на том берегу на базар не ходили и даже не знали, что чего стоит.

— Эдуарда Гусейновича в прокуратуре нет, — сказал я.

— А кто со мной говорит? — спросила Агаева.

Я назвал себя.

— Очень приятно, Игорь Николаевич. Это жена Эдуарда Гусейновича, Лора. Вы должны меня знать. Ваша Лена училась вместе с моей сестрой на улице Самеда Вургуна...

Я знал эту школу:

— И моя сестра там училась.

— Я ее тоже знаю. Она дружила с Милей Карахан из нашего дома...

При желании мы могли найти еще не менее десятка общих знакомых.

— Почему вы никогда к нам не зайдете? — спросила жена Агаева. — Посмотрим видео. Посидим. Пленки, правда, не новые, но иногда кое-что попадает. Приходите.

Я положил трубку, весьма озадаченный. Звонок был неспроста. Похоже, Эдик Агаев вел со мной двойную игру.

Раздумывая, я вышел в приемную.

— Гезель! Я еду к соседке Баларгимовых, к Римме Халиловой. Скоро буду.

На лестнице я обогнал обоих руководителей участка связи — они еле двигались, медленно-тяжело, под грузом невеселых дум. Внизу, у дежурки, стоял озабоченный и, как мне показалось, расстроенный чем-то Бураков. Было непривычно видеть его стоящим одиноко, без дела.

— Идете? — Я показал во двор.

Он покачал головой. Я сел в «Ниву».

За воротами на другой стороне улицы стояло такси. Вторая машина, на которую я тоже обратил внимание, находилась ближе к перекрестку.

Их появление здесь показалось мне не случайным — между людьми в обеих машинах, скорее всего, существовала связь. И в той, и в другой сидело несколько молодых людей.

Я свернул за угол, подождал и резко дал задний ход — транспорт продолжал стоять. Люди в машинах интересовались не мной.

Я подумал: «Похоже, следственно-оперативная группа из Астрахани уже здесь!»

— Вы Римма Халилова? — Я представился.

Ее первое желание было — удостовериться, что никто нас не слышит.

Саманно-глиняный жилой массив вокруг был пуст, но это ее не успокоило. В домиках, сдвинутых вместе самым нелепым образом, не могло быть тайн. Все становилось известным — приобретения, супружеские измены, аборт. Обо всем говорилось открыто. Закон всеобщего молчания под страхом смерти распространялся лишь на органы правопорядка.

— Проходите.

В маленьком деревянном ящике был необходимый набор всего, что требуется в доме. Стол, стулья, шкаф, даже кресла — все миниатюрное, сделанное умельцами Нахалстрой, работавшими на списанном и украденном. Вдоль стен на полу стояли куклы. У меня возникло чувство, будто я попал в страну лилипутов.

— Садитесь, — предложила Халилова, молодая блондинка с простым, приятным лицом.

— Спасибо. — Я с осторожностью уместился на игрушечном стуле. — В свое время вы жили на даче Баларгимова...

— Ах, это... — Она не испытала смущения.

— Долго вы жили там?

— Всю осень. С мужем я разошлась. Он жил здесь, а я с дочкой у Баларгимовых. Потом он уехал на родину, к родителям, а я сюда перебралась.

— Вы давно знаете Баларгимова?

— Я с его сыном — Миришем — вместе училась. Потом, в классе шестом, их посадили. Пятерых. Все из нашего класса. Они дочку завуча изнасиловали, а она пожаловалась...

— Баларгимов часто приезжал на дачу?

— Да нет. Раз или два в неделю...

— Вы помните, когда сожгли рыбнадзор? Вы в тот день были здесь или на даче?

— Днем на даче. С дочкой. А к вечеру Садык нас домой привез.

— Баларгимов в тот день выпивал?

— Он всегда поддатый...

— А еще кто с ним выпивал? Помните?

— Адыл. Еще кто-то... Дурачок этот — Бокасса. Все — с поселка. У них в тот день неприятность случилась — лодки сожгли! — Халилова засмеялась, подтвердив мою догадку о ее характере — бесхитростном и отходчивом. — Рыбнадзор — с моря, милиция — с суши. Привезли канистры с бензином. Они и запылали.

— Много лодок?

— Три или четыре.

— А как Баларгимов об этом узнал?

— Мы как раз ехали мимо метеостанции, а тут мужики эти...

— Баларгимов ездил к лодкам?

— Нет, послал дурачка на велосипеде.

— Бокассу? — Я вспомнил следы велосипедных покрышек на берегу недалеко от места убийства Пухова.

— Ну да. Он вернулся, подтвердил. Садык ему не поверил, договорился с Адылом, что тот сходит... Пообещал бутылку.

Показания обрастали подробностями.

— Адыл пошел?

— Да. А Садык послал кого-то за водкой. Потом Адыл вернулся. Сказал: там одни угли. И компас привез.

— А Баларгимов?

— Он не показал сначала, что расстроился. Тут водку принесли, выпили... Садык сказал — за эту лодку надо бы сжечь и милицию, и рыбнадзор. «Платишь-платишь — и никак не заплатишь... Все мало!»

— До этого Баларгимов говорил, что дает взятки милиции и рыбнадзору?

— Все и так знали! — Халилова вздернула плечи, грудь ее поднялась. Почему же они к нему приезжали? Пьянствовали! Машины ставили у магазина, Мириш их охранял.

— Вы получали какие-нибудь подарки от Баларгимова?

Она задумалась.

— Да нет. Как-то дал на платье. Еще — икру, конфеты. Пару раз съездили в кафе «Сахиль»...

Взгляд ее прошел по кукольному ряду. Игрушечные модницы из картонных коробок — в шляпках, в черном кружевном белье, в боа — смотрели на нас. Я опять почувствовал себя Гулливером, боящимся неосторожным движением причинить боль крохотным созданиям.

— ...Можно сказать, подарков не было.

— Баларгимова там знали, в «Сахиле»?

— Он пользовался их холодильником. Там молоденький официант — Уктем... Баларгимов оставлял у него рыбу для начальства...

Мир тесен. А восточнокаспийский — ну просто сжат. До размеров малагабаритной квартиры.

— У вас в доме нет вещей Баларгимова?

— Есть. — Не вставая, Халилова нащупала под креслом что-то тяжелое. Перегнулась, держа в обеих руках, поставила на стол.

— Адыл привез с места, где сожгли лодку...

Я увидел компас, которым пользуются рыбаки, — ориентированную по странам света плавающую, как домашний гриб в банке, большую черную шайбу. Колыхнувшись, она почти мгновенно заняла снова горизонтальное положение.

— Откуда он у вас?

Халилова объяснила:

— Я положила в хозяйственную сумку, он так и остался.

— После того вы сразу уехали из поселка?

— Нет! Купили еще водки. Потом еще. Еле уgomонились!
Всю дорогу гнал, как сумасшедший. Я просила: «Высади нас!
Ну, мы погибнем, а ребенок-то за что?!»

— Баларгимов заезжал куда-нибудь?

— Только в водную милицию.

— В милицию? — Я подумал, что ослышался.

— Ну да! Кричал там на весь двор: «Убью Буракова!»

— А потом?

— Мы с дочкой остались в машине, а он побежал наверх, на второй этаж. Стал бить ногами в дверь и орать: «Где Бураков? Где Цаххан Алиев? Сейчас они у меня узнают, как брать деньги и сжигать лодки!...» Его еле оттуда выкинули.

— Кто? Помните?

— Дежурный...

— И что Баларгимов?

— Метался, как бешеный! Готов был любого разорвать, уничтожить.

— Кому-нибудь еще грозил?

— Мазуту. «Это его работа! Его и Цаххана!»

— А дальше?

— У детского сада, на углу, остановил — мы вышли. Он всегда обычно высаживал меня раньше, чтобы соседи языки не чесали...

— Что-нибудь говорил, когда уезжал?

— Да. Мне, говорит, надо еще сказать кое-кому пару слов...

— У него было что-нибудь с собой в машине? Ружье, нож?

— Ракетница. Он всегда ее с собой возит. И канистра с бензином... — Она словно задним часом ощутила предвестие недалекого уже преступления. — Что-то меня всю трясет!

— Много времени прошло после того, как вы вышли из машины и начался пожар?

— Минут двадцать.

— Вас допрашивали на следствии?

— Нет.

— А вы связывали поджог с угрозами Баларгимова?

Она взглянула мне в глаза.

— Связывала. Но старалась не думать. У меня дочь!

— Гусейн не звонил? — в первую очередь спросил я Гезель. Мне крайне необходим был следователь: один я ничего не успевал.

— Я сама ему позвонила. Отвечала соседка. Гусейн на больничном, поехал на три дня к отцу, в деревню, «нервы лечить»... Не связался ни с вами, ни со мной.

— Очень странно.

— Слышали, Митрохина отозвали из отпуска. Готовится будто партактив по социалистической законности.

— Я ничего об этом не знаю.

— Жена Кулиева здесь. С отцом Умара. Они вас ждут.

— Кулиевы знают, что мы послали телеграммы об отсрочке исполнения приговора?

— Знают! Для них это — такая радость, Игорь Николаевич! Такое счастье! — Она выглянула в окно. — Вон они, кстати...

— Ваша фамилия — Кулиев, а его — Баларгимов. Вы не родные братья? — спросил я.

Человек, сидевший передо мной, был отнюдь не старый, но успевший махнуть на все рукой, — с шелушащейся старческой кожей, пучками седых волос в ушах, в мятом, изношенном донельзя, пыльном костюме.

— Родные. Просто ему дали фамилию по имени нашего отца — Баларгима-Кули-оглы, а мне досталось имя деда...

— Какие у вас взаимоотношения с Баларгимовым?

— Фактически он давно уже отобрал у меня сына. Но мы — братья! Этим все сказано. У нас общие родственники. От этого никуда не денешься. Вера знает... — Он кивнул на несовершеннолетнюю сноху.

Сидящая рядом жена Умара Кулиева громко хрустнула пальцами. У нее было странное представление об этикете официальных визитов. В прокуратуру она надела самое короткое платье и максимально оголила верх.

— Вы общались с сыном до его ареста? — спросил я.

Он поднял водянистые глаза, развел руками.

— Почти нет. Садык поссорил меня с Умаром, потому что я оставил его мать. Взял другую женщину. У нас такое не прощают. Любовниц — это пожалуйста! Сколько хочешь! Да вы сами знаете!

— Давно живете отдельно?

— Я ушел, когда Умару было четырнадцать.

— У вас еще дети?

— Четверо. Младшим было: одиннадцать, девять и пять... Я помогал, как мог. Но в чем-то, конечно, они были ущемлены. Садык этим воспользовался. Как только я ушел из семьи, брат сразу начал настраивать сына против меня. Он стал брать его в море, готовить к браконьерским делам...

— Вы предостерегали брата?

— Когда я потребовал, чтобы он оставил парня в покое, его сыновья избили меня. Я месяц провалялся в больнице. Вера знает.

Он снова показал на сноху, которая опять сделала вид, словно ничего не слышит.

«Затрудненность общения — первый симптом отсутствия воспитания...» Я не решился обратиться к ней с вопросами, чтобы не смутить.

— Садык полностью вытеснил меня из семьи. Он давал деньги моей бывшей жене. Я не мог им особенно помочь. Я работаю в вечерней школе. В Красноводске. Преподаю химию. Из моих братьев я один получил образование, и никто из них мне этого не простил.

— Кто ваша нынешняя жена?

— Она тоже учительница. Из Молдавии. Из Бельцы... Она хотела, чтоб Умар чаще бывал у нас, но он так ни разу и не приехал. Он ходил в море с моими племянниками.

— Как вы узнали об этом?

— Я приезжал из Красноводска. Мы встречались. Он рассказывал обо всем. Умар еще пацаном получал от дяди от пятисот до тысячи рублей в месяц. Он гордился этим! Пацан, а у него уже две машины! «Жигули» записаны были на двоюродного брата, «Москвич» — на тетку! Я уже старик — но у меня ни одной машины... Добром, конечно, это не могло кончиться! Потом Садык назначил его рулевым. Фактически сделал заместителем.

— Когда вы узнали о поджоге рыбинспекции?

— На другой день. Вера приехала ко мне, сказала, что брат спяна сжег контору рыбнадзора и обрабатывает Умара, чтобы он взял все на себя...

— Вы говорили с сыном?

— В тот же день. Я приехал к нему вместе с Верой. Я просил его не делать этого. Не верить никому!

— Что он?

— Сказал, чтобы я не вмешивался, потому что могу все испортить.

— А почему Баларгимов сам не решился пойти с повинной? Как ваш сын это объяснил?

— Садык много раз судим. Ему могли дать суровое наказание. Наш старший брат — Сулейман — тоже просил Умара взять все на себя. И еще один человек. Когда я приехал, они троем как раз сидели в ресторане.

— В «Сахиле»?

— Да. На берегу.

— Умар, Баларгимов... А кто третий?

Он помялся.

— Агаев, начальник милиции...

Сила, стоящая за браконьерской мафией, не могла отправить на скамью подсудимых шефа лодок, который знал всю ее подноготную.

— Агаев сказал, что сделает все, чтобы Умару дали три года как за неосторожное убийство... Я поверил.

Он вздохнул. Сноха его неожиданно всхлипнула и тут же неимоверным усилием воли вернула лицу прежнее сосредоточенно-спокойное выражение. Она выглядела нелепо — в своем мини, с высоко открытыми голыми коленями, с криком, который буквально сотрясал ее. Я не понимал, как ей удается со всем этим справляться.

— Вас допросили?

— Я сказал, что ничего не знаю.

— Следователь спрашивал — занимался ли Умар браконьерством?

— Нет. Умар ведь показал, что хотел отомстить Цаххану Алиеву за то, что тот не разрешил ему ловить частичковую рыбу. Меня и спрашивали только о частичковой...

— А сети?

— Перед обыском Садык бросил их к Умару в сарай...

— А где он в действительности находился, когда Баларгимов поджег рыбинспекцию?

— Смотрел футбол. Есть свидетели.

— Этих людей допросили?

— Одного. Остальные было тоже пошли в свидетели, но Садык сбил всех с толку: «Молчите!» Я тоже сказал: «Не вмешивайтесь, не ваше дело...» — Он вздохнул.

— А тот, которого допросили? Что с ним?

— Его нашли в заливе. Будто погиб на охоте. От несчастного случая...

— Ветлугин?!

— Да, Сашка.

— А кто вел вначале дело на вашего сына?

— Алиханов. Мы на него не обижаемся — он вел в нашу пользу...

— Ну, естественно.

Дело Умара Кулиева было сфальсифицировано полностью.

— Поначалу все получалось, как Садык обещал. Алиханов следствие закончил быстро. За месяц. Умара судили как за неосторожное убийство. Дали четыре года. Но тут Аббасов-старик, отец сгоревшего инспектора Саттара, поднял шум. Стал давать телеграммы. Пошли письма, митинги. «Расстрелять убийцу! Никакой пощады!» Дело принял областной суд. Вы не можете себе представить, что мы чувствовали... — Он разрыдался. — Мы ведь знали, что Умар невиновный...

Я не перебивал его.

— ...Когда судья объявил: «Расстрел!» — мы все закричали... А люди хлопали: «Правильно!...»

Плач душил его. Надо было иметь каменное сердце, чтобы все это слушать. Жена Умара сидела с вытаращенными глазами, чтобы не разреветься.

— ...Я попросил судью, чтоб дали свидание. Нам разрешили. Умар стал успокаивать: «Так надо! Садык все устроит! Он ехал со мной в автозаке. Все нормально!»

— А потом?

— Все от него отказались. Садык — первый. Ждут, чтобы его поскорее расстреляли — пока не начал рассказывать...

Кулиева снова всхлипнула — звучно-глубоко, маскируясь нелепой гримасой, уродовавшей ее грубоватое, простое лицо.

Она держалась изо всех сил, но мне дано было слышать ее беззвучный отчаянный крик.

— ...Люди передали нам письмо.

— Из тюрьмы?

— Да. Через рыбинспектора, Сережу Пухова. У него друг... Мы заплатили... — Кулиев говорил несвязно. — Сергей искал доказательства против Цаххана Алиева. Из-за этой истории Цаххан стал чуть ли не национальным героем... А мой мальчик каждую секунду смотрит на дверь... Боится, что сейчас войдут... Только теперь, когда вы вмешались и послали телеграммы, я впервые ночью заснул... — Неудачник-старик откровенно рыдал. — Это счастье... Вот записка. Мы получили ее перед отъездом в Москву...

Умар Кулиев писал:

«...Почему я должен быть этой третьей жертвой? Как он будет смотреть Вам в глаза, посчитав свою жизнь дорожке моей? Смотрите, какой он человек и что мне пожелал. Если не могу уладить это дело, то почему он причинил мне такую боль? Сам сделал, сам бы и расхлебывал. Какой жестокий человек. Отец, если бы вы могли распутать это дело, я бы все доказал. Отец, сейчас моя судьба в ваших руках, смотрите, как я сглотил, поверя этому человеку, пожелал его. Надо было сначала все рассказать».

Они ушли.

— Хотите чаю? — спросила Гезель, открывая дверь.

— Хочу.

— С конфетой? — Гезель почувствовала, что мне грустно.

— С конфетой. — Я сто лет не пил чай вприкуску.

Она подала карамель. Шоколадных конфет в магазинах давно уже не было.

— Спасибо, Гезель.

Мне и в самом деле было грустно.

«Продажное правосудие, продажное следствие...»

Раздался звонок — звонила Анна, я по голосу понял, что у нее неприятности.

— Что-нибудь случилось? С Мишей Русаковым? Говори быстрее!

— Нет, нет! Я видела его...

— С тобой?

— С моим дядей... Он самый близкий мой родственник...

— Он заболел?

— Его арестовали! Потом скажу. Я сейчас еду туда.

— Когда мы увидимся?

— Я приду к тебе. Поздно...

*Текст записки подлинный, заимствован из уголовного дела. (Примеч. автора.)

— Буду ждать.

Я положил трубку.

«Махнуть на все! Уехать. Жениться на Анне. Подать заявление в мореходку, где учат морскому ремеслу и немногословному счастью сорокалетних балбесов, попробовавших себя на прокурорской стезе».

По закону парных случаев немедленно раздался второй звонок.

— Игорь, ты? — Звонила Лена. — Игорь. — Голос жены раздавался, словно в огромной трубе, и как бы отдавался от стен. — Я к тебе приеду. Я решила. У меня есть три дня. Я заказала каюту...

— Не приезжай! — крикнул я. — Потом! Сейчас не надо!

— Почему? Мне звонил Бала! Я хочу быть рядом с тобой. — Каждое слово ее я слышал дважды, повторенное гулким эхом трубы. — И потом, я никогда не была в Восточнокаспийске...

— Ни в коем случае! Тем более на этой неделе... У меня не будет ни минуты свободного времени. — С большим трудом мне удалось убедить ее. — Обещаю: через три-четыре дня я приеду сам...

— Это правда? — Она немного успокоилась.

— Правда.

Но я не приехал ни через три дня, ни через пять...

Уходя, я снова увидел такси, стоящее на том же месте. На значительном отдалении виднелась и вторая машина.

В человеке, сидевшем рядом с таксистом, я узнал знакомого следователя бассейновой прокуратуры. Он показал мне на заднее сиденье. Водитель включил зажигание.

— С приездом... — Я сел, и мы быстро отъехали.

— Спасибо. Тихонов просил, чтобы я тебя привез. Завтра мы начинаем...

Бригаду возглавил начальник следственного отдела бассейновой прокуратуры Тихонов. Я его тоже знал.

— Где ваша резиденция? — спросил я.

— За городом. В Доме рыбака...

— Мой помощник с вами?

— Бала? Он дома. Тихонов приказал ему не показываться.

Можно все испортить...

Мы выбрались на окраину и ехали теперь мимо маленьких магазинчиков с убогим выбором товаров и по-провинциальному громкой рекламой. Так, крохотный киоск носил название «Обувь к любому сезону», а вывеска над квадратным оконцем в саманном заборе гласила: «Войсковой магазин».

— А какая роль отводится мне? — спросил я. — Тихонов говорил?

Он удивился:

— Ты разве не в курсе?

— Ничего не знаю...

Мы ехали вслед заходящему солнцу, которое медленно скрывалось за горы военного Топографа и Первооткрывателя края.

— Прокуратура Союза предлагает тебе самостоятельный большой участок. Так что заранее поздравляю...

9

Ночью я услышал шум подъехавшей машины, выскочил на крыльцо. Это была Анна.

— Такси то и дело ломалось. — Она совсем замерзла.

Я поставил чай.

— Как твой дядя?

— Он в камере. Мне дали свидание.

— Что с ним?

Она только печально положила мне руку на плечо. Тепло и нежность вместе с ощущением покоя вернулись ко мне.

— Он работает заведующим небольшого магазинчика в совхозе. Сам знаешь: все бывает. И в долг дают. И недостача, и пересортица. Эминов приказал произвести внезапную ревизию. Короче, возбудили дело. Уже исключили из партии. Я в полной растерянности...

— Ничего! Скоро они сами загремят!

— Ты недооцениваешь Эминова, милый!

Анна понемногу согрелась. Мы поднялись. Я убирал со стола, когда вдруг услышал ее захлебнувшийся громкий вскрик:

— Откуда у тебя эта мерзость?

Я подошел к кровати. Анна показала на маленького, щуплого паучка, высунувшегося из-под подушки, на которой я спал полчаса назад. Вид у паучка был абсолютно безобидный.

— Ты знаешь, что это? — Она вся дрожала.

— Откуда мне знать — скорпион или фаланга? Может, букашка спряталась от бесхвостой крысы? Сейчас я удалю ее...

— Не смей брать в руки! Это каракурт! Черный ядовитый паук...

Паук сдвинулся в сторону, работая длинными, переломанными в суставах членистыми лапками. Его действия напоминали работу крохотного экскаватора с программным устройством.

— Он опасен? — спросил я.

— Очень. Тяжелое отравление, гангренозный распад ткани в месте укуса. — Анна не двигалась. — Судороги, парезы, коматозное состояние. Иногда смерть.

Я взялся за угол подушки, смахнул паука на пол. Это сразу придало ему активности. Членистые лапки каракурта задвигались, тонкая, как комариная, передняя часть конечности быстро, словно палка слепого, исследовала место для следующего шага.

Я раздавил его и смел ядовитые останки в ведро.

Потом вместе с Анной мы внимательно осмотрели постель, все вещи и книги, перетряхнули мою одежду.

У нее испортилось настроение.

— Хочешь — поставим кофе? — предложил я.

— Давай... В детстве из-за них мы спали на кошме. Отец и мать говорили, что каракурт по кошме не может передвигаться. А мать еще говорила, что, если спишь во дворе, нужно положить вокруг аркан из бараньей шерсти. Каракурт не переносит запах барана...

— Я обязательно куплю бараний тулуп, и мы будем на нем спать. — Я привлек ее к себе. Моя рука попала в вырез ее тяжелого платья и ощутила пружинистую упругость груди, шелковистую нежность кожи — я словно коснулся холки молоденького пугливого жеребенка. — Тогда паук больше не приползет.

— Он и так не приползет...

— Почему?

Она грустно посмотрела на меня.

— Каракурты в Восточнокаспийске не водятся, милый.

— Ты считаешь, что он не мог сам попасть в комнату?

— Ты не представляешь, чего ты сегодня избежал...

Я молча смотрел на нее.

— Я знаю моего бывшего супруга. Если я останусь с тобой, он уничтожит нас. Сгноит моего дядю в тюрьме.

— Какой же выход?

— Мне уже дали понять, что именно я должна делать. Утром меня вызывали в облвоенкомат. Для них я специалист по огнестрельным ранениям.

— Что им нужно от тебя?

— Мне предложили работу.

— Не здесь?

— Нет.

— Афганистан?

Она помолчала.

— Я дала согласие.

Реальность настигла меня. Мы жили в суровом мире, который нам долго представляли идиллически-безмятежным, лучшим из миров... Жили так долго, что и сами в конце концов чуть не поверили в это.

Наша областная мафия боролась против меня так, словно я был не прокурором, а преступником, объявленным вне закона. Мне готовили нечаянную смерть; ближайший родственник моей подруги, а теперь и она взяты были в качестве заложников. Командно-бюрократический аппарат на всех уровнях всегда точно копировал методы и приемы вышестоящих.

— Когда ты едешь? — спросил я.

— Завтра. Вернее, сегодня. Дневным паромом.
— Ничего не понимаю. Ты шутишь!
— Я не шучу. Умоляю: не приезжай меня провожать. Иначе я не выдержу. Я спешила, чтобы проститься...
Я выключил чайник, он так и не успел закипеть.
Анна с жалостью взглянула на меня.
— Ляжем под одеяло... — Она потянула меня за руку. — Каракурт больше не приползет. Ничего не страшно, когда под одним одеялом...

В областную больницу, к капитану Мише Русакову, меня не пустили — было еще рано.

Тенистый, с цветами, двор по другую сторону решетки показался мне райским уголком рядом с пыльной, побитой машинами дорогой и хилыми саженцами вдоль тротуара. Я не удивился бы, различив под деревьями гуляющих фламинго или павлинов.

«Недавно еще я мог увидеть здесь Анну...» — подумал я.

Вместо нее я заметил двух девочек-подростков.

— Девочки, — позвал я. — Пожалуйста, узнайте, как здоровье капитана Русакова. Чистая хирургия, вторая палата...

— Миши? — Одна из девочек погремела спичечным корбком. — Он в порядке.

— Точно?

— Мы заходили — ему тоже не спится... А у вас нет сигарет? Не беспокойтесь: мы совершеннолетние.

У меня были сомнения на этот счет.

— Не курю.

— А вы захватите, когда еще раз поедете! — предложила вторая подружка. — Мы будем ждать.

Я сел за руль, помахал им, и они тоже подняли худые девчоночьи руки, на треть высывавшиеся из коротких больничных халатов.

Капитан «Александра Пушкина» поправлялся — это согрело мне душу.

У меня больше не было причин оставаться в Восточнокаспийске. Кто-то верно рассчитал — пока Анна была здесь, я не принял бы новое назначение. Мне нанесли удар со стороны, откуда я меньше всего ожидал.

— Как вы относитесь к проблеме снежного человека? — спросил Гарегин, накладывая мне на лицо теплые ухоженные пальцы.

— Есть что-нибудь новое? — осторожно спросил я. — Мне казалось, что вопрос давно решен.

— Разве вы не читали в «Восточнокаспийском рабочем»? — Гарегин на секунду даже задержал бритву.

«Восточнокаспийский рабочий» в надежде на новых под-

писчиков то живописал кладбища африканских слонов, то освещал аварию истребителя где-нибудь в Небраске. Теперь вот — снежный человек...

— Видимо, я пропустил.

— Два английских туриста видели его своими глазами, — поведал Согомоньч. — Они стояли совсем близко. Как от этой двери до зеркала... Он был хорошо виден. Волосатый, уши белые. Босиком...

— А почему уши белые? — Я заинтересовался.

— Я думаю, отморозил. Мой дед тоже отморозил уши. И они у него до конца жизни оставались белыми. И не только уши.

Я деликатно промолчал.

Оперативно-следственная группа с того берега начала операцию еще на рассвете. Я в ней не участвовал. Несколько оперативных групп одновременно выехали из Дома рыбака на обыски — к Эдику Агаеву, к Буракову, к Цаххану Алиеву...

— ...Кстати, вас в городе очень хвалят, — Согомоньч сменил тему. — Вы вроде честного комиссара полиции. Смотрели «Признание комиссара полиции прокурору республики»?..

За окном промелькнул автобус-катафалк, на секунду он закрыл запечатленный в масляной краске призыв к расстрелу Умара Кулиева.

Я очнулся, почувствовав мгновенный ожог всего лица. Но прежде чем боль стала нестерпимой, Согомоньч уже приподнял салфетку, охладил и снова набросил мне ее на лицо — еще теплую и влажную.

— У вас сегодня вид прекрасно отдохнувшего человека, — любезно сказал Гарегин, уже не пытаясь представить свой труд как обычный «хэрмет». — Между прочим, меня считают вашим человеком...

— Как ты себя чувствуешь, Гезель? — спросил я, когда она вошла в кабинет.

Что-то подсказало мне, что с ней не все в порядке.

— Доктор говорит, что я должна была уйти в декрет раньше. У меня все как-то быстрее оказалось...

— Дело только в этом?

Она вздохнула.

— Не только. Кто-то хулиганит по телефону. Угрожает.

— Ничего не бойся, Гезель. Я скажу — с сегодняшнего дня тебя будут отвозить на машине.

Она улыбнулась.

— Мне звонили? — спросил я.

— Из обкома. В четырнадцать собирают административные органы. Вас просили приехать за час. К Митрохину.

— Меня — одного?

— Да.

— Непонятно. Бала звонил?

— С самого утра. Он хотел прийти, но почему-то задерживается. Я даже звоню. Звонила его мама из Баку. Она не может к нему дозвониться: никто не берет трубку.

— Тогда, пожалуйста, найди его.

— Кроме того, вас хотела видеть вдова Ветлугина... — Гель прислушалась к шагам в коридоре. — Наверное, это она!

Это действительно была Ветлугина. Она явилась по собственной инициативе и выглядела весьма решительно. Я сразу это заметил. Арест Баларгимова изменил ситуацию.

— Мне бы хотелось дополнить показания о гибели мужа... — сухо сказала она.

Я пригласил ее в кабинет, молча указал на стул.

— Мне рассказала одна женщина, — Ветлугина начала с конца. Мы с ней вместе работаем. А ей говорил сын — он осенью утонул на рыбалке... Моего мужа застрелил Баларгимов. На берегу, рядом с метеостанцией.

Я боялся ее испугнуть, но все же спросил:

— За что?

— Не знаю. — Она достала платок, вытерла сухие глаза. — Ждали как раз лодку с рыбой, а Баларгимов ходил с ружьем. Пьяный. Подавал сигналы — в каком месте подплывать к берегу... Тут это и произошло.

— Что потом?

— Там была весельная лодка одного казаха — вечно пьяного. Тоже браконьера...

Я вспомнил громадного лысого азиата — в галифе и телогрейке, угрожающе кренившегося к земле в мой первый приезд на метеостанцию, похмельный памятник, возникавший на площади перед бывшим банком.

«Адыл Абдуразаков!» Именно он притащил в «козлятник» кричащего, отбивающегося карлика Бокассу, когда тот порезал Мишу Русакова.

— Баларгимов направил ружье на казаха, потом на другого — маленького сумасшедшего старичка карлика, который ему служил...

«Бокасса!»

— Приказал поднять Сашу, вывезти на лодке в залив и бросить в воду. Они это и сделали. Не очень далеко от берега. И ружье это туда бросили...

— Вы подтверждаете, что у мужа ружья не было?

— Никогда! И боеприпасов тоже... Или я, или его брат — мы бы их видели!

— Кто же их принес в дом?

Ветлугина поколебалась.

— Милиция, наверное, во время обыска. Их приезжало несколько человек. Старшим был Бураков.

— Вы можете написать об этом собственноручно?

— Конечно. Теперь уже все равно.

Я дал ей чистой бумаги, посадил в кабинет Балы:

— Когда напишете, передайте, пожалуйста, секретарю.

Я спустился в дежурку. Здесь были уже известны последние новости.

Моего однокашника подняли с кровати. Он устроил скандал, сказал, что пойдет в тюрьму с партбилетом, но, узнав, что арест согласован наверху, сразу стих.

Супруги были готовы к обыску. Никаких ценностей и сберкнижек у Агаева не нашли и не описали, кроме видеосистемы и машины «Жигули» — ВАЗ-2105, на которой он ездил по доверенности от тестя.

Единственное, что всех очень удивило, прямо-таки поразило, — огромное количество мужских костюмов — около ста! — висевших в его комнате. Все новые, один-два раза ношенные, импортные и отечественные, разных цветов и покроев. Агаев объяснил, что все они являются носильными вещами и не могут быть описаны.

В квартире, перед тем как вести к машине, на Эдика надели наручники.

Одновременно с Агаевым был арестован и Бураков. У него тоже не нашли никаких ценностей. Жена Буракова объяснила, что у мужа была другая семья, которую он тщательно скрывал, — сбережения и зарплату держал там, дома бывал редко. Соседи подтвердили ее показания. Не обнаружили даже огромной библиотеки, которую Бураков собрал в надежде, будучи на пенсии, заняться серьезным чтением.

Ни Агаев, ни Бураков виновными себя не признали.

Агаев показал, в частности, что знал Баларгимова как человека ранее судимого и по долгу службы — в порядке предупреждения новых преступлений с его стороны — иногда бывал у него дома с беседами профилактического характера, о чем всегда составлял справки. Он поражен, узнав, что Баларгимову в течение трех лет удавалось открыто в три смены снаряжать лодки за осетровыми и продавать улов на берегу. Свидетельские показания против себя Агаев рассматривал в качестве мести ему за партийную принципиальность при выполнении служебного долга, как отплату за нежелание идти на компромисс с браконьерской мафией.

Я был еще в дежурке, когда с самыми свежими новостями приехал Хаджинур Орезов — в последнюю минуту, по рекомендации Балы, его тоже включили в следственно-оперативную группу.

Мы поднялись ко мне.

— Бураков поплыл... — сообщил Хаджинур, когда мы остались вдвоем.

— Начал давать показания?

— Пока нет. Но просил дать подумать...

— Да-а...

Главари восточнокаспийской мафии, снимавшие процент с браконьерской ловли осетровых, конечно, никогда не контактировали непосредственно с шефом лодок, поручая это кому-то в самом низу.

Судя по всему, этим и занимался Бураков. По приказу Агаева он взимал ежемесячную дань, сообщал браконьерам о повышении «налога», организовывал уничтожение лодок наиболее строптивых и неговорчивых.

Теперь все упиралось в его показания.

«Поплывет Бураков — и следствие выйдет бог знает на какой уровень! Умолчит — примет весь удар на себя. Нет, Буракову не выдержать очных ставок с браконьерами, которые давали ему деньги...» — подумалось мне.

— Он уже в тюрьме?

— Да.

— А что начальник рыбинспекции?

Цаххан Алиев снова оказался хитрее и удачливее всех — в час, когда следственно-оперативная группа покинула Дом рыбака, он, предупрежденный кем-то, обманом захватил катер на воздушной подушке — «гепард», принадлежащий заповеднику, и скрылся.

— Если по тихой воде да не подвели рубчатые ремни, он куда хочешь умотал... — Хаджинур был возбужден, как гончая, почувствовавшая азарт псовой охоты, опьяняющую радость преследования и гонки. — Сейчас, наверное, уже на Кавказе. А может, в России...

Дела Хаджинура складывались удачно — руководители группы заметили сметливость и трудолюбие молодого лезгина — за его судьбу, по крайней мере на данном этапе, можно было не беспокоиться.

Он ушел, а я все сидел за столом.

Тайное становилось явным. Преступления, совершенные группой, как обычно, раскрывались все одновременно.

— Игорь Николаевич! Не забыли? — Гезель в дверях показала мне на часы. — Может, лучше раньше приехать? Они не любят, когда опаздывают!

— Сейчас еду. Мне надо еще заскочить на набережную... Бала не появился?

— Нет. Я звонила — дома его тоже нет.

Садясь в машину, я увидел у ворот отца Умара Кулиева вместе с его снохой — они проводили теперь много времени у нас во дворе, ожидая известий.

Он пожелал мне счастливого пути, а его строптивая спутница, похоже, наконец улыбнулась.

Анна уезжала паромом «Советская Нахичевань».

Я наблюдал с верхней дороги. Мелкая пыль, принесенная ветром, в городе была совсем незаметна, но, глядя сверху,

можно было заметить, что он весь в дымке — небольшой, уютный, опущенный в неглубокое седло между двумя вершинами, названными в честь царских генералов — путешественников и топографов.

Паром медленно отвалил. На причале было пусто и голо. Надрывно прокричал маневровый паровозик вниз, тащивший игрушечные платформы с контейнерами.

«Познай самого себя!» — говорили древние. В школе я не раз смеялся над заблуждением мудрецов: да что может быть проще! Разве я не знаю, что у меня на уме? Куда собираюсь сегодня? Завтра? «Познать другого!» — вот проблема! Кто он? Какие у него намерения?

Святая простота! Что я знаю о себе? Не буду ли я всю оставшуюся жизнь мечтать об Анне, как об утерянном рае, утраченном навсегда отчем доме?

Не оглядываясь, стартовал я в нашей прокурорской «Ниве» кратчайшей дорогой — через перевал — и уже через несколько минут был в центре Нахалстроа, у парикмахерской Гарегина.

Но что это? Согомоныч стоял на своем традиционном месте, только на этот раз он смотрел внутрь здания, словно не решаясь войти. Представитель частного капитала слышал шум подъехавшей машины и даже, как мне показалось, на мгновение глянул в мою сторону, прежде чем отвернуться.

Я вышел из машины, подошел ближе, и мне открылась картина варварски уничтоженной парикмахерской.

Дверь частного предприятия была высажена, она так и стояла с отжатым ригелем замка; окна разбиты. Внутри злоумышленники разбросали, затоптали, побили все, что попало им под руку.

— Надо вызвать милицию. — Я тронул Согомоныча за плечо.

— Нет, — он отвел глаза. — У нас так не делается. Нужно сделать вид, что ничего не случилось, — он взглянул на меня. — Жаль только; что я не могу теперь по-прежнему заниматься вашей головой...

Это был еще один мой заложник, попавший в беду. Расположение ко мне навлекло несчастье на его заведение.

Я отошел к машине. Постоял, прежде чем сесть за руль.

Вокруг сплошным беспределом тянулся одноэтажный Самстрой — поставщик самой опасной уголовной преступности, организованной вокруг браконьерских Семей и Лодок. Честолюбивые юноши, взлелеянные крестными отцами Берега, уже освоили свой путь, пока одряхлевшие вожди наверху награждали друг друга, а придворная номенклатура делила дачи, квартиры, пайки, пристраивала детей за границей.

«Новыми успехами встретим...» — было выведено на розоватом выгоревшем полотнище, соединившем городской роддом с домом для престарелых. Продолжение не читалось, но мысль была ясна. «Успехов много, хотя старых для встречи чего-то там пока недостаточно...»

Я закрывал «Ниву», когда к обкому подкатила черная служебная «Волга». Из нее вышел человек в прокурорской форме. Я узнал Фурмана.

— Привет, Игорь! — Мы вместе вошли в здание. Поднялись по лестнице. Фурман вел себя так, словно между нами ничего не произошло. — Хочешь новость? В этом доме пока никто не знает. Ты — первый... Бураков повесился. В следственном изоляторе.

Я поразился:

— У нас в следственном изоляторе? Чего они...

— Не у нас, слава Аллаху! В следственном изоляторе КГБ...

— А туда-то он как попал? — удивился я. — Как шпион?

— Да нет! При поступлении у Буракова обнаружили обострившийся геморрой. Ну, и решили подлечить. Консервативно, разумеется. В нашем изоляторе условий нет, а у них и условия, и специалисты. Тебя это удивляет?

— Меня уже трудно чем-нибудь удивить, Фурман. — Постепенно я пришел в себя. — У других обвиняемых, надеюсь, нет геморроя?

— Нет вроде.

Наддверью вспыхнула лампочка, и секретарь Митрохина, до того не обращавшая на меня ни малейшего внимания, оторвалась от своих ногтей и кокетливо улыбнулась:

— Вас приглашают...

Знакомое аэродромное величие кабинета, ощущение взлетной полосы, обозначенной ковровой дорожкой.

Первый поднялся из-за стола.

— Присаживайся... — Митрохин кивнул на приставной столик и сам тоже пересел, оказавшись напротив меня. — Что там с этим делом Умара Кулиева? — спросил он. — Ну, мало ли что преступник сочинит, чтобы выкрутиться? Стоит ли сразу бить в самые большие колокола! Я по поводу телеграмм...

— Стоит! Умар Кулиев невиновен...

Меня мучила жажда, но графин с водой стоял на столике в стороне.

— Мне докладывали обратное... — сказал Митрохин.

Без стука в кабинете появились прокурор Довиденко и полковник Эминов. Довиденко поздоровался со мной коротким, сухим кивком. Слица Эминова не сходило злое, капризное выражение. Он снова не заметил меня.

Митрохин подал знак — Довиденко и Эминов сели чуть поодаль, чтобы не мешать нам, и в то же время при первой необходимости дать Первому справку. Все у них спланировано, который раз я снова мог в этом убедиться.

— ...Между прочим — раз уж мы заговорили о работе водной прокуратуры, — сказал Митрохин, — как ты смотришь, если мы переведем вас в помещение бывшей военной?

Это — нежилой дом, все приспособлено. Вначале людям необходимо создать нормальные условия, а потом спрашивать с них работу. Устроитесь, а там, глядишь, решим и жилищные вопросы... Надоело, наверное, жить как на бивуаке?

Я знал теперь, что меня ждет, если я соглашусь быть послушным. Особняк бывшей военной прокуратуры. Квартира. Кормушка. Как равный, получу я свой кусок от общего жирного пирога. Я перестану быть парией в среде местного начальства. Мы будем встречаться с Митрохиным, Довиденко и Эминовым на сессиях и активах, обмениваться новостями, приглашать друг друга на юбилеи и праздники. «Ты — нам, мы — тебе!» Ничего другого не требовалось.

В кабинете стало тихо. От меня ждали ответа.

— Надо срочно освободить невиновного, — повторил я. — Дело Умара Кулиева полностью сфальсифицировано...

Сделка не состоялась.

— Вы говорите об улучшении работы водной прокуратуры... — тотчас подал голос Эминов. Это был опытный демагог. — А он делает вид, что не понимает!

Брезгливое выражение не сходило с его лица.

«Это не маска, — подумал я. — Он действительно оскорблен. Какой-то водный прокурорешка выступил против искомных привилегий здешней чиновничьей мафии...»

— Пусть скажет тогда, для кого его помощник сегодня утром получил взятку — ни много ни мало — тридцать тысяч...

Я выслушал эту клевету молча, не шевельнув ни одним мускулом.

— Бала Ибрагимов уже взят под стражу, и деньги у него изъяты! Я говорил с ним. Молодой, но уже глубоко аморальный, развращенный юноша...

«Толстый, неуклюжий Бала! — подумал я. — Деликатный, в темных очках-консервах, идеалист... Конец твоим честолюбивым мечтам о прокурорской карьере!»

Я посмотрел на графин — я просто умирал от жажды.

— А вот письмо от следователя водной прокуратуры Гусейна Ниязова, он возмущен...

«Сколько же еще у них для меня новостей? Вечно занятый семьей и детьми Гусейн! Не поэтому ли он сидит на больничном и не показывает носа...»

Митрохин снова возвратился к Умару Кулиеву — меня к чему-то готовили.

— В связи с делом Кулиева нам удалось поднять — и на такую высоту! — принципиальные вопросы борьбы с браконьерством! Народ до этого здесь спал, свыкся с тем, что происходит...

— О чем вы говорите... — невежливо прервал я Первого. — О каких принципиальных вопросах, когда невиновный осужден на смерть!

Но Митрохин словно не услышал меня:

— Сразу же пошли десятки, сотни писем! Тысячи подписей со всего Союза. «Смерть! Никакой пощады убийце!» Я лично выступил в республиканской газете... И теперь как? Что мы им скажем? «Ошиблись. Извините!» Так?

— Что об этом говорить зря... — Я снова прервал его. Митрохин снова взглянул на меня.

— Ты в курсе?

— О чем вы?

Теперь уже не только Митрохин, но и Довиденко, и Эминов смотрели на меня волчьими, настороженными глазами.

Я все прочитал в их глазах.

Умара Кулиева не было больше в живых. Живой он был им опасен, и приговор спешно приведен в исполнение.

Я не рванул рубаху на груди, не взвыл глубоко, по-собачьи, от невыразимого отчаяния и безнадежной боли. Я поднялся, налил из графина воды.

— А мои телеграммы в Москву? В Президиум Верховного Совета? Генеральному прокурору?

— Видишь ли... — объяснил Митрохин. — Довиденко попридержал их. Ему показалось, что он обязан посоветоваться со мной.

— Когда его расстреляли? — спросил я.

— Сегодня. Рано утром.

Довиденко задержал телеграммы. Эминов, член коллегии республиканского МВД, ускорил приведение приговора в исполнение.

Они все еще следили за мной. Настороженно и в то же время уже успокаиваясь.

Поезд ушел. Ничего нельзя было больше сделать.

Я поднял стакан и долгим неудержимым швырком выплеснул содержимое в их перекосившиеся лица. У меня было чувство, словно я окропил их кровью невинно казненного.

Никто не сказал мне ни слова.

Я поставил стакан и пошел к дверям.

ЭПИЛОГ

Последним в ряду смертоносных событий этих недель была гибель молодого следователя Алиханова, который вел дело Умара Кулиева.

В машине у него отказали тормоза, она сбила легкое ограждение на причале, недалеко от кафе «Сахиль», и сверзилась в море.

Эдик Агаев на следствии и в суде все отрицал и получил шесть лет. Шефу лодок определили пятнадцать. Цаххана Алиева так и не нашли.

Бала был осужден на восемь лет. Многократные обращения в надзорные инстанции его родителей и мои пока ни к чему не привели.

Незадолго до отъезда между роддомом и домом для престарелых я случайно встретил вдову Умара Кулиева. Мы остановились в растерянности, но, когда я хотел что-то сказать, она вдруг бросилась от меня, словно от зачумленного.

Я сдал дела. Мое новое место службы на этот раз оказалось не близким — Камчатка. Директор сажевого комбината оказался провидцем.

Впрочем, и теперь нашлись люди, которые попытались снова убедить меня в том, что это — синекура.

Анна ни разу не сделала попытки со мной связаться. Из записки, брошенной в мой почтовый ящик, я узнал, что фотографии, сделанные ночью, когда мы с Анной выходили из кафе «Сахиль», неизвестный доброжелатель послал моей жене, «действуя во имя спасения оскверненного семейного очага».

Лена не уведомила меня об этом.

Я не заехал домой — у меня не хватило мужества. Прямо с паррома, которым, конечно же, оказалась «Советская Нахичевань», я перебрался в аэропорт, улетел в Москву, а оттуда в Петропавловск-Камчатский.

— Там есть несколько браконьерских дел... — предупредил один из заместителей Генерального прокурора, напутствовавший меня перед отъездом. — Но не знаю, захотите ли вы повторить все с самого начала...

Во время двенадцатичасового перелета я перелистал нашу с женой научную студенческую работу — «Поведение браконьера в конфликтной ситуации». Мы ни разу не упомянули в ней о прошлом опыте как факторе, влияющем на поведение инспектора.

Но, может, мы и были правы.

Незадолго до отъезда я обнаружил у себя под кроватью убитую стальным капканом огромную серую крысу.

Осторожно, то и дело оглядываясь, чтобы предупредить внезапное нападение со стороны другого страшилища, я опустился на корточки.

Предыдущий печальный опыт никого и ничему не учит, даже таких биологически совершенных, как крысы. Крыса была без хвоста.

ТЕННИСНЫЕ МЯЧИ
ДЛЯ
ПРОФЕССИОНАЛОВ

ПОВЕСТЬ

I. ПРОФИЛЬ НА СКАЛЕ

— Ланц? — Причесанная модно женщина-регистратор в Доме творчества раскрыла книгу-алфавит. — Как вы еще сказали?

— Возможно, Ланцберг... Любая похожая фамилия.

— Здесь все на «л». — Она провела пальцем. — Лааксо, Лебедевы муж с женой, Львовский, Львова, Льдова, Лызлов, Лагины... Он член творческого союза?

— Не знаю. — Денисов покачал головой. — Вообще-то пишет. У меня с собой его рукопись.

— Сейчас пишут многие. Когда он мог быть у нас?

— Предположительно, в конце апреля.

— Москвич?

— Не могу сказать. По выговору — южанин.

Впервые с начала разговора она подняла глаза, внимательные, привыкшие к выражению вежливого участия.

— Где он приобрел путевку? В Литфонде?

— Не знаю. Может иметь отношение к Туве.

— Весной часть путевок реализуется на Украине.

— Какой у вас порядок? Предъявление документа обязательно?

— Непременно.

— А если забыл паспорт? Или на выписке?

— Решаем в каждом отдельном случае.

— Сами?

— Только руководство. Вы из милиции, не мне объяснять.

Она слегка коснулась прически. Пока разговаривали, не позволила себе расслабиться или уменьшить избранный ею вначале уровень напряженного внимания.

— Не помните таких случаев?

— В этом году? Нет!

— Отдыхают только работники творческого союза? — Денисов не мог подстучаться.

— Не только. Особенно в межсезонье. И шахтеры, и рыбаки.

— А писатели?

— В апреле не так много. Приезжают потом, с началом школьных каникул. — Она пояснила. — В других Домах творчества не берут с детьми. У нас же дети, внуки. Потому наплыв.

— Мог человек купить путевку на стороне? Не писатель, не рыбак? Не шахтер?

— В межсезонье — пожалуй.

— Примерно в то же время у вас находилась женщина — критик по детективу. Он упоминает о ней в рукописи.

— Отдыхали несколько критиков-женщин. Так правильнее. Только по детективу ли?

— Много отдыхающих?

— Одновременно двести восемьдесят пять. Заезд в течение двух дней. Это летом. Весной — двести тридцать пять. — Она вздохнула. — Какой он из себя?

— У меня фотографии.

Денисов выложил на стол репродукции. «Ланц», как он именовал себя в рукописи, был сфотографирован с относительно небольшого расстояния, однако черты лица казались смазанными, глаза ни на одном из снимков не были направлены в объектив.

— Не знаю. — Снимки произвели явно неблагоприятное впечатление. Ее настороженность удвоилась, если не утроилась. — Как он был одет?

— В Коктебеле? Затрудняюсь сказать. Вообще же одевался хорошо. Он шатен, среднего роста. Выговор южный.

— Может, действительно с шахт? Здесь много. Кривой Рог, Макеевка... Он был один?

— Полагаю, вместе с женщиной.

Она оживилась.

— Фамилию знаете?

— Нет.

— Тогда как же?

— У входа в корпус, где она жила, два кипариса... — Кроме все той же рукописи Ланца, Денисов не располагал другими материалами. — Играет в теннис. Была за границей. В Париже, в Греции. Возможны какие-то туалеты...

— Здесь это ни о чем не говорит. — Подъем ее сразу угас. — Потом убедитесь. А кипарисы у нас по всей территории. Кипарисы, лох узколистный, орех.

— Еще: мужчина, видимо, уехал раньше срока. Надо посмотреть, кто из апрельских не остался до конца.

Она покачала головой.

— Обычно не интересуемся. Некоторые даже не ставят в известность, что уезжают.

— А как же в столовой?

— Все равно накрывают. Еще несколько дней.

В дверь заглянул кто-то из отдыхающих.

— Сейчас, — сказала регистратор, — только поговорю с товарищем.

Дверь закрылась.

— Есть еще зацепка. Женщину, возможно, зовут Анастасией. Ей около сорока. Носит очки.

— Попробую узнать. А пока... Вы были в пансионате «Голубой залив»? Это сразу на набережной. У моря.

— Нет.

— Еще есть турбаза. Узнайте там. Вы остановитесь у нас?

— Пока не знаю.

— Я постараюсь поспрашивать. Сможете оставить фотографии?

— Да. У меня их несколько.

— Из-за этого вы приехали из Москвы?

— Да.

— Зайдите вечером. Или завтра с утра. Походите...— Регистратор неожиданно смягчилась. — Многие в течение лета приезжают к нам дважды. Дробят отпуска. Может, вы встретите его на набережной. На пляже.

Денисов поблагодарил, пошел к дверям.

Пока они разговаривали, в темноватом, отделанном плиткой холле собралось несколько отдыхающих, один — высокий, с цепочкой на шее, раздраженно взглянув на Денисова, энергично шагнул к регистраторе.

— Разрешите...— Входя, он как-то вдруг согнулся, решительность его сразу исчезла.

«Если человек боится войти к регистратору, — подумал Денисов, — как он пишет?»

На асфальтовой площадке перед входом было настоящее пекло. Солнце стояло совсем высоко. С теннисного корта доносились тугие щелчки.

Высохшие листья ириса вдоль аллеи были желтыми. Мимо огромного транспаранта «ТИХО! РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ!» в шортах, затейливых майках, с амулетами на шнурках шли молодые, и кто-то тревожно-нетерпеливо совсем рядом стучал по неисправному телефонному аппарату.

— В сущности, все эти опусы от имени Ланца, — заметил литконсультант Союза писателей, знакомившийся с рукописью в Москве, — суть эссе, произведения особого жанра, сочетающего подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, зачастую парадоксальным изложением. Стоят ли за каждым описанным эпизодом реальные события, трудно сказать. Скорее, да. Хотя не исключено обратное...

Денисов, приехавший вместе со следователем в особняк у Крымского моста, словно попал на урок литературы — снова «образы главных и второстепенных героев», «изобразительные средства», «язык персонажей»...

— ...Палитра автора весьма тускла. В манере отсутствует определенная авторская отстраненность, отбор материала. Записи стилизованы под дневниковые. Не исключено, что они таковыми и являются...

Это было весьма важным.

— Использованный прием требует, однако, известного мастерства — так называемый «поток сознания». Думаю, что сейчас сделано это все же непрофессионально, даже, извините, графомански. Если же говорить о тематике... Эссе легко разделить на три группы: любовь, недовольство героя собой и ревность. По-моему, это главное.

— У нас такое же впечатление, — Королевский, следовательно, легко соглашался. — Но чем объяснить? В почти документальных описаниях два географических пласта. Смотрите... — Он показал несоответствия.

Ланц писал:

«На шестах — тряпки, пустые консервные банки, конский волос — традиционная дань, собираемая непритязательным т у в и н с к и м небожителем. Окружающие горы отсюда, сверху, кажутся мягкими, мирными, одутловатыми, словно из резины. Между ними хорошо видно место, где Бий-Хем и Ка-Хем, сливаясь, дают жизнь Верхнему Енисею.»

И рядом:

«...Монолитный хребет заповедника впереди казался еще совсем черным седва заметными пробивающимися прожилками зелени. Четкий профиль поэта на скале был в и д е н и з д а л е к а. За первым монолитом поднимался второй, поросший лесом, и третий — скально-голый, с торчащей вершиной ромба...»

— В Туве нет ничего похожего, мы проверяли. — Королевский следил за тем, как литконсультант выпутается из затруднительного положения. — Никаких изображений поэтов на скалах. И дальше там, потом, — «кипарисы»...

Литконсультант — молодой человек в джинсовой куртке — дочитал до конца:

«...апрельский пейзаж оживал: ущелья становились глубже, вершины острее, кое-где начал появляться лес. Он рос на северных и северо-западных склонах, оставляя южные, наименее влажные, голыми. Гряда за грядой, как стадо наполовину остриженных овец, горы бежали к Тодже...»

— Скорее всего, это прием. Перенесение места действия. Географические названия напечатаны везде с разрядкой. Видите? — Он показал. — Мне кажется, я знаю, о каком месте идет речь. — Молодой человек поднялся, присел на край стола. — Оно в Крыму.

— А «четкий профиль поэта?» — спросил следователь.

Литконсультант подумал, прочитал нараспев:

— «Мой стих поет в волнах его пролива, и на скале, — он голосом выделил важное, — замкнувшей зыбь залива, судьбой и ветрами изваян профиль мой...» Еще помню! — Он сам удивился этому обстоятельству. — Максимилиан Волошин, одна тысяча девятьсот восемнадцатый год!... — Литконсультант взглянул на Королевского, ничего не значащим взглядом скользнул по лицу оперуполномоченного. Денисов в разговоре не участвовал, сидел молча, не нарушая прерогатив следствия. — Это поселок Планерское, в Крыму, на берегу моря. В быту — Коктебель. Вид на заповедник с горы Волошина. А на другой стороне бухты — Карадаг. Гора Святая. Изгибы скалы напоминают издали профиль Волошина. Вообще же Коктебель — модный курорт.

— Большой наплыв отдыхающих?

— Лет десять назад, рассказывают, отдыхало тысяч сто пятьдесят ежегодно. Там Дом творчества писателей.

— Я знаю. Но нам необходимо установить личность автора эссе. — Королевский воспользовался термином. — Других зацепок нет. Оперуполномоченный, — он показал на Денисова, и литконсультант впервые тоже внимательно посмотрел на Денисова, — по всей вероятности, вылетит в командировку уже сегодня...

Разговор Денисова в пансионате «Голубой залив» шел в целом по тому же образцу, что и в Доме творчества. На турбазе Денисова попросили зайти через час.

В промежутке он сделал несколько заходов в торговые точки — здесь результаты тоже оказались малоутешительными.

Видавший виды расторопный парень в гриль-баре мучительно тяжело всматривался в Денисова, соображал, что тому в действительности нужно.

Иногда поглядывал на фотографию Ланца.

— Что он сделал? — добивался бармен. — Я всю эту шпану знаю. Каждый вечер тут сидят. — Он махнул рукой на колесо от брочки сбоку, на стене, против стойки. — Он художник?

Из стереомикрофонов над баром звучала тихая мелодия, помещение было затемнено, столики все, как один, пусты.

— Может, освежиться хочешь? — предложил бармен. — Коллекционное шампанское. За знакомство, а?

Оперуполномоченный отклонил приглашение.

Солнце стояло уже высоко.

С вершины, от могилы Волошина, поселок на берегу казался небольшим, захолустным, утопающим в зелени; несколько многоэтажных зданий — пансионат, турбаза — стояли особо. Вдоль бухты тянулась набережная с домом-музеем

поэта; по другую сторону музея располагался Дом творчества.

Денисов прошел дальше, к одинокому камню на могиле поэта, скинул куртку. Крошечный электронный будильник, с которым он не расставался, коротко пискнул в кармане, обозначив завершение часа.

На море был полный штиль, но воздух не казался прозрачным — в нем словно таяли бесчисленные частички песка.

Далеко внизу еле двигался к причалу катер — тонкая белая стрелка вперед.

Денисов достал из пакета ксерокопию рукописи, он постоянно вчитывался в нее, стараясь обнаружить второй — скрытый смысл. Однако для работников уголовного розыска материала в ней было немного:

«Не разделенный отточиями непрерывный, как дождь, авторский монолог... — Денисов сам потом разделил его на короткие главки. — «Поток сознания?»»

«Если бы она любила тебя, разве захотела бы, чтобы ты уехал отсюда раньше срока?! Разве «любить» не значит — желать быть вместе, видеть друг друга?! Так просто! Пойми, безумец! Посмотри на часы. Сейчас ее тоже нет — у нее своя жизнь, своя компания. Давай же оправдывай ее! Скажи, что в эту минуту она тоже смотрит на часы, скучает. Ты думаешь, что разжалобишь ее сердце, когда она вернется, увидит, как ты сидишь без огня один в темноте. Услышит твой голос... Пойми! Не будет этого!»

«Господи!...» — сказала она внятно. Ей тяжело со мной, хотя при этом она ни разу не сорвалась, не упрекнула. Только не берет за руку, отодвигается, когда касаюсь ее. И снова: «Не целую, не беру за руку. Значит, не могу. Не это главное. Решай, как тебе легче. И не рассказывай о своем комплексе. Самоуничтожение паче гордыни».

«Она пришла, села рядом. Тихо. Темно. «Почему ты прощешь, чтобы я уехал?» — «Боюсь поспорить. Ты не выдержишь, Ланц. Я люблю тебя. Сегодня. У меня никого нет. Был муж, теперь ты. Может, даже ты любишь меня сильнее, чем он!» И так каждый вечер... Ушла раньше, хотела поспать перед теннисом».

«Анастасия! Такого я всегда представлял себе женичину, с которой проживу всю жизнь. Поэтому я полюбил ее в первый же час...»

Денисов отложил рукопись. По другую сторону бухты поднимался скалистый монолит, там был заповедник. В краях Карадага преобладали густые тяжелые тона.

Ночной перелет из Москвы в Крым давал о себе знать. Денисов представил вдруг полутемную площадь и освещенный ярко аэровокзал в Симферополе, снующие в ожидании

регистрации пассажиры, не спящие под утро дети; ночной южный базарчик — астры, гладиолусы, персики...

Воздушной милиции было не до коллег — Денисов сразу понял: задержка рейсов, дел невпроворот. В третьем часу с «леваком» добрался до Феодосии, к автовокзалу. Часа через полтора пустым автобусом в Планерское...

Он вернулся к рукописи. Тот, кто называл себя «Ланцем», писал:

«...За первые четыре дня я узнал больше, чем за все предыдущее наше знакомство, увидел рифы, о которых не подозревал. Началось с профессора, специалиста по исландской литературе, и его очаровательных аспирантов, которые сразу же потеряли от нее головы. Еще — сын известного поэта. Кинодраматург. Очаровательная женщина — критик детектива — выбрала ее своим партнером по теннису. Я почувствовал себя бесцветным и таким ненужным».

«Кажется, что все быстро идет к разрыву. Не о чем говорить, ничто не связывает. После ужина она рано уходит спать. Я приношу ей второе одеяло. В ее жизни для меня нет места. Мои разговоры — продолжение, в сущности, одной и той же надоевшей темы — когда, почему и как она охладела ко мне. Из Печорина я быстро превращаюсь в Грушницкого...»

На тропинке послышались голоса — к могиле поднимался целый отряд, человек не менее тридцати. Экскурсия. Женщина, первая вступившая на вершину, задохнулась от подъема, сделала шаг, чтоб оказаться дальше от кручи.

Денисов оставил рукопись. Утро и этот первый день, казалось, не знали конца.

С автостанции в Коктебеле он первым делом отправился разыскивать коллег.

Отделение милиции в Коктебеле помещалось в одноэтажном сумрачном здании, в центре поселка. Перед входом белели стены недостроенного помещения — новая дежурка с металлической клеткой-сейфом для оружия. Судя по отсутствию строительного мусора, возведение дежурки продолжалось с перерывами, «хозяйственным способом», уже давно.

Внутри было тихо, никто его не ждал, до прихода руководства заходить было бесполезно. Денисов постоял, разглядев фотографии разыскиваемых Крымским областным управлением. Вор. Убийца. Расхититель. У расхитителя было пухлое лицо, толстые губы, он обвинялся в растрате в особо крупных размерах.

Денисов прошел на берег. На рассвете пляжи были чисты, открыты. Прежде чем что-либо предпринять, Денисов предпочел выспаться; лег, подстелив куртку на деревянный топчан. Проснулся уже около семи. По набережной прошла поливальная машина, появились первые любители бега.

В отделении милиции, у входа, за низкой перегородкой, рядом с дежурным сидела женщина в халате, в платке, что-то писала. Когда Денисов вошел, женщина нагнула голову, натянула платок, скрывая, видимо, синяк или синяки — следы боя.

Дежурный — старший лейтенант — взял у Денисова удостоверение, быстро вернул:

— Начальник уехал в Судак. В райотдел.

— Вернется?

— Лымарь? После обеда. Или к вечеру.

— Заместитель?

— Старший опер здесь. Пашенин. Ваш коллега. — Дежурный показал на дверь по другую сторону небольшой дежурки.

Старший оперуполномоченный оказался сверстником — рыжеватым, с веснушчатым длинным лицом; особого интереса к коллеге он не проявил — факт, который Денисова скорее удивил, чем расстроил: первый раз у него не сложились отношения с коллегой.

Пашенин молча вернул удостоверение, кивнул, когда Денисов сказал по поводу устройства.

— Постараемся. — У него был негромкий глуховатый басок.

— Телекс наш получили? Из транспортной милиции.

— Был.

— Как у вас? Тихо?

— Держимся. — Он замолчал.

Разговора не получилось, Денисов так и остался стоять, куртку он держал в руке — жестко перехватив у воротника.

Хотел спросить о горе Волошина, но раздумал:

— Зайду позже.

Сверстник важно кивнул.

— Мне нужно оставить сумку. Оружие.

— Дежурный положит в сейф.

Будильник в кармане коротко пискнул. Денисов взглянул на часы, на бухту. Пора было спускаться.

Голосов на тропинке больше слышно не было. Поднявшись к могиле стояли под ложной оливой лицом к морю.

Денисов заглянул в рукопись скорее по привычке:

«О чем ты сейчас думаешь?» — спрашиваем мы каждую минуту друг друга, как дети. Мне страшно, что все кончится! — сказала она однажды. — Не бросай меня! Я знаю: у меня ужасный характер! Я тяжелая ноша!» Я вспоминаю Отчий дом, сердечность и постоянную теплоту наших отношений! Возможно, настанет день, когда на ее — «Я люблю тебя сегодня!» я смогу ответить: «Я люблю тебя в чера!»

«Мы идем в горы. Разговор не ладится. Я чувствую ее злость за то, что все еще здесь, за то, что мешаю. Садимся у камня,

стелю куртку. Мы смотрим в небо. Плывут облака. Тишина. И все снова хорошо. Какое счастье встретить тебя!»

Денисов взглянул вниз. По-прежнему белой лентой тянулся прибор. Высветенные солнцем волны казались сверху неподвижными, тяжелыми, будто отлитыми из золота, навсегда замершими в всплеске. Ближе к подножию, на краю, виднелся платный автокемпинг — аккуратные машино-места, расцвеченные палатками; он тоже упоминался в рукописи.

Идти в регистратуру было рано.

Денисов нашел место на скамье, против причала. Отсюда были видны два ориентира — профиль Волошина на спускающемся к берегу монолите и могила под одиноким деревом на вершине. Скамья была длинной. Несколько женщин пенсионного возраста вязали, переговариваясь между собой; молодой мужчина объяснял мальчику, очевидно, сыну:

— В жизни, старик, человек — либо единица, либо — ноль!

Пенсионерки одобрительно смеялись.

Пекло солнце. На развале, в тени, торговали журналами, украшениями из прессованной кости и гипса. Море было спокойным. За оградой, на узком пляже, было полно людей.

Денисов закрыл глаза, почувствовал, как проваливается. Так бывало с ним всегда: он плохо держал сон. В последнюю секунду, прежде чем уловил приближающуюся собственную бесплотность, ватность мускулов, успел сесть крепче.

Он открыл глаза минут через пять. Вокруг ничего не изменилось, по-прежнему, не переставая, во всем пляжном шли мимо люди, покупателей журналов на развале было так же много, как и несколько минут назад. Отец на скамье выговаривал сыну:

— Взрослые не любят, мой друг, когда им говорят об их недостатках. Они хотят, чтобы чаще напоминали, какие они красивые и умные...

Денисов больше не пробовал уснуть — только раз можно было сбросить сон и почувствовать себя свежим; при повторе это превращалось в долгую непоборимую дремоту.

— ...Взрослые, старик, те же дети!

Денисов вспомнил племянника; когда жена с дочерью провожали его к электричке, девятилетний сын сестры попросился с ними. В Подмоскowie, как все эти дни, лил дождь. Дорога к станции была безлюдной.

— Привези мне красного кедра, Денисов, — сказал племянник, — думаю покраситься индейцем, а краску добывают только из него. — Он должен был проводить Лину с Наташей назад и очень гордился своей ролью. — Как смотришь?

— Идея хорошая, — подумав, одобрил Денисов.

Жена сказала:

— Блестяще совершенно.

«Лина и не представляет, как здесь сегодня...» — Он подумал, что к вечеру попробует дозвониться.

— Посторонитесь! — по аллее, почти рядом со скамейкой, ехал мотоцикл с тележкой. У продавщицы винограда начала быстро выстраиваться очередь.

«Не пробовали, читая, скажем, «Войну и мир», — спросил у Королевского на прощание литконсультант, — определить, кому из персонажей Толстой дал больше черт собственного «я»? Никогда? — Он дал время подумать, Королевский и Денисов молчали. — Болконскому? Пьеру Безухову? Может, старому князю? Я говорю об этом, потому что вас должно заинтересовать. Есть произведения, в которых виден персонаж, но автор не виден. Это касается не только классики. И есть вещи, где героев не видишь, зато видишь писателя. Я не говорю об автобиографических произведениях, нет! Просто автор все, напрямую, отдал герою. И вы можете сказать про писателя — какой он? Счастливый, грустный? Есть у него родители, дети? Как к ним относится? По некоторым книгам можно сказать даже, что автор ел, когда писал такую-то страницу, какое у него настроение, что прочитал в газете. Бывает, что-то его поразило, и он вписал. Потом сообщение не подтвердилось, сенсация лопнула, а в книге осталось. Ваш автор и не пытается спрятаться за героя, это он и есть — Ланц, только меняет фамилию, места событий, а остальное все оставляет...»

Мысль Денисова двигалась упорно в привычном направлении, даже пока он спал. Как и тогда, в кабинете Союза писателей, он снова подумал:

«Перенося место действия из Крыма в центр Азии, неизвестно, как он поступил с реальными портретами персонажей...»

Выбора, однако, не было.

Мужчина, разговаривавший с мальчиком, вернул к действительности:

— Каково твое мнение, старик? — спросил он. — По поводу акварелей, которые мы видели в музее почтенного Макса Волошина... — Разговор был насквозь фальшивым, только одни пенсионерки этого не чувствовали. Они явно получали удовольствие. — Ведь, если не считать тех двух, справа, которые нам понравились, все остальное выглядело довольно серо. Не так ли?

Транспарант, висевший в вестибюле турбазы, был более чем красноречив:

*«В прошлом году на турбазе отдохнуло —
29890 человек из 339 городов.
Из них с 30 до 50 лет — 13043,*

женщин — 17519,
мужчин — 12371.
Из Москвы — 15700...»

Меньше всего отдыхающих, заметил Денисов, приехало из Ферганы — 8 и из Лиепай — всего 4 человека. Но именно эти города Денисова не интересовали.

— Разве запомнишь кого-нибудь! — Женщина в окошке не скрывала накопившегося в ней к концу сезона ожесточения. — Две с половиной тысячи одновременно. Да еще в арендуемом секторе! Каждые десять дней заезд — до ста в день... — Позади в оконном проеме виднелись доски, на которых, как в табельной, на гвоздиках, висели жетоны, отмечавшие места. — Алфавитный учет не ведем. Где уж тут!

«Был бы он из Лиепай!» — подумал Денисов.

— Приходите к старшему администратору, беседуйте. Сегодня его нет, он отдыхает.

— Разрешите позвонить?

Она вздохнула, все же подвинула аппарат. Денисов набрал номер.

— Слушаю. — В милиции трубку сняли не сразу — дежурный отходил.

Денисов назвался.

— Начальник приезжал?

— Нет.

— Звонил?

— Да. Я сказал, что вы в Доме творчества.

— Из Москвы не звонили? Никто не разыскивал меня?

— Нет. Никто.

— Все тихо?

— У нас?! — В отделении не было принято вводить чужих в курс собственных дел. — Порядок.

Центральная улица казалась пустой, большинство населения было на пляже, Денисов прошел к рынку, никого почти не встретив; несколько мужчин и женщин — в шортах, в цветных майках — прошли по другой стороне.

Зато рядом с неказистым зданием почты, у междугородных телефонных автоматов, стояли люди. Автоматы были старой конструкции, изрядно побитые, почти каждый, кто звонил, кулаком помогал монете спуститься по монетопроводу.

Сбоку на дереве белели прикрепленные кнопками объявления:

«Лапун! Мы на старом месте...»

«Продаются три железнодорожных билета Феодосия — Минск...»

Одно — Денисова заинтересовало:

«Две путевки. Проживание в отдельном двухместном номе-

ре. Желающих купить будет ждать высокий молодой человек в синей спортивной форме в субботу в 19.00 или в воскресенье в 8.30 у почты на лавочке...»

«Выходит, путевку можно приобрести прямо здесь, в Коктебеле...» — подумал он.

В регистратуре Дома творчества он никого не застал, вышел на крыльцо. Асфальтовые дорожки были пусты, залиты солнцем; за ними стеной стояли деревья. Растопленный воздух не двигался.

— Товарищ Денисов? — Высокая, в белом халате женщина ступала осторожно, словно боялась надломиться. — Вам пропуск, — она подала красного цвета квадратную карточку, — на право прохода, в душ и на пляж. Сроком на четыре дня. Еще это.

На листе, вырванном из школьной тетради, было написано:

«Звонили из милиции. Ночевать будете в финском домике. Деньги за ночлег и питание внесите в бухгалтерию. Насчет того, о чем вы просили узнать, пока ничего нет».

Подпись была неразборчива.

— Бухгалтерия далеко? — спросил Денисов.

— Здесь, в административном корпусе. В домик можете сейчас пойти, отдохнуть. Пока будете жить один. В девятнадцать ужин. Не опаздывайте.

Дверь увитого плющом здания на набережной была открыта. Внутри находилась столовая — сумрачный приземистый зал. Большая часть мест была занята, в узких проходах между рядами сновали официантки.

По другую сторону небольшого вестибюля, позади гардероба, белая узкая лестница вела на второй этаж, в библиотеку.

— Первый раз? — Женщина у гардероба сразу обнаружила в Денисове постороннего, вызвала сестру-хозяйку.

Шустрая женщина с незагорелым скуластым лицом взяла у Денисова квитанцию, пошла впереди.

— Сюда, пожалуйста. — Место Денисова оказалось рядом с дверью на веранду; за столом, кроме него, должны были сидеть еще пятеро, все они отсутствовали. — Завтрак у нас в девять.

«Ей в первую очередь необходимо показать фотографию Ланца», — подумал он.

— Обед в четырнадцать. Приятного аппетита.

Думая о своем, он забыл поблагодарить.

На ужин подали рубленый шницель, желе. Порции были огромные, рассчитаны на непритворный вкус, половина оставалась в тарелках.

— Кашу будете? — спросила официантка, нестарая, с воспаленными венами на ногах.

Денисов не отказался; ел много, оставаясь таким же худым. Официантка принесла дополнительное блюдо — рисовую кашу.

Вокруг, Денисов заметил, жевали без аппетита. В столовой было шумно, с веранды доносились голоса, там о чем-то спорила мужская компания.

— Еще? — Официантка принялась убирать посуду.

Денисов поблагодарил. Когда он уходил, сестры-хозяйки в столовой не было, он нашел ее в раздевалке.

— У меня дело к вам... — Он коротко объяснил, кто его интересует, достал фотографию.

— Погоди... — Она надела очки, долго рассматривала снимок. Несколько раз казалось, сестра-хозяйка порывается что-то сказать, но вместо этого она вернула фотографию, сняла очки. — Напоминает кого-то. Но кого?!

— Я оставлю снимок. Покажете официанткам?

— Можно.

Денисов посмотрел на часы; первый день командировки заканчивался бесславно: ничто не подтверждало того, что автор эссе, как и его герой Ланц, четыре месяца назад, весной, был в Коктебеле.

Из столовой он побрел к себе — в «финский», на двоих, домик, отведенный для проживания. Домик находился здесь же, рядом, в нескольких десятках метров от столовой — маленький, тихий, пустой. Второй жилец в нем так и не появился, Денисову, по всей вероятности, предстояло ночевать одному.

Он достал рукопись. Свет был тусклый. Другого пути, кроме как вчитываться в текст эссе в поисках деталей, за которые можно зацепиться при розыске, он не видел.

«Любовь, тоска, ревность и ничего существенного, за что можно было бы уцепиться...» — Денисову хотелось оттолкнуться от посылки, которая была бы беспорной.

— Можно?

В дверь постучали. Денисов поднялся, отложил рукопись.

— Спичек не найдется? — Небольшого роста бородатый человек с большим животом стоял на пороге, на нем были шорты, детская шапочка, полосатая блуза. В руке он держал трубку.

Денисов достал спички, он не курил, но сигареты и спички были всегда у него с собой, в сумке.

— Спасибо. — Гость прикурил. — Давайте знакомиться. Михаил Мацей. Из Харькова. Поэт... — Он взглянул испытующе. — Пишу для молодежи. Ваш сосед.

— Мацей. Я читал вас в «Юности». — У Денисова была жесткая память на трудные фамилии, а Лина выписывала «Юность».

— Правильно. — Мацей обрадовался. — А вы?

— Денисов. Москвич.
— Литератор?
— Технар, — так оно и было вначале. — Московский завод координатно-расточных станков.

Поэт тактично сменил тему:

— Удивительно хорошее море сегодня. Обратили внимание? Каждый день другое, я не говорю уже — каждый год. — Он затыкнулся трубкой.

— Вы часто бываете здесь?

— Последние годы довольно регулярно. А вы?

— Впервые.

— Я вижу. Обычно тут одни и те же. Кто весной, кто — осенью. — На вид Мацею можно было дать около сорока, но Денисов чувствовал, что в действительности поэт моложе. Старила корявая небритая борода, живот.

— Вы из тех, кто осенью?

— Стараюсь дважды. И осенью, и весной.

Денисов заинтересовался:

— В этом году были?

— В мае. Книгу надо сдавать, вот и приходится.

— Мой знакомый отдыхал... — Денисов показал словно случайно оказавшуюся у него в руках фотографию.

— Не помню, — вспомнив о книге, Мацей сразу заторопился, на снимок взглянул мельком. Денисов не мог ему сказать, как при опознании: «Пожалуйста, посмотрите внимательнее».

— Заходите, — поэт пошел к выходу. — Перед обедом и после ужина я, как правило, не работаю.

В дверях он обернулся:

— В теннис играете?

— Нет.

— Жаль. На корте хорошая компания.

Денисов проводил его до крыльца, вернулся.

«Южный говор...» — определила одна из женщин, разговаривавшая с Ланцем в ту ночь в Москве на вокзале... — Денисов постоял у окна, комнатка была маленькая: стол, два стула, две кровати углом, «Схема эвакуации на случай пожара» сбоку, в рамочке, на стене. — Поэт из Харькова. Вполне мог быть в одной компании с Анастасией...» Он вернулся к рукописи и стал читать:

«...Твое признание в поезде по дороге:

— Я даже не думала, Ланц, что этот человек посмотрит в мою сторону. Душа любой компании, красавец. Другая, на-верное бы, захомутала его. Я не умею.

«Тик-так, — считал я и смотрел в окно. — Тик-так...»
Чтобы остановить слезы. И был уже не тот, каким вошел с нею в этот поезд, в купе на двоих.

Мелькали дома станции, платформы. Привокзальный сквер с водокачкой.

Я вспомнил, как много лет назад моей матери — они в то время только разошлись с отцом — пришло в голову привести меня на детский маскарад одетым поваром. Кроме дурацкого колпака, за поясом у меня торчала поварешка; в огромной, как мне тогда показалось, квартире были мушкетеры, маленькие цыганки, офицеры. Нелепый костюм бросался в глаза. Меня заколдовало, я не мог ни говорить, ни смеяться.

Тогда мне было десять, сейчас — за сорок. Ничего не изменилось.

Я знал о ее муже, с которым много лет назад она рассталась, о своем блистательном сопернике, знал площадки, с каких они и я стартовали в этом мире.

Моя жизнь прошла бездарно. В ней не было ни блеска, ни машин, ни имен. Скольжение по поверхности. Удел мяча. Единственно, может быть: не будучи «душой любой компании», я полностью принадлежал тому, кого любил, и никогда расчетливо не воспользовался ничьим одиночеством. Не ходил в «зятьях». Но даже это сейчас против меня.

— Почему бы тебе снова не попытаться счастья с ним? — спросил я, успокаиваясь.

— С этим покончено. Хочу, чтобы ты знал.

Состав шел ровно. Хмарилось, мокрые перелески тянулись за горизонт.

Я вспомнил, каким вошел в купе, думая только о том, чтобы остаться вдвоем, и мне стало больно за себя...»

Денисов отодвинул рукопись, потянулся за курткой. Надо было идти.

Домик стоял в стороне от главной аллеи, Денисов двинулся напрямик между деревьями. Несколько минут пришлось идти в полной темноте, светильники не горели. Наконец Денисов вышел на асфальт. Впереди шли люди, кто-то невидимый нес включенный приемник. Из транзистора слышалась английская речь.

Денисов подошел к телефону-автомату, набрал 02.

— Начальник на месте? Это Денисов, из Москвы.

— Товарищ Лымарь? Нет. — Дежурный так и не стал многословнее.

— Дома?

— Нет. А вы где? — спросил он, в свою очередь.

— В Доме творчества.

— Ну, и он там. На территории, у пищеблока.

Координаты были расплывчаты, Денисов повернул назад, как ему показалось, в сторону столовой, снова попал в темноту. Вокруг свистели цикады. Асфальт под ногами исчез, Денисов шел тропинкой между двумя рядами кустарников, попал к ручью — проходя днем, он не заметил его. Впереди засветле-

ла стена приземистого здания. Это была столовая, он подошел к ней с другой стороны.

«Как тут тихо...»

Денисов подергал дверь — она была заперта. Двинулся назад, в темноту — с ходу налетел на дерево.

«Недостойно опера...» — подумал он.

— Товарищ, подойдите, пожалуйста, — донеслось негромко от столовой.

Денисов оглянулся. Из темноты, за столовой, кто-то, прижавшись к стене, незаметно следил за его проходами.

— Вы мне? — Денисов сделал несколько шагов, остановился.

— Да. — Это был молоденький сержант, сотрудник милиции. Из-за угла он наблюдал за промтоварной палаткой, на которую Денисов только теперь, обойдя ее дважды, обратил внимание. У палатки была массивная — «не по чину» дверь, тяжелый замок.

«Видимо, тут не только зубная паста и крем...» — подумал Денисов. Он подошел ближе.

— Вы здесь живете, в Доме творчества? — Сержант цепко держал взглядом одновременно лицо и руки Денисова, в то же время не исключал возможности нападения на себя сбоку, со двора столовой.

Денисов знал это состояние.

— Документы с собой? — спросил сержант.

— Я свой.

Сержант сильно нервничал — его следовало немедленно успокоить. Но главное — не двигаться, не доставать ничего из карманов.

— Двести тридцать пятый приказ в силе? Действует? — спросил Денисов.

Приказ этот висел на видном месте во всех дежурных частях, и вся милиция на инструктажах изо дня в день повторяла основные его положения — о вежливом и внимательном отношении к гражданам.

— Действует, — милиционер подумал. Он оказался смысленным. — Пожалуй, я знаю, кто вы. Дежурный говорил на разводе... — Сержант нажал манипулятор рации. — Товарищ начальник! Смирнов докладывает. Оперуполномоченный из Москвы... Да, здесь он. Приедете? У пищеблока. — Сержант выключил рацию, объяснил: — У нас вчера палатку хотели обокрасть.

— Кто, известно?

— Думаю, пацаны.

В конце аллеи показались огни, шла машина.

— Начальник — майор Лымарь Иван Федорович. — Смирнов поправил фуражку. — С ним старший опер, Пашенин.

Машина остановилась, вышли двое.

— Привет, Денисов. — Лымарь оказался подвижным, с живым, обманчиво приветливым лицом и глубоко внутрь спрятанной озабоченностью; типичный выходец из уголовного розыска. — Как дела? — Он словно знал Денисова сто лет.

— Нормально.

— Рад встрече. С Пашениным ты вроде знаком. — Он показал на старшего опера, неловко топтавшегося сзади. — Вечером второй раз пришлось ехать в райотдел, в Судак. Только освободился. Полно дел. Но будем тебе помогать. Слышишь? Все, что от нас зависит!

— Получили наш телекс?

— Да. Личный состав ориентирован. Сегодня на инструктаже снова повторили приметы... Вы передали «Ланц»?

— Да. Он сам себя так назвал.

Денисов не воспользовался паузой, Лымарь продолжил:

— Сколько уже дней прошло?

— Сегодня четвертые сутки.

— Пока ничего?

— Нет, обстоятельства не ясны.

Денисов вспомнил эпиграф, выбранный Ланцем к своей рукописи: «Тут лежит перо жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...» И дальше: «Так просто! Пойми, безумец! Посмотри на часы... Давай же оправдывай ее! Скажи, что в эту минуту она тоже смотрит на часы, скучает...»

С аллеи раздались голоса, женщина ругала ребенка, просившегося на руки. Ночь полна была невидимыми людьми, пением цикад.

Лымарь поинтересовался главным:

— Как он стрелял?

— В упор. — Денисов понял, кого и что имеет в виду Лымарь. — Одним патроном. Собственно, там и был один патрон.

II. «КОГДА ОБОРВУТСЯ ВСЕ НИТИ...»

— Отсюда уже видно! — Командир строевого отделения на ходу стряхивал с фуражки капли дождя. В конце платформы, впереди, угадывалось что-то черное. Светильник там едва горел.

Денисов ускорил шаг.

— Кто его обнаружил?

— Носильщик. Шел от элеватора.

— Кто именно?

— Сальков.

— Из бригады Романа?

— Он.

«Выбирать не приходится...» — подумал Денисов.

Несколько лет назад Сальков проходил связью от группы

Стаса — бывших работников отделения перевозки почты, задержанных за спекуляцию и грабежи. В последнее время, правда, за ним ничего такого не значилось.

— Футболист... — уточнил командир отделения. — Знаешь его? Женился на девчонке из оперативно-комсомольского отряда...

Денисов кивнул.

Пока шли перроном, дождь начал стихать. Сбоку тянулись платформы, по-ночному пронзительно высвеченные, покатые; вода стекала с них, как с крыш. У одной из платформ черней электропоезд. По другую сторону, позади путей высился элеватор — глухой, с бесчисленными лестницами по фасаду — повторявший форму огромной деревенской печи.

— Сальков смотрит: кто-то лежит. Думал, пьяный! — Командир отделения был из пограничников — подтянутый, четкий, — работал недавно.

— При пострадавшем есть вещи?

— На платформе? Не видел.

— Кому Сальков сообщил?

— Ниязову. Он как раз стоял на перроне, против первого зала. — Ниязов был младший инспектор розыска. — Ниязов передал по радиации дежурному.

— Где он сейчас?

— На стоянке такси. Опрашивает водителей.

Они уже были рядом с местом происшествия.

— А так тихо началось дежурство! — Командир отделения снял фуражку, повертел, сбивая капли. — Когда доложил, никто верить не хотел... — Он замолчал, подал Денисову фонарик.

— Пассажиров много?

— Полные залы.

Денисов взглянул на часы:

«03.57».

Он посмотрел на крышу центрального здания, световое табло показывало то же время. Впереди, в направлении Дубниковского моста, маячили пути, конфигурации стрелочных переводов, черная сеть подвесок.

Из электрички на шестом пути послышался стук компрессоров. Она отправлялась первой, в 4.00. Вокзальные сутки начинали бесстрастный отсчет времени.

— Пришли. — У командира отделения странно перехватило голос.

Труп был накрыт брезентом, хранившимся для таких случаев у дежурных. Денисов поднял за край, щелкнул фонариком. Острый луч полоснул по платформе.

Человек лежал на спине. Открытые глаза смотрели безучастно. На вид погибшему было не меньше сорока, на нем был синий в полоску костюм, сорочка с галстуком.

— Как он лежал, когда вы подошли? — Денисов нагнулся над телом.

— Лицом вниз.

— Посадка на тамбовский шла с этой платформы?

— На 441-й? Нет. — Командир отделения показал на седнюю. — Здесь была нерабочая сторона состава. Но кто-то из пассажиров все равно мог видеть.

Денисов провел лучом, нашел на асфальте отметку масляной краской:

«Четвертый вагон».

— Четвертый, — подтвердил командир отделения.

Денисов подержал руку погибшего в своей, она была еще теплой.

«Один-два-три... — Слабые удары пробивались к поверхности кожи. — Один-два-три...»

Возникло ощущение бьющегося пульса.

Это была иллюзия: биение собственной крови в кончиках пальцев. Пульса не было. Рука скользнула, изгибаясь под неожиданным непривычным углом. Трупное окоченение до нее не дошло, медленно распространяясь от головы.

Оперуполномоченный осторожно положил руку погибшего. Мышцы ее не сократились, покорно-безжизненно рука легла на асфальт.

Денисов внимательно оглядел погибшего, пиджак был растегнут, кровь слева, на груди, успела загустеть, отливала буроватой блестящей эмалью.

Под трупом виднелась еще небольшая темная лужица. Там, по-видимому, тоже была кровь.

Как оперуполномоченный розыска Денисов предпочитал составить обо всем собственное суждение.

«Сквозная? — подумал он. — Или несколько ран? И в грудь, и в спину?» По закону сообщающихся сосудов, кровь вытекала из ран, находившихся ниже других.

— Когда его обнаружили?

— В три ноль семь.

— До дождя?

— Дождь только начался.

— Что-нибудь предприняли?

— Искусственное дыхание. До прибытия «Скорой».

— Пришлось переворачивать?

— Труп? Да: Иначе не получалось.

Это было важно.

— Зачем Сальков ходил к элеватору? — спросил Денисов. Конец платформы, где был обнаружен труп, и угол здания элеватора связывала тропинка, без необходимости носильщики ночью ею не пользовались. — Как он объяснил?

— Искал проволоку. С тележкой непорядок.

Денисов подумал:

«Проволоку легче найти в гараже...»

— К слесарям он обращался?

— Слесарей не было.

— Вы осмотрели тележку?

— Все точно. Ось переднего колеса вышла из строя.

Дождь кончился, но вода продолжала бежать с платформы.

«К приезду оперативной группы будут видны трупные пятна, — подумал Денисов, — подтвердится время наступления смерти...»

Трупные пятна появлялись уже через час. При данном положении тела их можно было предполагать в поясничной и в межлопаточной областях, в любой нижележащей части, неплотно прилегавшей к асфальту. Денисов представил их — разбросанные, мелкие, пока еще исчезающие напрочь при нажатии пальцами...

— Ничего подозрительного не было? — Он поднялся, выключил фонарик.

— Тихвин, — громко позвал командир отделения.

От светильника в конце платформы подошел старшина, охранявший место происшествия. Денисов поздоровался.

— Как здесь? — спросил командир отделения.

— Все нормально. В три с четвертью прошли ревизоры. Еще составитель. А так тихо... — Постовому были видны концы платформ и вся горловина станции. — Пассажиры все больше в залах. Дождь! — За электричкой на шестом пути виднелось еще несколько сцепов, ночевавших на путях.

— Быстро вы приехали, — старшина обернулся к Денисову. Происшедшее ночью не исчерпало живший в нем интерес к окружавшему. — Дежурный машину послал?

— С попуткой.

— Понятно.

— В начале смены службу несли в залах? — Денисов показал на ярко освещенный куб нового здания вокзала.

— Так точно, — постовой переменял тон. — Здесь потом поставили, после «Скорой».

— А во время посадки на тамбовский?

— Провожал инкассаторов.

Несколько капель с контактной подвески упало на платформу, но дождя больше не было. Денисов убрал в сторону брезент. Погибший виден был теперь целиком.

«Что произошло? — подумал Денисов. — Убийство, самоубийство?» Типовые версии убийств были все известны — хулиганство, месть, корысть, ревность... Он снова нагнулся над трупом: карманы нового, с иголки, пиджака вывернуты не были.

«Сотни людей на вокзале — это выглядело всегда как парадокс, — а свидетелей нет...»

— Нашел Сальков проволоку? — спросил он командира отделения.

— Не нашел. Я интересовался.

Стукнули стрелки. Бесшумно прошел маневровый.

От пункта технического осмотра к платформе пробежали несколько человек, Денисов узнал Сабодаша. Антон, казалось, был вдвое выше и здоровее остальных. С ним рядом держался оперуполномоченный Кравцов.

— Едут, — предупредил командир отделения.

Денисов обернулся. На лужах мелькнули отблески огней. Две машины — микроавтобус с прожектором впереди и «Волга» — пересекли перрон, приближались к платформе.

— Полковник Бахметьев. — Командир отделения узнал машину начальника отдела, неуловимо подтянулся.

Денисов зажег фонарик, снова провел по платформе; у самого края, на другой стороне, что-то темнело. Он подошел ближе: маленький тонкостенный металлический стакан.

— Гильза...

Начальник отдела выглядел хмурым, его покалеченный на фронте глаз слезился больше обычного; Бахметьев то и дело отворачивался, касался его чистым носовым платком.

Осмотр трупа не начинали. Ждали судебно-медицинского эксперта, который должен был появиться с минуты на минуту.

Пошел дождь. До приезда медика погибшего снова закрыли брезентом.

— При обнаружении гильзы измеряем расстояние между нею и двумя ближайшими постоянными ориентирами... — Эксперт-криминалист, несправимый резонер, не мог не объяснять, чем в данный момент занимается. — Если гильз несколько, надо измерить расстояние и между ними... — Ему было безразлично, кто перед ним — асы розыска или вчерашние слушатели школы милиции.

Бахметьев нервничал. Его волнение передалось следователю транспортно-прокуратуры Королевскому — щеголеватому, молодому, с шапкой темных волос.

Оперативная машина подъехала совсем близко. В лучах прожектора было заметно, как подергиваются поверхности луж.

Криминалист наконец перешел непосредственно к гильзе, достал лупу, поднес к глазам.

— Гильзы pistolетных патронов бывают латунные или стальные. Подразделяются в зависимости от их формы, устройства шляпки, наличия капелюры — кольцевой бороздки, крепления пуль и размеров... — Он отставил лупу, привычно

произвел замер. — Данная гильза латунная, цилиндрическая, пистолетная... От 7,65-миллиметрового патрона браунинга образца 1900 года... Брать гильзу, — он снова не удержался от наставления, — следует двумя пальцами за край доньшка и дульце...

— Пистолетная? — переспросил Антон Сабодаш, спорщик и любитель сразу все брать под сомнение. — Почему не револьверная? — При этом Антон допускал иногда удивительные просчеты. Так было и в этот раз.

Эксперт удивился:

— Элементарно! Гильза бы осталась в барабане!

— Конечно же! — Антон обозлился на себя.

— Револьвер чем хорош? — Эксперт воспользовался преимуществом. — Нужно, скажем, отразить внезапное нападение, захват... — Он не догадывался о своем резонансе, и это всех неожиданно с ним мирило. Кроме того, он был эрудитом в своем ремесле. — В пистолете, чтобы загнать в патронник патрон, необходима вторая рука, а здесь... Вас держат, а вы все равно в состоянии защищаться! Почему многие полиции мира предпочитают револьверы.

— И преступники, — заметил Бахметьев.

— И преступники, — согласился криминалист, — те, кто стремится не оставлять на месте преступления доказательств в виде стреляных гильз...

Светать не начинало. Темнота перед рассветом словно сгустилась.

По другую сторону путей, у элеватора, шелестели невидимые верхушки деревьев — там, на высоте, было ветрено. С порывами ветра дождь то затихал, то вновь усиливался.

— Вот так... — Эксперт заговорил по существу. — 7,65-миллиметровый патрон браунинга практически подходит ко всему автоматическому оружию этого калибра. Германскому, бельгийскому, испанскому, «леонгардт», «мелиор», «астра»... «сэдвиж». Это уже, правда, американский. Всех не перечислишь... — Он снова взял лупу. — След выступа отражателя на гильзе отсутствует. Это упрощает дело. Остаются каких-нибудь три десятка пистолетов, браунинги модификаций после девятисотого года, германские «штенда», «харрингтон и ричардсон», «мента», «беретта»... Думаю, смогу точно назвать марку. — Он надел очки.

— Особенности эжекции гильз в этих пистолетах? Помните? — спросил следователь.

Криминалист достал объемистый блокнот, листочки-таблицы в нем лежали не прикрепленные друг к другу, начал осторожно перелистывать:

— Почти во всех моделях гильзы выбрасываются вправо. — Он нашел нужную таблицу, показал Королевскому.

— На большие расстояния?

— По-разному. От браунинга образца 1900 года, например, самое меньшее на полтора метра.

— А наибольшее?

— Около четырех.

Денисов поймал брошенный на него тревожный взгляд Бахметьева, они могли обходиться без сленга — укороченного языка людей, работающих постоянно «локоть к локтю».

«Включайся», — сказал Бахметьев.

— Какой выброс у «беретты»? — спросил Королевский.

— От полутора до двух с половиной. — Эксперт достал из оперативного чемодана мягкий метр, мел. — Подержите.

С помощью Сабодаша он прочертил две концентрические дуги с центром на краю платформы, рядом с погибшим. Мел не хотел ложиться на мокрый асфальт, но кое-что все-таки удалось.

— Местонахождение стрелявшего, — объяснил криминалист, — определяется обычно по следам ног, по местоположению выброшенных из оружия гильз и путем визирования. Мы можем рассчитывать лишь на гильзу, и то потоки дождя ее наверняка откатали...

Денисов посмотрел на часы. Два действия в милиции следовали всегда незамедлительно, одно за другим, как причина и следствие: поиск — после сообщения о совершенном преступлении — и задержание — сразу вслед за установлением преступника.

«Пора разворачиваться...»

— Намучился с вечера! «Тачка» еле двигалась...

Салькову было около сорока, но выглядел он моложе; на красноватом безбровом лице поблескивали белесые глаза; светлые ресницы казались выгоревшими.

— Наконец бросил все, пошел вдоль элеватора. Как-то видел там моток проволоки.

Речь его была непритязательна, смазана, и держался он простовато. Притом, Денисов знал, неплохо играл в футбол, одно время выступал в дублерах «Локомотива». В обслуге вокзала было немало бывших спортсменов.

Разговаривали в темноватом вытянутом помещении раздевалки. Раздевалка выглядела унылой, временной. Голый стол, пустой подоконник, списанные, из зала для транзитных пассажиров, фанерные скамьи.

— Кого-нибудь заметили на платформе? Или поблизости?

Сальков задумался, хотел сказать: «Нет», вдруг вспомнил:

— Мужчина с женщиной возле угла элеватора! Там, в кустах, что-то вроде приступка. Курили. Да! По-моему, ссорились.

— Обрисовать сможете?

- Нет, не обратил внимания.
- Без вещей?
- Вещей я не видел. — Сальков поднял выгоревшие белесые глаза, подбородок его тоже казался выгоревшим, светло-ватым, покрытым пушком. Сальков хотел понять, что именно Денисов от него добивается, старался объяснить полнее и четче. — Сидели друг напротив друга...
- Это было до того, как обнаружили?
- Ну! Тамбовский ушел, отбой полный. До камышинского... — Первый утренний поезд — Камышин — Москва — прибывал в 4.07, с этого времени движение возобновлялось.
- Думаю, посмотрю проволоку. Может, никто не подобрал...
- Денисов окинул взглядом унылый ряд шкафчиков, на каждом висел замок, ни один не напоминал ни следующий, ни предыдущий. Ящик Салькова — сорок шестой — был открыт, перед самым приходом Денисова носильщик выгрузил на стол с килограмм помидоров, яйца, яблоки, хлеб — завтракал.
- У тамбовского поезда были?
- Денисов продолжал расспрашивать.
- У 441-го? Был. После отправления тут как раз все обнаружилось...
- К какому вагону подъезжали?
- В голову состава. — Сальков украдкой взглянул на разложенную на столе снедь. — Двух женщин привез с мешками. От стоянки такси. До Тамбова едут. Еще семью в пятый вагон. Военный с двумя детишками, с женой.
- Все было тихо?
- Как всегда.
- При отправлении стояли на платформе?
- При мне и отправился. — Сальков попытался осмыслить порядок, в котором Денисов предлагает вопросы, не смог. Денисов и сам не мог бы точно его объяснить; верная мысль не приходила.
- Давно в футбол не стучали, — сказал он вдруг. Белесые глаза Салькова посветлели еще больше:
- Играли! У вас, в Видном. В прошлое воскресенье.
- Не знал.
- Душевно так постучали...
- Сальков не пытался продолжить разговор, терпеливо ждал.
- Денисов спросил:
- Бригадир носильщиков был у тамбовского?
- На посадке? А как же?
- Какой-то разговор состоялся?
- У меня с ним?! Вот ты о чем! В том-то и дело! «Тележку, — говорит, — к утру мне наладь! Кровь из носа!»
- «С этого следовало начать», — подумал Денисов.
- Заметил, видно, что я все стараюсь у вокзала держаться,

чтоб колесо не потерять. Ну, и дал команду, чтоб все в норму... — Сальков снова посмотрел на помидоры, на хлеб, вздохнул.

— Выстрел слышал? — спросил Денисов, переходя на «ты».

— Нет.

— Не хочешь сказать?

— Да нет. Я бы сказал! Знаем друг друга. Татьяна всегда привет передает.

— Ей тоже.

— Денис! — так называли его близкие — друзья, сослуживцы и еще на поле, во время игры. — Куда его? В голову? — Обветренное лицо Салькова искривилось, носильщик приготовился к страшному. — Здорово изуродовали?! — В глазах мелькнуло напряжение.

— Ты не заметил?!

— Я?! Как увидел кровь, сразу на перрон, к младшему инспектору... — Он заглянул Денисову в глаза. — Веришь? Не могу видеть! Если кто палец обрежет или укол сделать велят... Сразу слабость в груди. И головокружение.

Из раздевалки Денисов прошел к багажному отделению, миновал кассовый зал. Вышел на перрон. Скамьи снаружи были пусты. Рассвет наступал медленно, становилось свежо. Из-за дождя носильщики не успели убраться. Пустые коробки, окурки прибило к стенам, они словно держались на плаву.

У гаражей стояло несколько тележек, принадлежавших носильщикам. Денисов разыскал «тачку» Салькова — на ней был тот же номер, что и на ящике, — 46. Тележка не отличалась от остальных — с трафаретом о стоимости услуг, с многочисленными крючками на ручке, с подвижным колесом впереди. Ось колеса сбоку была прихвачена проволочками, торчавшими во все стороны; ей явно не хватало грубой и удобной подпоры.

Денисов обогнул гаражи, отсюда начиналась тропинка, шедшая вдоль стены элеватора, частично она была освещена прожектором, бившим с крыши.

Старые шпалы, опоры контактных подвесок справа... Денисов бывал здесь бессчетное количество раз в различное время суток. Слева — почтовые вагоны, платформы...

Он свернул к элеватору, у стены, в гигантских репейниках, таились укромные места. Над головой, по глухому фасаду здания, взбегали хрупкие лестницы, по которым, сколько Денисов помнил, никто не поднимался.

Было тихо. Воркования многочисленных голубей, слетавшихся к элеватору, слышно не было.

Недалеко от угла, рядом с тропинкой, Денисов увидел доску, земля под ней была выбрана, получилось что-то вроде сиденья, сбоку, на кирпиче, лежала фанерка.

«Если они сидели, — Денисов подумал о парочке, про которую рассказал Сальков, — то именно здесь...»

Он прошел дальше. Скрывавшая тропинку зелень была мокрой, на уровне головы тянулись застекленные зеленоватым бутылочным стеклом квадратные окна. У пункта технического осмотра вагонов — ПТО — тропинка сворачивала к воротам.

«Отсюда Сальков решил проделать обратный путь по платформе...» — Денисов осмотрелся.

В ПТО за освещенным окном молодой парень — вагонник — пил молоко из пакета. «Вагонники! — написано было на щите против окна. — Нарушение технологии при ремонте может вести к тяжким последствиям!» Денисов взглянул под ноги. Удивился. У самого щита, на виду, лежал перегнутый несколько раз моток толстой, мягкой даже на вид, алюминиевой проволоки.

— 201-й! — раздалось неожиданно под курткой из миниатюрной радиостанции. Денисов узнал голос дежурного, обернулся, глазами нашел Антона на платформе, он стоял рядом с Бахметьевым. — Как слышите?

Денисов назвал свой позывной.

— Пройдите в центральный зал, — передал Антон, — к Ниязову. Он все объяснит. Как поняли?

— К Ниязову. Вас понял.

Обернувшись, Денисов невдалеке внезапно увидел Салькова — носильщик шел той же тропинкой, взгляд его был прикован к земле; он искал проволоку, которую просто нельзя было не заметить, если бы Сальков ее действительно разыскивал.

Ниязов стоял против касс, рядом с киоском «Транспортная книга» — замкнутый, не улыбкающий, черноглазый, в коротком плаще. Под мышкой младший инспектор держал учебник по гражданскому процессу.

Интересующий Денисова разговор он начал первым, не дожидаясь вопросов:

— Я видел потерпевшего.

— С вечера?

— Ночью.

— Тебя допросили?

— Да. Но Бахметьев сказал, чтобы, кроме того, я доложил тебе в подробностях.

— Слушаю.

Незнакомый пассажир подошел к киоску — один из многих, для кого вокзальное время еле двигалось. С минуту постоял рядом.

Они замолчали.

— С вечера... — спросил Денисов, когда пассажир побрел прочь, — было спокойно?

— Ночью тоже. И никого из тех, на кого обращаешь внимание. На такие дни вообще не думаешь, что что-нибудь случится.

Денисов взглянул на него — Ниязов ограничивался обычно самым существенным и необходимым.

— Где вы пересеклись?

— Он курил у второго зала. В тамбуре. У выхода на перрон.

— Один?

— Там было несколько мужчин, я только мельком взглянул.

— Когда это было?

— Примерно в 0.20. Я проходил мимо, к кассе сборов.

— Почему ты обратил внимание?

— Не знаю. Видно, что-то заинтересовало, но я не придавал значения.

— Он был с вещами?

— По-моему, нет.

— Потом ты его снова видел?

— Я делал ему искусственное дыхание. «Изо рта в рот».

Перед приходом «Скорой».

Несколько чужих военных прошли в сопровождении переводчика; на непривычных широких фуражках блестели целофановые чехлы от дождя. Денисов и Ниязов проводили их взглядами.

Зал для транзитных пассажиров проснулся, но еще не был наполнен шумом. Издалека донеслось цоканье каких-то особенно звонких каблучков, другие касались мрамора совершенно бесшумно. Вверху, на уровне антресоли, взлетел голубь.

— Где ты проходил во время посадки?

— Вдоль рабочей стороны. Подходил к начальнику поезда; все, как обычно.

— К проводникам?

— Не обращался.

— Провожавших было много?

— Несколько человек. Потом спустился на путь, обошел локомотив. Назад, к вокзалу, возвращался по правой платформе.

— Здесь все важно, — напомнил Денисов.

— Платформа была пустой, отлично помню.

— Труп обнаружили против четвертого вагона.

— Я проходил, там никого не было.

— Дальше.

— Когда поезд двинулся, был примерно у двенадцатого-тринадцатого вагона.

Денисов представлял картину ночного перрона; по мере того как состав уходил, Ниязову открывалась вторая платформа — возвращавшиеся к вокзалу провожающие, носильщики.

- Салькова не видел на посадке?
- На посадке не видал, только потом.
- А бригадир?
- Роман? Был.
- Как ты узнал про труп?
- Начался дождь... — Младший оперуполномоченный отвечал на вопросы точно и кратко. — Сальков шел по первой платформе, я стоял у табло, на перроне.
- Сальков шел быстро?
- Почти бегом. Был виден издалека. Заметил меня: «Там человек в крови! "Скорую"». Самого трясло.
- Все?
- Я побежал на место. И сразу по рации дежурному.
- Как он лежал?
- На животе. Раскинув руки. Там ничего? — спросил он вдруг.
- Ничего.
- Личность установлена?
- Пока нет.
- 201-й... — Под куртками у обоих одновременно раздалась тоны вызова.
- Слушаю. — Денисов нажал на манипулятор.
- Снова вызывал дежурный:
- Срочно подойдите к багажному отделению. Там 210-й.
- Вас понял.

В 5.17 прибыл елецкий, пыльный, обшарпанный. Его приняли на четвертую платформу, чтобы дать оперативной группе возможность скрупулезно осмотреть первую.

Проплыли в окна загруженные остатками еды столики, пустые бутылки из-под воды, невыспавшиеся лица, тревожно высматривавшие встречавших.

Проводницы в раскрытых настежь тамбурах драили по ручни.

— Привет. — Двести десятый — оперуполномоченный Кравцов стоял под навесом, у входа в багажное отделение. Его тоже вызвали из дома.

— Знакомьтесь: капитан Денисов, Плетнева Тамара Николаевна. — Рядом, у скамьи, стояла крупная женщина в куртке.

Сбоку, на скамье, стояла сумка.

— Она опознала погибшего. — Мальчишеское гладкое лицо Кравцова было сосредоточенно, он привычно чуть покачивался на носках, сунув руки в карманы. — Ночью видела его на вокзале.

— Вы издалека? — спросил Денисов у женщины.

— Из Верхнего Парюга.

— Не слыхал.

- Граница Вологодской и Костромской.
- Не спали? — Денисов почувствовал усталость.
- Я вообще не сплю, когда еду. Не могу.
- Как вы обратили на него внимание?

Женщина показала на вход в зал — стандартный комплекс стеклянных, в металлических рамках дверей, чугунную урну-кубок. Это был тот самый тамбур, о котором рассказывал Ниязов.

- Здесь они курили.
- Он был не один?
- Вдвоем, по-моему. Не могу сказать, второй был ему знакомый или просто стоял.
- Они разговаривали?
- Не знаю. — Она умолкла, глядя куда-то в сторону. Говорить с ней можно было, лишь задавая новые и новые вопросы.

- Какой из себя был тот — другой?
- Помоложе. Точно не заметила. Темный костюм.
- Какая у него фигура? Худой, толстый?
- Плечистый.
- В какое время это было?
- После полуночи аккуратно, телевизор уже не работал.
- Оба были без вещей?
- Кажется, стоял портфель.
- У кого?
- Сбоку. Можно на обоих подумать. Просторный, с ремешком в середине. Желтый.
- Вы покажете похожий?
- Если увижу.
- Точно, что разговор идет о погибшем? — Денисов взглянул на Кравцова.

— Она опознала труп. — Кравцов качнулся на носках. В нем все бродила энергия выпускника спортивной школы олимпийского резерва. — И по лицу, и по одежде.

— Новый, с иголки, костюм. Темно-синий, в полоску. — Плетнева оживилась. — Мужу такой брали. В Шарье. Немецкий.

- Надолго в Москву? — спросил Денисов.
- Дочь жду. Из Караганды. У нее отпуск. Списались, вместе к брату едем. К ее дяде. В Липецк.
- Нам нужна ваша помощь. Когда должна подъехать дочь?
- Сегодня. В крайнем случае завтра.
- На всякий случай оставьте адрес в Липецке, где будете находиться.

— Нужно зайти в отдел, записать показания, — сказал Кравцов. Денисов понял: Бахметьев предоставил ему возможность узнать обо всем не из протокола — из первых рук. — У вас только сумка?

— В камере хранения еще сумка, чемодан.

— Пойдемте. По дороге покажете похожий портфель. Если увидите.

Недалеко, на стене багажного отделения, висел телефон прямой связи с милицией. Денисов извинился:

— Одну минуту.

В отделе трубку снял помощник дежурного.

— Это Денисов. Для дежурного: розыск желтого портфеля...

— Он знает. Новости у нас, — сообщил помощник. — Сейчас будет передача. Находитесь на дежурном приеме.

— Запишите еще: послать телеграмму вслед поезду Москва — Тамбов. Переписать пассажиров четвертого вагона. Может, понадобится.

— В 441-й. Так...

Вдоль перрона прошла уборочная машина, Денисов мгновенно среагировал:

— Дать команду — не вывозить мусоросборники с вокзала. Тоже на всякий случай. Предварительно пометить, где какой контейнер стоял ночью.

— Я поручу командиру отделения.

— Пусть приглядят за ними.

Кравцов с Плетневой успели повернуть к отделу. Денисов догнал их.

Снова закапал дождь.

Из последних вагонов елецкого по платформе еще тянулись пассажиры. По схеме станция принадлежала к тупиковым — локомотив упирался в вокзал, конец состава оставался метрах в четырехстах.

В череду других носильщиков Денисов увидел Салькова; переднее колесо тележки, грубо прихваченное алюминиевой проволокой, моталось из стороны в сторону. Встретившись глазами с Денисовым, Сальков на секунду приостановился, потом снова с силой налег на ручку.

«Что, если бы труп обнаружил не Сальков, а другой носильщик? Было бы проще? — подумал Денисов. — Неизвестно. И неизвестно: не потому ли Сальков подошел к Ниязову, что тот видел его идущим по платформе, а повернуть Салькову было некуда...»

— Во-он такой портфель! — Плетнева рукой через путь показала на перрон. — Видите? С ремнем! Во-он!

— Болгарский, свиной кожи...

— Только старый, потрепанный.

Под курткой Денисова из рации послышался свистящий тон вызова. Началась передача, о которой предупредил помощник дежурного.

— Информация... — Сабодаш докладывал начальнику отдела, находившемуся на месте происшествия. — Пассажирка

Захарова. Нижний Тагил... — Поначалу для удобства Антон крошил предложения. — Оказалась без документов и денег. — В конце он не смог соблюсти заданный ритм, зачастил: — На вокзале познакомилась с погибшим, он принял в ней участие. Дал телефон людей, которые смогут ее в Москве приютить...

— Она была у них? — перебил Бахметьев.

— Нет! Но телефон остался! Я думаю, он мог тоже там останавливаться...

III. ОБАЯНИЕ ТИПОВЫХ ВЕРСИЙ

— Сазоновы? — Лифтерша не стала даже сверяться со списком. — Есть. Восьмой этаж.

Денисов на минуту зашел в каптерку, она была просторной — с телевизором, с цветами на окнах. Сбоку стоял новый еще диван.

— Знаете их?

— А как же! Сам — в медакадемии заведовал, профессор. Жена — преподавательница. Оба на пенсии.

— Так и живут вдвоем?

— Живут. Дети большие. И внуки.

— А гости, знакомые? Никто не приезжал на этих днях?

Лифтерша кивнула. С самого начала она показалась Денисову приметливой.

— Двое. Несколько дней уже здесь. Сегодня вернулись поздно. Считай, что в третьем часу.

— Молодые?

— Лет по двадцать пять — двадцать восемь. В то дежурство поселились. При мне. И еще один. Этого сегодня первый раз увидела. Лет под сорок, черноватый.

— Здесь сейчас?

— Ушел. Под вечер еще.

— Что-нибудь было у него с собой?

— Портфель. Желтый... Подниматься будете? — спросила лифтерша.

— Обязательно.

— Пешком придется. Лифт ночью выключаем: шум, жильцы жалуются. Дом не простой...

Поднимаясь, Денисов оценил здание. Дом был дореволюционной постройки, с лепниной на высоких потолках, с ажурной паутиной лестниц. На многих дверях виднелись допотопные механические звонки.

«Жильцов, похоже, не так много, — подумал Денисов. — Чужие должны бросаться в глаза...» Впрочем, через несколько минут все должно было выясниться.

— Входите. Прошу.

Дверь открыл человек, похожий на отставника-армейца — гладковыбритый, морщинистый, с прямой спиной, он не

спросил предварительно: «Кто? Кого вам?» Увидев милицейское удостоверение, словно обрадовался.

— Малышка! — крикнул кому-то в сторону широченного коридора. — Из милиции к нам... С Павелецкого вокзала! Да выключи ты радио! — Свет в коридоре не горел, только в громадной прихожей. — Проходите, мы с женой уже кофе пьем. С утра пораньше. Сюда, на кухню.

Кухня выглядела просторной. Рядом с дверями лежали несколько пачек подготовленной к сдаче макулатуры. Верхний лист на одной чернел машинописным текстом, неожиданно крупным, не принятым в служебной переписке.

— Моя жена, Елена Дмитриевна... — представил Сазонов.

У мойки возилась немолодая худенькая женщина в вельветовых брючках и кофточке; увидев Денисова, женщина завернула кран, выключила воду.

— Садитесь. — Она вытерла руки, заговорила: — В ногах правды все-таки нет, говаривал мой отец, когда разрешал мне выйти из угла... — Сазонова мило коверкала «р» и «л», получалось довольно забавно. — Были жестокие времена...

«Человека, у которого детство было счастливым, узнаешь сразу...» — тем не менее подумал о ней Денисов.

Сазонов заметил:

— Я смотрю, тебя довольно часто наказывали, Малышка. Такое впечатление, что ты каждый день стояла в углу.

— Это правда. Да вы садитесь, пожалуйста.

Денисов сел против жестяных круглых банок с чаем, экзотического вида бутылок. Здесь же стояли часы, которые не шли.

— Как же, Малышка, ты будильник буцкнула! Теперь, наверное, его никакая мастерская не выправит...

Супруги разыгрывали интермедию, обоим хорошо знакомую, Денисов понимал это; мысли его были впереди, как у шахматиста, проигрывающего в уме возможные варианты:

«Смогут ли они опознать труп? Кто им погибший — родственник, знакомый? Какое отношение к случившемуся имеют другие двое гостей — молодые?..»

Но сначала требовалось на месте все уточнить.

— Ваш телефон... — он назвал номер, — установлен давно?

— Уже восемнадцать лет. — Сазонов присел с другой стороны стола. — Лишь немного подправили, когда переходили на семизначные номера.

— Меня интересует человек, у которого вчера на вокзале видели номер вашего телефона. Я хочу спросить, у вас жил кто-нибудь на этих днях?

— И сейчас тоже живут. — Сазонов показал за стену, Денисов почувствовал, как велико помещение. — Наши знакомые. Из Орска.

— Давно?

— С неделю. Мы не против, правда, Малышка? Паркет не жалко... — Паркет был и в самом деле в плачевном состоянии, требовал срочной циклевки.

Пока они говорили, Сазонова особым образом заваривала кофе — Денисову не приходилось видеть раньше: кофе был помещен в бумажную воронку, залит кипятком. Просачивавшийся сквозь бумагу напиток становился густым и ароматным.

— Не приходилось пробовать? — угощая его кофе, Сазонова сообщила доверительно: — Хозяйка я, знаете ли, все-таки никудышная, но кофе сварить смогу.

— А что случилось? — спросил Сазонов.

— Кроме них, гостил еще кто-нибудь?

— Мужчина. Он вчера уехал.

— Кто он?

При этом вопросе Денисов почувствовал замешательство. Женщина поднялась.

— Елена Дмитриевна, тут тебя... — заметил Сазонов. — Кто он? Как зовут? Ты же его поселила!

— Да, я. — Женщина явно смутилась, но тут же перешла в наступление. — Но ты же разговаривал с ним. Обсудил хоккейные проблемы. Мальчишки должны больше понять друг о друге. Я и спрашиваю тебя: «Кто он?»

— Мы почти не виделись. Я пришел, он уехал.

— Мог бы и побыть дома. И вообще, что за манера оставлять жену с незнакомым молодым мужчиной?! — Она обернулась к Денисову. — Как вы считаете?

— Какой он из себя? — Денисов сделал несколько быстрых коротких глотков. Кофе был отличный.

— Лет сорока... — Сазонов пожал плечами.

— Худощавый, высокий... — Сазонова пришла на помощь. — В костюме.

По отдельным частям портрета, набросанного супругами, можно было с осторожностью идентифицировать личность погибшего.

— Как он попал к вам?

Сазонова объяснила:

— Он должен был на пару дней остановиться у Окуневых. Но Иван Яковлевич с семьей на даче...

— Он был у них?

— Разговаривал с домработницей по таксофону. Она ему дала наш адрес и телефон. Так бывало не раз! Наши гости едут к ним, его — к нам!

— Перед тем как присхать, он позвонил?

— Конечно же! Я разговаривала с ним. Пригласила: «Приезжайте, пожалуйста». А что я должна была сказать, если человеку негде остановиться?

— Скоро он приехал?

Она задумалась:

— Минут через сорок.

— Сколько езды от Окуневых до вас?

— Минут двадцать на машине. Но он ехал с вокзала.

— Он сказал?

— Да. С вашего вокзала. Я еще спросила: «Бог мой, куда же ездят с него!» Он ответил: «На Донбасс. В Тамбов».

Денисов больше не сомневался в том, что они говорят об одном и том же лице.

— Кто такие Окуневы?

— Наши друзья. — Сазонова в некоторых случаях могла ограничивать себя. Ответила немногословно. — Сам Иван Яковлевич преподавал, доцент. После войны вместе с нашим заведовал в 3-м медицинском.

— Потом он переехал в Рязань, я имею в виду институт, — оставил Сазонов.

— Окуневы действительно на даче?

— Скорее всего. Обычно до начала зимы там сидят. Только они да сторож. Во всяком случае в Москве их нет, я звонила.

— Телефона на даче нет?

— Был. Потом отказались: нет покоя!

Денисов вернулся к погибшему:

— Но имя-отчество этого человека? Откуда он?

— Вы меня простите. — Все время, пока Денисов находился в квартире, она не выходила из своей роли девочки-подростка, которая отводилась ей в обкатанном десятилетиями семейном спектакле. — Когда он называл отчество, я поймала себя на том, что забыла имя. В результате не услышала отчества. Переспрашивать было неудобно. Очень милый застенчивый человек. Я не могла заставить его со мной пообедать, с большими усилиями удалось влить в него чашку чая. И то — без сахара.

— У меня просьба. — Денисов поблагодарил за кофе. — Внизу нас ждет машина. Я попрошу ненадолго поехать со мной на вокзал.

— Обязательно? — Сазонов опечалился. — И непременно обоим? У Елены Дмитриевны с ногами...

— Ничего, ничего, — перебила та. — Немного проветриться не мешает. Тебе тоже. Засиделись. Собирайся. Надо же выручать человека! Скажите, он кому-то дал наш телефон, и за это его задержали?

— Пассажирке из Нижнего Тагила, ей негде ночевать.

— И это все, что он натворил?

— Да.

В коридоре Денисов снова зацепился взглядом за пачки подготовленной к сдаче макулатуры.

— Внукам собираем. — Сазонова заметила его интерес. — Полная квартира книг, антиквариат. «Нет, бабушка, ты ниче-

го не понимаешь, нужны макулатурные». Домработница ни одной бумажки не выбрасывает, вяжет в узлы. Ох, эти внуки! Мне почему-то не дают их взять к себе; боятся, что я их испорчу.

— Домработница видела гостя?

— Она пришла, когда он уходил. А Олег и Дима как раз обедали.

— Кто они?

— Два милых молодых человека. Из Орска. Мама одного из них когда-то работала с Николаем Алексеевичем. Инженеры транспорта...

— Они тоже видели его?

— Да.

— Я прошу их разбудить. Им придется тоже проехать в отдел.

Осмотр заканчивался. Бахметьев и криминалист о чем-то разговаривали, сидя на корточках рядом с погибшим.

Мелкий морозящий дождь несколько раз принимался идти и все не шел, словно не решался.

Перрон так и остался серым, сумрачным. Пахло гарью. За забором элеватора, на стройке жгли мусор. Запах был чем-то близок предчувствию дождя, грязно-серому небу.

На соседней платформе было много людей — шла посадка на Астрахань и прибыл скорый Липецк—Москва.

Судебный медик — рыжебородый, в джинсах, с крепким молодым жирком на животе — курил у вагона, превращенного в камеру хранения. Над головой держал раскрытый зонт-автомат.

Узнав Денисова, медик помахал рукой. Бахметьев обернулся:

— Сазоновы здесь?

— Да.

— Как их самочувствие?

— Профессорша, по-моему, всплакнула. Сейчас они придут вместе с Королевским.

— Новое есть? — Бахметьев поднялся. Ему было тяжело разговаривать сидя, снизу вверх.

— Все, как я докладывал. Приехал по рекомендации друга Сазонова — Окунева.

— Надо с ним срочно связаться.

— Кравцов уже поехал.

— Окунев тоже медик?

— Невропатолог.

— А что их домработница?

— Тоже на даче.

— Дача, кажется, по белорусскому ходу?

— В Звенигороде.

— А как те двое, которые ночевали у Сазоновых?

— С ними Худяков. Дознаватель.

Денисов воспользовался минутой, подошел к судебному медику:

— Добрый день.

— Привет, командир, — судмедэксперт усвоил манеры и сленг оперативных уполномоченных и даже слегка ими бравировал. — Нашли людей, у которых он ночевал? Поздравляю.

Денисов вздохнул.

— Главное, установить личность, дальше — связи... Кто его видел последним? Где? С кем? Возможности, предоставляемые типовыми версиями раскрытия преступлений, выглядят безграничными. А дальше как по маслу. Корысть? Мечь? Ревность?

— Пожалуй, — Денисов согласился, этикет был соблюден. — Что с ним все-таки?

Эксперт погладил бороду:

— Два отверстия...

Денисов подумал про кровь на пиджаке погибшего, представил бурую лужицу внизу, под трупом, на асфальте.

— Пока трудно сказать, какое входное, какое выходное. Труп переворачивали. Трупное окоченение только в мышцах лица. Температура подтверждает время наступления смерти... — Каждый час температура тела падала на один градус. — Не думаю, чтобы его откуда-то транспортировали к вам. Смерть наступила здесь, на платформе.

— Что еще?

— Остальное больше для следователя. Королевскому, в протокол... — Он разворошил свою рыжую, лопатой, бороду. — «Тело средней упитанности, без шрамов, чистое...» Тебе не интересно.

— Татуировки?

— Я бы сказал.

— А что не для протокола? Неофициально?

— Приватно? — Большую часть времени эксперт как бы находился в состоянии игры — старался не замечать суровых сторон своей профессии. — Выстрел в грудь или в спину. С близкого расстояния. Смерть наступила от разрыва внутренних органов. После вскрытия расскажу подробности. Звони. А лучше приезжай. — Медик тоже устал: прежде чем приехать, всю ночь мотался по происшествиям в разных частях города.

— Протокол осмотра подписан?

— «Окончен труд...»

Денисов вместе с ним спустился с платформы. Из невыключенной радиации под курткой доносились голоса. Дежурный переговаривался с оперативными работниками — те все еще

находились на платформе, в залах. Смена железнодорожников с ночной уходила на двое суток — со всеми надо было успеть переговорить; заканчивался опрос пассажиров, ночевавших на вокзале...

Садясь в машину, эксперт процитировал:

— «Когда оборвутся все нити... — Это было из студенческой песни. — И я лягу на мраморный стол, вы, пожалуйста, не уроните мое сердце на каменный пол...»

— Это он... — Сазонов неловко качнулся от носилок, на которые перенесли труп. — Был у нас. Прошлой ночью.

Перед тем так же безоговорочно погибшего опознала Сазонова.

— Как люди пускают? Не боятся! — Ревизор из понятых отвернулся: профессор и его жена — в брезентовых куртках с капюшонами — явно не внушали ему доверия.

— Когда он к вам пришел? — спросил Бахметьев.

— Днем. — Сазонова поправила капюшон. — Часа в четыре. Я как раз выходила к мусоропроводу, а он появился из лифта. «Елена Дмитриевна? Я вам звонил... Окуневы на даче». Не помню, как он все объяснил. Я пригласила войти. Он продолжал извиняться, чувствовал себя неловко. Я поняла, что у него дела в Москве, надо где-то устроиться на сутки. Гостиницу он не забронировал...

Слушали ее внимательно. И не только потому, что от памяти Сазоновой зависело направление поиска — речь ее отличалась от короткого усеченного разговора оперативников.

— ...Я сказала: «Господи! Всегда рады. Столько свободного места». Ему понравилась маленькая, у входа, там раньше жила Катя, сестра. Миленькая комнатеночка с балконом...

— Вещи у него были? — Бахметьев достал чистый платок, на секунду приложил к покалеченному глазу.

— Только портфель. Очень потертый, по-моему, свиной кожи. У Николая Алексеевича одно время был такой.

— Тяжелый, как по-вашему?

— Портфель? Я не могу вам сказать. Я не трогала его.

— Вечер того дня гость ваш провел дома?

— Ушел и вернулся оч-чень поздно.

— Когда именно?

— Я считаю, часа в три ночи.

— Кто открывал?

— Мы дали ему ключ. Это удобно, согласитесь.

— Да. Но вы все равно проснулись?

— Мы почти не спим. Где-то немножечко под утро.

— Он вернулся один?

— Я полагаю.

— Свет зажигал?

— Да.

— Газ? Что-нибудь готовил?

— Нет. Мы с Николаем Алексеевичем оставили на столе в комнате термос с чаем. Но он не пил. По-моему, лег сразу спать.

— А утром?

— Силой влили в него чашку чая. Но все как-то быстро, суетно. По-моему, он стеснялся. Я не люблю таких. Надо посидеть, потолковать.

— Вчера он был у вас до самого вечера?

— Да. Но дважды выходил.

— Надолго?

— Первый раз часа на два, потом еще на час. Перед уходом принес несколько грейпфрутов. Очевидно, слышал, как я заказывала их Зое Федоровне, домработнице. Я еще заметила ему: «Вы внимательный. Было бы хорошо закрепить вас за нами навечно...»

— По-вашему, он с кем-то встречался в Москве?

— Думаю, да. По крайней мере звонил по телефону, разговаривал.

— С кем?

— Этого я не знаю.

— О чем он еще говорил с вами?

— Ни о чем... У нас большая библиотека. Я знаю, что он читал. Вот и все.

Заморосил дождь. Пришла очередная электричка — к метро двинулся очередной поток пассажиров, точно пригнанный по очертаниям платформы. Люди шли мимо вокзала; только ничтожная их часть обживала залы: приезжие, пассажиры поездов дальнего следования.

«Погибший был один из них, — подумал Денисов, наблюдая идущих. — Уезжал с нашего вокзала? Провожал? Встречал?!»

— Молодые люди, что живут у вас? Они не были знакомы с ним раньше? — следователь Королевский кивнул на носилки.

— Ни мне, ни Николаю Алексеевичу они об этом не говорили. Не думаю.

Денисов спросил:

— Комната, в которой он жил, убиралась?

— Вчера вечером... — У нее получилось «вче-а вече-м». — Как раз приходила Зоя Федоровна. Онаходящая, заглядывает то после работы, то перед работой. Но крайне редко!

— Где она сегодня?

— Поехала за ребенком. Ему в школу, в первый класс. Забыла, как называется городок. Скоро должна быть... Может, уже завтра к вечеру.

— Мы его только раз видели, этого человека — вчера днем...

— Хотя парней, ночевавших у Сазоновых, было двое, отвечал

один — Сухонин, чернявый, без шеи, с низкими бачками. Его друг больше молчал, поглядывал по сторонам. — Не могу сказать твердо: он это или нет...

— Не пришлось посидеть вместе? — спросил Бахметьев. — Может, за столом?

— Нет. Елена Дмитриевна звала его пить чай, он отказался.

— Знакомились?

— Только поздоровались. Вернее, кивнули друг другу. Потом он снова ушел к себе в комнату.

— И все время там находился?

— Я во всяком случае в кухне его не видел.

Приятель Сухонина — приземистый, широколицый — оторвал взгляд от перрона, поспешил присоединиться:

— Я тоже.

Оба были уже допрошены, но живые их образы и голоса, интонация, порядок слов давал для мысли розыскникам больше, чем по-школьному полные, включавшие в себя наполовину вопросы следователя, ответы из протоколов.

— Из Орска давно? — поинтересовался Бахметьев.

— Неделю назад. — В конце каждой фразы, даже если по смыслу требовалось отточие, Сухонин ставил точку.

— В отпуске?

— Заканчиваем. Скоро на работу.

— Ваши родители знакомы с Сазоновыми?

— Мать.

— Она тоже в Орске? А работает?

— На пенсии. Была главным невропатологом.

— Вчера вечером вы где были?

— На ВДНХ, потом в парке Горького.

— Вдвоем?

— С девушками.

Бахметьев ничего не значащим взглядом нашел дознавателя, тот такими же безучастными ко всему глазами передал:

«Показания проверяются. Есть адреса, за девушками уехали...»

Снова пошел дождь. Рядом с пунктом технического осмотра вагонов, у края платформы, появилась крытая грузовая машина, известная в милицейском обиходе как «перевозчик трупов». В нем ждали привычный груз вместе с копией протокола осмотра.

«Увезут, по-видимому, в Лефортовский морг как неопознанного», — подумал Денисов.

— Но хотя бы словом перебросились? — поинтересовался еще Бахметьев. — Может, он что-нибудь сказал? Или вы? Что-нибудь бросилось в глаза?

Сухонин обернулся к приятелю, тот пожал плечами:

— Может, это? Я шел из кухни, дверь в комнату к нему была закрыта неплотно. Вижу: пишет. Прилежно, голову нагнул к плечу.

— Письмо? Не видели?

— Не знаю. Как-то уж очень серьезно. И бумаги целая стопка...

«Стопка бумаги... — подумал Денисов. — Трудно объяснить!»

К носилкам уже подходили двое из крытой машины:

— Можно брать?

— Минутку! — Королевский обернулся к свидетелям. — Посмотрите, пожалуйста, костюм на нем тот же самый?

— Я не узнаю. — Сазонов отошел. Жена его подошла ближе:

— Он. Новый и весьма элегантный.

Носилки качнули, поднимая, Денисов проводил их глазами.

Свидетели уехали. Денисов по радиации нашел младшего инспектора:

— Где находитесь?

— Временная камера хранения... — Это были все те же вагоны, стоявшие на приколе у вокзала.

Оперативная группа разыскивала портфель погибшего среди сданной на хранение ручной клади. Отрабатывалась «школа»: преступник мог оставить портфель на время, пока все успокоится, и осторожно взять его потом — через подставное лицо или лично — вместо того чтобы ночью нести с собой заметную наметанному глазу вещь. Не исключалось и то, что погибший сам по какой-то причине сдал портфель на хранение.

— Пока ничего?

— Нет, — отозвался Ниязов. — Готовимся к следующему этапу...

Следующим были автоматические камеры хранения, ячейки-автоматы. Все шесть тысяч. На каждой следовало удалить контрольный винт, ключом-«вездеходом» захватить изнутри невидимый снаружи рычаг запорного устройства.

— Вещественных доказательств почти нет, — по пути в отдел Бахметьев подытожил результаты осмотра. — Никаких документов, никаких личных вещей... Новый костюм... — Бахметьев на ходу провел по лицу платком. — Карманы, кроме заднего брючного, заклеены пленкой.

Эксперт-криминалист, следуя занудливой дотошности, не мог не уточнить:

— Фирма «Аро, Вест-Берлин». Размер 50А.

— В каком-то магазине получили же эти костюмы... — Бахметьев как бывший работник ОБХСС привычно делал ставку на бухгалтерские документы, накладные; Денисов вздохнул. — Ничего, найдем! Человек не иглолка! — Это было его любимое, по сути своей, программное заявление.

Подошел Сабодаш. Ему удалось вырваться из дежурной части, чтобы доложить Бахметьеву не по радиации, лично:

— Звонил Кравцов. Он разговаривал со звенигородским дежурным, который ездил к Окуневым. Им ничего не известно, обещали минут через тридцать собраться, выехать в Москву. Кравцов перехватит их по дороге.

— Надо будет завезти в Лефортовский морг, предъявить труп на опознание.

— Понял, — кивнул Сабодаш.

— Окуневы предполагают, кто мог приезжать?

— Нет.

— Кого-нибудь ждали на этих днях?

— Кравцов спрашивал. Нет. Окунев — доцент, заслуженный врач. Много учеников, друзей. Можно думать на любого.

— Дождемся результатов опознания. А что домработница?

— Окуневых? Тоже едет сюда.

— Припоминает, кто ей звонил?

— Говорили с ней. «Никто не был, никто не звонил». «Телефон и адрес Сазоновых никому не давала, никто не просил».

— В общем, о пострадавшем по-прежнему ничего не известно. Так? — Бахметьев обернулся к следователю.

Денисов пошел один, привычно присматриваясь к перрону.

У багажного отделения под арку осаживала машина с мусоросборниками. На одном Денисов увидел дату мелом и отметку — «8 пл.».

«Восьмая платформа...»

Мусоросборники с пометками, где каждый из них находился в ночь происшествия, перевозили на задний двор.

IV. ЛИСТЬЯ ИРИСА

Первую ночь в Коктебеле Денисов провел беспокойно. Проснувшись затемно, включил свет. Сразу взялся за рукопись. Ему все казалось, что между строк о несчастливой любви скрыто главное — обстоятельства и причины происшедшего.

«Ты настояща — покидаю Туву раньше срока. Сумки уложены. Я, как приговоренный к казни — наступает минута, когда он смиряется с участью. Не колотит в дверь, не просит бумаги, чернил. Не плачет, не кричит о невиновности. Он принял судьбу, сломлен, исчерпал свои силы, согласен исповедоваться... Я боролся за каждый час. Ты не изменила решения. Утром я пройду мимо теннисного корта, мимо твоих окон... Может, кто-то из мужчин когда-то обидел тебя и ты мстишь?!»

«Тут же на берегу Анастасия, наконец, целует меня. Завтра я уезжаю. Я получаю маленькую порцию любви — то, что было бы мне наградой в первый день. Я даже испытываю неловкость за то, что не очень благодарен! Мы проводим

вместе весь день. Говорим. Вечером сидим у моря. «Мы, как в 19 лет, Ланц. Потерпи, дорогой. Не торопи. Старые ценности приходят ко мне. Я люблю тебя с е г о д н я...» Даже теперь она говорит — «сегодня». Иду собираться. «Хорошо, что ты едешь. Я должна побыть одна». Она возвращается в дом с кипарисами у подъезда...»

«Беда, что кипарисы у каждого дома», — Денисов отодвинул рукопись.

Когда он спустился к шляжу, на море стоял полный штиль.

«Трудно рассчитывать на успех, — подумал Денисов, — когда ничего не знаешь о человеке, кроме того, что он мертв, имени, которое он сам себе придумал, и того, что вырос в неполной семье работника системы коммунального хозяйства... «В детстве посещал детсад горкомхоза...»

Доплыв до буя, Денисов повернул назад.

Занимавшиеся гимнастикой копировали друг друга; высокий, в очках, блондин, не двигаясь, по-страусиному, стоял на одной ноге.

Было рано. Монолит превращенного в заповедник Карадага был испещрен бороздами. Высоко виднелась выгоревшая соломенная проплешина. Денисов несколько минут не думал о деле, глядя перед собой. Три основные краски формировали цвет воды — голубоватая — от прозрачного мелководья, темно-синяя — дань многометровой глубине и близкая к коричневой — свидетельствовавшая о близости водорослей.

Поговорить с Москвой из кабинета начальника коктейльской милиции накануне не удалось — была повреждена линия; впрочем, Денисов был уверен: если бы он понадобился Бахметьеву, тот изыскал бы способ с ним связаться.

Оставалось полагать, что ничего нового за сутки в Москве не произошло; и задание, с которым он прилетел в Коктебель, не утратило силу:

«...Установить личность «Ланца»; биографические данные, образ жизни, материальное положение; родственные, дружеские, интимные связи и т. д. и т. д...»

За вопросами первого, общего круга шли целенаправленные, придирчиво сформулированные Королевским. Одним из них был — «Наличие у «Ланца» пистолета «фабрик... д'армес... де гуерра де гранде... пума» и так далее.

«Иначе говоря: заметил ли кто-нибудь в Коктебеле пистолет определенной марки у человека, которого вообще никто не видел...»

Денисов вздохнул, стал одеваться.

— Лежак вам не нужен? — Женщина с золотым крестиком на шее и коричневой помадой на губах отвлекла его. — Изви-

ните, вы, кажется, задумались... — Она смотрела внимательно, чем следовало при пустяшной просьбе.

— Не нужен.

Она отвернулась, Денисов мысленно вернулся к своему:

«У человека, чья личность вообще не установлена! Который обозначен как Неизвестный, а у оперативников розыска носит имя героя своей рукописи!»

Когда Денисов уходил с писательского шляжа, солнце успело уже окрасить Карадаг; мужчина, занимавшийся йогой, все еще стоял в своей странной позе — на одной ноге, прижав вторую рукой — под углом к туловищу.

Идти в столовую, в регистратуру было рано.

Денисов прошел к себе, достал рукопись. Отдельные эссе он знал почти наизусть и все-таки просматривал снова, надеялся на эффект повторного прочтения.

Три плана, отмеченные литературным консультантом, ограничивали круг, из которого Денисов тщетно пытался выбраться, — «любовь», «тоска», «ревность». И все три восставали сразу и всюду — стоило наугад ткнуть в страницу.

«...Я бегая за тобой! Это стыдно и сладко. Мы, как в школе. За нами следит весь класс. Ребята открыто меня презирают, мы деремся каждый день. Часть девочек одобряет, даже ставит в пример. Другие осуждают Анастасию. Первую ученицу...»

«Я вернусь в Отчий дом. Все исправлю. Буду жить в согласии с сердцем...»

«Каждый вечер я готов сказать тебе: «Милая, я больше не могу!», а говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

Объявление у почты, в котором «неизвестный в синей спортивной форме» предлагал две путевки с проживанием в отдельном номере, на дереве отсутствовало, вместо него, выше, на уровне головы жирафа висела записка, содержавшая два слова:

«ПРИЕЗЖАЮТ ЗАВТРА».

Человек, поравнявшийся с Денисовым, пошевелил губами, словно собирался о чем-то спросить. Подумал, прошел мимо.

В отделении милиции Денисов ничего нового не узнал, ночь в поселке прошла тихо, как и абсолютное большинство других.

Пока Денисов ходил, дежурная Дома творчества сменилась; вновь заступившая — маленькая сморщенная бабуся — потребовала пропуск. Сразу без очков все разглядела:

— Ходить у душ четверо ден... Пожалуйста!

«По истечении четырех суток и в ворота не впустит, — подумал Денисов. — Эта службу знает».

— Библиотека в том же здании, где и столовая? — Денисову хотелось завязать разговор.

Бабуся равнодушно махнула рукой: культпросвет существовал в другой, не в ее, епархии, кроме того, Денисов не принадлежал к категории людей, которых следовало баловать вниманием — из года в год бывавших, выросших у нее на глазах.

— Спасибо, вас понял.

В столовой, как и накануне, было сумрачно. Между входной дверью и дверью в зал висел ящик для корреспонденции; писем было немного. Денисов пересмотрел фамилии получателей и отправителей — ни одна его не заинтересовала.

— Где находится не востребовавшая корреспонденция? Письма, адресаты которых выбыли? — В обеденном зале Денисов нашел сестру-хозяйку. Она объяснила:

— Специальный человек есть, Тамара Федяк. Она связана с почтой. Если отдыхающий уехал, а ему пришло письмо, оно лежит у Тамары, а потом его возвращают отправителю.

— А если отправитель неизвестен?

— Не знаю. — Сестра-хозяйка покачала головой. — Вы поговорите с Тамарой, когда приедет. Она сейчас в райцентре, в Судаке.

— Понял. Фотографию удалось показать?

— Показываю. Пока никто — ничего. Завтракали?

Ел Денисов снова один. За соседние столики народ тянулся так же лениво. Большинство отдыхающих красовалось в затрапезных джинсах, сорочках, в туфлях со стоптанными задниками. Несколько человек явились при параде — в костюмах, с галстуками; их спутницы щегольнули яркими, в цветах, платьями.

— Кашу будете? — как и накануне, предложила официантка; на этот раз другая, с такими же набухшими венами на ногах.

Денисов снова не отказался. Уходя, он показал ей фотографию; официантка несколько секунд всматривалась: человек на снимке был ей незнаком.

«Хотя все воспринимают фотографию как прижизненную... — подумал Денисов, — лицо сильно изменено». Этим розыск обязан был «туалету трупа», произведенному в Лефортовском морге.

Библиотека была открыта. Прежде чем подняться, Денисов проглядел записи: существовало эссе, на которое обратил внимание эксперт-криминалист, изучавший вместе с Денисовым рукопись:

«Всего раз я был в тех местах, где ты сейчас находишься, и запомню их на всю жизнь. Даже сегодня сердце начинает громко стучать, когда вспоминаешь молчание неба и гор над

нами, твой шепот. И представляешь площадь Вогезов, о которой ты говорила, остров Сите с прямоугольными башнями и острым шпилем собора Нотр-Дам, а оттуда вслед за тобой переносишься к останкам храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах...»

— Она жила в Париже, ездила в Грецию! Безусловно! — сказал криминалист. Возникла иллюзия того, что личность Ланца вот-вот будет установлена через его подругу. — И ему у рассказывала! Зайди с этой стороны, Денис!

«Зацепка в другом! — тогда еще подумал Денисов. В отличие от специалиста по баллистике, дактилоскопии, его ремеслом был чистый розыск. — Здесь другой стиль! Это похоже на цитату из письма к Анастасии!»

В тот же день перед вылетом в Планерское он на всякий случай получил от Королевского утвержденного транспортным прокурором постановление об изъятии корреспонденции, «поступающей в любое место на имя (от имени) гр-на Ланца — действительная фамилия устанавливается».

«Все это, к сожалению, имеет смысл при одном важном и существенном условии: если литконсультант... — Денисов даже не запомнил его фамилии, — не ошибся, и автор эссе о Ланце описывает события так, как они происходили, — позволяя себе изменять фамилии и портреты главных персонажей, оставив в неизменности суть».

Библиотекарша — остроносая, средних лет — встретила нелюбезно:

— Карточку отдыхающего на стол. У нас живете? — В читальном зале было пусто, как всегда, видимо, когда отдыхающие завтракали.

— У меня пропуск.

— С пропусками не обслуживаем.

— Я хотел взглянуть в Энциклопедический словарь. Две минуты.

Она смягчилась: выгнать единственного читателя было неловко:

— Только здесь, за столом. Подождите, я сама принесу.

Получив словарь, Денисов быстро нашел упоминавшиеся в рукописи обозначения:

«Коринф — г. и порт в Греции, на п-ове Пелопоннес, на Коринфском канале. Адм. ц. Нома (адм.-терр. ед.) Коринф 21 т. ж. (1971)».

«Коринф — др.-греч. полис (в 6 км от совр. Коринфа). Основан дорийцами ок. 10 в. до н. э.; кр. торг.-ремесл. центр соперничал с Афинами, славился изделиями из бронзы и керамикой...»

Он никогда не пренебрегал этим правилом.

«Если пострадавший перед гибелью вспоминал о сумчатых или о саблезубых тиграх, — заметил Сабодаш, — Денисов начинает интересоваться животным миром Австралии или Южной Африки».

Об Аполлоне в словаре сообщалось так же кратко:

«... в греч. мифологии и религии сын Зевса, бог — целитель и прорицатель, покровитель иск-в. Среди изображений А. др.-греч. статуи (известны в римских копиях): «Аполлон, убивающий ящерицу» и «Аполлон Бельведерский»...»

Останки храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах словарь не упоминал, статьи «Дельфы» не оказалось. Ссылка содержалась в другой статье — «Дельфийский метод», которая, однако, уже никакого отношения не имела ни к Анастасии, ни к Ланцу:

«... от назв. др.-греч. г. Дельфы, известного своим оракулом, метод прогнозирования путем оргции системы сбора экспертных оценок, их математико-статистич. обработки...»

Дальше читать он не стал. «Кабалу» оставил на следующий раз. В рукописи были еще цитаты Джека Лондона, Брэдбери; эпиграф принадлежал сказке Ершова...

Денисов вернул словарь.

— Фамилия отдыхающего — Ланц — ни о чем вам не говорит?

Библиотекарша безотчетно потянулась к карточкам:

— Нет. — Что-то в тоне Денисова заставило ее насторожиться. — И в должниках тоже.

— Может, вспомните лицо? — Он показал фотографию. — Он интересуется Джеком Лондоном, Брэдбери.

— Если не записан, как же он мог подойти к стеллажу? Нет, не знаю. — Она вернула снимок.

«Не каждый, — подумал Денисов, — придет сюда снова...»

— В Коктебеле есть еще библиотеки?

— И довольно много. В пансионате, на турбазе. И еще поселковая. В Доме культуры.

У столовой Денисов увидел Мацея, поэт шел завтракать — серьезный, с корявой бородкой, трубой и непомерно большим животом.

— Решил с утра не работать, — Мацей словно оправдывался. — Такая стоит погода... — Он будто чувствовал вину за собственную бездеятельность. — Позавтракаю, пойду на пляж. — На Мацее были шорты, сорочка из крупноячейистой сетки, детская шапочка с козырьком. Видимо, он был достаточно известен — шедшие мимо почтительно с ним здоровались. — А вы?

— Бродить.

— Рекомендую сходить в бухты Мертвая, Тихая... — Он показал правее горы Волошина. — Полуостров Хамелеон.

Из столовой показались несколько мужчин, Денисов узнал высокого блондина, занимавшегося йогой на пляже, — на нем был джинсовый костюм, затемненные, в металлической оправе очки. Мацей извинился, двинулся навстречу коллегам.

Денисов прошел вдоль набережной, привычно расставляя в памяти приметы встречаемых, все происходящее в это время вокруг.

Было тихо, несмотря на то, что в загонах за деревянными заборчиками, у моря, двигались, лежали, стояли тысячи людей; два звука царили на набережной, пока Денисов небыстро шел к турбазе, — гудение приближающегося к причалу катера и плеск мокрого песка о ведро, оставленное на берегу спасателями.

Курортное утро набирало силу. У пляжей женщины в белых халатах проверяли санаторные книжки; мелькали пестрые купальники. Спасатели, вчетвером, перевернули шлюпку, потом принялись окатывать ее из ведра. Быстро, почти на глазах выросла очередь за мороженым. Последним стоял пожилой мужчина с отвисшим животом, дряблыми мускулами, в черных трусах; задумчиво смотрел перед собой в чей-то затылок.

— Письма, которые не востребованы?! Ничего не знаю! — На турбазе с Денисовым говорила другая женщина-регистратор, не та, что накануне. Она тоже словно чуточку придерживала себя. Возможно, на всех на них влиял поток туристов, направлявшихся в Коктебель.

Пока выясняли, у окошечка уже стояло несколько человек.

— Поговорите вот с кем... — Она назвала фамилию, которую он не расслышал. — Завтра. С утра. Сегодня ее не будет.

— А как насчет невостребованной почты?

— Телеграммы здесь, остальная почта в третьем корпусе...

Туристы протягивали руки с путевками, звонил телефон, в регистратуре, кроме дежурной, был кто-то еще. «Муж? Ребенок? Подруга!» Человек сидел тихо и что-то спрашивал — дежурная нервничала.

— Все, — Денисов простился.

Снаружи административный корпус напоминал универсальный магазин средней руки, застекленный, в два этажа. С тротуара от входа можно было видеть вверх прижатые к стеклу носы ребят и пыльную обувь покупателей.

Высохшие листья ириса окаймляли главную и все боковые, отходившие от нее аллеи турбазы и в какой-то мере весь розыск Анастасии и Ланца в целом. Ланц писал: "Ирис", — произносит она мягко, делая ударение на первом слоге, и с тех пор для меня нет нежнее слова...»

Денисову все-таки удалось, хотя бы частично, проверить то, что наметил.

Письма для отдыхающих в пансионате «Голубой залив» оставляли в вестибюле столовой, там же происходила запись на железнодорожные и авиабилеты.

Ящички для корреспонденции отличались размерами — в третьем корпусе турбазы он был самый просторный, но и в нем конверты втиснуты были вплотную.

Денисов просмотрел все. В числе отправителей и получателей ни в пансионате, ни на турбазе Ланц не значился. Один раз сердце его дрогнуло, но только на долю секунды — фамилия адресата начиналась с «Лан», однако оказалась женской — Лановая.

Денисов свернул с центральной улицы. Первые невысокие холмы начинались сразу за Домом культуры. Денисов поднялся на вершину, отсюда была видна дверь в читальный зал, розоватая черепица крыш, кладбище.

В читальном зале был перерыв.

«Библиотека, платная стоянка автомашин, невостребованные письма... — На розыске было еще рано ставить точку. — Что-то можно все же извлечь из рукописи...»

Он достал уже изрядно потрепанные страницы:

«В другой жизни мы будем вместе с детства...»

Некоторые мысли автора были навязчивы, бесконечно варьировались, нигде, впрочем, полностью не повторяясь:

«Идем в горы. Анастасия называет любимые места, но ничто уже не может ничего изменить. Она стесняется показаться со мной. Все катится к чертям. После ужина она уходит спать. Я приношу ей второе одеяло. В ее жизни нет места для меня! Как унизительно она разговаривает:

— Я искал тебя...

— Меня многие ищут.

Как прощается:

— Пока! — на мое «целую!».

Или:

— Чава-какава! — Ничего серьезного между нами!»

Денисов поднялся, постоял.

На кладбище внизу, когда Денисов проходил к нему, было тоже безлюдно, тихо. Юркие ящерицы, облезлый кладбищенский кот. Ржавые каркасы венков. За небольшой оградкой внимание его привлек крест, вделанный в островерхую треугольную оправу. Денисов подошел — похоронена была мать поэта:

«Елена Оттобальдовна Кириенко-Волошина. 1849—1923». Ланц писал:

«Утром просыпаюсь в твоих хорах бездомной голодной собакой, какой и был до нашей встречи. Содержит ли наша жизнь некий урок, который будет подведен в конце? Соединятся ли конец и начало?»

Денисов взглянул вниз. На секунду между кипарисами мелькнул красный кузов пикапа, там шла центральная улица. Было по-прежнему тихо и пусто. Саманно-желтая сухая выгоревшая трава. Зной. Легкое качание стерни.

На клумбе у Дома культуры краснели цветы, проходя, Денисов не сразу их узнал. Потом вспомнил: «Герань...» С чьей-то легкой руки цветы объявили мещанскими. Изгнали со всех подоконников. Так же быстро однажды перестали говорить «Будьте здоровы», если человек чихал.

Снова появился пикап, у кладбища завернул к кому-то во двор.

Читать все подряд было трудно, тем более что главное Денисов знал твердо — эссе Ланца не могли в п р я м у ю помочь ни установлению личности автора, ни обстоятельств, предшествовавших его гибели.

«Отца я не помню, мне не в чем его винить.»

С грудным молоком получил я рабскую кровь, тщеславие, убогое представление о подлинных ценностях. Как и мать, завидовал я тем, кто добился успеха, так любители с завистью смотрят на профессионалов и пытаются быть как они. Я не избежал этого. У матери моей была единственная радость — денно и ночью заботиться, чтобы я был сыт и здоров, и одет, если не лучше, то и не хуже многих. А, оказываясь, нищенствовала и голодала душа...»

Денисов оторвался от рукописи.

Он не сразу заметил: молодая, с сумкой через плечо женщина уже несколько минут возилась с ключами у двери в читальный зал. Пора было спускаться.

— Помню... — Библиотекарша только на секунду прикоснулась взглядом к фотографии. — Приходил.

Денисов почувствовал мурашки, опустившиеся к коленям: он молча смотрел на нее.

— Уверены, что не ошибаетесь?

— Абсолютно точно.

V. ЛИСТЬЯ ИРИСА (Окончание)

— Могу даже сказать — во что он был одет, когда к нам заходил...

Библиотекарша Дома культуры в Коктебеле — маленькая крашенная блондинка — тоже заволновалась. Когда Денисов вошел, она сидела за столом с восьмым — свежим номером

«Немана», в котором печатался детектив. Людей в читальном зале не было.

— ...Сорочка из цветных лоскутов. Очень модная. Один погон белый, другой синий. Планка красная. А что? Что-нибудь случилось?

— Нет. Давно его видели?

— В начале лета. Может, весной.

Данные совпали.

Денисов отошел к креслу, оно стояло в трех шагах, у окна. Ни в коем случае нельзя было спешить верить в удачу.

— Как вас зовут?

— Валя. — Она не назвалась полным именем или именем-отчеством. Между тем ее предстояло допросить. — Потом еще раз видела. На улице.

— Далеко?

— У рынка. Я шла к автобусу. Рано утром.

— Он был один?

— Один. Нес пионы.

Значит, весной.

«Я мог не спросить: «Что он нес?» — подумал Денисов. — Не узнать про пионы. Не уточнилось бы время... — Задним числом это всегда удивляло. — Задаешь вопросы, когда хотя бы приблизительно знаешь, что ответят...»

Библиотекарша была идеальным свидетелем — вопросы не требовались:

— Он шел к Дому творчества.

— Много позже того дня, когда приходил к вам?

— Примерно в то же время.

— Почему вы его запомнили?

Она улыбнулась.

— Пансионатские мало к нам ходят — у них свои библиотеки. Главное же — из-за сорочки...

Читальный зал помещался на втором этаже: два стола, несколько стульев; стенды с тематической литературой. На столе и на тумбочке лежали газеты. Дальнюю часть помещения занимали книжные полки. За окнами тянулась холмистая полоса.

— У вас большой фонд?

— Тридцать тысяч, хранение открытое. Он пришел после обеда, как вы. Здесь же стоял.

— Разговаривали?

— Почти не пришлось. Кто-то сразу вошел. Он попросил разрешения подойти к полкам. Я разрешила.

— Вы записали его? — Денисов спросил тихо, чтобы не услышали злые маленькие гномы свирепого бога раскрытия уголовных преступлений.

— Нет. Требуется паспорт, справка о прописке. Залог. Я черкнула на клочке бумаги фамилию, потом выбросила.

- Зачем?
- Черкнула? Так, для проформы.
- Мы найдем эту бумагу?
- Что вы?!
- Вспомнить сумеете?
- Если назовут... — Она пожала плечами.
- Ланц? Ланцберг?
- Нет.

Денисов вздохнул. Он хотел слишком многого.

— Не исключено, что его интересовали Джек Лондон, Твен, Брэдбери.

— Марк Твен есть. И Лондон.

— Долго он пробыл?

— Минут сорок, может, меньше.

— Все время у полок?

— Почему? Что-то записал, сидел. Хорошо помню: листал газеты. — Она показала на тумбочку. — По-моему, подшивку «Путь Ильича». Районную. Некогда было наблюдать — человек восемь сразу пришло. Многовато — по нашим меркам.

— Не вспомните, кто был? Никто из читателей не разговаривал с ним?

— Нет. — Она покосилась на свежий номер с детективом.

— Вы — МУР?

Название одного из многих управлений главка в ее устах звучало почти благоговейно.

— Нет, Московская транспортная милиция.

— А-а... — Она постаралась не обидеть.

— Вы мне покажете подшивки, которые он мог просматривать?

— Конечно.

Денисов просмотрел страницы районной газеты. Не зная, чем интересовался Ланц, было трудно на чем-либо остановиться: «Честь и слава по труду», «За сбор неспелого шиповника виновные подвергнуты штрафу...», «Высокая миссия экрана...», «Клуб "Встречи без рюмки"», «Творческое долголетие...» «Внимание! Учитесь играть в теннис!..»

В дверь домика была просунута записка:

«Ждут в регистратуре».

Не заходя к себе, Денисов повернул назад, к административному корпусу. Он шел слишком быстро для отдыхающего — на него оглядывались. Народ тянулся с пляжа. Застоялый зной, безветрие должны были вот-вот объявиться, чтобы уже не исчезнуть до ужина.

Регистратор была занята, Денисов прикрыл дверь, пустым холлом прошел к столу, за которым никто не сидел. В толстой тетради учитывались заявки на ремонтные работы. Денисов полистал:

«В силовом шкафу на зимней киноаппаратной отгорели концы силового кабеля...»

«Починить замок во втором корпусе...»

Холл был темноватый. Набор репродукций на стенах выглядел случайным — «Карадаг», «Зимняя дорога в лесу».

Библиотекарша подтверждала время, указанное в рукописи.

«Апрель — май...» — Денисов вышел на крыльцо.

Прямо перед входом красным огненным цветом цвели канны, их окаймляли сухие, обгоревшие на солнце стебли ирисов. Выше, над ирисами, тянулся широкий барьер аккуратно подстриженной туи.

Пожилой прихрамывающий человек, которого Денисов видел в кабинете регистратора, через холл прошел к выходу.

Денисов постоял: нетерпение и назойливость были качествами, которые он не терпел ни в себе, ни в других; пошел в кабинет.

— Добрый день.

Женщина поздоровалась. Она, без сомнения, знала про записку в дверях, однако по какой-то причине предпочла, чтобы Денисов заговорил с ней первым.

— Вы просили зайти.

— Да. — Она держалась сдержанно, это был ее стиль. — Звонила Тамара Федяк.

— Из Судака?

— Да, наш письмоводитель. Сестра-хозяйка столовой передала, что вы интересуетесь невестребованными письмами. У вас есть разрешение?

— Есть. — Денисов достал постановление, санкционированное московским транспортным прокурором, регистратор внимательно прочитала.

— Тамара объяснила, где у нее что лежит... Мы с вами можем пойти взять. В этом же здании...

Денисов сложил почту на стол, быстро начал просматривать. Он сразу заметил: большинство отправок не имело обратного адреса; их некому было возвращать да и не имело смысла — в почте не содержалось ни служебной переписки, ни пакетов с рукописями.

Ничто не привлекло его внимания. Остались открытки впережку с телеграммами, в большинстве поздравительными:

«С днем рождения...», «С днем рождения...» Он быстро проглядывал адресаты. «Левину...», «Расуловой Идиллии Лятифовне...»

Что-то дрогнуло в нем, когда он прочитал:

«Настасьевой...» — ей были адресованы две открытки. «Настасьевой...» «Анастасьевой...» «Анастасия!»

Еще была телеграмма.

«Она уехала, не получив их...»

Открытки и телеграмма были направлены из Харькова. Денисов по-прежнему ни в чем не был уверен: корреспонденция была без подписи.

Он внимательно прочитал текст, сомнения сразу исчезли: Ланц цитировал себя:

«...Даже сегодня сердце начинает громко стучать, когда вспоминаешь молчание неба и гор над нами, твой шепот. И представляешь площадь Вогезов, о которой ты говорила, остров Сите...»

Телеграмма состояла из списка авторов, названий книг, подлежащих включению в план какой-то редакции или библиотеки — длинный странный перечень: Грэм Грин, Джон Апдайк, «Вечная радость» Симона Соловейчика, «Большие надежды»...

Понятным только ему и Анастасии текстом Ланц телеграфировал все о том же, без конца повторявшемся в эссе: «вечная радость», «большие надежды»... Да и ключевая фраза была также знакомой по рукописи:

«"Давай поженимся"». — Джон Апдайк...»

Цветистые фразы — Денисов понимал — должны были затушевать смысл на случай, если бы корреспонденция Анастасии, несмотря на все предосторожности, все-таки попала в чужие руки.

Были в открытках абзацы, не встречавшиеся в эссе:

«...По-прежнему ли море пощипывает в темноте белые стерильные бинты коктебельского прибоя? — начиналась одна из корреспонденций. — Гуляют ли вечерами по набережной счастливые мужчины и женщины? Мне снятся наши походы в Орджоникидзе, в Курортное, в Старый Крым, слышится тугой звук нежно-зеленоватых пушистых мячей...»

Когда протокол выемки корреспонденции был подписан, регистратор молча подвинула реестр-алфавит к Денисову. Он был раскрыт на списке отдыхающих, чьи фамилии начинались с Н. Денисов просмотрел его, перевернул страницу: фамилии Настасьевой в реестре не было.

— Хотя бы примерно, — регистратора захватила настойчивость, с которой он вел свой казавшийся вначале бесперспективным поиск. — Представляете, какая она из себя?

— У меня ее литературный портрет. — Денисов достал рукопись, довольно быстро нашел страницу. — Вот.

Регистратор читала серьезно, Денисов следил за взглядом, перебегавшим по строчкам.

«У нее большие глаза, округлый подбородок, на белом с желтыми пятнышками пирамидальном лице змеистые красные полные губы Моны Лизы. Длинные сложные уши с сергами из сердолика под цвет бус. Глаза серо-голубые. В минуту близости...»

— взгляд регистратора дрогнул, но она спокойно дочитала абзац, —

они останутся голубыми, на редкость выразительными. В них открытость, нежность — все, что в другое время она боится выказать. Невозможно солгать, когда двое физически и духовно обнажены...»

Регистратор покачала головой, ничего не сказала.

— Там еще, — Денисов показал абзацем ниже:

«...В минуты внутренней свободы я вижу шагающего вперед толстого Ламме Гудзака женского пола, в шортиках-мешочке, удерживающем толстую попку каплуна, желтую куртку-ветровку, сползшую набок, морщины на шее. Откуда у этой чуждой немолодой женщины такая власть надо мной? — думаю я».

— Нет, — она вернула страницу, — не представляю.

Денисов набрал телефон начальника поселковой милиции, Лымарь был на месте.

— Есть харьковские телеграммы Ланца.. — Он продиктовал номера, даты. — Надо срочно запросить данные отправителя.

— Хорошо. А что адресат?

— Проживающей в Доме творчества не значится.

— Жаль, — искренне сказал Лымарь, — можно было проследить ночной маршрут Ланца.

Он имел в виду фразу из эссе: «Я увидел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд...»

В горячем песке грелись турки с кофе по-восточному, в плоской вазе лежал черпак для сахара.

Денисов допил свой кофе — водянистый, сладкий.

В кофейной фотографии Ланца можно было не показывать — заведение открылось в июле, Ланц уехал из Коктебеля в мае.

Едва взглянув на фотографию, продавщица — совсем девочка — отрицательно качнула головой.

«Все просто. — Денисов еще сидел. Такой был день — успехи и неудачи чередовались. — Ланц посылал письма своей возлюбленной на вымышленную фамилию. Оба знали, что, кроме «Анастасии», почту Настасьевой никто не возьмет. Взрослые дети. Интересно — указывал ли он в Харькове на бланке телеграммы настоящую фамилию? Или тоже писал Ланц...»

В кофейной было полно ос — посетителей они не трогали, тяжело переползали по кусочкам сладкого на столах. В открытую дверь проникал недвижимый зной, режущая глаз острота света. Не верилось, что еще день назад там, в Москве, была

стекавшая с платформ вода, холодный дождь; серое запотевшее стекло в несколько этажей, разделявшее центральный зал и перрон.

Он продолжал сидеть, хотя давно пора было подниматься.

«Сыщика кормят ноги», — в век НТР это не утратило значения.

Денисов достал рукопись, нашел ту ее часть, о которой заговорил Лымарь: ночной проход Ланца по Коктебелю...

«... Скоро двенадцать. Какая жуткая ночь. В полночь свет выключили. Около часа я почувствовал их приближение. Они не разговаривали, торопились. Так идут с краденым. Я увидел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд. Я боялся потерять ее спутника. Господи, какая жуткая ночь! Сейчас, когда я пишу, начало шестого. Воровской посвист птиц. Я нагнал его, он шел почти бесшумно. Мы дважды свернули вправо. Было темно. Он вошел в калитку. Исчез. Но стука двери не было. Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он? Профессор, с которым я так и не познакомился? Я мог простоять всю ночь. Было еще темно, когда он появился снова. Я шел за ним. Разноцветные миражи виделись мне впереди, будто два телевизора — цветной и черно-белый — работали рядом. Меня колотило. Я был готов на все!..»

Несколько страниц рукописи остались непрономерованы — любая из них могла при желании считаться продолжением:

«Что? Что надо?» Я подошел, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган. Я остановился.

«Анастасия не введет меня в свою компанию, — подумала я, глядя на симпатичного человека за рулем. Он показался мне совсем молодым. — Они связаны друг с другом с детства. В этом суть. Их родители знакомы. Дети пережили, и не по одному разу. Сами тоже. Я чужой. Она стесняется меня. Но я могу войти в их компанию и сам, если приду по душе ее друзьям. Этим людям. Не здесь, так там, дома!»

«Курить найдется?» — спросил я его. Он кивнул. Сразу успокоился...»

Было и второе продолжение:

«— Почему ты не встретил? — спросила Анастасия. — Говоришь, что любишь! Почему же сердце не подсказало тебе, что я иду. Одна! И не смотрю, кто сзади, хотя безумно трушу! Почему не окликнул, когда я входила в подъезд?! Неужели ты до сих пор думаешь, что можно одновременно встречаться еще с кем-то?! Как тебя воспитывали, Ланц? В каком обществе? И вообще ты принимаешь меня за друга? Между тем я, как все! Всю жизнь либо учусь, либо работаю...»

Я верю Анастасии. Есть мысли, слова, которые идут от чувств, их не подскажет холодный разум, их узнаешь сразу!»

И, наконец, третье:

«Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нес что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошел: в траве лежал багор, наподобие пожарного. Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеемся над перипетиями этой ночи...»

«Чтобы проследить путь Ланца в ту ночь, надо знать дом, в котором жила Анастасия...» Взгляд Денисова привычно цеплялся за знакомые абзацы, он читал их несколько раз, думая о том, как вырваться из порочного круга.

Многое, наверное, могла бы прояснить запись на странице, низ которой был оборван:

«Перст судьбы — он племянник...»

Возможно, Ланц сам оторвал край, невольно унеся разгадку тайны.

«Кто племянник? Чей? Почему слово «племянник» выделено? В чем погибший заметил указание providения?» Возникло множество вопросов.

Впрочем, в том, что странице с записью нанесен ущерб, Денисов тоже видел перст судьбы. Если документ или другое письменное доказательство оказывалось поврежденным даже частично — фамилия либо дата — в зависимости от того, что было важнее для следствия, — а чаще и то, и другое, как правило, обязательно оказывались уничтоженными. Многочисленные враги свирепого бога уголовного розыска всегда поспевали первыми.

Другое — то, что допускало многочисленные истолкования, не давало прямого выхода на цель — оставалось неповрежденным. Так было и в этот раз.

Он убрал рукопись, снова перелистал не полученную Настасьевой корреспонденцию.

Одна из фраз в открытке при повторном чтении показала любопытной:

«...слышится тугой звук нежно-зеленоватых пушистых мячей...»

Поначалу он и сам не мог себе объяснить, что в ней.

Молоденькая официантка поднялась, чтобы убрать со стола, в кофейной работали одни практикантки.

Денисов вышел, сразу почувствовал себя как у раскален-

ной печи. Жара еще больше усилилась. Люди возвращались с пляжа, несли на руках сонных разомлевших детей.

На рынке торговали персиками, луком; рядом в комиссионной палатке было прохладно, витрины предлагали мед и некрупную фасоль, охотников до них не предвиделось. Молодая продавщица смотрела в окно, отсюда была видна главная улица — пустоту ее время от времени нарушала какая-нибудь из машин, направлявшаяся в Феодосию или Судак.

Денисов продолжал думать о строчке в почтовой карточке.

Его жизнь никогда не была связана с теннисом, хотя на фабрике у Лины присланный откуда-то по окончании института энтузиаст на первых порах организовал секцию, и Лина записала обоих. Но энтузиаст вскоре перешел на новое место, секция распалась, Денисов так и не был ни на одном занятии.

Правда, еще раньше, когда жили в Булатникове и ему приходилось возвращаться домой пустынной дорожкой по ночам одному, он примерно с год таскал в руке упругий сероватый мячик — развивал кисть.

У междугородных автоматов снова стояла очередь, Денисов подошел к дереву, заменявшему доску объявлений.

«Старик, — появилось новое сообщение. — Звонил Анатолий...»

Записку «Приезжают завтра» сменил чистый клочок бумаги, поднятый на ту же двух с половиной метровую высоту.

«По-видимому, знак о том, что депеша получена...» — подумал Денисов, поворачивая к себе.

Бабуся-сторож в воротах Дома творчества признала его: едва Денисов полез в карман, закричала приветливо:

— Ходы так! Ишо два дэжурства. У кино, у душ... Гуляй!

Он спрятал пропуск.

На территории Дома творчества жара чувствовалась не так сильно. Вокруг были деревья. В центре, рядом с авиакассой, группа отдыхающих ждала кассира, все знали друг друга — неспешно что-то обсуждали. С киноафиши за ними следили внимательные глаза Исаева-Штирлица.

Денисов свернул на боковую аллею. С расположенного поблизости теннисного корта все время, пока он двигался от входа, доносились короткие тугие удары, о которых писал Ланц.

У корта Денисов остановился.

«Ланц полюбил все, связанное с Анастасией, — подумал он, — и от этого взгляд его становился иногда необыкновенно острым и избирательным...»

Кроме игроков, за сеткой было немало наблюдающих. Скамью занимали несколько молодых женщин, здесь тоже все были знакомы между собой, весело перешучивались.

Среди игравших Денисов увидел Мацея, поэт играл в паре с худощавым, в очках, блондином, занимавшимся йогой на

пляже. Игра у Мацея не ладилась, партнер делал вид, что его это не трогает; бесстрастность, однако, давалась ему с трудом.

Денисов подождал, пока Мацей и его партнер проиграли, — это не заняло много времени.

— А-а, сосед... — Мацей был расстроен, даже не пытался это скрыть. Он направлялся домой. Шли рядом. — Данные у меня неплохие. И реакция. Я знаю. Практики мало! Восемь лет вообще не брал в руки ракетку. А до этого — от случая к случаю. Правда, в детстве занимался. Юношеский разряд... — Мацей достал трубку. — Спички с собой?

— Нет.

— Потерплю. — Огромный живот колыхнулся, Мацей предпочел его не заметить. Надвинул шапку на глаза.

Мимо двухэтажных корпусов, бильярдной они двигались в направлении столовой, к финским домикам.

— Теннисные мячи... — спросил Денисов, помолчав. — Всегда белые?

— Наши всегда. Других я в продаже не видел.

— А зеленые? Точнее, нежно-зеленые? — Он процитировал Ланца.

— Пушистые... — Мацей кивнул. — По-моему, их привозят.

— Видели?

— Только раз. У игрока экстра-класса.

— Здесь? В Коктебеле?

— Веда играла, мастер спорта. Приезжала на несколько дней.

— В этом году?

— Весной.

— Вы знакомы?

Они прошли мимо плаката: «ТИШЕ! ПИСАТЕЛИ РАБОТАЮТ!» Впереди была узкая тропинка к дому Мацея, идти вдвоем по ней было невозможно. Денисов успевал задать три — максимум четыре вопроса, при условии, что Мацей ответит сразу и коротко.

— С Ведой? Она из Харькова, но живет в Минске. — Поэт, как назло, тянул, был не в меру обстоятелен. — Режиссер на «Беларусьфильме». Да вы тоже знаете наверняка, видели по телевизору. Собственно, она и сейчас здесь. Позавчера прилетела. С мужем. Но играть не приходит. Не с кем и неинтересно.

— А весной? Партнеры были? — Денисов загнул палец: «Раз!»

Поэт оказался снова многословным:

— Партнеры? Нет. Просто ее попросили дать нагрузку, погонять по площадке. А мы стояли вокруг. Любовались.

— Кого погонять? Мужчину, женщину? — Денисов перебил его: тропинка была совсем рядом: «Два!»

— Подругу. Она, собственно, и просила.

— Вы и ее знаете?!

— Я всех знаю.

— Кто у нее подруга, интересно?

— Из Харькова тоже. Завсегдатай. Ширяева Наташа, переводчица. Со мной обычно сидит. На Ларискиных столах... — Дойдя до столовой, он повернул. — До вечера! Чава-какава!

Дверь в столовую со стороны набережной была закрыта. Денисов прошел к служебному входу, вошел в коридор. В душевой из непривернутого крана капала вода.

— Ларису позовите, — попросил он женщину, показавшуюся из кухни.

— Лариса, тебя! — крикнула та.

«Двинулось... — подумал Денисов. Он вспомнил ночного оперуполномоченного с Курского. — «Не надо только круглое тащить, а плоское катать...»

— Лариса! — снова послышалось в коридоре. — Молодой человек ждет.

— Иду.

Официантка оказалась рыжеватой, крепенькой, в войлочных тапках, в байковом платье, несмотря на жару.

— Слушаю... — Официантки здесь отличались терпением и покладистостью.

Денисов представился:

— Я интересуюсь одним человеком. Где бы могли переговорить?

— Давайте за мои столы...

Они прошли к одному из столов, он стоял ближе к кухне. Денисов сел. Отсюда была видна большая часть помещения, прилегающая к веранде, и дверь в вестибюль — входившие в столовую словно попадали в мрачноватый зрительный зал.

— Этого человека вы знаете? — Он показал фотографию. Официантка отошла ближе к свету, вернулась, неся снимок в руке:

— Среди постоянных не было. А так разве запомнишь? Каждый день меняются.

— Он был в цветной сорочке, очень заметной. Красное, белое, синее. Лоскутами.

— Тут насмотришься... Только поспевай, гляди! Какие только люди не ездят!

— Значит, не знаете?

— Нет.

— Он сидел где-то поблизости от Ширяевой...

— Наташи? Она как раз за этим столом всегда сидит... — официантка обрадовалась.

- Вы знаете ее?
— Как же?!
— Какая она из себя?
— Блондинка. Сероглазая. В очках. Полненькая... — Она, не глядя, провела рукой над бедрами. — Ходит в курточке, в шортах. — Официантка и Ланц в своей рукописи, несомненно, обрисовывали одну и ту же женщину. — Симпатичная...
— Вы и семью ее знаете?
— Сынок в этом году поступил в Суриковское. Теперь одна живет.
— Приезжает часто?
— Каждый год, а то еще и дважды в год. В Планерском у нее родственница — Сусанна Ильинична. Наверное, слышали?
— Нет.
— Известная художница... Ну, сейчас-то какая она художница?! Под девяносто, считай. Но все равно!
— Она живет в Доме творчества?
— Дача у нее.
— Ширяева обычно с ней, на даче?
— У нас. Там, у Сусанны, всегда люди. Как на вокзале... А у нас и удобства: горячая вода, душ. Все под рукой.
— Обычно она отдыхает одна?
— Все годы. У них тут компания. Веда...
— Кто еще?
— Никита. — Официантка знала всех. — Журналист. Еще и экстрасенс. Водит рукой вдоль одежды и ставит диагноз. Я, правда, к нему не обращалась.
— Весной все сидели за этим же столом?
— Веда с мужем раньше приехали, заняли в первом ряду.
И Никита с ними.
— А кто тут, с Ширяевой?
Она начала с угла:
— Поэт, Петр Григорьевич.
— Мацей?
— Да. В шапочке, с животом... В Коктебеле хорошие поэты отдыхают. Юлия Друнина недавно была. Скоро опять придет. Татьяна Кузовлева.
Денисов показал на стул рядом с собой:
— Все было занято?
— Тут — Игорь. Искусствовед, профессор. Интересный мужчина, еще молодой, — не ожидая вопросов, она указала на следующий стул. — Из Архангельска, жена главного редактора. Дальше Марковская. Тоже искусствовед. Люба — актриса из театра Леси Украинки... Еще мальчик, ему стул ставили. Сын Мацея. Потом отец отправил его в Харьков, к бабушке. Шесть человек...
«В столовой сидели порознь...» — подумал Денисов про Анастасию и Ланца.

— Художница... Родственница Ширяевой... Она сейчас в Коктебеле?

— Завтра приезжает. И Наташа с ней.

— Это точно?

— Мы все тут знаем, не выходя из столовой, — веснушчатое лицо сморщилось в беззвучном смехе. Она поправила фартук. — На даче уже полы помыли, холодильник включили. Ждут.

Денисов вернулся к началу разговора:

— У Ширяевой есть братья?

— Одна она. Кирилл Владимирович, отец ее, был потом еще раз женат. На Кругловой-Стеценко, пианистке... — Денисов быстро утер лоб. Его интересовало главное.

— Про племянника ее вы никогда не слышали? — «Перст судьбы, — писал Ланц, — он племянник!»

— Никогда. Нет у нее! Я бы знала.

— А вдруг?

— На всякий случай поинтересуйтесь у Веды.

— Где ее искать?

— В коттеджах. Но вряд ли... — Она глазами указала на карман, где лежит фотография Ланца, и убежденно мотнула головой.

Новые террасы коттеджей производили впечатление недостроенных — словно в последнюю минуту из них вытащили и унесли оконные переплеты. Кирпичные коробки стояли пустыми.

Денисов выждал несколько минут. Постучал, его сразу услышали.

— Прощу, — сказал женский голос.

Денисов толкнул дверь в комнату — она была не заперта. На пороге остановился. Хозяева сидели за столом, при виде чужого человека замолчали.

— Разрешите?

— Да.

Подруга Ширяевой была не только теннисисткой и режиссером, она снималась в кино, Денисов не раз видел ее по телевизору: спортивного вида, с короткой стрижкой; мужа ее — сухощавого, с замкнутым скуластым лицом. — видел впервые.

Муж посмотрел на Денисова, потом на жену. Денисову показалось, супруги чем-то расстроены. Спросил:

— Может, мне лучше выйти? А вы тут посекретничайте...

Денисов решил, что они женаты недавно.

— Я из уголовного розыска.

— Как вы сказали?

— Милиция. Уголовный розыск.

Денисов услышал похожее на всхлип. Это оказался смех. Нервный, почти судорожный.

— Слышишь, Веда? Уголовный розыск.

Обоим стало сразу легко. Женщина положила руку на плечо мужа:

— Я же говорю, Георгий, ты — бандит. Урка. Все знают.

— Но подозревают-то тебя! Я думаю, тебе лучше сразу признаться...

— Я не должна была связываться с тобой.

Им нравилась игра, которую они затеяли.

Денисову не надо было объяснять сложные отношения внутри вновь создаваемой семьи, он все понял.

— Меня интересуют люди, с которыми вы отдыхали весной. И даже не они сами. Третьи лица.

— Сложно! — Женщина обернулась. — Правда, Георгий? Даже для тебя, хотя ты и теоретик, и программист. И чуть-чуть шпана.

— Пожалуй.

Денисов понял, что его неожиданный, без предупреждения, визит принят.

— Я бы не хотел, чтобы в Доме творчества узнали, кто я и чем интересуюсь...

— Садитесь, — предложила Веда.

— Люди, о которых я вынужден спрашивать, порядочны, и у меня в отношении их ни малейших сомнений. — Денисов присел к столу.

— Если меня спросят, я скажу, что вы известный кинодраматург, у которого один мой знакомый, — Веда крепче обняла мужа за плечи, — снова занял деньги и якобы для меня.

— Правдоподобно?

— Еще как, — сказала женщина. — Правда, Георгий?

— К сожалению. — Он вздрогнул.

«Нечаянно я узнал причину размолвки супругов...» — мимоходом отметил Денисов.

— Вспомните, кто отдыхал весной вместе с вами?

— Минуту... Так. — Веда подумала. — Никита. Наш друг, очень серьезно занимается Индией...

Денисов вспомнил йога на пляже:

— Высокий блондин в очках?

— Да, он. Тоже жил вместе с нами. За стеной. Мы всегда вместе отдыхаем. Полное имя его — Никита Алексеевич...

— Зубарев, — подсказал муж.

— Он с машиной?

— Вообще-то машина у него есть. Но приезжает он без машины. — Разговор, начатый Денисовым, не усугубил размолвки между супругами, еще больше их сблизил — Веда отвечала охотно. — Он еще и экстрасенс, сильное биополе...

Денисов кивнул.

— Фамилия Ланц, Ланцберг вам ни о чем не говорит?

Муж Веды кивнул на жену:

— Я никого не знаю.

— Первый раз слышу.

Денисов достал фотографию, несколько секунд супруги внимательно ее изучали.

— И все же кого-то очень здорово напоминает, — заметил Георгий.

Режиссер оказалась более осведомленной:

— Имя не помню. Но знаю, кто нас знакомил: Наташа Ширяева, моя подруга. Вот-вот должна приехать.

— Бывал в вашей компании?

— Нет. Уже не помню — почему. Жил в Доме творчества...

За недостроенной коробкой террасы послышались шаги, голоса. К супругам направлялась большая компания. Денисов скрепя сердце решил перенести разговор, Веда его поняла:

— Вам очень срочно? Давайте завтра, сразу после завтрака. Я постараюсь все вспомнить.

— Скажите: Ширяева приезжала в ближайшие дни в Москву? Может, проездом?

— Наташа? Нет, я знаю.

— В каком она корпусе здесь жила?

— В семнадцатом. Как всегда.

Кипарисы стояли парами вдоль узкой дорожки, уложенной плитами. Смеркалось. Незнакомые женщины разговаривали, стоя на крыльце; одна — помоложе — держала в руке мокрый купальник. В комнате наверху плакал ребенок.

Ланц писал:

«Я видел, как Анастасия проскользнула между двумя кипарисами, вошла в подъезд...»

Обозначив крохотное крыльцо как подъезд, автор эссе погрешил против истины. Ширяева жила на первом этаже небольшого двухэтажного дома в двухместном номере.

То и дело сверяясь с рукописью, Денисов вышел на аллею, она вела к выходу с территории Дома творчества — уже знакомая, много раз хоженная, окаймленная стриженной туей и ирисом.

«...Я боялся потерять ее спутника. Господи! Какая жуткая ночь! Сейчас, когда я пишу, начало шестого. Воровской посвист птиц. Я нагнал его, он шел почти бесшумно. Мы дважды свернули вправо...»

Денисов оказался на набережной. На скамье молодые художники предлагали свои работы. Денисов подошел к выставленным картинам.

«Море», «Карадаг», «Скалистый каньон...» Кое-что обращало на себя внимание.

— Десять рублей, — кто-то назвал цену.

Человек рядом с Денисовым молча подал купюру, взял акварель. Сбоку, у паркета, стояли несколько литераторов, отдыхавших в Доме творчества, — Денисов научился их узнавать. В центре мелькнула детская шапочка Мацея, поэт так и не приступил к работе.

Небо, море быстро меняли цвет, приближаясь к серо-асфальтовому. Некоторое время их еще разделяла с набережной бело-меловая полоска балюстрады.

На причале зажгли огни, трепетные полосы потянулись к пляжу. Художники собрали акварели, движения людей стали по-ночному тревожны.

Денисов двинулся вправо. Ведущая к спасательной станции часть набережной оказалась неосвещенной; с одной стороны ее тянулся нескончаемо длинный забор, отделявший территорию Дома творчества от моря.

«Было темно... — писал Ланц. — Он вошел в калитку. Исчез...»

Маленькая станция спасателей напомнила клуб «Коммуна», в котором Денисов в детстве вместе с родителями просмотрел все лучшие в его жизни фильмы; в нем была тоже металлическая лестница, по которой со двора можно было подняться в кинобудку. Как и «Коммуна», спасательная станция была щедра на наглядную агитацию — «Правила поведения на пляже», «Способы оказания первой помощи утопающим» — все в картинках.

Художник, показалось Денисову, был из спасателей, во всяком случае симпатии его были полностью отданы людям мужественной и смелой профессии: утопающий на плакате выглядел меланхоликом, отчаявшимся бороться за собственную жизнь, у спасателя были круглые, навывкате, горящие глаза борца. Правила тоже в первую очередь трогательно заботились о спасателе: «Приемы освобождения от захвата тонущего...»

Сразу за спасательной станцией начиналась гора — в эссе она по какой-то причине не упоминалась — невысокая, крутая. Со стороны улицы ее огибал забор.

«Но стука двери не было, — писал Ланц. — Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он?»

Денисов нашел калитку, она была заперта. Дом стоял в глубине, между забором и строением росли деревья, ни один звук не доносился из темноты.

«Было еще темно, когда он появился снова.

Я шел за ним. Разноцветные миражи виделись мне впереди, будто два телевизора — цветной и черно-белый — работали рядом. Меня колотило...»

«Может, нет никого...» — подумал Денисов про дом на горе. Было не поздно — по улице шли люди, сворачивали в черноту набережной. Там, где светильников не было, действительно различались лишь силуэты, и всего два цвета — черный и серый; одиноко горела звезда; впереди, за деревьями, у столовой Дома творчества, снова возникли краски.

«Будто два телевизора — цветной и черно-белый...» — вспомнил Денисов.

У первого же светильника он снова раскрыл рукопись:

«Что? Что надо?» Я подошел, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган. Я остановился:

«Анастасия не введет меня в свою компанию, — подумал я, глядя на симпатичного человека за рулем. Он показался мне совсем молодым. — Они связаны друг с другом с детства. В этом суть. Их родители знакомы. Дети пережились, и не по одному разу. Сами тоже. Я чужой. Она стесняется меня. Но я могу войти в их компанию и сам, если приду до душе ее друзьям...»

«Курить есть?» — спросил я его. Он кивнул. Сразу успокоился...»

Денисов нашел страницу, которую логически можно было считать продолжением, Ланц не оставил своего нового знакомого без наблюдения, выражаясь языком оперативного работника, скрытно сопровождал его в тот же адрес:

«...Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нес что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошел: в траве лежал багор, наподобие пожарного.

Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеемся над перипетиями этой ночи...»

Сюда же можно было, видимо, подверстать оборванную снизу страницу, начинавшуюся словами:

«Перст судьбы — он племянник...»

Денисов спрятал бумаги.

«Где могла стоять машина, к которой ночью подходил Ланц? На платной стоянке? Тогда почему ни слова о соседних машинах? Почему сидевший за рулем был напуган? Чем?» — В истории, записанной Ланцем, было что-то важное.

Между Домом творчества и пансионатом набережная была полна людей. Играла музыка. С теплохода по радио пригла-

шали желающих принять участие в вечерней прогулке по морю.

«С некоторыми мыслями, если потеряешь, никогда не встретишься, как с пронесшимся мимо болидом...» Это было особенно важно для людей его типа мышления, он знал. Не логическим, а по типу внезапного озарения.

За пансионом набережная закончилась, Денисов прошел мимо небольших огороженных пляжей — в темноте их было плохо видно, — поднялся на пригорок.

Впереди открылся вид на палаточный город: десятки неясных огней, силуэты машин. Работали переносные телевизоры, до Денисова донеслась хриплая речь, транслировали детектив. Денисову показалось, он узнал: «Место встречи изменить нельзя»... Так ни разу ему не удалось досмотреть его до конца.

Между палатками сновали дети. Ни слагбаума, ни административного здания с этой стороны автостоянки не было, они были со стороны шоссе.

«Машину и молодого человека, с помощью которого Ланц пытался проникнуть в компанию Анастасии и Веды, надо искать там...» — подумал Денисов.

Дорогу назад, к финскому домику, он нашел быстро, несмотря на темноту. В коттеджах не спали, из домов доносились приглушенные голоса, музыка.

«Перст судьбы — он племянник...» — Денисов и сам не мог сказать — цитирует ли он рукопись или иронизирует над ситуацией. — Ланц многое намеренно злуптал, он изменил имена, профессии, координаты. Режиссера Веду превратил в критика детектива, придумал специалиста по исландской литературе и его аспирантов. Племянник может оказаться шурином, затем вообще чьим-то дальним родственником...»

Подходя к дому, Денисов огляделся.

В окне у Мацея горел свет. Поэт работал. Денисов не стал его беспокоить, свернул к себе:

«Ланц выдумал красивую сказку о несуществующем приукрашенном мире, в котором обитала его возлюбленная и в который с детства мечтал попасть сам, возможно, даже поначалу не отдавая себе в этом отчета...»

Поведение погибшего в Коктебеле расшифровывалось с помощью его рукописи легко и легко объяснялось. Однако это ничем пока не помогло разгадке его странных поступков и вообще появления ночью в Москве, на Павелецком вокзале.

VI. НОЧНОЙ ПОРТЬЕ

— Как он объяснил вам, Захарова? — Сабодаш не ушел, пристроился на широком — с дореволюционной поры — подоконнике против Денисова. — Чей это телефон? Он называл какие-нибудь фамилии — Сазонов, Окунев?

Пассажирке из Нижнего Тагила на вид было не больше девятнадцати, она казалась непричесанной, плохо умытой, куталась в широкий, похожий на халат плащ.

— Сказал только: «Здесь тебя пустят ночевать».

— Именно так?

— Ну, в этом смысле. «Порядочные люди, пропасть не дадут...»

Отвечала она неохотно. Войдя, сразу села — стул выбрала неудачно: чтобы попасть в сейф, Денисов должен был всякий раз ее тревожить.

— Они знакомые его? Друзья?

Она пожалала плечами.

Саботаш передал Денисову листок с телефоном Сазоновых, обернутый предохранительной пленкой. Запись была сделана наспех, зеленой пастой.

«В одежде пострадавшего нет ни блокнота, откуда вырвана страница, — подумал Денисов, — ни ручки с зеленой пастой».

Задав несколько вопросов, Антон ушел.

— Не собирались звонить по этому номеру? — спросил Денисов.

— Чужие люди... Зачем?!

— У вас пропали только документы?

— И вещи.

— В милицию обратилась сама?

— Меня милиционер привел.

— Давно в Москве? — Денисов незаметно оглядел пострадавшую. — Неделю?

— Пять дней.

— Приезжала в гости? Или так?

— Так.

Отвечала она после раздражающих пауз. В каждом ответе присутствовал упрямый, во зло себе, вызов.

— Как же теперь?

— Матери дала телеграмму.

— Вы живете вдвоем?

— А с кем же еще?

Она выглядела своенравной. Такие становились обычно жертвами собственной самостоятельности, боязни показаться чрезмерно осторожными; тайно похитить вещи у них было нелегко.

«Непохоже, что обворовали... — подумал Денисов. — И обратилась не сама — милиционер привел: «Без документов на вокзале...»

— Тот человек, — спросил он. — Который... Ну, одним словом, взял вещи... Он тоже видел погибшего?

Она помолчала.

— Видел.

— Здесь, на вокзале?

— Ну!

- В какое время?
Девушка пальцем незаметно отвела слезу.
— Ночью.
— Ночь большая!
— Во время посадки на тамбовский...
Денисов вздохнул. Судьба его на ближайшие часы, может, дни была решена: дополнительные сведения о погибшем можно было получить, лишь занявшись ее делом.
— Как тебя зовут?
— Инесса. Можно Инна.
— Вещей много было?
— У меня? — Она пожала плечами. — Сумочка. В ней косметика, платья, кофточка. Еще мелочи.
— А денег?
— Денег немного. Паспорт. — Она глотнула слюну.
«Голодна», — подумал Денисов.
— Завтракала?
— Сегодня?
— А вчера?!— Я есть не хочу!
Он вдруг догадался:
«Несовершеннолетняя! Эта стеснительность, упрямство! Дома, наверно, по нескольку раз в день: «Инночка, ела? Ужинать будешь?»

Денисов поднялся, закрыл сейф:

- Там буфет в зале, пойдем. Что-нибудь придумаем.
— Да не хочу я есть! — Она сдалась, хотя продолжала сидеть, еще ту же закуталась в плащ. — Вот еще!
— Только кофе с молоком и булочку. За компанию. Со вчерашнего вечера ничего во рту.

Кофе пили на антресоли. За высоким столиком. О буфете знали немногие, иногда здесь удавалось поговорить без помехи — народу вокруг было мало.

- Тебя обманули. Сама отдала вещи.
— Как сказать...

Сквозь стекло во всю стену, отделявшее зал для транзитных пассажиров, она смотрела на перрон. Денисов тоже взглянул вниз.

Двигались носильщики. Денисову показалось, он видит Салькова, на ходу тот что-то говорил бригадиру. С носильщиком по-прежнему было неясно.

- Интересно, — сказала она. — Видите? Дальше, там!

Словно два фильма — снятый с замедленной скоростью и второй — убыстренный — демонстрировались одновременно. В одном пассажиры спешили, в другом еле тянулись, едва переставляли ноги. На платформе отправления заканчивалась посадка на скорый, там торопились. Рядом, в пригородном сообщении было «техническое окно». Где-то посередине обе ленты соединились.

— Где ты узнала о краже?
— В ресторане. — Она наконец решилась. — На Курском вокзале.

— Вы были вдвоем?

— Да.

— Кто он? Адрес есть?

— «Москва. Главпочтамт. До востребования».

— Фамилия?

— Степанов. Степанов Олег.

— Какой из себя?

— Симпатичный. В куртке. Знаете, модная, с белыми полосами вдоль рукавов.

— Москвич?

— Точно не знаю.

— Как его искать?

— Может, это? У него сестра, отец, мать... Мать зовут Таней. Хорошо устроены. В прошлом месяце хотели «Жигули» покупать, потом раздумали. Взяли «Москвич». А у него бампер сломан...

Ситуация изменилась: взгляд, обращенный к Денисову, был чист, полон доверия.

«Ей кажется: если человек сказал: «сломан бампер», значит, бампер действительно сломан. И остается только дать телеграмму по Союзу — проверьте, у какой из машин в стране сломан бампер, ответ не заставит ждать...»

Он угадал. Следующая ее фраза была:

— Завтра у него день рождения. Вы можете найти по дню рождения?

Она, по-видимому, предполагала существование в милиции наряду с картотекой алфавитной и пальцевых отпечатков, регистрацию в зависимости от формы лица, цвета волос... дат рождения...

— Перед тем как пойти в ресторан, — Денисов заговорил снова, — Олег, наверное, предложил сдать вещи в камеру хранения?

— Да.

— Жетон взял себе.

— Мы клали на шифр, — объяснила она. — В ячейку-автомат.

— В ресторане он сделал заказ. И на довольно большую сумму.

— Цыплята-табака, икру...

— Ну да. Поскольку у него день рождения. В конце ужина сказал, что должен выйти — позвонить сестре... — История развивалась банально. — Ты долго ждала.

— Час.

— Он так и не вернулся.

Она заплакала.

Один из пассажиров, соблазнившись возможностью наблюдать за движением людей внизу, подошел с тарелками к их столику. Денисов посмотрел на часы.

Разговор продолжили в отделе, в кабинете Денисова.

— Ты не знала, что делать. Приехала на вокзал. Растерялась, плакала... — Денисов достал электрокипяtilьник, стакан, налил из графина воды. Поставил на стол заварку. — Тут он подошел к тебе...

Она не поняла — думала о другом.

— Кто?

— Погибший. Тот, кого опознала на платформе.

— Да. Спросил, что случилось.

— До этого вы видели друг друга?

— На вокзале? — Она немного освоилась. — Позавчера. В буфете. Около двенадцати ночи. И вчера он тоже был примерно в это же время.

— Ты ему рассказала, что произошло?

— Сначала только плакала. — Ей казалось это существенным: было жалко себя. — Потом рассказала.

— Дальше.

— Он дал десять рублей, номер телефона. «Не стоит ночевать на вокзале...»

— Вещи у него были?

— Вчера был портфель. Желтый, потрепанный.

Вода в стакане кипела, разбрызгивалась во все стороны. Денисов выключил кипяtilьник, бросил заварки, спросил:

— Сахар класть?

— Совсем мало. Спасибо... — Слова благодарности не были ей чужды.

— Расскажи подробнее об этом человеке. Откуда он? Зачем приехал в Москву?

— О себе ничего не говорил.

— Может, какую-нибудь мелочь. Он назвал себя?

— Нет.

— Как ты думаешь, кто он по специальности? Вот ты. Ты — учащаяся?

— ПТУ.

— Кем хочешь стать?

— Декоратором.

— А кто он?

— Может, учитель?

— Почему?

Она недоуменно свела плечи.

— Как он вел себя?

— Мне показалось, нервничал. — Захарова подумала. — Кого-то искал.

— Оба вечера?

— Наверное.

— В последний раз ты видела его в зале?
— На перроне. У расписания поездов.
— Там он тоже был один?
— По-моему, еще кто-то. Не рассмотрела.
— Мужчина, женщина?
— Мужчина. Стоял рядом.
— Какой из себя?
— Мне кажется, много моложе того, что подходил.
— А одет?
— Не запомнила. Мы как раз стояли у табло, когда шла посадка на тамбовский.

— Мы?
— Олег ведь приехал за мной...
— Олег? Степанов? — Денисова ждал сюрприз. Он наконец понял. — Вы были раньше знакомы?
— Он был у нас в городе, оставил адрес. «До востребования...» Переписывались. Пригласил в Москву. Здесь все пошло наперекосяк. — Денисову стало жаль ее. — Ссоры. Мать его меня не пригласила. Потом ресторан.

— Что он сказал, когда приехал на вокзал?
— После ресторана? Спросил, подала ли я заявление, что буду делать. Просил прощения. Хотел вернуть деньги. Я сказала: «Видишь того мужчину, с портфелем? Он мне дал денег. Можешь не беспокоиться».

«Только в юности можно все так запутать», — подумал Денисов.

— Мы еще посидели.
— В вокзале?
— Поблизости, тут недалеко...
«Рядом с элеватором». — Он догадался.
— ...Там темное большое здание справа.
— Элеватор.
«Об этой парочке и рассказал Сальков!»

Денисов не удивился. Хоть в темноте мрачноватого здания мог оказаться любой из находившихся на вокзале, такие места привлекали всегда одних и тех же — рискованных, вольных, неустроенных. Даже на столичном вокзале их было немного.

— Там ступеньки у стены, — сказал Денисов.
— Да. Мы объяснились. «Не за ту меня принимаешь!..» Олег извинился. Звал к себе... Я не поехала.
— Снова поругались?
— Да. — Она расплакалась.
— Кто-нибудь в это время проходил рядом?
— Какой-то мужчина. Он следил за тем, который дал мне денег.

— Следил?!

— Сама я не видела.
— Олег сказал?!
— Да. Перед этим он попросил у него закурить.
— Как он сказал? Если можешь — дословно.
— «Мужик следит за тем, который дал тебе деньги!» — Она вздохнула, вытерла рукой глаза.
«Увидеть следящего за жертвой преступника теоретически тоже мог любой из находившихся на вокзале... — Сотрудники розыска это знали. — Практически — всегда все та же категория...»

— Где искать Степанова?
Денисов знал теперь, что требуется. Закрыв сейф, принялся быстро убирать со стола.
— Пока я здесь, он ночует в Москве.
— У друзей?
— В гостинице.
— Для жителя Подмосковья, Москвы это почти наверняка исключено.
— И я так думала. А он объяснил. Рубль за ночь. Номер, по моему, на четвертых... Я спросила: «В гостиницу не опоздаешь?» — «Рано, — говорит, — там засветло не пускают...»
— Далеко она?
— Где-то у трех вокзалов... Найдете?
— Надо подумать.

Оперативные уполномоченные из группы по борьбе с кражами, сменяя друг друга, вели поиск портфеля в ячейках-автоматах. Денисов ненадолго подменил одного из них, но и ему не хватило удачи, как остальным.

«Должна существовать система... — Денисов и раньше думал о ней. — Это похоже на «морской бой», когда ищешь одноклеточную подлюдку. Только акваторий больше — не десять на десять клеток, а шесть тысяч...»

Людей у пригородных платформ было немного. К вечеру день остался таким же — дождливым, серым. На контактных проводах, когда электрички вскидывали пантографы, била искра.

Вернувшись в здание, Денисов увидел в коридоре высокого, с суковатой палкой человека — доцента Окунева, ожидавшего с допроса жену и домработницу, Невропатолог курил, сладковатый запах трубочного табака шлыл по коридору.

Денисов знал уже — труп в морге не опознал, допросы Окуневых и домработницы ничего не добавили к короткому сообщению, переданному дежурным из Звенигорода:

«Окуневы никого в гости не ждали. Среди друзей известны гостеприимством. Рекомендовать их своему знакомому или родственнику, едущему в Москву, мог любой из многочисленных друзей и коллег — в основном из Рязани, Куйбышева и Донецка, где Окунев раньше работал».

«Кто-то устроил погибшего на ночлег, — подумал Денисов. — А когда случай свел его самого с попавшей в беду девчонкой, он, в свою очередь, не раздумывая, рекомендовал ей простых радушных людей, которые не оставят человека на улице...»

Розыск исчезнувшего спутника Захаровой начать следовало с Каланчевки — прилегающему к площади трех вокзалов району. Поэтому первым делом Денисов позвонил Грибову — старшему оперуполномоченному на Курском, — Денисов называл его «ночным» за пристрастие к вечерним сменам.

— Если он действительно в т о й гостинице, найдем. Никуда не денется! — Грибов с ходу включился в розыск. Был он немолод, на все случаи жизни имелся у него свои, часто совсем неожиданные приговорки. — Не надо только круглое тащить, Денис, а плоское катать... Значит, невысокий, в куртке с белыми полосами? Я узнаю. Ночью, после часа, будь у себя. Позвоню. Договорились?

— Да.

Он положил трубку, сосед-оперуполномоченный открыл дверь:

— Спички есть, Денис?

— Возьми. — В столе лежали спички, сигареты, коллеги из группы по борьбе с кражами это знали. — С портфелем пока глухо?

— Сам знаешь! Что ищешь — оно всегда в противоположном отсеке, в последней секции, в самой крайней ячейке.

Уходя, оперуполномоченный подошел к окну:

— И погода к тому же! Убийственная... — Фраза неожиданно обнаружила второй — зловещий смысл.

Денисов спустился вниз. В дежурке Сабодаш объяснял по телефону:

— Отвезешь постановление о назначении комплексной судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертиз. Да, в Лефортовский морг. — Увидев Денисова, он выложил на пульт несколько исписанных листов. Шепнул. — По твоей просьбе. Из Ртищева.

«Миронова А. С. Тамбов, Советская, 3-8», «Чермашенцев К. С.» — Денисов просмотрел список по диагонали. — «Шинкевичи — дер. Холмово, Можайский район...» — Это были пассажиры вагона 4 поезда Москва — Тамбов.

— На всякий случай в пятом тоже переписали... — предупредил Антон.

Итоги резюмировала подколота к спискам телеграмма:

«Опросом бригады поезда 441 Москва — Тамбов оставших пассажиров не установлено вещи без владельцев в вагонах не следуют мужчина схожий по приметам погибшим при посадке проводникам не обращался установить очевидцев преступления не удалось. Зайцев».

Рядом, на столе, Денисов увидел расчерченный на квадраты бланк с образцами ткани — печально известная «Карта неопознанного трупа». Лоскуты одежды — сорочки, костюма, носков.

На пульте зажегся сигнал — Сабодаш в двух словах закончил разговор, его ждал новый абонент.

Денисов пошел к дверям.

— Далеко? — спросил Антон.

— В ресторан. На Курский.

— Я думаю, они нарочно это подстроили. Парень ушел, девица не успела. — Официантка была грузной, с тяжелой головой, светлым, когда-то красивым, лицом. — У меня глаз наметан. Заказ солидный, я их сразу взяла на заметку.

— Давно работаете?

— Официанткой? Давно! Только на Курском десять лет. Научена!

Они разговаривали у чайного стола, при входе. Сновавшие вокруг официанты, по крайней мере внешне, не проявили к Денисову интереса. Притом каждый знал, что он из милиции, здесь невозможно было никого провести.

Посетителей в ресторане было немного, мужчины пили пиво.

— Что можно сказать о парне?

— Смазливый. — Взгляд официантки побежал вдоль столов, отыскивая похожего. — Небольшого роста, невидненький... — Никто из сидевших не привлек ее внимание; взгляд добежал до ниш в стене, вернулся назад.

— Как одет?

— Костюм или курточка. Сейчас не помню.

— Он не южанин? Может, акцент?

— Наш! Русак!

— Раньше не видали?

— Честно говоря, лицо девушки показалось мне более знакомым.

Подошла женщина-администратор — спортивного вида, в черном официальном блейзере — поддержала официантку:

— Я тоже где-то видела. Не бывала ли она раньше на Белорусском...

Денисов не стал переубеждать — успех его миссии в ресторане не требовал их приязни к потерпевшей.

— Меня интересует парень...

— Е го не замечала. — Тон официантки изменился. — Вы меня отпустите? Клиенты ждут... — Администраторша отошла еще раньше.

Денисову осталось откланяться. Тем не менее у входа он нашел швейцара — плотного, с покатым лбом, с жирными складками на шее.

— Случай этот при мне был. — Он тоже говорил в основном о потерпевшей. — Хороша птичка!

«Принципиально другое мнение... — подумал Денисов. — А уж представления о тех, кого следует опасаться в действительности, никакого...»

Из зала ожидания кто-то постучал в дверь, швейцар сделал вид, что не слышит.

— Девуцу я сразу заприметил. Плащ, должно, сто лет не был в чистке... Извините!

Он подал очередному клиенту сетку, зонт, привычно опустил в карман чаевые, открыл и тут же снова закрыл дверь. Походка у него была быстрая, шаркающая.

— Верите? — Он вернулся к Денисову. — Я сам никогда себе этого не позволяя и от других не переношу. Нет денег на ресторан — не ходи. Вообще-то сюда редко такие ходят. Меня уже знают! Боятся! Глаз-ватерпас...

Приметы парня, приходившего вместе с Иннесой, одежду он, впрочем, не запомнил.

Дождь не был виден, только в черных, на черной платформе, лужах, там, где падал свет, поверхность воды рябила и подергивалась. Вдалеке виднелась площадь Трех вокзалов — за пеленой она казалась вымершей, плохо освещенной. Движение пригородных поездов прекратилось, кроме Денисова, на платформе никого не было.

«Пока я все только удаляюсь от цели: девчонка, сбежавшая из дома, теперь еще ее сумасброд — жених... Задержим ли мы его в гостинице? Если да, высветится ли происшествие с новой, неизвестной пока стороны?»

Грибов появился около двух:

— Задержался по твоему делу. — У него была характерная рязанская скороговорка, некоторые жаловались, что не все понимают. Но Денисову она нравилась.

— Порядок?

— Да. «Нет конца у дел». Едем, нас уже ждут.

Приблизившийся к платформе состав замедлил ход, потом и вовсе остановился перед светофором, он направлялся в парк отстоя.

— Давай сюда. — Грибов еще на ходу открыл дверь одного из тамбуров. — Аккуратнее.

Состав шел с юга, он показался Денисову ободранным, темным; к концу летних перевозок поезда уставали, болели. Как люди. На полу тамбура хрустнула под ногами стеклянная мелкая крошка, окно с нерабочей стороны было выбито.

— Свои. — Грибов успокоил выглянувшую из коридора проводницу.

В соседнем вагоне дверь тоже была открыта — слышался стук бутьлок, нерусская речь, проводники начинали уборку вагона.

— Не задержат надолго, сейчас потянут... — Грибов был ниже Денисова, но устойчив и кряжист — им уже приходилось участвовать вдвоем в задержаниях.

Вагоны действительно напряглись, сходя с мертвой точки, скрипнули тормоза.

Ехать было недалеко.

Поезд еще шел. По обеим сторонам тянулись поставленные на прикол составы. Сквозь освещенные окна их ночная жизнь в парке отстоя была хорошо видна: поднятые полки, чей-то одинокий ужин или завтрак, дружеская неторопливая беседа проводников.

— Сюда, — сказал Грибов. Они спрыгнули на нерабочую сторону, здесь было темнее. — Значит, так... — предупредил он. — Иди прямо. До резерва проводников. Тут недалеко. Я догону.

Сотни вагонов, пропахших странствиями, людьми, нехитрой снедью — иначе, Железной Дорогой, — стояли неподвижно-тяжело. Совсем близко, по ленинградскому ходу, прогрохотал дальний.

У резерва проводников догнал Грибов:

— Все в порядке. — Он был не один. Поодаль шли двое постовых, рядом на коротком поводке бежала овчарка.

Метрах в двухстах остановились.

— Пришли, — Грибов показал постовым на вагон; тот, кто был с собакой, пригнувшись, перебрался на другую сторону, умный пес неслышно пролез впереди него. — Если будет спокойно, по сигналу присоединишься к нам, — передал Грибов дополнительно по радию.

Второй милиционер встал поодаль.

— Подождем, — ночной оперуполномоченный настроен был благодушно. — «Когда бы ни умирать, все равно день терять...»

За шумом дождя кто-то невидимый постукивал металлическим молоточком бандажи, пробовал буксы. Несколько проводниц с сумками молча прошли по своим вагонам.

Сила дождя быстро менялась: минут пять было тихо, потом снова застучало по крышам.

Денисов поднял голову, прожектора на вышке казались огромными холодными светляками.

Ждать пришлось недолго. Послышались шаги; кто-то прошел рядом, едва не задев. Пахнуло пивом. Потом раздался стук в стенку вагона, еще через минуту — звук поворачиваемого в двери ригеля.

— Кто? — спросил невидимый в темноте проводник.

— Поспать. Утром уйду...

За самовольное превращение находившихся в отстое вагонов в гостиницу наказывали, но часть проводников продолжала рисковать.

— Заходи... — Проводник подал дверь на себя; увидев метнувшиеся к вагону тени, ничего сначала не понял: — Сколько вас? Трое?!

— Ну! — Денисов уже входил в тамбур. — Транспортная милиция. Никого не предупреждайте. В каком купе ночуют?

Проводник растерялся:

— Во втором. И в третьем.

Из служебки лил неяркий свет, пахло разваренным картофелем, овощами. Денисов прошел в коридор. Женщина в форменной сорочке, с галстуком-регатой резала хлеб — проводники готовились ужинать.

— Когда откроем двери, включите свет, — Грибов, поднявшийся следом, говорил неразборчиво, но проводник понял. — Ключ с собой? — спросил он у Денисова.

— С собой.

Двери открыли служебными ключами. Вспыхнул свет.

По коридору побежала овчарка.

— Милиция! Документы... — Оперуполномоченные почти одновременно вошли каждый в свое купе.

Был самый сон. В купе у Денисова оказалось трое, ни один из них не пошевелился. Не убирая руки с пистолета под мышкой, Денисов стал будить их по одному. Все трое спали в одежде: «гостиница» предоставляла минимум удобств — подушки, матрасы.

Первым поднял голову пожилой, похожий на снабженца, протянул с верхней полки командировочное удостоверение, паспорт. Документы были в порядке.

Денисов больше им не интересовался. Он пристально взгляделся в парня внизу. Тот лежал лицом к стенке. Из-под матраса высовывалась куртка, похожая на ветровку...

Вошел Грибов с обычной скороговорочкой, Денисов ничего у него не понял.

— Удачливый я, — пришлось повторить. — В купе один мужик. И тот, наверное, в розыске: справка на Николая, а татуировка «Витя», паспорта нет. Бывает, конечно. «Акулина пирог ставила — все ворота в тесте...» — Грибов показал на нижнюю полку.

— Сейчас убедимся, — Денисов потянул высовывающуюся из-под матраса ветровку. Грибов в это время принялся будить третьего:

— Эй, дядя!

Парень внизу повернулся. Из-под матраса показался вывернутый наизнанку рукав, шнурок, пущенный по поясу. Денисов нагнулся. Спящему было не больше двадцати, черты лица казались небольшими, аккуратными. Денисов перевернул куртку — с лицевой стороны от плеча к манжете тянулись неширокие белые полосы.

«Он!..»

— Милиция! — предупредил Денисов. — Документы. И никаких глупостей! Спокойно! Степанов? Олег? С днем рождения...

Разговор повели в соседнем купе, пока ждали машину. В ящичке под полкой, где спал Степанов, нашлась и женская сумка с вещами.

— Инессы? — Денисов показал на вещи.

— Думаете, мне деньги ее нужны?! — Голосом и выражением лица Степанов показал, что оценивает логические способности Денисова невысоко. — Я бы все равно вернул. Вы же ничего не знаете! Она приехала ко мне, чтобы остаться! А сейчас колеблется...

Денисов отнес грубость за счет его незнакомства с принятым в милиции этикетом.

— Что дальше?

— Мы любим. Не можем друг без друга! Понимаете?

Степанов поднялся, сделал пару шагов к двери. Денисов — за столиком — следил за ним. По ту сторону окна текло с крыши, влага проникала в купе.

— Вы прописаны в Москве?

— В Нахабине.

— С родителями?

— Я ушел из дома. Понимаете? Отец и мать против. Особенно мать.

— Когда ушли?

— Перед тем как ей приехать. Неделю назад.

— Работаете?

— Устраиваюсь. Уже договорился. Должны дать общежитие. Мне и ей... — Он остановился. Овчарка пробежала по коридору, замерла у двери.

— Койот, место! — крикнул постовой.

Денисов слушал. Это была другая история. История Олега и Инны, их любви. Обстоятельства ночного происшествия на платформе оставались такими же загадочными, как и утром. Время уходило.

«Что за человек следил за погибшим из темноты за элеватором? — Денисов мысленно готовил главный вопрос. Только Степанов сейчас мог помочь. — Через несколько часов, я не говорю — «через день...» — не будет ни одного свидетеля, кто хоть что-нибудь видел!»

Но вести разговор об этом было еще рано.

— Что у вас получилось в ресторане? — спросил он.

— На Курском? Так, дурь... — Степанов покраснел. — Поругались. Подумал: Сделать такое, чтоб уже не подойти! Чтоб нельзя вместе. Сжечь мосты...» Ушел, взял вещи. Вижу — не могу! Снова поехал на вокзал.

— И опять поругались?

— Опять. Где она сейчас?

— В комнате отдыха, на вокзале.

- У нее нет денег.
- Есть.
- Подала она заявление?
- На тебя? Нет.
- Разве вы ищете меня не для того, чтобы посадить?
- Нет.
- Тогда я не понимаю...
- Мне нужна твоя помощь. — Денисов решил. — Вспомни. Когда вы сидели у элеватора...
- На вокзале?
- Да. Платформу было видно? Слева — ближайшую?
- Оттуда, где мы сидели? — Степанов почувствовал: оперуполномоченный делает ему какое-то важное, непонятное пока предложение, дает шанс. — Там вагоны, временная камера хранения... Так... — Степанов был само внимание. — Дальше почтовые вагоны.
- А конец платформы?
- Конец платформы тоже был виден.
- Там был в это время кто-нибудь?
- В коридоре снова пробежала собака, и другой голос — на этот раз Грибова — приказал:
- Место, Койот!
- Там стоял пассажир. — Он вспомнил. — Точно!
- С вещами?
- Кажется. Не обратил внимания.
- Вы что-нибудь знаете о нем? Знакомы?
- Нет... — Степанов силился и не мог понять, куда клонит Денисов. — Вот только: Инесса сказала, что он дал ей немного денег, хотел помочь...
- Пассажир этот... В конце платформы... Он был один?
- Да.
- Больше никого?
- Внезапно Степанов догадался:
- Мужик пробежал! От вокзала! Все время смотрел в конец платформы... — От напряжения Степанов мгновенно взмок. — Я еще сказал: «Инна! Вроде следит за тем, который дал тебе денег...»
- Он около вас пробежал?
- Я еще у него курить просил!
- А он?
- Сказал, что не курит.
- Какой из себя?
- Невысокого роста. Невзрачный. С жетоном.
- Носильщик?!
- Олег давал приметы Салькова.
- Носильщик.
- Несколько секунд Денисов сидел молча, а мысль снова шла замкнутым кругом дальше — к типовым мотивам преступлений такого рода:

«Мсть? Ревность? С целью сокрытия другого преступления? Корысть?»

VII. В УПОР

Около шести утра Денисов спустился в дежурную часть. Окна здесь всю ночь оставались открытыми, и каждый раз на рассвете Денисов чувствовал себя словно в проветренном кабинете фтизиатра.

Дежурный принимал по телефону сводку, что-то писал.

— Возьми трубочку. — Он показал на зажегшийся на коммутаторе вызов.

Денисов подошел; звонили по одному из аппаратов прямой связи «пассажир — милиция», установленных в залах.

— Отдел милиции. Слушаю, Денисов...

— У вас утром вчера произошел случай на платформе... —

Голос был молодой, с едва заметной одышкой.

— Произошел... — Денисов толкнул дежурного, но уже по тону его тот все понял, бросил сводку, припал к рации:

— Внимание всем! Срочно подойдите к аппаратам прямой связи в зоне своих постов. Идет передача. Возьмите под наблюдение...

Дежурный включил еще диктофон, пошла запись.

— Вам что-нибудь известно? — Денисов тянул время.

— Поэтому и позвонил... — Потом, при многократных прослушиваниях, Денисов убедился: говорил не москвич, в интонации было что-то напевное. — Все знает носильщик! Жетон 46. Пусть скажет, куда он дел оружие...

— Товарищ пассажир!..

Звонивший не дал ему закончить:

— Я и так, кажется, сделал больше, чем другие. Надо ехать. Извините... — Разговор прервался.

— Вниманию постовых!.. — Дежурный не отрывался от рации. — Срочно проверьте аппараты прямой связи... Узнайте у пассажиров... Кто звонил? Приметы?.. Любые сведения, могущие помочь установить. Очень важный свидетель...

Через несколько минут начали поступать доклады постовых. Не повезло ни одному:

— Никто не заметил... Ни одного пассажира поблизости, как нарочно... Из второго зала не звонили...

Денисов посмотрел на часы:

«Передача началась в 5.48. — Ближайшая станция метро у вокзала по техническим причинам открывалась именно в это время. Звонивший приурочил разговор к отправлению первого утреннего поезда. Его уже нет на вокзале...»

Жена Салькова — угловатая, подстриженная под мальчика — недоуменно взглянула на младшего инспектора, Денисову же явно обрадовалась:

— Проходите! Как хорошо!

— На улице дождь. — Ниязов посмотрел на чистейший, натертый до блеска паркет.

— Ничего... — Она подтянула ногой резиновый коврик. — Проходите.

Они оказались в чистенькой кухне.

— Буду вас завтраком кормить! — На столе, под настенными часами, стояла тарелка с только что намытой зеленью. — Наверняка не ели. Помидоры, картошка... Все с собственного огорода!

Оживление ее показалось Денисову наигранным. В доме что-то произошло.

Сальков из комнаты так и не появился.

— Как вы? Как Лина? — Она знала жену Денисова по комсомольскому оперативному отряду. — Наташа, наверное, уже в садик ходит?

— В младшую группу.

— Где ваш муж? — начал Ниязов.

Младший инспектор не был связан с Сальковой воспоминаниями.

— Муж? В сауне.

— Так рано? — Ниязов взглянул на настенные часы: не было еще и семи.

— Вообще-то мы рано встаем. — Салькова на вопросы Ниязова отвечала Денисову. — Может, он сейчас позвонит. Если по какой-то причине у них сорвется, поедем к моим родителям, в Ясенево.

Денисов ничего не сказал.

— Сауна далеко? — продолжил Ниязов.

— За городом.

— Мы поедем туда. — Он был прямолинеен, даже самый намек на дипломатичность начисто отсутствовал.

— Если вы приедете, их перестанут пускать. Сауна от какой-то организации.

— Бригадир ездит с ними?

— Роман? Не знаю.

— Почему у них сегодня может сорваться?

Салькова объяснила:

— Обычно его подвозит товарищ. На своей машине. Вчера они не успели договориться, а телефона у него нет.

Денисову снова показалось, что она чем-то взволнована:

«И этот ранний отъезд Салькова. Действительно ли он поехал в сауну? А может, это каким-то образом связано с утренним сигналом по телефону?»

— Вчера ваш муж был дома? — спросил Ниязов.

— Он все вечера дома. — Салькова снова занервничала. — Или на работе, или дома. Смотрим телевизор, читаем. — Она вытерла руки. — У нас достижение: в последнее время Сальков стал книги покупать.

В комнате царил такой же порядок, как и на кухне. Квартира была однокомнатной. Сальковы жили вдвоем, детей не было. Цветной, на колесиках, телевизор оживлял набор стандартной импортной мебели. В секрете стояли популярные издания: Эдгар По, «Три цвета времени», еще несколько книг. Над письменным столом висела фотография футбольной команды.

— Моя библиотека в Ясенево. — Салькова вздохнула. — У родителей.

— За мастеров играл? — Ниязов кивнул на фотографию.

— За дублеров «Локомотива». Я сейчас еще кое-что покажу.

С антресоли появился мяч с автографами мастеров.

— Гордится им!

Вернулись в кухню. Денисов чувствовал — Салькова так и не успокоилась, поглядывала на телефон. Все валилось у нее из рук.

— Что-нибудь произошло? — спросила она наконец.

— Труп на вокзале. — Ниязов обошел подробности. — Происшествие случилось в их смену. Не говорил?

— Сальков? Он про работу никогда ничего не рассказывает!

— О чем же говорите? — удивился Ниязов.

— Ни о чем. «Татьянка, грибной суп давно не делали...» Или: «Проводники с ворошиловградского груши продавали. Десять рублей ведро...». Раз в неделю сауна. В выходные — преферанс. Футбол. Зимой — лыжи... — Она взглянула на Денисова. — Действительно ничего такого?

Денисов предпочел не говорить. Салькова поняла, сделала вид, что ничего не случилось:

— К столу! Все свежее. Картошка, помидоры...

Она достала красные глиняные тарелки. Отлила из кастрюльки воду. Денисов внимательно следил. Цвет картошки был необычный.

— Пусть Сальков голодным ходит, сам виноват. Такой завтрак... — Внезапно она изменилась в лице. — Картошка сырая. Забыла газ зажечь...

«Несколько лет назад Татьяну можно было спокойно обо всем расспросить. Теперь же...»

Они распрощались.

— Что передать мужу? — спросила Салькова.

— Позвоним, если понадобится.

Улица встретила дождем, казалось, вторые сутки, пока занимались розыском, он лил, не переставая. В водостоках бурлила вода.

— Думаю, мне лучше здесь погулять. — Ниязов показал на автобусную остановку по другую сторону огромной, разлившейся на половину мостовой, лужи. — Подождать Салькова и с ним вместе приехать в отдел.

Оперуполномоченный ОБХСС, обслуживающий носильщиков, тоже относился к Салькову с недоверием:

— Коррумпирован...

Словцо было явно заимствовано из другого лексикона. Оперуполномоченный был немолод, долгое время работал преподавателем в средней школе милиции, последние годы дорабатывал на вокзале.

Он уточнил:

— Лебезит перед солидной клиентурой. Кто из пассажиров попроще — того просто не замечает. Ездки все — только кассовые. Один чемодан или одну сумку не повезет. — Он заговорил языком вокзального оперработника. — Тачка сразу ломается. Или сам д е л а е т н о г и. Нет резона!

— В этот раз тоже... — Денисов согласился. — Колесо вышло из строя.

— Но тот же рубль не упустит, если он, так сказать, «комиссионный». Перепродать что-нибудь своему же товарищу — носильщику или кладовщику. Или билеты с д е л а т ь... — Он поднялся к шкафу, закрыл дверцу, вернулся к столу.

— А если что-то серьезное? — спросил Денисов.

— Кто знает? Помните: «Обеспечьте капиталу сто процентов прибыли!..» Политэкономии не забыл? — Он снова изменил накатанному разговору оперативников.

— Кто Салькова рекомендовал на работу? Бригадир?

— Роман. Они родственники.

В кабинет позвонили. Оперуполномоченный ОБХСС переговорил с дежурным, в конце разговора поставил в известность.

— Тут Денисов. Никто его не ищет?

Дежурный попросил передать трубку.

— На вокзале свидетель. Плетнева. Хочет поставить о чем-то в известность.

— Понял.

— Теперь насчет Инессы и Степанова. Которого ты привез ночью с Курского...

— Родители его приехали?

— Да. Сейчас все в ленинской комнате.

— И Инесса?

— И она, и замполит. Хотят все решить. Не забудь про Плетневу.

— Помню. — Он положил трубку.

— Я сужу о Салькове, принимая во внимание его роль в деле Стаса, — заметил обэхээсник. — Дельцы из отделения перевозки почты, грабежи и спекуляции в крупных размерах. Ты был тогда? Сальков прошел свидетелем.

— Я занимался на втором этапе. Как он выкрутился?

— На суде обвиняемые отказались от показаний в отношении его.

— А Сальков?

— Он с самого начала все отрицал. Была деталь, которая сегодня кажется серьезной. По делу тоже проходил пистолет, и его тоже видели у Салькова.

«Все знает носильщик! Жетон 46... — Денисов снова вспомнил утренний разговор по аппарату «пассажир — милиция». — Пусть скажет, куда дел оружие...»

— В протоколах допроса тот пистолет упоминался?

— Ни-ни! Одни разговоры... Дескать, Стас купил у него пистолет, и очень недешево.

— Любопытно.

— Вообще же я заметил: от оружия, как от фальшивой монеты, просто не отделаешься...

— У меня просьба. — Денисов поднялся. — Необходимо знать: был ли Сальков вчера после смены на вокзале.

— Другими словами: приезжал ли он днем и зачем?

— Именно.

— Розыск идет туго, — посочувствовал оперуполномоченный ОБХСС.

— Многое непонятно. Особенно мелочи. — Денисов заговорил сбивчиво. — Моток проволоки, который я видел у элеватора, он лежал на виду. Сальков сразу поднял бы его, если бы действительно искал... Теперь этот звонок в дежурную часть. Все неясно, запутанно.

— Я бы на твоем месте не полагался на Салькова, Денис! — прощаясь, сказал обэхээсник. — Кстати, известно тебе, что он «Волгу» купил? Оформил на имя тестя.

«Все знает носильщик! Пусть скажет, куда он дел оружие...» — Денисов ни на минуту не забывал об этом разговоре. Либо звонивший оклеветал ни в чем не повинного Салькова. Либо? Либо действительно видел носильщика на платформе с оружием. — Денисов склонен был думать, что странное поведение Салькова в ту ночь давало основание в это поверить. — «Куда он дел оружие?».

Денисов зашел со стороны места происшествия. Даже днем в дальнем конце платформы было безлюдно и тихо.

Впадины на асфальте были наполнены водой, причудливыми формами напоминали цепи озер Большого Соловецкого острова, где Денисов служил. Короткий ливень прекратился.

«Никто не придет сюда без дела. — Денисов вздохнул. — Тем более ночью».

Дождь не смыл с трудом нанесенные криминалистом на асфальт меловые концентрические дуги. Денисов осмотрелся. Место выброса гильзы могло действительно находиться рядом с погибшим.

Он прошел дальше по платформе. Впереди уже виднелись вагоны, переоборудованные во временные камеры хранения.

«Мог звонивший наблюдать за всем с платформы, оставаясь при этом незамеченным? Вряд ли. Сальков или Ниязов обязательно его бы увидели...»

Денисов огляделся. К электропоездам на десятом и одиннадцатом путях шли пассажиры.

«Из электрички! Конечно же. Из сцепа, что ночевал на путях и стоял к платформе ближе других. Человек мог находиться в тамбуре, проглядывать пустые площадки впереди... — Он подумал снова, не в силах преодолеть инерцию собственного мышления. — «Пусть скажет, куда он дел оружие...»

В динамике, установленном на мачте, что-то щелкнуло.

Перронное радио довело до общего сведения:

— Объявляется посадка... на поезд...

Дикторша еще объясняла порядковые номера вагонов, а от вокзала, впереди, запрудив ширину платформы, плотно, плечо к плечу, уже двигались отъезжающие.

Плетневу Денисов нашел у той же скамьи, близ входа в багажное отделение, где и накануне. Еще издали узнал крупную, в куртке, фигуру. Рядом находилась ее юная копия, тоже склонная к утяжеленной полноте и плотно укутанная. У стены сбоку стояли их вещи.

— Вот! — Плетнева показала на дочь. — Только прилетела. Три дня не было самолета... — Она не представила Денисова и дочь друг другу. — Пришлось билеты сдать, взять новые.

— Скорее едете?

— В 10.40. Я что хотела? — Она поправила на куртке у дочери «молнию». — Про убитого так ничего не открылось? Кто он? Чей?

— Пока нет.

— Тут женщина, на вокзале. Она его тоже видела. Даже говорила с ним. Я случайно узнала.

— Сегодня?

— Наутре. В зале. Рядом со справочным бюро.

— Какая она из себя?

— В красном плаще, молодая. Она там, у «места встреч». Слышали, по радио передают: «Если потеряли друг друга, встречайтесь...» Мы с дочкой тоже там встретились, а то б она — моя сладенькая — так бы и жила здесь, на вокзале.

— Ну, мамк... — Плетнева-младшая смутилась.

— Извините. — Денисов по рации разыскал командира отделения. — Узнайте в комнате отдыха: Инна рано утром спускалась в залы? Захарова...

— Которую обокрали в ресторане? На Курском?

— Да.

— Не спускалась, — сообщил командир отделения через несколько минут. — Никуда из комнаты отдыха не выходила. Сейчас в отделе.

— Спасибо. Конец связи... — Денисов выключил рацию.

Он убедился — Плетнева вела речь о другой женщине — новом неизвестном пока свидетеле. — Вы покажете ее?

— Сейчас. Смотри за вещами. — Плетнева обернулась к дочери.

— Ну, мамк... Кому нужны наши шмутки?

Они зашли с перрона. Снова собирался дождь. На вынесенных из зала скамьях с сумками, с чемоданами, со связками обоев сидели готовые к отъезду люди. У ангара автоматической камеры хранения в ожидании свободных ячеек замерла молчаливая злая очередь; в стеклянных стенах прирельсового почтамта белел свет.

— Здесь. — Плетнева вошла в зал, пошла между рядами. Денисов на ходу вызвал по радиации постового:

— Напомните дежурному про мусоросборники. Пусть не вывозят.

— Передам.

— А пока вызови в зал младшего...

— Тут. — Плетнева обвела глазами участок кресел, отгороженных проходом к справочному бюро. — Но почему-то не вижу. Неужели уехала?

— Не торопитесь. Место запомнили точно?

— Ее нет. — Плетнева подошла к седому, в очках, пассажиру у края ряда. — Утром тут сидела женщина. Молодая, в красном плаще. Не видели?

Он пожал плечами. Сидевшие поблизости молча оглянулись в их сторону.

Денисов прошел вдоль рядов. Как обычно, часть кресел в утренние часы пустовала. Пассажиры смотрели вдоль огромного, с ребристыми покрытиями поверху, наполненного людьми и эхом зала.

На одном из кресел Денисов заметил сумку с газетным свертком. Из него выглядывало полотенце, женские туфли.

Он подошел к сидевшей рядом женщине — пожилой, с тусклым лицом, в габардиновом, отслужившем срок пальто:

— Ваше?

— Нет. — Женщина посмотрела вопросительно.

— Кто хозяин?

— Она скоро придет.

— Молоденькая? В красном плаще? — Плетнева тоже подошла.

— Знаете ее? — спросила женщина.

— Она и есть, — сказала Плетнева.

Денисов заинтересовался хозяйкой оставленного в кресле свертка:

— Не говорила, куда ушла?

— В прокуратуру. На прием. Муж у нее сидит.

Женщина в габардиновом пальто не спросила Денисова, кто он, по какому праву задает вопросы; вокзальное общежитие устанавливало особые правила общения людей на Дороге.

— В какую прокуратуру? Сказала?

— Нет.

— А что с мужем?

— Бухгалтер. Что-то с нарядами.

— Откуда она?

— Из Кривого Рога.

«В Прокуратуру СССР...» — подумал Денисов.

У входа в зал появился младший инспектор, он ничем не выделялся среди других пассажиров, не спеша прошел в очередь к справочному бюро.

— Видишь меня? — спросил его Денисов по радиации.

— Вижу.

— Сумку в кресле? Со свертком.

— Тоже.

— Останешься в зале. Как только за вещами придут, дашь знать. Я тем временем попробую перехватить их хозяйку в ином месте.

— Вас понял.

В приемной Прокуратуры СССР находились несколько женщин; одна из них, в красном, точнее, бордового цвета, плаще сидела впереди, против двери.

Денисов вышел, постоял у входа.

Двор прокуратуры был пуст. Два милиционера внутренней охраны — чубатые, в одинаково сбитых набок синих, с красными околышами фуражках — быстро и тихо говорили о чем-то радостном, тайном, довольные друг другом, службой в столице. Они не обратили внимания на своего коллегу в гражданском, стоявшего у входа.

«Дончаки», — почему-то решил Денисов.

Он прошел за ворота. Стоя перелистал записную книжку. Презент французской фирмы — изготовительницы несгораемых шкафов «Фише-Бош» изрядно поистрепался, страницы, даже обложка были исписаны в разных направлениях, приложение — «Развитие средств взлома во Франции за двадцать лет» — было попросту утеряно.

Он нашел нужную таблицу:

«Признаки выстрела в упор. Разрыв кожи, а одежды — с расстояния не более 5—7 см...» «С близкого расстояния...» «Копоть хорошо видна при выстрелах на расстоянии до 15 см; при выстрелах на расстоянии от 15 до 30 см слабо заметна. При выстрелах с расстояния свыше 30 см отсутствует. Порошинки...»

Женщина появилась минут через двадцать. Взгляда на нее было достаточно, чтобы понять:

«Неуспех!»

Женщина шла устало, как бы безразлично, она даже не положила в сумку жалобу с подколотыми, обязательными, приговором и определением суда второй инстанции.

Он все-таки подошел:

— Отказали?

— Да. Решили, что нет смысла истребовать дело для проверки. — Женщина приняла его за товарища по несчастью; она открыла сумочку, спрятала бумаги.

— В Верховном суде были?

— Только в республике.

— Значит, еще в Верховный суд Союза.

— Вся надежда...

Они вышли на Пушкинскую, свернули в направлении метро. Людей по эту сторону улицы было немного. В комиссионном на углу Пушкинской и Столешникова в витрине переливались меха.

— Может, не так изложила... — Мыслями женщина еще находилась на приеме у прокурора. — А может, лучше было идти адвокату? Не знаю. Что хочешь думай. Хотела, чтоб поняли, кто я, кто Гриша...

— Ваш муж?

— Да. Чтоб все объяснить. Как приехали после института, начали работать. Как жили без удобств, когда ребенок родился... — Она вздохнула. — Как Романов пришел и Гришу главным поставил, как обхаживал. Как в передовые комбинат стали выводить...

— А наказание?

— Шесть лет. Гром с ясного неба... — Она достала платок, поднесла к глазам. — А что у вас?

Денисов представился, она безразлично взглянула на него.

— Я ждал, чтобы поговорить. — Он одной фразой рассказал о случившемся на платформе. — Несчастный случай с человеком, который перед тем разговаривал с вами. Мы не знаем, кто он, не можем оповестить родственников...

Она вспомнила:

— Мне говорили: нашли на перроне мертвого...

— Что он рассказал о себе?

— Жаль, что вы потратили время: ничего! Мы и говорили-то полминуты.

Ближе к центру людей на Пушкинской становилось больше, Денисова и его спутнику оттеснили к зданию постройки начала века — скучному, вглядывшему пустым, никто в него не входил. Женщина осталась одна.

— Посидеть бы, — сказала она жалобно: туфли были новые, очевидно, тесные; старые селились в газетном свертке, на вокзале.

Денисов открыл дверь в подъезд, внутри здание оказалось таким же пустым, скучным; лифт не работал, пока Денисов с женщиной стояли в вестибюле, никто ни разу его не вызвал.

Женщина сняла туфли, встала на кафедру:

— Какое облегчение... Господи, о чем думаю, когда горе такое! Гриша в тюрьме! — Она достала носовой платок, под-

несла к глазам. Денисов лучше рассмотрел ее: лет тридцати, с аккуратными, словно выточенными чертами маленького лица, называемого кукольным.

— Этот человек на вокзале сам подошел? — спросил он.

— Да. Позавчера.

— Вечером?

— Около десяти. Я сидела недалеко от справочного бюро...

Знаете?

— Да.

— У меня тетрадь, я в нее записываю. Готовилась к приему у прокурора... — Она вздохнула. Подумав, достала из сумки коленкоровую тетрадь, бросила на кафель, под ноги. — Чтоб не застудить. Все равно нечего записывать.

— Не надо отчаиваться.

— Так думаете?

Они помолчали, она продолжила:

— Подошел, полюбопытствовал, что пишу. «Не стихи?

Давно наблюдаю за вами...»

— Вы рассказали о своем деле?

— В двух словах. Он извинился. Минутное вокзальное общение.

— Кто он, по-вашему? Откуда?

— Понятия не имею. Человек интеллигентный, воспитанный. По-моему, ждал поезда.

— Он был один?

— Да.

— С вещами?

— Держал портфель. Довольно старый. — Она замолчала.

Рядом с лифтом висело несколько вывесок, они объясняли малонаселенность подъезда, отсутствие детских колясок, хлопанья лифта:

«Фирма СОРИС — Франция
Промышленные реализации и торговля.
3-й этаж, кв. 21».

Другая вывеска принадлежала «Пренса-Латина» — «Латиноамериканскому информационному агентству».

— Вы видели его всего раз — когда подходил?

— Что вы спросили? — Мысли ее снова были поглощены своим.

Денисов повторил.

— И потом видела. И до этого тоже. За сутки многие примелькались. Он в том числе.

— Вам показалось — он сутки провел на вокзале?

— Появлялся, исчезал. Я припоминаю. Его будто что-то тяготило. Не находил себе места. Из зала — на перрон, снова — в зал. Ночью видела на платформе.

— Одного?
— Шла посадка. Мне кажется, он был один.
— С портфелем?
— Не обратила внимания. Вокруг суета, носильщики...
Вспомнила! Стоял один. Закрыв глаза рукой. словно ему плохо.

— Вы заметили многое. Спасибо.

Женщина посмотрела на часы, заспешила:

— В юридическую консультацию надо бежать. — Она ногой нащупала туфлю.

Денисов достал визитную карточку:

— Вы ведь вернетесь на вокзал. Пожалуйста, найдите меня. Или позвоните. Надо записать. Может, что-нибудь еще вспомните. Сейчас все важно. Любая мелочь.

В автомате на углу он набрал номер дежурного:

— Из ОБХСС мне ничего не передали?

— Есть. Читаю: «Вчера после смены видели на вокзале».

— Понял. Сальков в отделе?

— Носильщик? Только что приехал с Ниязовым. Оба у Королевского.

— Пусть не отпускают. Я сейчас буду.

— Интересно... — Сальков обвел глазами арочный свод, стрельчатые с широкими подоконниками окна. — Никогда здесь не был. — Все, кто попадал в не подвергнушуюся реконструкции старую часть вокзала, говорили то же и в почти одинаковых выражениях. — Только мрачновато.

— Начало века, не знали, какими строить вокзалы... — Денисов отвечал всегда одинаково. — В сауну попал?

— Да нет.

— Не встретился с приятелем?

— Встретился. — Сальков поднял белесые глаза, ресницы над ними были еще светлее, как выгоревшие; старался понять, куда клонит Денисов.

— Он из наших, с вокзала?

— Нет. — Денисов почувствовал небольшое, совсем незаметное напряжение. — Ты его не знаешь... — Красноватое лицо носильщика повернулось к окну. Сальков явно предпочитал темы, связанные с вокзалом, со станцией. — Третью платформу совсем не убрали. У нас в бригаде строже... — В отсутствие поездов носильщиков привлекали к уборке. — У Романа не отсидишься!

Денисов выслушал комплименты Салькова в адрес родственника-бригадира:

— Скажет только: «Шестьдесят пятый, сорок восьмой, пути убрать!» Мы уж бежим!

Роман был коренастый, с желтоватыми на широком неподвижном лице глазами; носильщики слушались его беспрекословно.

— Жетоны вам закрепили постоянно? — спросил Денисов.

— Теперь постоянно. Раньше, какой дадут: сегодня сто седьмой, а завтра двадцатый...

— У тебя, по-моему, всегда был сорок шестой.

— Это точно. — Сальков осторожно вздохнул, взглянул на часы. — Время-то как бежит, сейчас бы в зал куда-нибудь. В футбол постучать.

— На этой неделе игр нет?

— Из Видного ребята договаривались на субботу. Наверное, что-то не получилось.

— С Малаховкой играли?

— С Малаховкой? Нет. — Сальков продолжал томиться, снова посмотрел на часы — легкие, с кнопочками, соединенные с пластмассовым браслетом.

Денисов поднял трубку — напрямую соединился с дежурным:

— Степанов здесь?

— И Инесса. И родители тоже. Вроде все устраивается. Все согласны.

— Кроме ее матери?

— Ее пока не спрашивали.

— Степанов пусть не уходит. Через несколько минут я позвоню. — Он положил трубку.

— Не Татьяна приехала за мной? — Сальков кивнул на аппарат.

— Нет.

— Волнуется. Я говорю: «Чего волноваться? Труп обнаружили на вокзале. Я шел, увидел...» — Он изменил тон. — Не установили, откуда пострадавший, чей?

— Нет.

— Установите...

— Вчера приезжал на вокзал?

Сальков подумал:

— После смены? Приезжал.

— Зачем?

— Дело одно.

— Важное?

— Так... — Он уже, не скрывая, намекнул на желательность прекращения разговора. Поднялся. — Побегу, пожалуй?

— Хочешь, скажу, зачем ты приезжал на вокзал?

Сальков снова сел. Тронул белый пушок на подбородке.

Телефонный звонок был некстати. Звонил эксперт-криминалист — разыскивал следователя; на худой конец был не против порезонерствовать со старшим опером, располагал для этого достаточным временем:

— По поводу заключения. С судебным медиком мы пришли к единому мнению. Такое бывает нечасто. Как считаешь?

- Наверное.
- Тебя познакомили с содержанием?
- Отчасти.
- Только частично?! С совместным заключением судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертиз?! Я правильно понял?!
- Да нет.
- Это же важно! Наличие копоти и порошинок в объеме, указанном нами, свидетельствует о том, что выстрел был единственный! Явившийся смертельным! Произведен непосредственно на месте обнаружения трупа. В упор... Понимаешь, в упор! А учитывая странность его поведения...
- Звонок эксперта повлек серию коротких и длинных суматошных телефонных переговоров.
- Из лефортовского морга позвонил Кравцов, ему, как и Денисову, тоже было неудобно разговаривать. Предпочел объясниться обиняком:
- Жаль, что мы не можем узнать о настроении пострадавшего...
- Именно о настроении? — Кравцов и криминалист-эксперт говорили примерно об одном и том же. — Не ошибаешься?
- Нет. Понимаешь меня?
- Был ли чем-то подавлен в предшествующие сутки?
- Именно. Не высказывал ли тяжелых мыслей, разочарования...
- Кравцов намекал на возможность самоубийства.
- Возможно такое направление?
- Скорее всего. Подробности по приезде.
- А что медик? — Вопросы о роде смерти — убийство, самоубийство — были вне компетенции экспертов, но их мнение принималось во внимание.
- Считает наиболее вероятным. «Не удивился бы, узнав, что была записка: "Никого не винить..."»
- Следующим в трубке раздался женский голос:
- Товарищ Денисов? — Это Савченко... Вы подходили у Прокуратуры Союза. Насчет человека на платформе.
- Да, да. Где вы?
- В юридической консультации. Звоню, чтобы не забыть.
- Слушаю.
- Я подумала. Мне кажется, человек тот кого-то ждал.
- На вокзале?
- Да. Кто-то должен был приехать. Поэтому не уходил от справочного бюро. Там ведь «место встречи»! Когда объявили: «Пассажир такой-то, подойдите к справочному бюро...» — даже вздрогнул.
- Его не объявляли?
- Нет. А по разговору он откуда-то от нас! Южанин. Все, что я вспомнила, пока ехала...

Сальков ждал окончания переговоров, взгляд белесых глаз был тревожен.

— Еще минуту. Извини... — Последний звонок, в дежурку, Денисов сделал сам. — Степанов ждет?

— Да.

— Сейчас я решу: нужен он или нет. — Денисов положил трубку. — Степанов — тот парень, что просил у тебя закурить, — объяснил он Салькову. — За платформой. У элеватора. Помнишь?

— Ну. — Ответ ни к чему не обязывал.

— Степанов подтвердит, что ты следил за пострадавшим. Тебе что-то было известно.

— Откуда, Денис?!

— Есть еще очевидец...

Им снова помешали. В трубке раздался женский голос, мило коверкавший «л» и «р»:

— Это Елена Дмитриевна Сазонова. Вы Денисов? Николай Алексеевич стоит рядом, передает вам привет и дергает за руку с тем, чтобы я уложилась в отведенные три минуты. Он считает, что я немножечко языкатая... Ничего, что я позвонила? Мы все время думаем о том человеке. Семья его нашлась? Нет? Можем мы чем-то помочь? Николай Алексеевич мог бы написать своим друзьям. Может, кто-то бы откликнулся? От кого-то же он узнал про Окуневых, про нас!

— Мои товарищи этим уже занимаются...

— А еще мы приглашаем вас приехать. В любое удобное для вас время. Конечно, вы заняты. Я помню, как сама работала и с первой полочки купила маме заварной чайник, а себе — длинные, по локоть — белые перчатки... Николай Алексеевич дергает меня. Закачливаю. Вы хотели поговорить с домоработницей. Я звонила ее свекрови: Зоя Федоровна приедет завтра...

Сальков с трудом дождался окончания разговора:

— Ты хотел что-то сказать, Денис?

— А ты?

— Что я могу добавить?

— Я знаю, зачем ты после смены приезжал на вокзал.

— Я?!

— За оружием. Ты подобрал его на платформе. Рядом с трупом. Спрятал. А на другой день приехал и взял.

VIII. КИЛОВАЯ ГОРА

Территория ближайшей автостоянки была отгорожена от дороги металлической сеткой. У шлагбаума, на скамейке, вязала носки женщина-вахтер, за будкой дремала овчарка. Чуть сзади высились двухэтажное административное здание, напоминавшее железнодорожный блокпост.

«Нет, — понял Денисов. — Машина, к которой Ланц ночью

сопроводил незнакомца, стояла не на стоянке. Ланца сюда бы просто не впустили!»

— Поставить машину можно? — Он поздоровался.

Женщина оставила спицы:

— Если вы с турбазы.

— Да нет.

— Сожалею...

— А если припарковать вот здесь, у дороги?

— Оставлять машины в Планерском можно только во дворах. И на стоянке. — Она снова взялась за спицы. — На дороге — ни в коем случае. С этим строго. Погранзона.

— А ночью?

Вопросы, которые Денисов задал дежурной, были просты и наивны, и ответы на них были очевидны для всякого, кроме приезжего.

— Ночью тем более. Патруль!

— И на пару-тройку часов?

— Все равно.

— Какой же выход?

— Автокемпинг! — Она кивнула на дорогу. — Здесь недалеко. Двести метров.

Въезд в кемпинг выглядел солидно: тоже вахтер, контора, прейскурант. Написанные крупно объявления об услугах:

«Машино-место 3 × 5 метров...
установление палатки...
коммунальное обслуживание...»

Дальше, по ту сторону забора, начинался городок, который Денисов наблюдал накануне вечером с моря — разнообразие машин, цветные скаты палаток, длиннющие умывальники; известные приметы бивачной жизни.

В вахтере Денисов сразу узнал отставника-милиционера — на нем были форменные, ведомственного пошива туфли, удобные в носке, каких не увидишь ни в одном магазине.

— Здравия желаю... — Денисов представился по форме, показал удостоверение.

— Транспортная! — ахнул отставник. — Так я же из линейного отдела на станции Симферополь. Двадцать восемь лет на «железке», не считая армии... — С этой минуты на правах офицера транспортной милиции Денисов мог полностью на него рассчитывать.

— Давно открыли кемпинг?

— С весны. С восемнадцатого мая. Уж пять тысяч машин прошло!

— Издалека?

— Считай, что со всего света. — Он принялся перечислять:

— Днепропетровск, Борисов, Дрогобыч...

— И все оформлены?

— А как же?! «Книга № 1 по регистрации автотуристов».

Полный порядок. Каждому водителю под расписку «Правила по технике безопасности». У нас строго. — Он показал на плакаты.

Денисов прочитал:

— «Регистрация аквалангов и резиновых лодок — срок 2 суток», «Запрещается играть на музидрументах, включать радио с 23 до 6 часов»...

— На одни сутки тоже можно оставить?

— Хоть на час! Лишь бы оформлен был!

Денисов рассудил:

«Путевка у Ширяевой с 28 апреля по 24 мая. Кемпинг открылся 18 мая. Шесть дней работал при Ланце...»

— Я бы взглянул, как ведется оформление.

— Сделай одолжение.

Из окошка деревянного административного домика появилась «Книга № 1», Денисов просмотрел записи, сделанные за первую неделю после открытия:

«Всего пять машин...»

Все графы были четко заполнены — данные владельца, регистрационные номера, количество автотуристов...

Люди, первыми пользовавшиеся платной стоянкой, были издалека, устраивались прочно, с палатками, с детьми.

«Похоже, человек, через которого Ланц намеревался войти в компанию Веды, — подумал Денисов, — предпочел избежать регистрации...»

Клочок чистой бумаги все висел на дереве с объявлениями, заменив уведомление «Приезжают завтра». Ниже, на вырванном из тетради в клеточку листке, появилась новая корреспонденция, начинавшаяся эффектно: «Наде из Перми!»

Денисов прошел дальше. Из-за угла навстречу ему вывернулся бородатый человек, подошел к почте, подергал дверь — она не открылась. Желавших звонить из автоматов не было — не работала междугородная связь.

«Лина не поверит», — подумал Денисов. Он представил ее интонацию, жест. «Не понимаю: как можно?! Помнить и не найти времени позвонить?!»

Вместо московского Денисов набрал номер отделения милиции в поселке, трубку по обыкновению снял старший опер:

— Пашенин, слушаю.

— Денисов. Начальник у себя?

— Пашенин стал нудно уточнять:

— По какому вопросу?

— Я по поводу телеграмм из Харькова в Дом творчества на имя Настасьевой. Ответ на мой запрос...

Было уже около десяти. Припекало. День обещал снова быть жарким. К пляжам шли люди.

Денисов знал, что смущает коллегу:

«Лымаря нет, корреспонденция не рассмотрена...» Хотя инициатором запроса в Харьков считался Денисов, бумаги, приходившие в отделение, адресовались начальнику.

— Жду, — напомнил он.

Пашенин комплексовал, стеснялся, от этого держал себя самоуверенно, даже заносчиво. Наконец он решился:

— «На ваш исходящий...» Так... — глухо зачитал старший опер. — «Сообщаю, что обратный адрес на бланках телеграмм, направленных в Дом творчества «Коктебель» на имя Настасьевой...» Тут перечисляются даты, номера. Так... «Указан несуществующий...» — Пашенин счел долгом пояснить. — Такого адреса в Харькове нет... Бланк телеграммы 1235 подписан «Ланц»...

— Ланц?

— Да. «Проверкой адресному столу лицо с указанной фамилией прописанным в Харькове не значится. Зам. нач. отдела». Подпись.

— Все?

— Да. Желаю успеха. — В конце он расщедрился.

Веда и Георгий ждали Денисова у входа в столовую. Встревоженные отошли к парапету. На Веде было яркое цветное кимоно, которое ей шло, на нее обращали внимание.

По-видимому, накануне Денисов не очень осторожно интересовался Ширяевой, потому что режиссер сразу же сказала:

— За Наташу я ручаюсь. В высшей степени порядочный человек. Блестящая переводчица. Практически переводит с трех главных европейских языков. Несколько месяцев стажировалась во Франции, потом ее мужа перевели советником в Грецию...

«Все имеет свои причины, — подумал Денисов. — Потому и площадь Вогезов, останки храмов Аполлона в Коринфе и в Дельфах...»

— С мужем она рассталась. Это уже другая история.

— Она приехала в Коктебель одна?

— Да. Почти все вчера без исключения проводила с нами.

— Да, — подтвердил муж. — Милейший человек... — В этот раз у него не было оснований для беспокойства. — Просто редкостный...

Кто-то из проходивших по набережной окликнул Веду. Она извинилась перед Денисовым и мужем.

— Одну минутку...

Внизу, в бухте, обозначилось оживление, высыпали в море водные велосипеды. Прямо впереди разворачивался катер, на носу у него что-то сверкало, он шел в сторону Карадага.

— И все-таки... — Денисов дождался ее возвращения, заговорил первым. — У нее в Коктебеле, по-видимому, был родственник. Возможно, племянник.

Веда уверенно отвела предположение:

— Это ошибка. Я знаю их семью. Родственник есть у Сусанны. У ее тети.

— Он тоже был в мае?

— Николай? Он всегда здесь. Живет на даче у Сусанны. Здесь рядом. На улице Десантников.

— Где именно?

— Недалеко от спасательной станции. Знаете?

— На горе?! — Речь, без сомнения, шла о том самом доме — «даче, в которую входил человек, заинтересовавший Ланца той ночью...»

— Да. Это дача художницы Сусанны Роша. Вдовы Роша, как ее еще называют. Грант Роша, ее муж, был скульптором.

— Огромный дом с садом? — Денисов хотел убедиться.

— Да, да. Все обращают внимание. Она купила в ту пору еще, когда это стоило не так дорого...

— Прекрасный дом, — вставил муж Веды — Георгий.

— Сусанна — чудесная хозяйка, хотя ей хорошо за восемьдесят. Обычно в доме всегда люди. Подруги, друзья. А иногда и совсем малознакомые люди. Можно сказать, чужие. К ней все идет. Кстати, Наташа и Сусанна Ильинична вот-вот должны приехать в Коктебель.

Денисов задумался.

— Надолго?

— На пару дней, не больше. Дело в том, что дача юридически теперь Сусанне не принадлежит. Она ее продала.

— Давно?

— В мае. Как раз в прошлый наш приезд.

Взаимоотношения людей, которыми он интересовался, все больше переплетались и запутывались, а приезд Ланца в Коктебель оказывался во временном ряду с таким событием, как продажа огромного и, видимо, очень дорогого дома.

— Выходит, Роша едет как квартирантка?

— Нет. Покупатель полностью еще не рассчитался.

«Все это необходимо расставить по полочкам...» — подумал Денисов. Однако главная новость ждала его впереди:

— А теперь насчет того человека на фотографии, — сказала Веда. — Я вам все могу о нем сказать. Зовут его Александр. Саша. Фамилию вы можете узнать у Михаила Мацея, поэта. Он из Харькова. Улетая, Александр по просьбе Мацея прихватил с собой его сынишку. В Харькове их должна была встретить жена Мацея...

— Кто он? Ширяева что-нибудь рассказала о нем?

— В двух словах. Пробует себя в литературе. Хороший человек. В нашей компании он не был...

Дальнейшее было делом чистой техники.

Наиболее профессиональным представлялся путь через

агентство воздушного флота, авиакасса, снабжавшую билетами отдыхающих Коктебеля в мае, через списки пассажиров рейсов Симферополь — Харьков. Но Денисов сразу же от него отказался.

Мимо авиакассы и людей, молча ожидавших регистратора у клумбы с каллами, мимо теннисного корта и писательского корпуса с глубокими открытыми террасами он снова вышел на набережную.

Поэта Денисов встретил у дома-музея Волошина, Мацей вышел из калитки.

— Доброе утро!

— День добрый. — Он курил трубку и был явно доволен собой. — Встать рано, поработать на рассвете, потом походить... Что лучше этого? Коктебель еще пуст, на набережной ни души... Вы птиц слышите по утрам? Спать не мешают?

Денисов покачал головой.

— Такой щебет! Вы послушайте!..

— Нет, нет! У меня заботы чисто... прозаические... — Он чуть не споткнулся на этом слове — известном, но никогда не употреблявшемся им раньше — совсем не из языка оперативных уполномоченных. — Скажите, вам приходилось когда-нибудь отправлять ребенка самолетом? Сложная это вещь?

— Приходилось. — Мацей, уступая дорогу, посторонился, коснулся Денисова животом — жестким, как каучук. — У меня так было с сыном от первого брака. В этом году. Я брал его сюда с собой — немного погреть на солнышке...

— Отправляли со знакомыми?

— Как сказать... Я искал попутчика, потом случайно разговорились с одним у кассы. Он согласился.

— И до этого не знали?

— Вообще-то видел. Он сидел в столовой за моей спиной.

— И послали с совершенно чужим человеком!..

— Детей, по-моему, у нас еще не воруют, — со знанием дела отверг Мацей. — Кроме того, я знал фамилию. Он наш, харьковчанин. Геолог или археолог.

— Не Ланцберг случайно?! — подкинул Денисов. — Ему всегда везет на такого рода поручения...

Мацей взглянул удивленно:

— Волынцев...

«Ну, конечно! — Денисов не почувствовал радости открытия, лишь досаду. — «Л», «н» и «ц» — формирующие буквы псевдонима и имени! Надо было лишь внимательно вчитаться в список отдыхающих». Недогадливость стояла ему лишним сорока восьмью часам!

— Волынцев Александр Андреевич. Знакомы?

— Он отдыхал у нас... — Лицо молодой женщины-регистратора снова не выражало ничего, кроме вежливого внима-

ния и долготерпения. — Путевка была на другое имя. На месте переоформили. Он подал заявление.

— Первоначально путевка выдана члену Литфонда?

— Нет. В обкоме союза. Здесь все есть.

Денисов достал блокнот, аккуратно перенес:

«Волынцев Александр Андреевич. Город Харьков... улица... дом...»

— Теперь, пожалуйста, посмотрите, кто был его соседом. — Денисов усвоил, что по одному в Коктебеле жили только писатели. — Дайте мне его адрес.

— Сутыгин Арсений Иванович... — Несмотря на неоднократные встречи, регистратор так и не изменила вежливому, почти безразличному тону. — Не первый раз в Коктебеле... Москвич. Вот адрес. Телефон записывать будете?

«Человек, о котором ничего не могу предположить, — Денисов вдруг подумал о ней. — Замужем? Удачлива? Есть ли дети?» Он на секунду отвлекся.

— Телефон тоже, пожалуйста...

Он попросил еще установочные данные на всех пятерых соседей Ланца по столовой — все это было тут же безропотно ему предоставлено.

— Строева Маргарита Алексеевна... Успеваете? Зарипов Шукурбек...

Он поинтересовался горничной, убиравшей номер Волынцева, хотел было переписать и других соседей по корпусу, но в последнюю минуту передумал, воспользовался телефоном регистратуры, сообщил дежурному по милиции адреса установленных им свидетелей и текст телеграфных запросов, которые следовало срочно отправить.

— Больше не смогу ничем вам помочь? — кротко осведомилась регистратор, — долгое общение с творческими работниками выработало в ней почти ангельское терпение.

— Все. Извините за беспокойство. Спасибо. — Он поднялся, посмотрел на часы. Пора было идти с участковым к даче Роша.

Встреча назначена была у ворот Дома творчества, рядом с мастерской по огранке камней.

Но участкового Денисов так и не дождался, вместо него Лымарь прислал все того же старшего опера.

Пашенин приехал на ярко-желтом милицейском «газике», привлекая к себе общее внимание. Выйдя из него, он тут же смешался с отдыхающими, и только потом — за что Денисов был ему благодарен — направился к Дому творчества.

Была самая жара. Пашенин появился в джинсовом костюме, в кроссовках, в белых носках, входивших в моду.

— Мои запросы ушли? — осведомился Денисов.

— Да. Дежурный передал в Судак, оттуда телетайпом по

назначению... Сегодня будут на месте. — Пашенин поздоровался со сторожихой у входа, спросил Денисова: — Я надолго нужен?

— Нет, тут рядом.

Аллеями Дома творчества они вышли на набережную. Старшего опера здесь знали. Шумные компании местных парней — босых, загорелых, с клешнями крабов на шеях — расступались, давая дорогу.

Из-за невысокого решетчатого забора Дома творчества пахло сеном, в дальнем, не засаженном деревьями углу косили траву.

— Итак, дело сделано? — спросил Пашенин.

— Это по поводу Ланца?

— Да. Ланц, Волынцев... Опорные буквы в обеих фамилиях одни и те же.

Денисов обернулся. Он шел немного сбоку и впереди:

— Заметил?

— Да.

— Молодец.

— Еще далеко?

— Да нет. Рядом.

На солнцепеке, впереди, показалась уже знакомая, выкрашенная белым спасательная станция. Она походила на жарко натопленную русскую печь. С агитрисунка смотрели сумасшедшие, навывкате, глаза плывущего спасателя. В последнюю минуту он словно мучительно вспоминал перечисленные тут же, на стене, «приемы освобождения от захвата тонущего».

— Дальше музей планеризма. — Пашенин заскучал. По-видимому, времени у него действительно было не так много.

— Аварийный пляж. Карадаг, запретная зона.

Среди деревьев, на горе, мелькнула помидорного цвета выгоревшая черепица, черный, в форме пиратского брига, флюгер.

— Вот этот дом. — Денисов замедлил шаг.

Они сразу свернули за угол, дача осталась над ними — большая, почти полностью закрытая садом. Метрах в пятидесяти, у кафе, остановились.

— Знаешь хозяев? — спросил Денисов.

— Этой? На киловой горе?

Пашенин объяснил:

— Кил — разновидность отбеливающих глин, горная порода.

— Он словно только сейчас понял, о каком строении идет речь.

Они смотрели вдоль тротуара, чтобы интерес к даче не бросался в глаза. Улица Десантников не была ни самой просторной, ни самой чистой, у кафе валялось бесчисленное количество битых тарелок; на заборе, сбоку, вывешен был пожарный щит — крючья, лопата, металлический багор — все чистенькое, ни разу не побывавшее в деле.

«В траве лежал багор, наподобие пожарного... — Денисов

вспомнил рукопись. — Я забыл, что у людей свои корысти, дела». И дальше: «Когда-нибудь мы посмеемся над перипетиями этой ночи...» Кто «мы»? — подумал Денисов.

— Дача вдовы Роша, — объяснил Пашенин. — Или, как ее называют, мадам Роша.

— Недолюбливают?

— Наоборот. Дети вообще без ума от нее. Из своих поездок привозила им пистолеты, пистоны.

— Внутри приходилось бывать?

— Смотрел. — Он уклонился от ответа. — В середине большая комната, гостиная. Справа две небольшие, изолированные, коридор. Все комнаты выходят на застекленную террасу... —

Старший опер все больше нравился Денисову, он даже готов был простить ему холодность при их первом знакомстве. — Дальше — вроде палубы. Как раз над спасательной станцией. Как капитанский мостик. Во дворе сарай, мастерская. Столярная или слесарная. Сама Роша прописана в Ленинграде. Живет то там, то у нас. То в Киеве, у подруг.

— В Планерском подолгу?

— Наездами. Обычно три-четыре раза в году. Тогда тут шумно. Старики, молодежь. Знакомые... — Пашенин повел кроссовкой, залюбовался белизной носка. — Из Курортного, со Старого Крыма. И здешние — из Дома творчества. У нее тут все друзья. Телефон не умолкает.

— В доме телефон?

— Да. В газете о ней недавно писали. Я сам читал.

— А что за газета?

— Районная, «Путь Ильича», за май. «Помогает молодым литераторам, художникам...»

— Когда она бывает в Планерском?

— Обычно? Весной. На лето, в жару, уезжает под Ленинград. В Репино. Или к сестре. А случается, бросит все и сюда.

— Но сейчас этому конец?

— Вы о чем? — Пашенин не понял.

— Продает дачу. Если не продала.

— Это известно.

— Не беспокоит?

— Тревожащих сигналов пока не было. Это я в отношении уголовников. Оперативная обстановка у нас не очень сложная.

— Роша получила деньги в мае?

— Половину. Вторую должны еще выплатить. А может, уже получила.

Мимо прошла компания курортников — в шортах, в купальниках. Женщина, шедшая последней, несла включенный транзистор. Курортницы давно уже не было, а звук бит еще стоял в воздухе, не исчезал.

— Поднимешься со мной? — Денисов показал на гору, возвышавшуюся по другую сторону дачи.

— Действительно спешу. — Пашенин явно сожалел. —

Кроме того, меня многие знают. Привлечет внимание... Хотя вообще-то хозяевам нравится, когда приходят смотреть.

— Даже в их отсутствие?

— Калитку обычно не запирали.

— У Роша есть родственники?

— По крайней мере двое. Женщина, переводчица, эта приезжает один-два раза в год... — Про Ширяеву старшему оперу было известно мало, он сразу перешел к мужчине. — Еще родственник по линии умершей младшей сестры, инженер... Он постоянно здесь. Занимается хозяйством, за поваря и за шофера. Он и садовник. Эти деревья вокруг дачи сам посадил. Даже березы.

— Какая машина у них?

— «Волга». Двадцатьчетверка.

— А куда ездят?

— Куда захотят. В Старый Крым. В магазин. В бухты. Еще в Судак.

— Где она обычно стоит?

— У дачи. В гараже.

— А в автокемпинге, на стоянке?

— Ставят и там. Его все знают. Он, бывает, сопровождает старуху. Как в этот раз... Пока их не было, с весны машина была на стоянке.

— Родственник — блондин? Высокого роста, в очках?

— В очках, блондин. Но полноватый, приземистый. Лет тридцати.

Денисов подумал:

«С портретами персонажей автор эссе мог поступить как ему заблагорассудится...»

Они отошли к пожарному щиту, чтобы не мешать возвращавшимся с пляжа выстраиваться в очередь у кафе. Несколько беспризорных, разучившихся лаять собак посторонились, давая место.

— Он работает?

— У него производственная травма, инвалид.

— Как же водит машину?

— Не мешает. Живет один. Чудак, коллекционер. Часто вечерами на набережной. А то у рыбаков. Он у нас прописан, в Коктебеле. И пенсия ему идет на Судак. Там знакомая у него... — Как старший опер Пашенин был неплохо обо всем информирован. Денисов оценил это. — У тебя нет больше вопросов? — Пашенин впервые обратился на «ты», как заведено между розыскниками.

— Еще о родственнике. Я хочу, чтобы произвели проверку, запросили материалы. Оснований особых нет. И все-таки... Прошлый образ жизни, материальное положение. Он не племянник?

— Нет. Седьмая вода на киселе.

— Имеет право собственности на часть дачи?
— Нет. Дача целиком — Роша.
— Ты сказал о нем — коллекционер. Филателист, нумизмат?

— По-моему, все собирает. Подряд.
— И оружие?

Испанское название пистолета, из которого произведен был смертельный выстрел на платформе, постоянно забывалось. Но в следственном поручении оно было приведено полностью:

«Установить источник приобретения пистолета «фабрик... д'армес...». — Часть слов Денисов не запомнил. — «Пума...» И так далее».

— Оружия как такового не видел. — Пашенин задумался. — Но фотографии пистолетов, справочники... Это есть.

— Я понял. Они надолго сюда?

— Роша? Мне говорили, на день. Максимум на два. Чтобы покончить с формальностями.

За деревьями дома не было видно.

Денисов вернулся к спасательной станции, против нее начиналась отвесная тропинка, шедшая вверх по периметру дачи.

Участок оказался обнесенным колючей проволокой, кое-где слетевшей с завалившихся кольев. Метрах в двадцати, вверху, на тропинку выходила калитка с надписью, оставшейся от оных времен: «Злая собака».

Денисов поднялся на вершину невысокой горы, она была лысой, почти напрочь лишенной растительности. Несколько коз, пасшихся в отдалении, подняли головы. Что они находили среди выгоревших сухих колючек?

Нещадно палило. Внизу у ног Денисова была дача — дом, дворовые постройки. Там чувствовалась прохлада. Часть прилегавшего к дому двора была пуста, остальную занимал сад — густой, буйно разросшийся. Дверь в дом была ярко разрисована. Еще Денисов увидел внизу старинный фонарь, наподобие тех, что установлены у Большого театра; этот висел над входом.

«Интересный обзор...» — Денисов огляделся.

Черный, в форме пиратского брига, флюгер на крыше бездействовал, постоянно показывал на море. Там, на границе неба и воды, шло судно, оно едва виднелось.

Над аварийным пустым пляжем планировали чайки.

Дойдя до калитки с надписью «злая собака», Денисов толкнул ее, спустился к даче.

Вблизи она оказалась еще более необычной. Старинный фонарь, канаты, несколько ржавых морских якорей, остатки разбитого шлюпа.

«Должно быть, найдено на берегу...» — подумал Денисов. — Бом-бом... — пробили часы в запертом доме.

«Завели те, кто убирал дачу, — догадался Денисов, — к приезду хозяев».

Он осмотрел сад. Несмотря на жару, все деревья чувствовали себя хорошо, только несколько берез — им явно не хватало влаги — стояли без листьев. Трава под ними тоже пожухла. За кустами шиповника виднелся гараж.

«Ланц точно описал дорогу к даче, — подумал Денисов, — надо полагать, все другое указано так же верно».

Денисов вернулся к дому, теперь он смотрел на него с профессиональной внимательностью. Окно со стороны киловой горы было подведено под массивную металлическую решетку, система обращенных к калитке зеркал позволяла наблюдать за тропинкой. Входная дверь оказалась массивной, рисунок маслом во всю ее высоту изображал русалку, с одной стороны на груди был искусно замаскирован дверной глазок, с другой — кнопка звонка.

Простоявший в одиночестве дом оживал; едва закончили бить часы, внутри залился телефон — хозяев ждали.

Оперуполномоченного заинтересовала кнопка звонка — она была новой, видимо, недавно поставленной. Денисов нажал — к звуку телефона присоединился другой — резкий, пронзительный...

Но и он оказался не последним.

Денисов услышал вдруг в кустах негромкий шорох, шаги и легкий, почти неслышный металлический ляг калитки. Потом все стихло. Денисов быстро, напрямик, спустился к ограде, но никого не увидел. Похоже, кто-то неизвестный все время следил за ним из-за деревьев, пока он осматривал дачу...

Остаток дня Денисов провел вблизи спасательной станции, на набережной.

У аварийного пляжа гуляла молодежь. Станный длинноволосый человек, которого в этот вечер Денисов увидел в Коктебеле впервые, играл на непривычном инструменте, вроде волынки, а его молоденькая жена и их маленькая дочь, одинаково одетые, с распущенными косами, ритмично двигались в такт музыке, окруженные слушателями.

Машина, в которой приехала художница вместе со своими домашними, появилась рядом с киловой горой довольно поздно.

Против ожидания, на дачу Роша прошли всего несколько человек, компания Веды и ее мужа; еще был Мацей — в темноте Денисов узнал поэта по животу, детской шапочке. Примерно часа через полтора — уже после полуночи — гости удалились, фонарь над входом в дачу погас. Роша и ее родственники, устав, видимо, с дороги, из дома так и не вышли. Денисов оставил свой пост.

«Кто же был там тогда в саду? — Несколько раз в течение вечера он мысленно возвращался к тем минутам на даче, когда являлся сам объектом чьего-то внимательного изучения. — За кого он меня принял? За гостя вдовы? Почему не окликнул, предпочел уйти незамеченным?»

IX. «ЧАВА-КАКАВА!»

Электронный будильник на столе коротко пискнул. Денисов проснулся. Из всех сигналов, отмечавших ночью завершение каждого часа, он слышал всегда один. Последний, предупредительный.

Было еще темно.

Рукопись Волынцева лежала рядом, на столе. Он включил свет, наугад вытащил страницу из середины:

«— О чем ты думаешь? — спрашиваем мы друг друга каждую минуту, как дети. И каждый вечер я готов сказать: «Милая, я больше не могу!», а говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

«... Ты делаешь все открыто и шумно, как любимые дети и жены, «Легитим», «Законная»! У кого я подхватил это слово? Как сложатся наши отношения, если рукопись будет опубликована? А, Легитим?» Но она уже болтает о пустяках — о знакомой в театральной кассе, о слайдах. Ночь кончилась. Ничто не связывает патрицианку и раба, вместе проведенных ночь. И все же ничего не страшно, если из интерната можешь вернуться в Отчий дом!»

Денисов снова заметил: некоторые высказывания повторяются с едва заметными изменениями.

«Отчий дом! Ты здесь всегда желанен. Ты и брат, и ребенок, тебе лучший кусок с детьми. Тебя не предадут, за твою жизнь будут бороться. Обмоют после смерти. Кого хотел бы ты видеть рядом в последний свой час? В час, когда уходим... Каким нужно быть негодяем, чтобы обмануть глядящие с надеждой глаза, дрожащие губы, слышать несвойственное, бодрое: «Никуда тебя не отпущу!» Когда строишь на песке, рано или поздно, все равно приходится об этом жалеть...»

Страница содержала ноль полезной следствию информации. Денисов, однако, дочитал — снова пытался проникнуть в обстоятельства, заботившие погибшего.

«— Вечером встречаемся! — предупредила Анастасию подруга, критикесса по детективу. Ее постоянный спутник стоял рядом. У него неинтересная суетливая улыбка.

— Обязательно! — Легитим помахала рукой.

Я принужденно улыбался. Разговор шел, словно меня не было. Но бог с ними!

— Я уйду сегодня, Ланц! Наши завтра уезжают! Ты не очень обидишься?

— Нет.

— Правда, милый?»

Денисов впервые подумал о том, что «наши» — те, что «уезжали завтра», могли быть — вдова Роша и ее родственник Николай, тот, что находился при ней.

«А Веда, ее муж, Ширяева могла отправиться на дачу, чтобы проститься...»

Сам Ланц, поглощенный своими заботами, отнюдь не стремился к бытописательству, анализировал собственное состояние:

«Глупо обижаться на пулю, которая поразила. Виноват стрелок или ты сам. Пойдет ли сегодня Анастасия к подруге или нет, не имеет значения. Мы прожили разные жизни. Я потерял все. Потерял Отчий дом!»

«Мое уязвленное честолюбие, нескромность, остатки гордыни, которая, оказалось, не исчезла до конца, зависть, недружелюбие — все поднялось во мне вместе с этим чувством, рядящимся под самую первую и самую светлую любовь в жизни! Я не должен был возвращаться к идеалу далеких лет!»

«— Ты не умеешь радоваться тому, что есть! — говорит Анастасия. — Это твоя самая большая беда! — Иной раз она возвращается из гостей рано, треплет меня по плечу, как школьного друга. — Весь вечер я смотрела на часы — когда приличнее уйти. Так медленно тянулось время. Ланц, милый! Мы, как в девятнадцать лет. Потерпи, дорогой! Мне трудно изменить жизнь. Не торопи. Старые ценности возвращаются. У меня никого нет, кроме тебя...»

«Моя прелесть, моя любовь! Не ищи в этих строках ни упреков, ни жалоб. Как прекрасно любить тебя. Анастасия — единственная женщина, с которой я бы хотел всю жизнь быть вместе, никогда не узнать другой...»

Денисов оделся, заправил койку. Спрятал рукопись в пакет.

Чужая жизнь проходила рядом, фактически прошла, он не сумел ее ощутить, может, потому, что труп, лежавший ночью на платформе в Москве, прикрытый брезентом от дождя, и автор эссе так и остались для него мысленно разъединены.

Уходя, он оглядел номер — каждый, кто вошел бы в его отсутствие, не сразу должен был обнаружить следы проживания другого человека. Во всех командировках, всегда Денисов разнообразил свою жизнь — играл в оперуполномоченного-невидимку.

Когда он вышел, Дом творчества еще спал. Денисов напра-

вился по главной аллее к воротам. Незнакомая пожилая сторожиха дремала, просыпаясь, искала взглядом часы. Может, как и он, она плохо держала сон?

Три плана обнаружил литконсультант, знакомившийся с рукописью в Москве: «любовь», «тоска», «ревность».

«Пожалуй, есть еще два — четвертый и пятый!» — подумал Денисов.

Почта была закрыта, междугородные автоматы заперты навесными массивными замками; в связи с неисправностью на линии их так и не открыли.

Поселок начинал обычную деловую жизнь. У гастронома разгружалась продуктовая машина; росла стремительная очередь к кассе автостанции; на площади женщины-квартиросдатчицы в ожидании симферопольского автобуса с новыми курортниками лузгали семечки.

Денисов вышел на центральную улицу, милицейский дом был рядом.

Дежурный по отделению на тротуаре перед входом ловил первый солнечный луч — продрог. Увидев Денисова, он обрадовался:

— Почта есть. — Они прошли к столу у входа.

— А что ночь? На дачах тихо?

— Все тихо. И в поселке и по району тоже.

Телеграмм было несколько, Денисов просмотрел их наскоро, применительно к планшету, связанному с гибелью Волынцева, каким он мысленно его видел.

«...ширяева наталья кирилловна переводчица член союза писателей проживает с сыном... — Много Денисов уже знал либо представлял: установочные данные, адрес, характеризующие данные, — материалами на нее не располагаем характеризуется положительно находится творческом отпуске допросить в настоящее время не представляется возможным в связи с выездом».

«...волынцев александр андреевич сорока лет проживал харьков улица ...разведен детей нет член группкома литераторов образованию историк работал по договорам мая по август находился на полевых работах археологической экспедиции тувинской асср...»

«Отсюда тувинский орнамент рукописи, — понял Денисов. — «Тоджа», «Енисей», «Дань, собираемая неприязнительным тувинским небожителем...».

Он читал дальше:

«...материалами не располагаем мать пенсионерка длительное время работала администратором гостиниц проживает отдельно...»

«Ну, вот, — подумал Денисов, — система коммунального хозяйства. Это тоже ясно из рукописи... «Детский сад горкомхоза!»»

В помещении было и в самом деле холодно, как в погребсе, Денисов быстро продрог.

Хотя телеграммы были из Москвы и подписаны Бахметьевым, было нетрудно догадаться, что они дублировали ответы Харьковского уголовного розыска.

— Холодина. — Дежурный ежился под шинелью, не мог согреться. А за окном уже шли люди в купальниках и шортах, день обещал был жарким.

— Все? — спросил Денисов у дежурного.

— Все.

Горничная, убиравшая номер, в котором жил Волынцев вместе с напарником, оказалась пожилой, сухонькой, с узловатыми пальцами. В речи ее слышался неистребимый белорусский акцент.

— А ч а г о я знаю? Жил н е к т о, уехал. Полы вымыла, постель сменила. Ч а г о еще?

Они разговаривали на скамье у входа в душевую. В темноватом просторном холле за дверью кто-то пытался дозвониться по отключенному междугородному автомату, крутил и крутил диск.

— Этот человек? — Денисов достал посмертную фотографию Ланца, сделанную в морге.

Горничная долго и тщательно рассматривала ее, потом, заметно стесняясь, достала из халата очки, надела, отнесла фотографию дальше от глаз, также долго смотрела.

— Ну он... — Она спрятала очки.

— Фамилии его не знали?

— Нет.

— Разговаривали?

— С ним? А ч а г о разговаривать: скажу только: «Оставь ключ, приду, приберу...» — Выцветшие маленькие голубоватые глазки смотрели весело и лукаво. — Наше дело стариковское, их — молодое...

— А он?

— Оставляет. А я прибираю.

— Хорошо его помните?

— Хорошо... — Она замолчала, прислушиваясь к звуку беспрестанно поворачиваемого диска в автомате. Потом заметила: — Отключен, а все равно крутит! Видно, очень хочет дозвониться...

— Наверно. — Денисов согласился.

«Приветлива, с юморком, — подумал он о горничной, — такие все замечают...»

— У него в номере было два одеяла?

— По весне у всех два.

— Жил не один?

— Можно сказать, что один. У соседа жинка жила в поселке. Дак он поест и уходит. И ночевал там.

- А что этот? — Денисов поднял фотографию.
- Больше дома. Писал.
- Он писатель?
- Писатели по двое не живут.
- С кем-нибудь дружил?
- А разве я знаю?! Стирал себе сам...
- Вас не просил?
- Только раз. Боялся, что полиняет. — Она снова взяла из рук фотографию, отставила далеко от глаз. — Сорочку. — Горничная вернула снимок. — Тут белое, тут красное, тут синее. Будто заплат не хватило... — Она засмеялась.
- Вы его друзей ч а с о м не знаете?
- Старуха подумала.
- Нет. Видела пару раз с одним. С молодым. В парке. Он и в номер к нему раз приходил.
- А что за мужчина?
- Обычный. В сорочке, в шортах.
- Какой из себя?
- Молодой, блондин.
- В очках?
- Вроде в очках... — Она говорила чуть меньше того, о чем знала, и Денисову необходимо было каждый раз задавать новые вопросы.
- Худой?
- Да нет. Мускулистый. Ноги н а к а ч а н н ы е. — Она засмеялась.
- А лет сколько?
- Лет тридцать... Не больше.
- Откуда он? Из Дома творчества?
- Еще вчера, до посещения дачи, до известия о ее продаже казалось: «Установить личность Ланца — и гора с плеч!» Потом, как по цепочке, одна за другой потянулись другие задания следственного поручения от наиболее общих — «образ жизни», «материальное положение», «родственные, дружеские, интимные связи» — до максимально целенаправленных, а там, где-то в конце, уже мелькнуло знакомое: «Фабрик...д'армес... пума» и так далее... Но сегодня было уже важным знать — «кто был человек, которого Ланц случайно выследил ночью у дачи...!»
- Горничная покачала головой:
- Мужчину этого я в Доме творчества не видела.
- Он на машине приезжал?
- По тому, как старуха задумалась, Денисов понял, что она такой факт не исключает.
- А этот, что жил у вас, без машины?
- Этот так ходил. Пешком.
- Вам приходилось видеть его с женщиной?
- С я к о й?
- Вы же знаете! — схитрил Денисов.

— Видела. — Она посмотрела игриво. — А ч а г о? Нельзя?
Из холла прошла супружеская пара, пытавшаяся дозво-
ниться, — женщина недоуменно взглянула на них.

— Какая она из себя?

— Кругленькая, симпатичная... В очках.

— Молодая?

— Счас до шестидесяти все молодые. Наташа! Сусаннина
родня.

— Вы и ее знаете?

— А как же? Прибиралась у них раньше. Сейчас уж тяжело
стало — бросила...

Горничная оказалась золотым свидетелем.

— Вы давно ее видели? Сусанну!

— В ч а р а з а х а д и л а...

— Не спрашивали — долго она здесь будет?

— А завтра и уезжает... Дом-то уже чужой. Жилец новый
приехал — мелитопольский. Деньги получены...

— Много? Если не секрет... Наличными?

Старуха усмехнулась:

— Нам с тобой чужие деньги считать не годится. Хоть бы
и наличные! Целый сундук... Но у нее и расходы, не как у нас!
Правда? — Она вздохнула.

— Хотели о чем-то спросить?

Выражение лукавства на сморщенном лице исчезло, жен-
щина подняла лежавший у ног лист акации, показала на
фотографию.

— А ч а г о с ним приключилось? Убили? Или сам себя?

Когда Денисов подходил к даче, Роша садилась в машину
— седая величественная старуха, с многочисленными побря-
кушками на шее, с черными пронзительными глазами. Род-
ственник оказался приземистым, молчаливым, полным, с
пятнами на лице, он предпочитал держать руль в перчатках —
Денисов подумал отчего-то, что руки у него большие — в
красных маленьких пятнышках. Роша сказала ему несколько
слов, он с неожиданной мягкостью развернул машину, минуя
кафе, двинулся в направлении главной улицы.

«Был ли Вольтцев — Ланц в конце концов представлен
вдове Роша? — подумал Денисов. — Вряд ли...»

За скучным, похожим на школьное зданием тянулась
однообразная, зажатая холмами долина. В ней оказалась
учебная полоса, на вершине одного из холмов виднелась три-
гонометрическая вышка.

Денисов выбрал тропу, по которой давно не ходили, —
угрюмую, с окаменевшими следами весенней распутицы.

Он не стал гадать, куда на этот раз уехала Роша вместе с
родственником («В магазин? В Щебетовку? Попроцаться с
окрестностями?»), посмотрел на часы. Ему было необходимо
побыть одному.

Дорога свернула к холмам, начался подъем.

«Видел ли Волынцев по возвращении из тувинской экспедиции Ширяеву? — Денисов шел быстро, занятый картинками, проходившими перед его мысленным взором, другие — вокруг — едва замечал. — Должен ли был тоже приехать в Коктебель? Знал ли о предполагаемой продаже дачи? Почему, зачем двое суток находился в Москве, ночью, на вокзале?»

С вершины открылся вид на холмы, округлые, словно складки огромного стеганого одеяла. Внизу был хорошо виден поселок — большое украинское село, перенесенное с равнины в горную местность. По другую сторону виднелся пейзаж в духе скалистого Запада — обрывистый песчаный каньон. Казалось, вот-вот осыпятся пригоршни мелких камней и появится одинокий верховой, придерживающий поводья, — в шляпе, с кольцом и наручниками на поясе, с ружьем поперек седла.

Было тихо. На дороге вдалеке проехала грузовая машина.

«В Судак?» — Денисов не представлял карту здешних мест.

Зелень поселка уходила в воронку, пропадала среди гористых складок, профиль Волошина виден не был — лишь щербатые, отмеченные желтизной и ржавчиной камни-монолиты.

Денисов сел рядом с одним из них, достал рукопись, поправил загнувшийся в середину лист.

«Перст судьбы — он племянник...»

Теперь Денисов мог уточнить дату ночного знакомства Ланца с неизвестным.

«"Наши завтра уезжают", — сказала Ширяева. Это случилось накануне отъезда вдовы Роша из Коктебеля...»

Он оглядел местность. Вокруг была та же клочковатая растительность, что и на горе у кладбища, — невысокая, отстоящая друг от друга поляны; все сухое, чаще колючее, не вызывающее желаний коснуться.

Вдалеке, на дороге, в низине, остановилась легковая машина, Денисову показалось, кто-то вышел:

«Может, Роша с родственником? Решили проститься с окрестностями?»

Рукопись по-прежнему притягивала его — бесхитростное описание содержало некую оперативную информацию.

«Ты выдумал сказку о людях, которые живут легко и беспечно, Ланц, — говорит Анастасия, — и не можешь понять, что их нет или почти нет. Я, во всяком случае, к ним не принадлежу. Всю жизнь я либо училась, либо работала. Как все. Это все — результат твоей фантазии, миф, который ты создал в детстве. Эти люди отличаются от тебя тем, что умеют себя подать, коммуникабельны... Мой отец говорил: "Если человек не уважает себя, его и другие не уважают..."»

Внимание Денисова привлекли голоса — большая группа отдыхающих оккупировала вершину, готовилась фотографироваться. Прежде чем начался самый крик, Денисов перелистнул еще несколько страниц.

«— Что? Что надо? — Я подошел, когда он уже сидел в машине. Высокий, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган...»

Экскурсанты трижды прокричали «ура!», замахали руками. В этот момент их запечатлел объектив. Группа сразу рассыпалась. Денисов поднялся:

«И все-таки надо его искать в автокемпинге... Чего-то я не учел, когда приходил туда. Машина могла стоять только там...»

Под объявлением о регистрации аквалангов и резиновых лодок вахтер автокемпинга объяснялся с водителем «Запорожца»:

— Без оформления принять машину не можем. Ни на минуту... — Это был не отставник, с которым Денисов познакомился накануне, другой — молодежавый, в майке универсиады. Но говорил он абсолютно то же. — Нельзя!..

— Нам же ненадолго! — немолодая, в темных очках женщина — водитель «Запорожца» — вздохнула. На заднем сиденье дремал мужчина, должно быть, провел ночь за рулем.

— Свет оставят в машине, дверцы не прикроют, — ворчал вахтер. — А спрос-то с нас!

— Нам на час всего!

Дремавший на заднем сиденье мужчина уточнил:

— На полтора часа.

«Запорожец», как и его владельцы, явно нуждался в уходе — заднее стекло забросало глиной, диски колес, бампер — все было в грязи.

Из домика администрации кто-то вышел, вахтер подошел к окну кассы.

— Здесь погода все время такая? — спросила у Денисова женщина за рулем.

— Жара. Вы откуда? — Денисов не уходил, ждал, чем закончатся переговоры.

«В сущности, тому человеку, который поднимался в ту ночь к даче Роша, тоже надо было пристроить машину совсем ненадолго...»

— Мы из Мелитополя. По дороге такой ливень захватил...

«Тот, с Мелитополя... — подумал Денисов, — что покупает у Роша ее дачу, возможно, сейчас тоже где-то здесь, и его машина, возможно, тоже в глине».

За забором в палаточном городке для машин вдоль длинной стойки с общественным умывальником бегали дети.

Вахтер наконец освободился.

— Что с вами делать... Если только на час...

Денисов отошел, не желая мешать дальнейшему развитию событий.

— Самое большое два часа! — женщина достала кошелек.

— Вот там поставьте. — Вахтер незаметно показал на асфальтированную площадку между домиком администрации и шоссе.

«Понятно», — подумал Денисов.

Женщина уже выводила свою заляпанную ливнем машину на нейтральную полосу.

«Здесь он и оставлял машину, пока поднимался к даче Роша. Здесь, когда к нему подошел Ланц, он и дал объяснение, которое в тот момент опрометчиво посчитал удовлетворительным».

Из окошка административного домика постучали, кассир узнала московского оперуполномоченного:

— Что-нибудь нужно?

— Нет, пожалуй. — И все же спросил: — Роша вам оставляла машину? Художница. Знаете ее?

— Своих мы всех знаем. Сставляла. — Кассир даже не заглянула в книгу. — Вчера их сосед — рядом дача — заправил, подал к поезду.

— Машину взяли совсем?

— И да, и нет, — в домике были люди, она сказала негромко, чтобы другие не слышали. — Доплатили за месяц. Может, еще оставят, может, решат продать, — шепотом добавила она. — Завтра уезжают совсем...

Нещадно палило. Поверх палаточного городка виднелся залив. Погода менялась, то в одном, то в другом месте мелькали белые барашки.

Дата отъезда, подсказанная старухой горничной, подтвердилась. «Завтра! Сегодня последняя ночь на даче...»

— Вы в поселок? — спросила кассир. — Может, подвезти? Сейчас будут выезжать — я попрошу. Чтоб пешком не идти.

— Да нет. Надо еще в одно место.

— Далеко? Они подвезут...

— В районную библиотеку. Здесь рядом.

Корреспонденция в местной газете называлась «Мир увлеченного человека».

«Кругу интересов известной художницы Сусанны Ильиничны Роша, — писала корреспондентка, — может позавидовать любой. А ведь ей недавно исполнилось 88 лет! Графика, рисунки на тканях, эскизы одежды и женских украшений, дизайн — все до сих пор волнует, вдохновляет ее. А еще книги, картины, поездки...

— Куда вы собираетесь в этот раз? — спросила я Сусанну Ильиничну.

Она улыбнулась:

— В тридцатых годах с мужем — Грантом Роша, молодым скульптором, имя которого тогда еще мало кому было знакомо, мы решили ближе познакомиться с творчеством знаменитого французского мастера Эдгарда Шаина...»

Подробно описывая жизнь и пристрастия вдовы Роша, корреспондентка наводила на мысль о богатстве и расточительности художницы, в доме которой хранилось собрание редких, баснословно дорогих и, во всяком случае, уникальных произведений отечественного и западного искусства.

«На месте Роша я протестовал бы против таких аттестаций, даже если они даны из лучших побуждений...» — подумал Денисов.

Уже знакомая Денисову библиотекарша поглядывала на часы — собиралась на семинар, он проходил в том же здании, но в другой половине.

— Ну, как то дело? Расследуется? — спросила она, заметив, что Денисов закончил читать.

— Расследуется... — Он показал на газету. — Подарите!

Библиотекарша засмеялась:

— Уже подарила.

Вышли вместе.

— «Неман» тоже вам, — она протянула журнал, который был у нее с собой, — мой личный. Я уже прочитала. Там детектив, номер невозможно достать. Передают из рук в руки.

Было правильнее отказаться в пользу любителей детектива, но Денисов не захотел ее обидеть:

— Спасибо... Чудесные подарки. — Он положил газету в журнал.

— Счастливо!

Между деревьев впереди показалась тяжелая громада Карадага, отрезавшая от поселка принадлежавшую ему огромную часть неба, моря и суши; чеканный профиль Волошина; выгоревшая соломенно-желтая поросль. На гигантскую маску поэта следовало смотреть сбоку и чуть сзади.

Денисов снова вышел на главную улицу. Весь день кружил он на крохотном пятачке, ограниченном почтой, Домом творчества, поселковой милицией.

Рядом с почтой Денисов увидел Веду и ее мужа с компанией, все преувеличенно вежливо с ним раскланялись. Ему показалось, что даже занимавшийся по утрам на пляже йогой экстрасенс Зубарев чуть дольше задержал на нем взгляд. Действительно ли Веда представила его как известного кинодраматурга?

У междугородных автоматов толпились люди. Аппараты подключили, но слышимость была неважной, из кабин доносились голоса.

Денисов решил не звонить: о чем стоило бы громко, во всеуслышание прокричать, чувствуя за спиной дыхание не-

терпеливой писательской очереди? «Жив-здоров»? Лина в этом не сомневается. Про другое, что очень редко, но все-таки может когда-то произойти с оперуполномоченным, ей сразу сообщили бы одновременно с уведомлением министру.

— Эрик, Эрик... — звала кого-то женщина в телефонной кабине с разбитым стеклом — из-за угла подошел облезлый маленький кобелек величиной с курицу. Женщина успокоилась.

Стоял самый зной.

На этот раз Денисов направился к даче Роша, соблюдая максимум предосторожности: петлял по поселку, резко разворачивался и шел навстречу тому, кто мог за ним следовать.

В своем расследовании убийства Волынцева он словно обрел под ногами знакомую почву. Особенно, когда прочитал корреспонденцию в районной газете.

«Дом», «дача», «деньги» — понятия эти были больше из его обихода — старшего группы по борьбе с кражами и руководителя группы захвата, чем такие, как «дефицит престижности» или «комплекс неполноценности», с которыми он постоянно сталкивался в связи с делом Ланца.

Осторожно, убедившись, что никто его не видит, он поднялся на киловую гору, к даче. Здесь было тихо и знойно. Внимание Денисова привлекли стрекозы. В огромном количестве они с шумом металась по сторонам.

Внизу, у спасательной станции, несколько цыганок рекламировали свой традиционный товар — румяна, тушь, знакомство с обозримым будущим. Клиентов явно хватало. Наступал обеденный час, от кафе до забора тянулась очередь.

В доме Роша, напротив, движения не чувствовалось, залитая солнцем площадка у входа была пуста. Обстановка была знакома: ржавый якорь, фонарь. Кое-где на деревьях виднелись желтые плоды, по цвету напоминавшие абрикосы. В соседней даче на балконе красилась женщина, она не обратила на Денисова никакого внимания. С моря, от Карадага, шел катер — красный с белым.

Денисов осторожно спустился во двор, обогнул дом. Машины на месте не было. Роша все еще не вернулась из поездки. Под деревьями, где рядом с дорожкой ржавело несколько металлических кроватей, висел гамак. Дерево, которое Денисов сверху принял за абрикосовое, оказалось в действительности яблоней.

Он приоткрыл дверь в мастерскую.

«Тиски, акваланг. Якорь. Еще один... Ланц в рукописи только раз упоминает дом. Выходит, ни разу не спускался к даче! Именно Волынцева дача и миллионы старухи Роша никогда не интересовали!..»

Свисавшие канаты у входа напоминали свалывшуюся шерсть грязно-белого пуделя.

Одно из окон, выходящее в сад, оказалось забранном металлической решеткой. Против окна виднелись книжные полки. Денисов рассмотрел несколько старинных, с золочеными обрезами томов Брокгауза и Ефрона, на столе деревянную шкатулку. Боковые стены скрывали тяжелые шторы.

«Видимо, это комната художницы... — подумал Денисов. — Возможно, в ней есть старый тяжеленный сейф, ключ от которого она всегда носит с собой...»

Он отошел от окна. Синие, шире обычных, тела трепещущих стрекоз мелькали на солнцепеке.

«Непонятная активность...» — подумал Денисов.

Он нажал кнопку звонка — пронзительный звук повис в пустом доме, звонок работал идеально.

Терраса заканчивалась площадкой, Денисов подтянулся, забросил ноги, через секунду уже стоял наверху. Его внимание привлекла застекленная веранда.

«Интересно, где родственник Роша хранит коллекции? — подумал Денисов. — И был ли среди его трофеев пистолет испанского производства?»

Приглядевшись, он увидел внутри двери, по одной с каждой стороны помещения. В простенке между ними висели старинные большие часы, рапира, а выше — два скрещенных пистолета, похожих на дуэльные.

«Ночью все здесь будет выглядеть иначе... — подумал Денисов, отходя, мысленно расставляя вокруг ориентиры. — Все по-другому».

Заостренным носом дача словно правила в море, площадка напоминала открытую палубу, здесь тоже был якорь. Корабельная цепь, снасти.

Внизу, как и накануне, у пункта с пожарным инвентарем кружили добродушные псы; посудомойка несла к свалке очередную стопу битых тарелок.

Пожарный багор, упоминавшийся в записках Ланца, был на месте.

Денисов спустился на писательский пляж. Под навесом, в тени, было много свободных мест; не снимая сорочки, он присел на топчан.

Даже тут было полно взволнованных стрекоз, он никогда не видел их в таком количестве, они метались, как потревоженный осиный рой.

«Важные события внутривидовой жизни или предчувствия перемен? — подумал Денисов. — Может, активность солнца?»

Люди вокруг, напротив, вели себя спокойно. Рядом сосед массировал шейные позвонки. Две молодые девушки в ку-

пальниках шептались о чем-то тихо-тихо со внешне безразличными лицами. Надо было быть глухонемым, чтобы что-нибудь понять, читая по их губам, как с листа. Но они понимали и старались не смотреть на двух ожидавших их парней в белых джинсах и майках «Мальборо». Те тоже совещались. Вся их тайная жизнь шита была белыми нитками.

— Добрый день. — Денисов поднял голову. Веда была не одна, с привычной компанией. — Не возражаете, устроимся впереди вас?

На пляже было полно мест, но Веда оказала ему честь. Была ли в том благодарность за то, что страхи, которые пришли с ним, мгновенно рассеялись? Дань ли профессии, диктовавшей образ жизни, отличный от всех?

Спутники поздоровались преувеличенно любезно, не исключая Зубарева. Денисов кивнул. Он знал, что уступает по части приветливости и хороших манер. И может держаться просто и раскованно только со своими.

Солнце хмурилось, и небо не было прозрачным, как с утра: в нем словно носился мелкий истолченный песок. Похожее на парусник облако гнало к берегу низко, почти над головами, скоро оно должно было заставить пригнуться всех, кто находился на пляже. Было тихо, только что-то поскрипывало в морском велосипеде, правившем к берегу, да прибывала волна.

Компания говорила на темы, связанные с непознаваемым, необъяснимым.

— Я читал об этом у Парнова... — сказал кто-то, имя это Денисов знал. — Они берут двенадцать четных знаков и двенадцать нечетных, меняют произвольно местами, и медиум должен расставить их по местам...

— Бред.

— Не скажи! Раз военный комплекс интересуется — значит, есть смысл!

Денисов вспомнил рукопись, Ланц писал:

«Издаю я видел, как у корта собирается их компания — короткий, крепкий, как гриб, — сценарист или драматург; инфантильный с розовыми щеками, в очках — филолог; наконец, тоже высокий, тоже в очках, самый невзрачный, казавшийся наиболее простым и понятным, а на самом деле — философ, знаток древней «кабалы»...

— Привет!

Похрустывание гальки, на которое Денисов не сразу обратил внимание, исчезло. Приветствие относилось к компании, сидевшей с Ведой.

— С приездом!..

Денисов увидел незастегнутые сандалии, загорелые мужские ноги, шорты, наконец упругий, круглый живот. Мацей — в обычной своей униформе, с детской красной фуражкой на голове — на этот раз был не один. Женщина, стоявшая с ним,

кого-то напоминала. На ней были туго обхватившие ее шорты, майка, белая панамка с видами Гамбурга. Серые глаза за стеклами выглядели смущенными, несколько раз она оглянулась, словно кого-то искала.

«Наталья Кирилловна Ширяева, — Денисов узнал ее. — «Легитим», «Законная»... «Анастасия!»»

Компания пришла в движение, мужчины встали.

Денисов наблюдал. Ширяева и Веда разговаривали как люди, успевшие обменяться новостями.

— Ночуешь у Сусанны? — спросила Веда.

— Не хочу. Никто не жил — боюсь, в доме все-таки сыро.

— Значит, у меня. А Николай? — Денисов понял, что Веда интересуется родственником художницы.

— Мне кажется, махнет в Судак, к своей пассии. Последний вечер!

Ширяева снова оглянулась, на долю секунды Денисов задержал ее взгляд — рассеянный, вместе озабоченный. Может, она действительно надеялась встретить кого-то на писательском пляже, в Коктебеле, в день приезда?

«Волынцева?!»

Этим человеком, однако, никак не мог быть молоденький сержант, с которым Денисов познакомился в первый день пребывания в Доме творчества. Сержант уже некоторое время, стоя у входа, пытался обратить на себя внимание московского оперуполномоченного.

Денисов понял. Выбрав удобный момент, поднялся, пошел к выходу.

Начальник милиции вел прием. Когда Денисов вошел, он заканчивал разговор с парнишкой-отдыхающим. Не улыбающийся, черноволосый — парнишка был похож на палестинца, несмотря на явное «оканье» и «ч», близкое к «ц».

— У хозяйки две дочери, обе незамужние, деликатные, тактичные... — говорил он. — Но чувствую — попадаю в зависимость. Давят. А в Свече жена, ребенок. Хочу уйти — паспорт куда-то исчез...

«О, эти скромные дети наших хозяев!..» — подумал Денисов. Несколько минут он сидел тихий, еще не пришедший в себя после встречи на писательском пляже.

Он ничего не решил, но уже знал, что прибыл в Коктебель удивительно кстати.

«Все, кто был в мае, все здесь. Ситуация повторилась. Без Волынцева, но с участием оперуполномоченного!»

Электроника в кармане слабо пискнула.

— Я поговорю. — Лымарь записал адрес. — Постараюсь помочь...

— Спасибо. — Парнишка пошел к дверям.

— Ты просил Папенина узнать, кто поменял звонок на

даче Роша? — спросил Лымарь, пользуясь минутой, пока, кроме них, в кабинете никого не было. — Тут не ясно. Художница человек всеми любимый и уважаемый. Ей несут все необычное — старые картины, книги, дары моря.

— Так.

— Кто-то заметил, что на двери старый дребезжащий звонок. Поставил новый.

— Давно?

— В мае. Перед ее отъездом.

— Что за человек?

— Не помнит.

— Она жаловалась на старый звонок?

— Нет! Но все видели, что он ни к черту. Конечно, ты мог бы сам с ней поговорить. Но я не стал бы это делать. Поверь. Я давно имею дело с творцами. Их женами, детьми... Тут надо такт. Привычку. Можешь взволновать — и весь приезд насмарку! Не напишет и строчки... — Денисов вспомнил бесстрастно-вежливую женщину-регистратора Дома творчества. Отсюда все и начиналось: «Их нельзя беспокоить!»

— Что с другими поручениями?

— Родственник Роша — Николай... Сутыгин — сосед по номеру, соседи по столовой... Ответы еще не пришли. Как будут — сразу сообщу... Интересно, что дадут допросы? Все-таки ближайшее окружение Волынцева!

Денисов не ждал ничего особенного из Харькова.

— От знакомых и родственников вряд ли удастся узнать больше, чем содержится в рукописи!

Об этом свидетельствовала предосторожность, с какой Волынцевым направлялась корреспонденция в Дом творчества на имя Настасьевой, весь характер взаимоотношений в Коктебеле.

«Анастасия и Ланц! Пуще всего он боялся ее скомпрометировать. Их отношения едва ли предполагались даже самыми близкими! Даже Ведой и ее мужем!»

Из дежурки донеслись голоса, несколько женщин громко пререкались с дежурным.

— Гадалки?

— Не знаю, что делать. Целый табор. Того и гляди дежурку разнесут.

Набившиеся в кабинет женщины повели себя шумно. Каждая кричала свое. Грудные дети заревели все разом, матери, крича, тут же принялись их кормить и успокаивать. Прием был проверенный, старый, как мир; никто не в состоянии был выдержать и нескольких минут массированного натиска. Это была игра. И цыганки, и Лымарь об этом знали.

Денисов собрался идти, но сначала следовало освободить Лымаря. Денисов знал, как это делается.

Женщины продолжали неистовствовать, на Денисова никто не обратил внимания.

— За что штраф, начальник! За что?! Майор!..

Все громко обменивались по-цыгански.

Денисов поднялся, выбрал одну из цыганок, кричавшую больше других, поманил пальцем.

— Сыр тут кхарна? Про лав? — Спрашивать следовало очень серьезно и как можно спокойнее: — «Как тебя зовут? — Он опустошил свои знания языка ровно наполовину. — По имени?»

— Мария...

Она опешила. Вопрос Денисова произвел впечатление разорвавшейся бомбы: пока они кричали, в кабинете сидел человек, знающий цыганский! Все слышал.

Даже Лымарь был ошеломлен.

Так продолжалось минуту, Денисов уже знал, что за этим последует.

Оправившись от шока, женщины оставили Лымаря, кинулись к нему, забросали вопросами, просьбами: он был «свой». «Обязан помочь!» Денисов не понимал ни слова.

Для этой стадии он берег вторую, и последнюю, известную ему фразу.

— Дедума гаджиканес! — Он пожал плечами, как бы извиняясь, показал на Лымаря. «Говорите по-русски...» Было ясно: в присутствии сослуживца ему не совсем удобно пользоваться языком, которого тот не знает. — Главное, давайте спокойнее.

Сам он отнюдь не был спокоен, поэтому, уходя из дежурной части, взял сданный по приезду в Коктебель пистолет.

Не спеша вернулся он к себе. В калитке бабуся-сторожиха приветствовала его как знакомого: на этот раз она дежурила со стороны набережной:

— Седни ходы, бо завтра не пушшу! Срок кончился!

Денисов только улыбнулся.

«Спокойствие, как перед экзаменом, — подумал он, — когда известно, что ничего не знаешь, а учить поздно! Будет как будет...»

Денисов продолжал жить в домике один, вторая — стоявшая углом к первой — кровать все дни оставалась свободной.

Он лег, намереваясь выспаться, обычно это всегда удавалось, если предстояло что-то серьезное и значительное, как сегодня. Но тут его словно заколодило. Он вспомнил Ширияеву, взгляд, искавший кого-то на писательском пляже.

«Их отношения продолжались. Остались такими же сложными. Станный тупик, в который люди себя сами загнали... — Денисов удивился, как это раньше не пришло в голову. — Они должны были встретиться в Коктебеле! Ширияева недоумевает: что произошло? Почему его нет?! Ей тяжело: никому не может открыться...»

Догадка вряд ли могла помочь расследованию. Но только на первый взгляд!

«А если его и убили именно потому, что он собирался на эти дни в Коктебель!»

Ни Веда, ни Ширяева, ни компания, ходившая с ними, в столовую не явились, приборы их остались нетронутыми.

Денисов снова вернулся к себе. Несколько раз, не раздеваясь, ложился, выключал свет. Снова зажигал лампу, брал рукопись.

«Молодой парень, которого Ланц выследил ночью... Как он струхнул, когда Ланц подошел к его машине! Какое объяснение он дал своему ночному посещению дачи Роша! П л е м я н н и к! — Денисов поглядел на часы: было уже темно, но все еще достаточно рано. К ночи волнение моря усилилось. Глухие удары настигали берег быстро и часто. Не оттого ли волновались стрекозы?! — Он явно нездешний... Но и не москвич, хотя каким-то образом и связан с московским вокзалом...»

Когда Денисов вышел на набережную, там оставались последние отдыхающие. Гул моря был протяжным. От неярких светильников к разбушевавшейся воде скользили тени. В черноте таял конец узкого причала для прогулочных катеров. Ни Карадага, ни звезд видно не было.

Мимо Дома-музея Волошина Денисов двинулся в направлении пансионата и турбазы. Тротуары были пусты, ветер гнал обрывок газеты — Денисов не поспевал за ним. Пляжные постройки отрезала чернота, свет и тень казались четко разграниченными.

На скамейке в конце набережной Денисов увидел незнакомого мужчину и мальчика, они молча жестикулировали. Когда Денисов проходил мимо, мужчина спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько времени? — Глухонемым оказался только мальчик.

Между набережной и автокемпингом Денисову никто больше не встретился. В темноте море звучало глуше и яростнее.

Между машин и палаток Денисов прошел к административному домику — палаточный лагерь был тих, хотя не спал. В палатках горели огни, призрачные тени касались матерчатых стен.

Денисов прошел к площадке между административным домиком и шоссе. Машины, оставляемые на нейтральной полосе, были как бы на стоянке. В то же время в любую минуту могли уехать.

«Запорожца» из Мелитополя на площадке уже не было, на его месте стоял зеленый «жигуль». Номер был крымский, хорошо запоминался: 18—17. Денисов обошел машину — задние крылья, колпаки колес, бампер были знакомо забрызганы глиной.

«Ну вот, — подумал Денисов. — Машина снова выдвинута на передовую позицию!»

На тропе, поднимавшейся к киловой горе, глаза слепил фонарь, висевший у спасательной станции. Выше начиналась тьма. Свет фонаря сюда не доставал. Денисов шел бесшумно, легко ощупывая ногами дорогу. В темноте он прошел мимо боковой калитки.

Внизу был обрыв, ярко освещенная дорога к аварийному пляжу, малолюдная даже днем. Чуть сбоку, внизу, была дача; калитка с надписью «злая собака», которую он не заметил в темноте, отсюда была хорошо видна, за ней начинался невидимый из-за черноты сад.

Денисов задержал в груди воздух, неслышно выдохнул — дыхание выровнялось; бесшумно спустился к даче.

В саду было темно, но не в такой степени, как он предполагал. Окна, выходявшие на киловую гору, не были освещены, только крыльцо и веранда. В доме было тихо. Прошла вечность, пока Денисов различил доносившиеся из дачи негромкие голоса. Он поборол искушение спуститься вниз, к веранде, посторонился, освободив тропинку. С места, где он стоял, дверь дома не была видна — лишь небольшое пространство перед входом, канат, якорь.

Сквозь гул моря откуда-то с киловой горы донесся странный звук — крик птицы или рык собаки. Один раз показалось, что со стороны веранды мелькнула тень. В саду? На самой веранде?

Было поздно. Около двадцати трех стукнула дверь, послышались голоса.

— Спокойной ночи! — говорили сразу несколько человек. — Хотите, пойдемте к нам! Места хватит!

Денисов рассмотрел всех, когда они вышли на площадку у входа:

«Веда, ее муж. Мацей. Ширияева... Еще двое, те, кто был на пляже... — Он не заметил высокого, в очках, блондина, занимавшегося йогой. — Только свои пришли прощаться».

Вдова Роща осталась на крыльце — Денисов услышал ее голос: резкий, не старческий:

— На следующее лето всех милости прошу ко мне в Репино.

Шурша кустами, компания спустилась к улице; брякнула невидимая, похожая на кладбищенскую, металлическая калитка. Свет на крыльце и на веранде погас, но зажегся в окне с решеткой, задернутой шторой изнутри.

Еще раз голоса раздалась внизу, но уже с другой стороны — у спасательной станции. Возгласы, смех.

«Задним умом всегда легче объяснить прошедшее. — Денисов поймал себя на том, что весь день подгонял события,

выстраивая некую общую схему. — Куда труднее предугадать...»

Он заранее решил, что останется здесь.

Свет в решетчатом окне горел недолго. Наступила темнота, наполненная гулом моря, — слышимая и зримая одновременно.

«Ланц считал, что эти люди на даче, хозяева и гости, выдумали непростую красивую игру, зная правила, легко и непринужденно играли ее долгие годы, незаметно для себя становясь профессионалами. Но кто-то, должно быть, как это бывает, играл без правил. — Денисов знал об этом как розыскник. — Жестко, с ясной целью».

Время ползло медленно. Денисов вспомнил дождь, шедший все эти дни в Москве, пока занимались делом Волинцева, стекавшие с пронзительно высвеченной платформы потоки воды — казалось, они журчат и сейчас; взгорбленный над неподвижным мертвым телом брезент... Стоило ему об этом подумать, и сразу, словно в калейдоскопе, начали мелькать лица, события — Бахметьев, Королевский, супруги Сазоновы, у которых Волинцев ночевал в Москве, слуха коснулся незнакомый напевный голос по аппарату прямой связи «пассажир — милиция»: «Пусть носильщик расскажет про оружие...» Последним память зафиксировала белесые напряженные глаза Салькова, когда он, Денисов, поверг его в смятение, предположив: «Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?»

Дача была деревянной. Время от времени в ней раздавались таинственные звуки. Скрипнула половица. Флюгер. Снова стало тихо. Со стороны кафе принесло запах котлет. Тявкнула беззлобная кокетельская шавка.

Денисов напрягся, правая рука его бесшумно скользнула под мышку к кобуре. На горку поднимались, прошли над откосом. Что-то невидимое коснулось калитки, в которую Денисов вошел, через секунду она отворилась. Человек прошел рядом, тяжело, едва не задев. Исчез в темноте.

Ситуация, описанная Ланцем, повторилась.

Кто-то спустился к дому, пнул лежавший на крыльце канат. Скрипнула незапертая дверь мастерской. Изнутри словно подали знак: цараннуло стекло.

Денисов начал бесшумно спускаться. Неизвестный отошел к кубранному решеткой окну комнаты художницы, теперь он был рядом, тяжелый, высокого роста. Денисов услышал его прерывистое дыхание. Внезапно человек замер, он что-то почувствовал. Под ногой Денисова хрустнула ветка.

В ту же секунду раздался треск раздираемых кустов. Человек бросился вниз, к улице. Заскрипела галька. Близко, потом у самой калитки.

Когда Денисов выскочил на улицу, все было тихо. Мерно

шумело море. У калитки валялся желтоватый, из плащевой ткани пояс, Денисов на бегу подобрал его.

Происшедшее не заняло и пяти секунд. Слева тянулась безлюдная, слабоосвещенная на всей ее протяженности улица Десантников, справа была набережная — темная вначале и залитая светом впереди, за калиткой Дома творчества.

Денисов выбрал набережную, черно-белую ее часть. Он бежал легко. Удары невидимых волн чередовались с движением балласта: камни на пляже скрипели, обдирая друг друга, словно уплотняемые щебнеукладчиком.

Он рассчитал верно: калитка Дома творчества была закрыта, но бабуся бодрствовала:

— Сядни последний день! Так и быть! — Она выдернула пробой.

Не разбирая дороги, касаясь невидимых голубых елей, сирени, вечнозеленого букса, через клумбы с благоухающими в ночи глициниями, как вихрь, Денисов промчался к центральному воротам, выскочил наперерез.

Дальше бежать не пришлось. Высокий, в очках, блондин, в светлой куртке, то и дело оглядываясь, вылетел прямо на него.

— Милиция! — крикнул Денисов. Он узнал человека, которого преследовал, по желтоватой плащевой ткани на куртке. Бежавший остановился.

Это не был ни Николай — родственник художницы Роша, ни один из тех, кто с вечера приходил на дачу вместе с Ширяевой и Ведой.

Денисов видел его впервые.

Х. «МИНУС ТКАНЬ...»

Салькова увели. Но Денисов уже знал, что попал в точку, когда спросил:

— Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?

— Что ты, Денис! — Под едва заметным белым пушком лицо Салькова слегка побагровело. — Тебе-то уж я бы сказал!

Носильщика допрашивал следователь. Был самый момент снять трубку, набрать номер Лины; она, наверное, все утро ждала звонка — Денисов так и не выбрал времени позвонить.

«Так закрутило с вечера...» — приготовил он первую фразу.

Проверка ночной гостиницы в парке отстоя поездов дальнего следования на Каланчевке, переезды, разговор с Олегом Степановым, видевшим, как носильщик на платформе следил за погибшим; сигнал по аппарату «пассажир — милиция», неудачная поездка с Ниязовым на квартиру Салькова, а потом более успешная в Прокуратуру СССР в поисках

свидетельницы, приехавшей просить за мужа... — не верилось, что все это произошло в считанные часы, а с момента обнаружения трупа на вокзале — всего чуть более суток.

За дверью кабинета слышались голоса — оперативники из группы по борьбе с кражами поднимались к себе: проверка ячеек автоматической камеры хранения ничего не дала — Денисов уже знал об этом, — портфель погибшего найден не был.

Денисов снял трубку.

Первой звонить мужу, который забыл предупредить, что не придет ночевать, Лина считала унижительным.

За окном снова моросило, как все эти дни. Видимый кусок неба над платформами — от элеватора до крыши центрального здания — с самого утра выглядел грязно-серым, словно в нем не переставая мыли кисти.

«Унылый фон всего этого дня...» — подумал Денисов, набирая номер. С другой стороны, он знал, преступления как раз и раскрывались в такие дни — скучные, невыразительные. Он скользнул взглядом по плану предстоящих на день мероприятий — от встречи с судебным медиком-экспертом до возможного визита к домашней работнице Сазоновых.

— Ти-ти-ти... — Номер Лины был занят.

«Звонит мне?» — Денисов положил трубку. В ту же секунду раздался звонок.

— Там этот носильщик, Сальков. Он на допросе у Королевского... — Звонил Бахметьев. Приказание носило характер просьбы. — Лучше, если сам доведешь с ним разговор до конца. У Королевского не пошло.

— Сейчас?

— Да, я сказал, чтобы его привели. Пока пистолет не ушел. Потом снова передашь следователю. — Бахметьев положил трубку.

Носильщик уже входил в кабинет, его сопровождал Ниязов.

— Привет. — Сальков протянул руку, он проверял свое процессуальное положение: сотрудники милиции не обменивались рукопожатиями с задержанными, лишь со свидетелями.

— Привет. — Ладонь Салькова оказалась вялой, почти не напряглась в пожатии, да это и неважно было: встреча с Денисовым его не порадовала.

— Я не нужен? — Младший инспектор пошел к двери.

Денисов набрал номер в надежде, что он снова окажется занятым. Трубку сняла Лина:

— Я слушаю.

— Так неудачно получилось вчера. Да и утро кувырком. Ты извини. Как дела?

— Знаешь сам.

— А все-таки?

— Ты не один? — Она тонко чувствовала его. Даже по телефону.

— Был, пока набирал номер.

— Спешешь?

— Работы много.

— Занят — не звони! — Разговор получился тягостным для обоих.

Носильщик обо всем догадался, смотрел понимающе.

— Как Наташа? — Был один только способ призвать Лину к порядку.

— Тебя это волнует? Когда брала из сада, сказали: «Из носа шла кровь после обеда...» Второй раз! Сейчас и в начале лета. А мы врачу показывали?

— Может, перегрелась?

— Ну, Денисов, ты даешь! — На том конце провода Лина тоже была не одна, разыгрывала маленький спектакль. — «Перегрелась!» На улице холодина, того и гляди снег выпадет!

— Не понимают, — посочувствовал Сальков, когда Денисов положил трубку. — Моя Татьяна точно такая. Все они.

— В какой момент ты обратил внимание на погибшего? — спросил Денисов, становясь другим. Ни Лины, ни Наташи в этой его жизни не существовало. — Видел с вечера? В залах?

— Только на платформе. — Сальков тоже сразу подобрался, был начеку.

— При отправлении тамбовского?

— Вернее, когда уже отправился.

— У вагонов?

— С нерабочей стороны.

— На том месте, где потом его обнаружили?

— Да, примерно.

— Когда ты его увидел... Что он в это время делал?

— Просто стоял, смотрел.

— Куда?

— Можно сказать — «никуда»... — Сальков подумал. — Стоял так, что ни пройти, ни проехать. — Раньше носильщик об этом не говорил.

— Один?

— Да.

— Окликнул его?

— Сказал: дай место, мол. Он как стоял, так и остался стоять.

— Как же?

— Посторонил, — носильщик показал жестом, — тачку провел по краю.

— Дальше.

— Поставил тележку, пошел за проволокой.

— Электропоезд на шестом пути еще был?

— Был. — Сальков взглянул обеспокоенно, в белесых на красноватом лице глазках невозможно было ничего прочесть.

«Я для него менее удобен, чем следователь прокуратуры, который его не знает, — подумал Денисов, — и мне будет дано другое объяснение...»

Он не ошибся.

— Денис, — носильщик подчеркнуто-тягостно вздохнул. — Скажу, как было. Я проходил на посадке — пассажир этот стоял. Я на него внимание обратил: он был как пьяный или оглушенный.

«Женщина из прокуратуры тоже видела его, закрывшим глаза рукой...» — подумал Денисов.

Сальков искусно сплел правду и вымысел:

— Поставил тачку, пошел искать проволоку. А сам за ним слежу. Поезд ушел, а он, как стоял на платформе один, так и остался стоять. У элеватора меня парень окликнул, попросил закурить. Так все и было. Когда сценку почтовых потянули, я потерял его из вида. И выстрела не слышал. Увидел только — лежит. Я к нему. Думал, пьяненький...

— Дальше.

— А что дальше? Вижу с ним рядом... пугач. Пугач не пугач. Зажигалка? Я ведь тогда еще не знал, что с мужиком. Подобрал игрушку эту и пошел. — В белесых глазках Салькова на секунду вспыхнул торжествующий огонек, но носильщик тут же его погасил. — Тут вижу: Ниязов! Я к нему.

— Пистолет у тебя?

— Сейчас дойду до этого...

Утро Сальков провел бесполезно для себя — Денисов сразу понял: ездил не в сауну — советовался с кем-то опытным.

— ...Ниязову я про игрушку эту ничего не сказал. А потом иду, думаю: «Зачем взял?! Из-за чепухи может неприятность выйти!» Мне бы вернуться, отдать оперуполномоченному. А я... Короче, подошел к мусоросборнику, бросил в контейнер, и делу конец... — Носильщик вздохнул. Он был из тех, кто быстро, по пустяку начинал волноваться и так же быстро успокаивался.

— Да и так рассуждать... — Салькову было мало того, что бы история выглядела правдоподобной, он хотел, чтобы Денисов в нее поверил. — Зачем мне пистолет? Откуда я знаю, где его достали? Кого из него уложили? Это ведь все на меня повесят! В жизни не возьму.

Как говорили на вокзале, он пытался повесить Денисову лапшу на уши. Закон ни в одном случае не делал человека ответственным за преступление, которое он не совершал. Сальков это отлично знал.

«Оружие становится дефицитом, — подумал Денисов. —

Есть люди, готовые из-за него на преступление. Сальков думал заработать большие деньги...» Человек, звонивший с перрона, не обманул: рядом с трупом был пистолет, и Сальков его взял.

— В какой именно из мусоросборников ты его выбросил? — спросил Денисов.

— У багажника. Бросил и думать забыл... Как считаешь, будет мне за это что-нибудь?

— 201-й... — окликнул по радиации дежурный. — Где находитесь?

— Третья платформа.

— Судебный медик позвонил. Выезжает к нам. Подходите. И поставьте в известность Королевского. Он с носильщиком. У контейнеров с отходами.

— Понял. — Денисов прыгнул с платформы, не обращая внимания на начавшийся дождь, повернул за вокзал.

Денисов знал о решении Королевского — допросить судебно-медицинского эксперта. Такое бывало, если следователь признавал это необходимым и существенным, как в данном случае. Бахметьев решил этим воспользоваться — еще раз посоветоваться с судебным медиком и, как водится, приглашал старшего опера: Бахметьев не работал в розыске и по разным причинам не мог стать первоклассным розыскником, у него был свой дар — ОБХСС. Оба понимали это.

Мусоросборники находились позади высокой каменной кладки, отделявшей заднюю часть двора. Их было несколько, доставленных сюда на случай досмотра и взятых под охрану. На каждом были проставлены мелом координаты места стоянки в ночь происшествия — «зал 2», «пл. 4», «багажное 1».

Королевского что-то задержало, контейнеры еще не были осмотрены. Сальков, понятые и двое сотрудников милиции — когда Денисов подошел — стояли плотно сбитой группой. Носильщик повторял для понятых:

— Вижу: человек лежит! Думаю, может, обморок? Упал — виском об асфальт... Долго ли? — С каждым повтором объяснение Салькова выглядело более убедительным. К суду могло и вовсе обкататься.

— Мне и ни к чему про выстрел. Упал и упал! Кровь под ним? А у меня аллергия на кровь. Как вижу — сразу отключаюсь...

Он стоял спиной к Денисову.

— Дальше, — сказал Королевский.

— Думал, зажигалка! Или пистолет стартовый... Ну и взял посмотреть.

— Ну, потом-то понял, что оружие, не зажигалка? — спросил один из понятых — дружинник вагонного депо, — суровый, с большим животом. Сальков угрюмо взглянул на него:

— Что с вами делать... Если только на час...

Денисов отошел, не желая мешать дальнейшему развитию событий.

— Самое большое два часа! — женщина достала кошелек.

— Вот там поставьте. — Вахтер незаметно показал на асфальтированную площадку между домиком администрации и шоссе.

«Понятно», — подумал Денисов.

Женщина уже выводила свою заляпанную ливнем машину на нейтральную полосу.

«Здесь он и оставлял машину, пока поднимался к даче Роша. Здесь, когда к нему подошел Ланц, он и дал объяснение, которое в тот момент опрометчиво посчитал удовлетворительным».

Из окошка административного домика постучали, кассир узнала московского оперуполномоченного:

— Что-нибудь нужно?

— Нет, пожалуй. — И все же спросил: — Роша вам оставляла машину? Художница. Знаете ее?

— Своих мы всех знаем. Оставляла. — Кассир даже не взглянула в книгу. — Вчера их сосед — рядом дача — заправил, подал к поезду.

— Машину взяли совсем?

— И да, и нет, — в домике были люди, она сказала негромко, чтобы другие не слышали. — Доплатили за месяц. Может, еще оставят, может, решат продать, — шепотом добавила она. — Завтра уезжают совсем...

Нещадно палило. Поверх палаточного городка виднелся залив. Погода менялась, то в одном, то в другом месте мелькали белые барашки.

Дата отъезда, подсказанная старухой горничной, подтвердилась. «Завтра! Сегодня последняя ночь на даче...»

— Вы в поселок? — спросила кассир. — Может, подвезти? Сейчас будут выезжать — я попрошу. Чтоб пешком не идти.

— Да нет. Надо еще в одно место.

— Далеко? Они подвезут...

— В районную библиотеку. Здесь рядом.

Корреспонденция в местной газете называлась «Мир увлеченного человека».

«Кругу интересов известной художницы Сусанны Ильиничны Роша, — писала корреспондентка, — может позавидовать любой. А ведь ей недавно исполнилось 88 лет! Графика, рисунки на тканях, эскизы одежды и женских украшений, дизайн — все до сих пор волнует, вдохновляет ее. А еще книги, картины, поездки...

— Куда вы собираетесь в этот раз? — спросила я Сусанну Ильиничну.

Она улыбнулась:

— В тридцатых годах с мужем — Грантом Роша, молодым скульптором, имя которого тогда еще мало кому было знакомо, мы решили ближе познакомиться с творчеством знаменитого французского мастера Эдгарда Шайна...»

Подробно описывая жизнь и пристрастия вдовы Роша, корреспондентка наводила на мысль о богатстве и расточительности художницы, в доме которой хранилось собрание редких, баснословно дорогих и, во всяком случае, уникальных произведений отечественного и западного искусства.

«На месте Роша я протестовал бы против таких аттестаций, даже если они даны из лучших побуждений...» — подумал Денисов.

Уже знакомая Денисову библиотекарша поглядывала на часы — собиралась на семинар, он проходил в том же здании, но в другой половине.

— Ну, как то дело? Расследуется? — спросила она, заметив, что Денисов закончил читать.

— Расследуется... — Он показал на газету. — Подарите!

Библиотекарша засмеялась:

— Уже подарила.

Вышли вместе.

— «Неман» тоже вам, — она протянула журнал, который был у нее с собой, — мой личный. Я уже прочитала. Там детектив, номер невозможно достать. Передают из рук в руки.

Было правильнее отказаться в пользу любителей детектива, но Денисов не захотел ее обидеть:

— Спасибо... Чудесные подарки. — Он положил газету в журнал.

— Счастливо!

Между деревьев впереди показалась тяжелая громада Карадага, отрезавшая от поселка принадлежавшую ему огромную часть неба, моря и суши; чеканный профиль Волощина; выгоревшая соломенно-желтая поросль. На гигантскую маску поэта следовало смотреть сбоку и чуть сзади.

Денисов снова вышел на главную улицу. Весь день кружил он на крохотном пятачке, ограниченном почтой, Домом творчества, поселковой милицией.

Рядом с почтой Денисов увидел Веду и ее мужа с компанией, все преувеличенно вежливо с ним раскланялись. Ему показалось, что даже занимавшийся по утрам на пляже йогой экстрасенс Зубарев чуть дольше задержал на нем взгляд. Действительно ли Веда представила его как известного кинодраматурга?

У междугородных автоматов толпились люди. Аппараты подключили, но слышимость была неважной, из кабин доносились голоса.

Денисов решил не звонить: о чем стоило бы громко, во всеуслышание прокричать, чувствуя за спиной дыхание не-

терпеливой писательской очереди? «Жив-здоров»? Лиана в этом не сомневается. Про другое, что очень редко, но все-таки может когда-то произойти с оперуполномоченным, ей сразу сообщили бы одновременно с уведомлением министру.

— Эрик, Эрик... — звала кого-то женщина в телефонной кабине с разбитым стеклом — из-за угла подошел облезлый маленький кобелек величиной с курицу. Женщина успокоилась.

Стоял самый зной.

На этот раз Денисов направился к даче Роша, соблюдая максимум предосторожности: петлял по поселку, резко разворачивался и шел навстречу тому, кто мог за ним следовать.

В своем расследовании убийства Волынцева он словно обрел под ногами знакомую почву. Особенно, когда прочитал корреспонденцию в районной газете.

«Дом», «дача», «деньги» — понятия эти были больше из его обихода — старшего группы по борьбе с кражами и руководителя группы захвата, чем такие, как «дефицит престижности» или «комплекс неполноценности», с которыми он постоянно сталкивался в связи с делом Ланца.

Осторожно, убедившись, что никто его не видит, он поднялся на киловую гору, к даче. Здесь было тихо и знойно. Внимание Денисова привлекли стрекозы. В огромном количестве они с шумом металась по сторонам.

Внизу, у спасательной станции, несколько цыганок рекламировали свой традиционный товар — румяна, тушь, знакомство с обозримым будущим. Клиентов явно хватало. Наступал обеденный час, от кафе до забора тянулась очередь.

В доме Роша, напротив, движения не чувствовалось, залитая солнцем площадка у входа была пуста. Обстановка была знакома: ржавый якорь, фонарь. Кое-где на деревьях виднелись желтые плоды, по цвету напоминавшие абрикосы. В соседней даче на балконе красилась женщина, она не обратила на Денисова никакого внимания. С моря, от Карадага, шел катер — красный с белым.

Денисов осторожно спустился во двор, обогнул дом. Машины на месте не было. Роша все еще не вернулась из поездки. Под деревьями, где рядом с дорожкой ржавело несколько металлических кроватей, висел гамак. Дерево, которое Денисов сверху принял за абрикосовое, оказалось в действительности яблоней.

Он приоткрыл дверь в мастерскую.

«Тиски, акваланг. Якорь. Еще один... Ланц в рукописи только раз упоминает дом. Выходит, ни разу не спускался к даче! Именно Волынцева дача и миллионы старухи Роша никогда не интересовали!..»

Свисавшие канаты у входа напоминали свалывшуюся шерсть грязно-белого пуделя.

Одно из окон, выходящее в сад, оказалось забранном металлической решеткой. Против окна виднелись книжные полки. Денисов рассмотрел несколько старинных, с золочеными обрезами томов Брокгауза и Ефрона, на столе деревянную шкапулку. Боковые стены скрывали тяжелые шторы.

«Видимо, это комната художницы... — подумал Денисов. — Возможно, в ней есть старый тяжеленный сейф, ключ от которого она всегда носит с собой...»

Он отошел от окна. Синие, шире обычных, тела трепещущих стрекоз мелькали на солнцепеке.

«Непонятная активность...» — подумал Денисов.

Он нажал кнопку звонка — пронзительный звук повис в пустом доме, звонок работал идеально.

Терраса заканчивалась площадкой, Денисов подтянулся, забросил ноги, через секунду уже стоял наверху. Его внимание привлекла застекленная веранда.

«Интересно, где родственник Роша хранит коллекции? — подумал Денисов. — И был ли среди его трофеев пистолет испанского производства?»

Приглядевшись, он увидел внутри двери, по одной с каждой стороны помещения. В простенке между ними висели старинные большие часы, рапира, а выше — два скрещенных пистолета, похожих на дуэльные.

«Ночью все здесь будет выглядеть иначе... — подумал Денисов, отходя, мысленно расставляя вокруг ориентиры. — Все по-другому».

Заостренным носом дача словно правила в море, площадка напоминала открытую палубу, здесь тоже был якорь. Корабельная цепь, снасти.

Внизу, как и накануне, у пункта с пожарным инвентарем кружили добродушные псы; посудомойка несла к свалке очередную стопу битых тарелок.

Пожарный багор, упоминавшийся в записках Ланца, был на месте.

Денисов спустился на писательский пляж. Под навесом, в тени, было много свободных мест; не снимая сорочки, он присел на топчан.

Даже тут было полно взволнованных стрекоз, он никогда не видел их в таком количестве, они метались, как потревоженный осиный рой.

«Важные события внутривидовой жизни или предчувствия перемен? — подумал Денисов. — Может, активность солнца?»

Люди вокруг, напротив, вели себя спокойно. Рядом сосед массивов шейные позвонки. Две молодые девушки в ку-

пальниках шептались о чем-то тихо-тихо со внешне безразличными лицами. Надо было быть глухонемым, чтобы что-нибудь понять, читая по их губам, как с листа. Но они понимали и старались не смотреть на двух ожидавших их парней в белых джинсах и майках «Мальборо». Те тоже совещались. Вся их тайная жизнь шита была белыми нитками.

— Добрый день. — Денисов поднял голову. Веда была не одна, с привычной компанией. — Не возражаете, устроимся впереди вас?

На пляже было полно мест, но Веда оказала ему честь. Была ли в том благодарность за то, что страхи, которые пришли с ним, мгновенно рассеялись? Дань ли профессии, диктовавшей образ жизни, отличный от всех?

Спутники поздоровались преувеличенно любезно, не исключая Зубарева. Денисов кивнул. Он знал, что уступает по части приветливости и хороших манер. И может держаться просто и раскованно только со своими.

Солнце хмурилось, и небо не было прозрачным, как утра: в нем словно носился мелкий истолченный песок. Похожее на парусник облако гнало к берегу низко, почти над головами, скоро оно должно было заставить пригнуться всех, кто находился на пляже. Было тихо, только что-то поскрипывало в морском велосипеде, правившем к берегу, да прибывала волна.

Компания говорила на темы, связанные с непознаваемым, необъяснимым.

— Я читал об этом у Парнова... — сказал кто-то, имя это Денисов знал. — Они берут двенадцать четных знаков и двенадцать нечетных, меняют произвольно местами, и медиум должен расставить их по местам...

— Бред.

— Не скажи! Раз военный комплекс интересуется — значит, есть смысл!

Денисов вспомнил рукопись, Ланц писал:

«Издавек я видел, как у корта собирается их компания — короткий, крепкий, как гриб, — сценарист или драматург; инфантильный с розовыми щеками, в очках — филолог; наконец, тоже высокий, тоже в очках, самый невзрачный, казавшийся наиболее простым и понятным, а на самом деле — философ, знаток древней «кабалы»...

— Привет!

Похрустывание гальки, на которое Денисов не сразу обратил внимание, исчезло. Приветствие относилось к компании, сидевшей с Ведой.

— С приездом!..

Денисов увидел незастегнутые сандалии, загорелые мужские ноги, шорты, наконец упругий, круглый живот. Мацей — в обычной своей униформе, с детской красной фуражкой на голове — на этот раз был не один. Женщина, стоявшая с ним,

кого-то напоминала. На ней были туго обхватившие ее шорты, майка, белая панамка с видами Гамбурга. Серые глаза за стеклами выглядели смущенными, несколько раз она оглянулась, словно кого-то искала.

«Наталья Кирилловна Ширяева, — Денисов узнал ее. — «Легитим», «Законная»... «Анастасия!»»

Компания пришла в движение, мужчины встали.

Денисов наблюдал. Ширяева и Веда разговаривали как люди, успевшие обменяться новостями.

— Ночуешь у Сусанны? — спросила Веда.

— Не хочу. Никто не жил — боюсь, в доме все-таки сыро.

— Значит, у меня. А Николай? — Денисов понял, что Веда интересуется родственником художницы.

— Мне кажется, махнет в Судак, к своей пассии. Последний вечер!

Ширяева снова оглянулась, на долю секунды Денисов задержал ее взгляд — рассеянный, вместе озабоченный. Может, она действительно надеялась встретить кого-то на писательском пляже, в Коктебеле, в день приезда?

«Волынцева?!»

Этим человеком, однако, никак не мог быть молоденький сержант, с которым Денисов познакомился в первый день пребывания в Доме творчества. Сержант уже некоторое время, стоя у входа, пытался обратить на себя внимание московского оперуполномоченного.

Денисов понял. Выбрав удобный момент, поднялся, пошел к выходу.

Начальник милиции вел прием. Когда Денисов вошел, он заканчивал разговор с парнишкой-отдыхающим. Не улыбающийся, черноволосый — парнишка был похож на палестинца, несмотря на явное «оканье» и «ч», близкое к «ц».

— У хозяйки две дочери, обе незамужние, деликатные, тактичные... — говорил он. — Но чувствую — попадаю в зависимость. Давят. А в Свече жена, ребенок. Хочу уйти — паспорт куда-то исчез...

«О, эти скромные дети наших хозяев!» — подумал Денисов. Несколько минут он сидел тихий, еще не пришедший в себя после встречи на писательском пляже.

Он ничего не решил, но уже знал, что прибыл в Коктебель удивительно кстати.

«Все, кто был в мае, все здесь. Ситуация повторилась. Без Волынцева, но с участием оперуполномоченного!»

Электроника в кармане слабо пискнула.

— Я поговорю. — Лымарь записал адрес. — Постараюсь помочь...

— Спасибо. — Парнишка пошел к дверям.

— Ты просил Пашенина узнать, кто поменял звонок на

даче Роша? — спросил Лымарь, пользуясь минутой, пока, кроме них, в кабинете никого не было. — Тут не ясно. Художница человек всеми любимый и уважаемый. Ей несут все необычное — старые картины, книги, дары моря.

— Так.

— Кто-то заметил, что на двери старый дребезжащий звонок. Поставил новый.

— Давно?

— В мае. Перед ее отъездом.

— Что за человек?

— Не помнит.

— Она жаловалась на старый звонок?

— Нет! Но все видели, что он ни к черту. Конечно, ты мог бы сам с ней поговорить. Но я не стал бы это делать. Поверь. Я давно имею дело с творцами. Их женами, детьми... Тут надо такт. Привычку. Можешь взволновать — и весь приезд насмарку! Не напишет и строчки... — Денисов вспомнил бесстрастно-вежливую женщину-регистратора Дома творчества. Отсюда все и начиналось: «Их нельзя беспокоить!»

— Что с другими поручениями?

— Родственник Роша — Николай... Сутыгин — сосед по номеру, соседи по столовой... Ответы еще не пришли. Как будут — сразу сообщу... Интересно, что дадут допросы? Все-таки ближайшее окружение Волынцева!

Денисов не ждал ничего особенного из Харькова.

— От знакомых и родственников вряд ли удастся узнать больше, чем содержится в рукописи!

Об этом свидетельствовала предосторожность, с какой Волынцевым направлялась корреспонденция в Дом творчества на имя Настасьевой, весь характер взаимоотношений в Коктебеле.

«Анастасия и Ланц! Пуще всего он боялся ее скомпрометировать. Их отношения едва ли предполагались даже самыми близкими! Даже Ведой и ее мужем!»

Из дежурки донеслись голоса, несколько женщин громко пререкались с дежурным.

— Гадалки?

— Не знаю, что делать. Целый табор. Того и гляди дежурку разнесут.

Набившиеся в кабинет женщины повели себя шумно. Каждая кричала свое. Грудные дети заревели все разом, матери, крича, тут же принялись их кормить и успокаивать. Призем был проверенный, старый, как мир; никто не в состоянии был выдержать и нескольких минут массированного натиска. Это была игра. И цыганки, и Лымарь об этом знали.

Денисов собрался идти, но сначала следовало освободить Лымаря. Денисов знал, как это делается.

Женщины продолжали неистовствовать, на Денисова никто не обратил внимания.

— За что штраф, начальник! За что?! Майор!..

Все громко обменивались по-цыгански.

Денисов поднялся, выбрал одну из цыганок, кричавшую больше других, поманил пальцем.

— Сыр тут кхарна? Про лав? — Спрашивать следовало очень серьезно и как можно спокойнее: — «Как тебя зовут? — Он опустил свои знания языка ровно наполовину. — По имени?»

— Мария...

Она опешила. Вопрос Денисова произвел впечатление разорвавшейся бомбы: пока они кричали, в кабинете сидел человек, знающий цыганский! Все слышал.

Даже Лымарь был ошеломлен.

Так продолжалось минуту, Денисов уже знал, что за этим последует.

Оправившись от шока, женщины оставили Лымаря, кинулись к нему, забросали вопросами, просьбами: он был «свой». «Обязан помочь!» Денисов не понимал ни слова.

Для этой стадии он берег вторую, и последнюю, известную ему фразу.

— Дедума гаджиканес! — Он пожал плечами, как бы извиняясь, показал на Лымаря. «Говорите по-русски...» Было ясно: в присутствии сослуживца ему не совсем удобно пользоваться языком, которого тот не знает. — Главное, давайте спокойнее.

Сам он отнюдь не был спокоен, поэтому, уходя из дежурной части, взял сданный по приезду в Коктебель пистолет.

Не спеша вернулся он к себе. В калитке бабуся-сторожиха приветствовала его как знакомого: на этот раз она дежурила со стороны набережной:

— Седни ходы, бо завтра не пушшу! Срок кончился!

Денисов только улыбнулся.

«Спокойствие, как перед экзаменом, — подумал он, — когда известно, что ничего не знаешь, а учить поздно! Будет как будет...»

Денисов продолжал жить в домике один, вторая — стоявшая углом к первой — кровать все дни оставалась свободной.

Он лег, намереваясь выспаться, обычно это всегда удавалось, если предстояло что-то серьезное и значительное, как сегодня. Но тут его словно заколодило. Он вспомнил Ширияеву, взгляд, искавший кого-то на писательском пляже.

«Их отношения продолжались. Остались такими же сложными. Странный тупик, в который люди себя сами загнали... — Денисов удивился, как это раньше не пришло в голову. — Они должны были встретиться в Коктебеле! Ширияева недоумевает: что произошло? Почему его нет?! Ей тяжело: никому не может открыться...»

Догадка вряд ли могла помочь расследованию. Но только на первый взгляд!

«А если его и убили именно потому, что он собирался на эти дни в Коктебель!»

Ни Веда, ни Ширяева, ни компания, ходившая с ними, в столовую не явились, приборы их остались нетронутыми.

Денисов снова вернулся к себе. Несколько раз, не раздеваясь, ложился, выключал свет. Снова зажигал лампу, брал рукопись.

«Молодой парень, которого Ланц выследил ночью... Как он стухнул, когда Ланц подошел к его машине! Какое объяснение он дал своему ночному посещению дачи Роша! П л е м я н н и к! — Денисов поглядел на часы: было уже темно, но все еще достаточно рано. К ночи волнение моря усилилось. Глухие удары настигали берег быстро и часто. Не оттого ли волновались стрекозы?! — Он явно нездешний... Но и не москвич, хотя каким-то образом и связан с московским вокзалом...»

Когда Денисов вышел на набережную, там оставались последние отдыхающие. Гул моря был протяжным. От неярких светильников к разбушевавшейся воде скользили тени. В черноте таял конец узкого причала для прогулочных катеров. Ни Карадага, ни звезд видно не было.

Мимо Дома-музея Волошина Денисов двинулся в направлении пансионата и турбазы. Тротуары были пусты, ветер гнал обрывок газеты — Денисов не поспевал за ним. Пляжные постройки отрезала чернота, свет и тень казались четко разграниченными.

На скамейке в конце набережной Денисов увидел незнакомого мужчину и мальчика, они молча жестикулировали. Когда Денисов проходил мимо, мужчина спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько времени? — Глухонемым оказался только мальчик.

Между набережной и автокемпингом Денисову никто больше не встретился. В темноте море звучало глуше и яростнее.

Между машин и палаток Денисов прошел к административному домику — палаточный лагерь был тих, хотя не спал. В палатках горели огни, призрачные тени касались матерчатых стен.

Денисов прошел к площадке между административным домиком и шоссе. Машины, оставляемые на нейтральной полосе, были как бы на стоянке. В то же время в любую минуту могли уехать.

«Запорожца» из Мелитополя на площадке уже не было, на его месте стоял зеленый «жигуль». Номер был крымский, хорошо запоминался: 18—17. Денисов обошел машину — задние крылья, колпаки колес, бампер были знакомо забрызганы глиной.

«Ну вот, — подумал Денисов. — Машина снова выдвинута на передовую позицию!»

На тропе, поднимавшейся к киловой горе, глаза слепил фонарь, висевший у спасательной станции. Выше начиналась тьма. Свет фонаря сюда не доставал. Денисов шел бесшумно, легко ощупывая ногами дорогу. В темноте он прошел мимо боковой калитки.

Внизу был обрыв, ярко освещенная дорога к аварийному пляжу, малолюдная даже днем. Чуть сбоку, внизу, была дача; калитка с надписью «злая собака», которую он не заметил в темноте, отсюда была хорошо видна, за ней начинался невидимый из-за черноты сад.

Денисов задержал в груди воздух, неслышно выдохнул — дыхание выровнялось; бесшумно спустился к даче.

В саду было темно, но не в такой степени, как он предполагал. Окна, выходявшие на киловую гору, не были освещены, только крыльцо и веранда. В доме было тихо. Прошла вечность, пока Денисов различил доносившиеся из дачи негромкие голоса. Он поборол искушение спуститься вниз, к веранде, посторонился, освободив тропинку. С места, где он стоял, дверь дома не была видна — лишь небольшое пространство перед входом, канат, якорь.

Сквозь гул моря откуда-то с киловой горы донесся странный звук — крик птицы или рык собаки. Один раз показалось, что со стороны веранды мелькнула тень. В саду? На самой веранде?

Было поздно. Около двадцати трех стукнула дверь, слышались голоса.

— Спокойной ночи! — говорили сразу несколько человек. — Хотите, пойдемте к нам! Места хватит!

Денисов рассмотрел всех, когда они вышли на площадку у входа:

«Веда, ее муж. Мацей. Ширяева... Еще двое, те, кто был на пляже... — Он не заметил высокого, в очках, блондина, занимавшегося йогой. — Только свои пришли прощаться».

Вдова Роша осталась на крыльце — Денисов услышал ее голос: резкий, не старческий:

— На следующее лето всех милости прошу ко мне в Репино.

Шурша кустами, компания спустилась к улице; брякнула невидимая, похожая на кладбищенскую, металлическая калитка. Свет на крыльце и на веранде погас, но зажегся в окне с решеткой, задернутой шторой изнутри.

Еще раз голоса раздалась внизу, но уже с другой стороны — у спасательной станции. Возгласы, смех.

«Задним умом всегда легче объяснить прошедшее. — Денисов поймал себя на том, что весь день подгонял события,

выстраивая некую общую схему. — Куда труднее предугадать...»

Он заранее решил, что останется здесь.

Свет в решетчатом окне горел недолго. Наступила темнота, наполненная гулом моря, — слышимая и зримая одновременно.

«Ланц считал, что эти люди на даче, хозяева и гости, выдумали непростую красивую игру, зная правила, легко и непринужденно играли ее долгие годы, незаметно для себя становясь профессионалами. Но кто-то, должно быть, как это бывает, играл без правил. — Денисов знал об этом как розыскник. — Жестко, с ясной целью».

Время ползло медленно. Денисов вспомнил дождь, шедший все эти дни в Москве, пока занимались делом Волынцева, стекавшие с пронзительно высвеченной платформы потоки воды — казалось, они журчат и сейчас; взгорбленный над неподвижным мертвым телом брезент... Стоило ему об этом подумать, и сразу, словно в калейдоскопе, начали мелькать лица, события — Бахметьев, Королевский, супруги Сазоновы, у которых Волынцев ночевал в Москве, слуха коснулся незнакомый напевный голос по аппарату прямой связи «пассажир — милиция»: «Пусть носильщик расскажет про оружие...» Последним память зафиксировала белесые напряженные глаза Салькова, когда он, Денисов, поверг его в смятение, предположив: «Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?»

Дача была деревянной. Время от времени в ней раздавались таинственные звуки. Скрипнула половица. Флюгер. Снова стало тихо. Со стороны кафе принесло запах котлет. Тявкнула беззлобная коктейбельская шавка.

Денисов напрягся, правая рука его бесшумно скользнула под мышку к кобуре. На горку поднимались, прошли над откосом. Что-то невидимое коснулось калитки, в которую Денисов вошел, через секунду она отворилась. Человек прошел рядом, тяжело, едва не задев. Исчез в темноте.

Ситуация, описанная Ланцем, повторилась.

Кто-то спустился к дому, пнул лежавший на крыльце канат. Скрипнула незапертая дверь мастерской. Изнутри словно подали знак: царапнуло стекло.

Денисов начал бесшумно спускаться. Неизвестный отошел к убранному решеткой окну комнаты художницы, теперь он был рядом, тяжелый, высокого роста. Денисов услышал его прерывистое дыхание. Внезапно человек замер, он что-то почувствовал. Под ногой Денисова хрустнула ветка.

В ту же секунду раздался треск раздираемых кустов. Человек бросился вниз, к улице. Заскрипела галька. Близко, потом у самой калитки.

Когда Денисов выскочил на улицу, все было тихо. Мерно

шумело море. У калитки валялся желтоватый, из плащевой ткани пояс, Денисов на бегу подобрал его.

Происшедшее не заняло и пяти секунд. Слева тянулась безлюдная, слабоосвещенная на всей ее протяженности улица Десантников, справа была набережная — темная вначале и залитая светом впереди, за калиткой Дома творчества.

Денисов выбрал набережную, черно-белую ее часть. Он бежал легко. Удары невидимых волн чередовались с движением балласта: камни на пляже скрипели, обдирая друг друга, словно уплотняемые щебнеукладчиком.

Он рассчитал верно: калитка Дома творчества была закрыта, но бабуся бодрствовала:

— Седни последний день! Так и быть! — Она выдернула пробой.

Не разбирая дороги, касаясь невидимых голубых елей, сирени, вечнозеленого букса, через клумбы с благоухающими в ночи глициниями, как вихрь, Денисов промчался к центральному воротам, выскочил наперерез.

Дальше бежать не пришлось. Высокий, в очках, блондин, в светлой куртке, то и дело оглядываясь, вылетел прямо на него.

— Милиция! — крикнул Денисов. Он узнал человека, которого преследовал, по желтоватой плащевой ткани на куртке.

Бежавший остановился.

Это не был ни Николай — родственник художницы Роша, ни один из тех, кто с вечера приходил на дачу вместе с Шириевой и Ведой.

Денисов видел его впервые.

Х. «МИНУС ТКАНЬ...»

Салькова увели. Но Денисов уже знал, что попал в точку, когда спросил:

— Пистолет у тебя? Ты подобрал его на платформе? Рядом с трупом?

— Что ты, Денис! — Под едва заметным белым пушком лицо Салькова слегка побагровело. — Тебе-то уж я бы сказал!

Носильщика допрашивал следователь. Был самый момент снять трубку, набрать номер Лины; она, наверное, все утро ждала звонка — Денисов так и не выбрал времени позвонить.

«Так закрутило с вечера...» — приготовил он первую фразу.

Проверка ночной гостиницы в парке отстоя поездов дальнего следования на Каланчевке, переезды, разговор с Олегом Степановым, видевшим, как носильщик на платформе следил за погибшим; сигнал по аппарату «пассажир — милиция», неудачная поездка с Ниязовым на квартиру Салькова, а потом более успешная в Прокуратуру СССР в поисках

свидетельницы, приехавшей просить за мужа... — не верилось, что все это произошло в считанные часы, а с момента обнаружения трупа на вокзале — всего чуть более суток.

За дверью кабинета послышались голоса — оперативники из группы по борьбе с кражами поднимались к себе: проверка ячеек автоматической камеры хранения ничего не дала — Денисов уже знал об этом, — портфель погибшего найден не был.

Денисов снял трубку.

Первой звонить мужу, который забыл предупредить, что не придет ночевать, Лина считала унижительным.

За окном снова моросило, как все эти дни. Видимый кусок неба над платформами — от элеватора до крыши центрального здания — с самого утра выглядел грязно-серым, словно в нем не переставая мыли кисти.

«Унылый фон всего этого дня...» — подумал Денисов, набирая номер. С другой стороны, он знал, преступления как раз и раскрывались в такие дни — скучные, невыразительные. Он скользнул взглядом по плану предстоящих на день мероприятий — от встречи с судебным медиком-экспертом до возможного визита к домашней работнице Сазоновых.

— Ти-ти-ти... — Номер Лины был занят.

«Звонит мне?» — Денисов положил трубку. В ту же секунду раздался звонок.

— Там этот носильщик, Сальков. Он на допросе у Королевского... — Звонил Бахметьев. Приказание носило характер просьбы. — Лучше, если сам доведешь с ним разговор до конца. У Королевского не пошло.

— Сейчас?

— Да, я сказал, чтобы его привели. Пока пистолет не ушел. Потом снова передашь следователю. — Бахметьев положил трубку.

Носильщик уже входил в кабинет, его сопровождал Ниязов.

— Привет. — Сальков протянул руку, он проверял свое процессуальное положение: сотрудники милиции не обменивались рукопожатиями с задержанными, лишь со свидетелями.

— Привет. — Ладонь Салькова оказалась вялой, почти не напряглась в пожатии, да это и неважно было: встреча с Денисовым его не порадовала.

— Я не нужен? — Младший инспектор пошел к двери.

Денисов набрал номер в надежде, что он снова окажется занятым. Трубку сняла Лина:

— Я слушаю.

— Так неудачно получилось вчера. Да и утро кувырком. Ты извини. Как дела?

— Знаешь сам.

— А все-таки?

— Ты не один? — Она тонко чувствовала его. Даже по телефону.

— Был, пока набирал номер.

— Спешешь?

— Работы много.

— Занят — не звони! — Разговор получился тягостным для обоих.

Носильщик обо всем догадался, смотрел понимающе.

— Как Наташа? — Был один только способ призвать Лину к порядку.

— Тебя это волнует? Когда брала из сада, сказали: «Из носа шла кровь после обеда...» Второй раз! Сейчас и в начале лета. А мы врачу показывали?

— Может, перегрелась?

— Ну, Денисов, ты даешь! — На том конце провода Лина тоже была не одна, разыгрывала маленький спектакль. — «Перегрелась!» На улице холодина, того и гляди снег выпадет!

— Не понимают, — посочувствовал Сальков, когда Денисов положил трубку. — Моя Татьяна точно такая. Все они.

— В какой момент ты обратил внимание на погибшего? — спросил Денисов, становясь другим. Ни Лины, ни Наташи в этой его жизни не существовало. — Видел с вечера? В залах?

— Только на платформе. — Сальков тоже сразу подобрался, был начеку.

— При отправлении тамбовского?

— Вернее, когда уже отправился.

— У вагонов?

— С нерабочей стороны.

— На том месте, где потом его обнаружили?

— Да, примерно.

— Когда ты его увидел... Что он в это время делал?

— Просто стоял, смотрел.

— Куда?

— Можно сказать — «никуда»... — Сальков подумал. — Стоял так, что ни пройти, ни проехать. — Раньше носильщик об этом не говорил.

— Один?

— Да.

— Окликнул его?

— Сказал: дай место, мол. Он как стоял, так и остался стоять.

— Как же?

— Посторонил, — носильщик показал жестом, — тачку провел по краю.

— Дальше.

— Поставил тележку, пошел за проволокой.

— Электропоезд на шестом пути еще был?

— Был. — Сальков взглянул обеспокоенно, в белесых на красноватом лице глазках невозможно было ничего прочитывать.

«Я для него менее удобен, чем следователь прокуратуры, который его не знает, — подумал Денисов, — и мне будет дано другое объяснение...»

Он не ошибся.

— Денис, — носильщик подчеркнуто-тягостно вздохнул. — Скажу, как было. Я проходил на посадке — пассажир этот стоял. Я на него внимание обратил: он был как пьяный или оглушенный.

«Женщина из прокуратуры тоже видела его, закрывшим глаза рукой...» — подумал Денисов.

Сальков искусно сплел правду и вымысел:

— Поставил тачку, пошел искать проволоку. А сам за ним слежу. Поезд ушел, а он, как стоял на платформе один, так и остался стоять. У элеватора меня парень окликнул, попросил закурить. Так все и было. Когда сцепку почтовых потянули, я потерял его из вида. И выстрела не слышал. Увидел только — лежит. Я к нему. Думал, пьяненький...

— Дальше.

— А что дальше? Вижу с ним рядом... пугач. Пугач не пугач. Зажигалка? Я ведь тогда еще не знал, что с мужиком. Подобрал игрушку эту и пошел. — В белесых глазках Салькова на секунду вспыхнул торжествующий огонек, но носильщик тут же его погасил. — Тут вижу: Ниязов! Я к нему.

— Пистолет у тебя?

— Сейчас дойду до этого...

Утро Сальков провел бесполезно для себя — Денисов сразу понял: ездил не в сауну — советовался с кем-то опытным.

— ...Ниязову я про игрушку эту ничего не сказал. А потом иду, думаю: «Зачем взял?! Из-за чепухи может неприятность выйти!» Мне бы вернуться, отдать оперуполномоченному. А я... Короче, подошел к мусоросборнику, бросил в контейнер, и делу конец... — Носильщик вздохнул. Он был из тех, кто быстро, по пустяку начинал волноваться и так же быстро успокаивался.

— Да и так рассуждать... — Салькову было мало того, что бы история выглядела правдоподобной, он хотел, чтобы Денисов в нее поверил. — Зачем мне пистолет? Откуда я знаю, где его достали? Кого из него уложили? Это ведь все на меня повесят! В жизни не возьму.

Как говорили на вокзале, он пытался повесить Денисову лапшу на уши. Закон ни в одном случае не делал человека ответственным за преступление, которое он не совершал. Сальков это отлично знал.

«Оружие становится дефицитом, — подумал Денисов. —

Есть люди, готовые из-за него на преступление. Сальков думал заработать большие деньги...» Человек, звонивший с перрона, не обманул: рядом с трупом был пистолет, и Сальков его взял.

— В какой именно из мусоросборников ты его выбросил? — спросил Денисов.

— У багажника. Бросил и думать забыл... Как считаешь, будет мне за это что-нибудь?

— 201-й... — окликнул по радиации дежурный. — Где находитесь?

— Третья платформа.

— Судебный медик позвонил. Выезжает к нам. Подходите. И поставьте в известность Королевского. Он с носильщиком. У контейнеров с отходами.

— Понял. — Денисов прыгнул с платформы, не обращая внимания на начавшийся дождь, повернул за вокзал.

Денисов знал о решении Королевского — допросить судмедэксперта. Такое бывало, если следователь признавал это необходимым и существенным, как в данном случае. Бахметьев решил этим воспользоваться — еще раз посоветоваться с судебным медиком и, как водится, пригласил старшего опера: Бахметьев не работал в розыске и по разным причинам не мог стать первоклассным розыскником, у него был свой дар — ОБХСС. Оба понимали это.

Мусоросборники находились позади высокой каменной кладки, отделявшей заднюю часть двора. Их было несколько, доставленных сюда на случай досмотра и взятых под охрану. На каждом были проставлены мелом координаты места стоянки в ночь происшествия — «зал 2», «пл. 4», «багажное 1».

Королевского что-то задержало, контейнеры еще не были осмотрены. Сальков, понятые и двое сотрудников милиции — когда Денисов подошел — стояли плотно сбитой группой. Носильщик повторял для понятых:

— Вижу: человек лежит! Думаю, может, обморок? Упал — виском об асфальт... Долго ли? — С каждым повтором объяснение Салькова выглядело более убедительным. К суду могло и вовсе обкататься.

— Мне и ни к чему про выстрел. Упал и упал! Кровь под ним? А у меня аллергия на кровь. Как вижу — сразу отключаюсь...

Он стоял спиной к Денисову.

— Дальше, — сказал Королевский.

— Думал, зажигалка! Или пистолет стартовый... Ну и взял посмотреть.

— Ну, потом-то понял, что оружие, не зажигалка? — спросил один из понятых — дружинник вагонного депо, — суровый, с большим животом. Сальков угрюмо взглянул на него:

— Потом — другое дело. А сразу-то? Поднял и по платформе, к вокзалу... — Сальков защищал свое право на ложь во спасение. — Вижу, оперативник дежурит. К нему. — Дальше пошло гладко. — «Скорую» вызвали. Стали спасать. Не я — он бы до камышинского на платформе лежал, до четырех утра! Конец пути — глухой, ходят мало! — Сальков не прочь был поставить случившееся себе в заслугу.

— Почему ж пистолет не сдали? — Понятой не успокоился.

— Я ж говорю: думал, зажигалка! Бывает? С тобой вроде ничего такое не случается.

— Такое? — сказал вагонник. — Никогда!

Второй понятой молчал.

— Как лежал пострадавший? — Королевский взглянул на часы. Он понимал, что опаздывает.

— Даже не заметил. — Со следователем Сальков говорил униженно-подобострастно. — Схватил игрушку эту и бегом по платформе.

— Бегом?

— Ну, пишете: «Быстро пошел».

— Дальше.

— Засомневался: «Зачем мне?» Надо бы, конечно, на место положить! А я сунул в мусоросборник у багажного отделения при входе... И все тут!

Королевский заметил Денисова, показал на часы. Сальков тоже увидел старшего опера; Денисову показалось — он снова покраснел. Светлый пушок на щеках выделился сильнее.

— Я только ведь потом сообразил, что из этой штуки он себя... — Сальников искал слово. — Ш п о к н у л!

«К слову «убить» десятки синонимов, — подумал Денисов. — «Лишить жизни», «умертвить», «ликвидировать», «прикончить», «убрать». Теперь вот «шпокнуть»... У «жить» — совсем мало: «быть», «существовать».

— Куда положили пистолет? — уточнил Королевский. — В середину контейнера? Сбоку?

— Сбоку.

— Вопросы есть? — Это относилось к понятиям.

— За пистолетом приезжал? — спросил второй понятой.

Все это время он молчал.

— Там записано. — Сальков махнул рукой. — Я все сказал, кому следовало. Приезжал. — Держался он уверенно.

«Вряд ли Сальков знает, что контейнер здесь, перед ним, — подумал Денисов. — Считает, что ему предложат только воспроизвести свои действия при понятиях. Маршрут движения, проход с платформы к багажке».

— И что? — спросил понятой. — Пистолета не оказалось?

— Контейнера не оказалось, — мягче объяснил Сальков. — Все контейнеры вывезли!

Королевский достал из «дипломата» чистый бланк, вменялся:

— Контейнеры здесь.

Салькову показалось: он ослышался.

— А с багажки?!

— Перед вами.

Сообщение явилось полной неожиданностью.

«На совещании в сауне этого не учли», — подумал Денисов.

— Покажите понятным, в какой части контейнера должен находиться пистолет, — предложил Королевский.

Контейнер, доставленный от входа в багажное отделение, полон был гнилыми овощами, отходами текстиля.

Сальков выглядел расстроенным.

— Вроде здесь. — Он провел вдоль передней стенки мусоросборника.

— Глубоко?

— Ближе к верху.

Королевский подал знак, один из младших инспекторов в рабочей робе, стоявший на соседнем контейнере, поддел лопатой рыхлую массу.

— Проверить металлоискателем...

Денисов оглянулся. От угла за ними наблюдала группа носильщиков, Денисов увидел бригадира Салькова — Романа, специально приехавшего на вокзал.

«Татьяна оповестила», — подумал Денисов о жене Салькова.

Малословный, с невыразительным плоским лицом, не лишенным, однако, магнетизма, Роман был фигурой загадочной — с носильщиков спрашивал строго за малейшую провинность, если требовалось, первым бросался на выручку постовым и оперативным уполномоченным. Бригадира за помощь благодарили и все же не доверяли: со своими подчиненными он был жесток, говорили, что обложил их бессовестными поборами, про которые ни он, ни носильщики нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминали.

Роман внимательно наблюдал за всем, что происходит. Денисов поймал на себе тяжелый, пристальный взгляд бригадира явно выделял его.

«Пистолет найден не будет...» — подумал Денисов.

Содержимое мусоросборника ложилось на асфальт. Младший инспектор освободил большую часть контейнера, второй — в резиновых перчатках — проверял.

Пистолета не было.

Сальков нервничал:

— Может, кто следил в ту ночь за мной? Взял? Может, контейнер спутали?

Из дежурки доставили металлоискатель. Другой младший инспектор, он же оператор, занялся штангами — их следовало соединить с упором.

Денисов отошел в сторону, по радиации вызвал дежурного:

— Разыщи Кравцова. Пусть посмотрит за бригадиром носильщиков. За Романом...

Металлоискатель заработал, оператор поправил наушники, поднес к поисковому устройству трехкопеечную монету — проверил звук.

«Если пистолета в контейнере не окажется, — подумал Денисов, — будет сложнее: Салькову придется опознавать оружие по фотографиям. А это менее точно».

Когда Денисов снова оглянулся, бригадира носильщиков поблизости уже не было.

Опознавание оружия производили в кабинете Бахметьева. За окном, в зале для транзитных пассажиров, внизу, было шумно. С высоты антресоли казалось, там, внизу, не затихая, как всегда, круглые сутки льет дождь, бьют фонтаны.

— Не то, не то... — Сальков быстро листал альбом. — Не то...

С тяжелых, из мелованной бумаги, листов смотрели фотографии пистолетов разных годов, стран, моделей. Денисов они напоминали породистых собак.

«Овчарки, спаниели, эрдели...» Длинный итальянский «глизенти» вызывал в памяти русскую борзую, жилетно-карманные американские и бельгийские модели смахивали на короткошерстных терьеров.

— Не ошибаетесь? — спросил Бахметьев. Вместе с судебно-медицинским экспертом он зашел в кабинет, где Королевский в присутствии понятых проводил опознание.

— Зачем? Совсем небольшой такой... — Найдя спасительные формулировки, носильщик стал значительно спокойнее. — Я думал, зажигалка! Или игрушечный, стартовый!

— Куда же он делся?

— Из контейнера? Ума не приложу!

— Кто-нибудь видел, как вы бросили туда оружие?

— Это запросто!

Денисов перешел к окну, выходявшему в зал. В проходе между креслами внизу не прекращалось движение людей. Усиленный эхом фон нес звуки беспокойного вокзального бытия.

Он не сомневался в том, что носильщик вначале действительно припрятал пистолет в мусоросборник, а потом вернулся и взял.

«Сейчас пистолет может находиться как угодно далеко, в зависимости от того, кому Сальков или Роман решили его продать...»

Тем временем суждения Салькова о пистолете становились постепенно менее категоричными, он листал альбом не так быстро, порывался вернуться к началу. Королевский нарезал полоски бумаги, носильщик прибег к закладкам, их набралось не менее десятка.

— Похож на эти. Больше ничего не могу сказать. — Сальков показал на страницы, отмеченные закладками.

Следователь принялся за протокол:

— «Алькартасуна», «менц», «пума», «беретта», «алькартасуна» типа «руби», «сулайка» модели 1914 года... — повторял он для понятых. — «Себра», «ретоласа» модели 1914 года, «вальман», «изарра»...

Пистолеты, опознанные Сальковым, были похожи друг на друга, с вертикальными дульными срезами, и все, кроме «менца» второй модели, германского производства, оказались испанскими.

— Смущает то, что почти в каждом из этих имеется выступ отражателя, — констатировал Королевский, когда Салькова увели и сотрудники остались одни, — а на гильзе след выступа отсутствует!

Денисов нашел в блокноте таблицу:

— «Беретта», «пума», «вальман» модели 1914 года... Все без выступа отражателя!

Бахметьев нажал на тумблер прямой связи с дежурным, подвинул ближе протокол опознания, продиктовал марки пистолетов:

— Срочно объявить в розыск...

Через несколько минут телекс с описанием трех из опознанных Сальковым марок оружия должен был попасть в каждое из почти двухсот отделений московской милиции.

— Перед экспертизой поставлено свыше двадцати вопросов, — судмедэксперт оглядел бороду, живые, навывкате, глаза блеснули. Человек он был, безусловно, талантливый, своеобразный. Все, в том числе и этот разговор, и свою серьезную, на грани трагического работу, воспринимал как умную интересную игру. — «Какие повреждения на теле трупа?», «Если это огнестрельное ранение, то с какого расстояния произведен выстрел?»

Он предпочел назвать большинство из поставленных Королевским вопросов:

— «Имеются ли на трупе признаки, свидетельствующие о борьбе или самообороне?», «Где находится входная, а где выходная рана?»

Отличить входное отверстие от выходного подчас было трудно: у того и у другого имелся дефект ткани, на языке специалистов, «минус ткань», и только крохотный след пули — «поясок обтирания» — присутствовал, как правило, на входном.

Он перечислял и перечислял. Экспертиза огнестрельной травмы являлась одной из сложных.

— Итог... — он сделал паузу. — Входное отверстие находится на передней поверхности грудной клетки. Слева, здесь поясок обтирания и минус ткань.

— Слева, — повторил Бахметьев.

— Примерно в области пятого межреберья имеется входная огнестрельная рана, а на спине слева, ниже лопатки, выходная. Выстрел в грудь. Это точно. Признаков, свидетельствующих о борьбе или самообороне, нет...

Так же четко ответил он на другие вопросы.

— Направление пулевого канала? — спросил следователь.

— Спереди назад, сверху вниз.

— Сердце?

— Повреждение стенок. Кроме того, тканей левого легкого. В плевральной около двух тысяч миллиграммов жидкой крови.

— Что можно сказать о дистанции?

— Выстрел произведен с расстояния нескольких сантиметров. Исследования подтвердили, — дальше все было знакомым понаслышке. — Пробы Владимирского-Эйдлина. Насчет копоти — контактно-диффузионный...

В заключение — уже по собственной инициативе — эксперт процитировал:

— «Ежели кто себя сам убьет, то подлежит тело его палачу в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улице и обозу». — По стилю это напоминало документ Петровской эпохи. Так и оказалось. — «Устав 1716 года. Артикул 164».

Денисов взглянул в зал для транзитных пассажиров внизу. При свете, проникавшем сквозь застекленную по самую крышу стену, при выключенных светильниках в дурную погоду там становилось удивительно пасмурно.

«Цвет дождя, цвет оружия...» — подумал он.

Сбоку, недалеко от касс, виднелась группа носильщиков. Они взволнованно что-то обсуждали. Догадаться о причине возбуждения было нетрудно.

Салькова оставили в дежурной части на три положенных для разбирательства часа. На заднем дворе, в целях устранения возможной ошибки, полным ходом шла проверка остальных мусоросборников. В зависимости от результатов Королевский должен был отпустить Салькова либо задержать.

«Пистолет в последнюю минуту появится, — подумал Денисов. — Потому Роман и приезжал».

Кравцова в зале он не увидел.

— В порядке ли вещей то, что самоубийца не оставил ни одного документа, указывающего на свою личность? — Королевский сформулировал вопрос, хотя и не собирался записывать его в протокол. Вопрос был вне компетенции эксперта. — Не говорю уже о предсмертной записке!

Медик пожал плечами:

— Ничего необычного. И в целом — тоже. Самоубийцы,

правда, чаще стреляют в висок. Реже — в рот. Но и в сердце случается. О времени совершения... — Он подумал. — Ночью происходит меньше число самоубийств, чем днем или вечером. Но и это бывает. То же относительно предсмертной записки и документов.

— Ничего не известно, — следователь вздохнул. — Чем жил последние дни перед гибелью? Что привело к кризису? И второй день дождь... — Королевский смешал вместе обстоятельства уголовного дела и погоду.

Эксперт процитировал по памяти:

— «Несчастливая любовь всегда была в человечестве, но только в последнее время... — Это из книги «О самоубийстве» Невзорова, первая типография императорского университета, Казань, — ...вошло в моду лишать себя жизни от «безнадежной любви»...» — У него была блестящая память. — «Любовь, ревность... — пишет автор. — Все излечимо. Большое значение при лечении ревности, — считает Дескюре, — имеют климатические условия, прогулки». Из напитков в этот период предписывается обыкновенная вода, хороши минеральные ванны...

Дело о неопознанном трупе после установления причин смерти как бы прекращало для него существовать, целиком переходя к следователю и оперуполномоченному. Освобождаясь, медик мог позволить себе не спешить. В его работе судебномедицинского эксперта так тоже бывало нечасто.

— Пицца для человека, который хочет излечиться от ревности, должна быть легко перевариваема. Рекомендуются не злоупотреблять физическими упражнениями, воздерживаться от употребления слабительных. И вообще, писал Фере: «От любви сходит с ума только тот, кто уже до этого был болен душевно...»

Денисов по рации разыскал Кравцова:

— Чем он в данный момент занимается?

— Роман? Ходил к телефону-автомату за вокзал. Телефонном в приемной начальника смены не воспользовался.

— Один?

— Ходил? Да. Проверяется, не смотрят ли за ним. Звонил двум абонентам. Говорил коротко. Мне показалось, что одного из них дома не оказалось, он послал второго его искать. Принимает какие-то чрезвычайные меры. Может, боится, что Сальков расколется?

— Все?

— Да.

«Последствия принимаемых мер, — подумал Денисов, кладя трубку, — по-видимому, не замедлят сказаться».

Он снова не ошибся.

Прошло меньше часа, и дежурный позвонил в кабинет:

— Удача, Денис! Пистолет нашелся. Сейчас сообщили. Из отдела охраны метро.

XI. «ПЕРСТ СУДЬБЫ...»

Сотрудники охраны метро, передавшие ориентировку, ждали внизу, на платформе: капитан в милицейской форме и оперуполномоченный — спортивного вида, в кроссовках, в двухцветной импортной куртке.

На скамье, окольцевавшей широкую, в мраморных плитках колонну, стояла матерчатая сумка. Выцветшие рисунки ее копировали Периодическую таблицу.

— Так все и было, когда мы приехали, — объяснил капитан. Оперуполномоченный охраны метро констатировал:

— Повезло вам с оружием. В чьи руки оно могло попасть и что могли с ним натворить...

— Кто обнаружил? — спросил Денисов у капитана.

— Дежурная по станции. Вот она идет.

В красном форменном котелке женщина поздоровалась.

— Пассажиры уехали, а сумка стоит! Чувствую: не то...

— По-вашему, сумка долго простояла?

— Минуты три. Максимум четыре. — Женщина выглядела решительной. — Предыдущий поезд отправлялся — ее еще не было.

— Пассажиры стояли у этой скамьи?

— Кто-то был. — Она зажмурилась, мысленно восстанавливая картину. — Не помню.

Денисов подумал:

«Человек, оставивший сумку, может, и сейчас на платформе...» Всегда становилось слегка не по себе, когда оказывалось, что преступник, которого разыскиваешь, и ты почти в одно и то же время находились в одном помещении, на одной улице, могли встретиться глазами, случайно коснуться одежды другого.

— Вызвала уборщицу, чтобы вместе посмотреть. Чтоб без претензий. Стали смотреть. Газеты. А в них э т о... — Она не назвала предмет ни пистолетом, ни оружием.

Подошедшая к разговору старуха в черном халате вздохнула:

— Ну, молодежь! — Она тоже ничего не видела, привычно грешила на молодых.

— Содержимое мы описали коротко. — Милицейский капитан спешил. — Следователю все равно осматривать...

— Старые газеты эксперт пусть проверит, — посоветовал оперуполномоченный, — может, следы пальцев!

— Не нужны? — за себя и уборщицу спросила дежурная. Из туннеля донесся грохот очередного поезда.

— Нет. — Денисов отпустил обеих.

Эскалатором поднялись в вестибюль. Сумку нес капитан, она еще числилась за отделом охраны. В комнате милиции капитан по списку передал Денисову содержимое:

— Газеты «Вечерняя Москва» от 26 и 30 августа, газета «Гудок» от 13 июля, «Водный транспорт» от 11 августа. Пистолет иностранки «пума» — один, магазин — один.

— Отпечатки пальцев смотрели?

— Все блестит. Вытерто. Симпатичная игрушка.

Денисов не поддержал.

«Сколько жизней она унесла? Сколько из нее стреляли? В кого?» Даже при поверхностном взгляде бросалась в глаза незатейливость и целесообразная простота конструкции, в первозданном виде сохранившаяся только, может, еще в крысоловке.

Он проверил марку: «пума»...

У Салькова был острый глаз — пистолет действительно оказался одним из опознанных им и к тому же испанского производства — вороненый, с прицельной прорезью, со множеством разбежавшихся по кожуху-затвору мелких латинских букв. Денисов разобрал еще три слова: «Fabrigue», очевидно, «фабрика», «d'Armes» — «армия?» — и «Guegге», «Военное?» «Война?» — Пистолет мало походил на стартовый, тем более на зажигалку. Денисов взвесил его на руке. — «Граммов девятьсот. Примерно 15 × 15 сантиметров...»

— Магазин пуст... — Получив расписку, капитан сразу распрощался, оперуполномоченный вышел его проводить.

Денисов набрал номер дежурного:

— Пистолет у меня. Действительно «пума». Пусть эксперт никуда не уезжает. Начальник у себя?

— Только вернулся из управления, с Лесонарядской. — Управление размещалось в двух зданиях, в разных местах. Постоянно приходилось уточнять: «с Лесонарядской» — означало «от руководства» с вытекающими из этого последствиями.

— Что-нибудь произошло?

— Новости у нас. — Дежурный был доволен: все успехи, что выпадали на период смены («Вот и «пума» тоже...»), шли в актив руководимой им дежурной части. Впрочем, и неудачи — бывал ли дежурный виноват или нет — также списывались на него. — Портфель доставили!

— Погибшего?

— Да. Водитель «аннушки», — имелся в виду трамвай, делавший круг недалеко от вокзала, — подобрал, сдал на склад. Кто-то забыл или бросил.

— На кругу?

— У забора, рядом со стройкой.

— В ту же ночь?

— Подобрал? Да. Но значительно позже. Отвез в трамвайное депо, оставил. А сегодня пришел с выходного, сдал. Нам позвонили.

— «Все восстает на круги своя...» — Королевский привел цитату не точно, но многовековая мудрость от этого не пострадала. — Вот и пистолет возвратился.

Следователь что-то писал в кабинете Бахметьева, начальника отдела не было.

Портфель лежал тут же, на приставном столике, изношенный и старый, каким Денисов себе его и представлял, однако ветхость и обветшалость имеют тысячи лиц, и портфель был иным, чем ему рисовался. Ручка — никто из свидетелей об этом не говорил — была обернута изоляционной лентой, латунные замки выглядели бурыми от времени и осадков. Рядом, на газете, лежала неновая в крупную клетку сорочка, несколько шариковых ручек, два соединенных на брелоке ключа.

Денисов потрогал сорочку — она была влажной:

— Обнаружена не в портфеле?

— Рядом. Портфель, похоже, перевернули и вытрясли содержимое. Всей душой надеюсь, что это сделали там же, у забора.

— Наши пошли туда?

— Кравцов, Ниязов. Человек пять. Скоро должны вернуться.

— Можно? — Денисов открыл портфель.

Внутренняя подкладка была чистой, хотя и изрядно подпорченной. Денисов попытался определить этимологию пятен, почти все были явно чернильного происхождения.

— Стерженьки с пастой нам вряд ли поведают о многом. — Следователь снял колпачок с одной из ручек, провел шариком по газете. Шарик оказался зеленым. — Такие продаются везде, в том числе и у вас на вокзале.

— Зеленый. — Денисов кивнул на стержень. — Возможно, этим он написал для Захаровой телефон Сазоновых...

— И в самом деле.

Денисов подумал о погибшем:

«Много писал, а что сделал с написанным? Отослал? Выкинул? Может, тоже находилось в портфеле?»

Королевский отодвинул протокол, поднялся, сделал несколько шагов вокруг стола:

— Когда подбросили пистолет, Сальков находился у нас. У него алиби. Мне бы очень не хотелось, чтобы он снова, как в истории с почтовиками-грабителями, вышел сухим из воды...

— Это бригадир. Роман... — Денисов тоже поднялся.

— Скорее всего оружие было уже продано, и Роман дал задний ход... — Следователь осторожно прикоснулся к пистолету. — И все равно: если бы на рукоятке остались следы пальцев Салькова, носильщик мог сказать, что они от того времени, когда он бросил оружие в мусоросборник. Ничего не докажем. А коль скоро они удалены, он опять ни при чем: это мог сделать тот, кто подбросил «пуму»...

«Следы на газетах, — подумал Денисов, — они-то обязательно принадлежат тому, у кого находился пистолет».

Все три газеты — «Вечерняя Москва», «Гудок» и «Водный транспорт» — лежали теперь упакованные отдельно: ими надлежало заняться эксперту.

«Кто покупает одновременно и «Водный транспорт» и «Гудок»?.. — подумал Денисов. — С одной стороны, моряк, с другой — железнодорожник. Чаще не моряк и не транспортник, а тот, кому долго ехать в электричке, кто проходит мимо киоска «Союзпечати»... — Денисов часто видел их на платформе в Видном, набирающих с десятков газет. — Возможно, Роман. Он как раз ездит на работу из Подольска...»

— Сначала пистолет возвратился, — подытожил Королевский, садясь, — потом и портфель.

Денисов взглянул на часы:

— Пока их нет, спущусь в дежурку. Взгляну на ориентировки.

Сводки по городу редко содержали ответы на то, что тебя интересовало в данную минуту. Но, как все оперативники, Денисов допускал такую возможность, при каждом удобном случае просматривал свежие ориентировки управления МУРа.

Бумаги, прибывшие за день, не составляли исключения — все в них адресовалось другим. Пользуясь затишьем, райуправления дублировали ориентировки о нераскрытых тяжких прошлых лет:

«Убийство пожилых супругов в Чертанове...»

«Наезд...»

«...на месте возгорания снова «залипшая» кнопка звонка производства Арзамасского завода, изготовленная с нарушением ГОСТа...»

Денисов просматривал телексы, когда в коридоре раздались голоса. Кравцов и Ниязов еще с двумя оперативными уполномоченными прошли наверх. Под мышкой у Кравцова виднелся завернутый в газету сверток.

Денисов догнал их у кабинета Бахметьева, они вошли все вместе. Начальник был у себя.

— Подожди, — сказал он Кравцову, намеревавшемуся развернуть сверток. Нажал на тумблер прямой связи с дежурным. — Эксперта ко мне. На вокзале? Объяви по радио. Мы подождем.

Свертков было два. В первом оказались предметы различного происхождения и ценности: обложка от записной книжки «Спутник москвича», шнур электробритвы, с полдюжины окурков, стерженьки шариковых ручек, зубная щетка с длинной зеленой ручкой, совсем новая.

— Улов богатый, — прокомментировал эксперт, краснощекий, басистый, с резиновыми перчатками в руках. В отли-

чие от коллег, он был в белом халате поверх формы, «технарь».
— Все? — Даже когда он старался говорить тихо, голос его наполнял помещение. — Я чувствую, Кравцов, ты все кусты обшарил. А заодно и стройку.

— Здесь еще есть. — Кравцов показал второй сверток.

Под газетой оказался небольшой, чуть выше футляра электробритвы, покрытый когда-то краской, а теперь облезлый металлический станок. Денисов узнал портативную пишущую машинку.

— Допотопный экземпляр, — комментировал Ниязов.

— Похоже на «Корону», я как-то видел в справочнике... Разрешите? — Гонор его слегка поутих. Эксперт поискал глазами бумагу, Королевский достал из папки. — Благодарю.

Он надел перчатки, вставил страницу, сильно, одним пальцем, принялся стучать:

«Старший эксперт-криминалист ЭКО Московского управления внутренних дел на железнодорожном транспорте...»

Буквы жирно ложились на бумагу, шрифт был четкий, крупнее обычного, его недавно сменили. Лента тоже была новой.

— Любопытно. Может, пальчики сохранились... — Эксперт осторожно поместил ее в целлофановый пакет.

— В портфель войдет? — спросил Бахметьев.

Эксперт положил пакет с машинкой в портфель, щелкнул замками.

— Снаружи и не догадаешься.

— Где она была? — спросил Бахметьев у Кравцова. — Там же, у забора?

— По другую сторону.

— На стройке? Далеко от места, где стоял портфель?

— По прямой метров пятнадцать. При желании могли вытащить из портфеля и забросить.

— Есть смысл сравнить состав пятен внутри портфеля с окрашивающим составом ленты пишущей машинки... — сказал эксперт.

Следователь согласился:

— Дело!..

«У Сазоновых он писал на стопке бумаги. Даже не на листе! — подумал Денисов. — А у женщины, приехавшей в прокуратуру, поинтересовался, что она пишет: «Н е с т и х и?»»

Он снова представил себе погибшего:

«Угловатый, скованный, в новом, с «нераспечатанными» карманами костюме. А сам-то он что писал? Н е с т и х и?»

Денисов подсел к столу, показал на телефон:

— Могу?

Бахметьев кивнул.

— А если сам погибший? — Эксперт воспользовался пау-

зой, глаза его блестели. — Может, так и расстаются с жизнью, когда все прахом! Помните, у Киплинга: «Смотри, как уходим мы!» Все, что больше ни к чему, не греет — вон! Рубашку, электробритву. Машинку! Бог знает какие надежды он связывал с ней! Размахнулся и за забор... — Дока в своей области, он был удивительно несведущ в остальном, что касалось раскрытия преступлений. Однако в одном мысли его и Денисова оказались близки. — Может, какой-нибудь рифмоплет? Или, как говорят, графоман?!

Денисов набрал номер.

— Алле! — Трубку сняла Елена Дмитриевна Сазонова. — Здравствуйте. Кто это говорит?

Денисов назвал себя.

— Как хорошо! Я ведь, знаете, вам звонила. Зоя Федоровна, моя домработница, такая гулена оказалась! Решила сегодня не возвращаться. Только завтра. К вечеру... Красиво жить не запретишь! Я как-то иду мимо школы... — В кабинете молчали, голос Сазоновой был хорошо слышен. — Вижу: двое парней-девятиклассников дерутся в песочнице для малышей. Другого места не нашлось... Позвала их классную руководительницу: «Скажите вашим идиотам, пусть посмотрят, во что превратились их брюки...» Дома рассказала, так внук и говорит: «Напрасно, бабуля! Красиво жить не запретишь!»

— Хочу вас спросить, — Денисов воспользовался паузой. — Макулатура, которую я видел у вас в передней... Вы еще не сдали ее?

— Вас тоже интересует макулатура?

— Но только ваша. Там на одной из пачек сверху страница с машинописным текстом...

— Сейчас посмотрю.

Пока Денисов говорил, никто в кабинете не проронил ни слова. Денисов не отрывал взгляд от телефона.

— Есть. — Голос в трубке раздался снова. — Я думала, она снова вытащила работы Николая Алексеевича. Но тут другое. Какой-то роман! Не знаю, где она выпарапала, когда убирала квартиру.

— Я мог бы сейчас к вам заехать? Вместе с моим товарищем?

— Милости прошу! Николай Алексеевич на консультации. Терпеть не могу одиночества!

Страниц с машинописным текстом было около двадцати. Ненумерованные, они лежали поверх старых газет, папок, картона. Сазонова молча наблюдала за тем, как приехавший с Денисовым эксперт — в белом халате, в хирургических перчатках — извлек их из пачки.

— Вы медик? — поинтересовалась она. — У нас друг — очень милый молодой человек, зубной техник. Вы очень с ним похожи. И говорит он так же громко.

Денисов припомнил словцо, каким она характеризовала себя при первом знакомстве — «языкатая». Ее выработанная с годами манера общения свидетельствовала о своеобразном чувстве юмора.

— Я криминалист. — Эксперт не обратил внимания на реплику. — Мне понадобится кусочек стола.

— Пройдете в комнаты?

— Лучше на кухне.

Он достал обнаруженную за забором, на стройке, пишущую машинку, вставил в каретку чистый лист, Денисов положил перед ним изъятую страницу с машинописным текстом. На нем был напечатан эпитафия, эксперт скопировал его:

«Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...»

Эксперт выдернул лист, положил рядом с рукописью, помолчал, разглядывая строчки. Наконец он сказал:

— Расположение букв «с» и «т» относительно строки, «н» и «т» — относительно вертикали, «о» и «г»... Отпечатано на этой машинке. Заключение хоть сегодня. Возьму себе? — криминалист показал на рукопись.

— Вначале надо снять ксерокопию. — Денисов обернулся к Сазоновой. — Этот человек, что ночевал у вас...

— Вы так и не узнали, кто он?

— Нет. Не он забыл у вас эти страницы?

Она подумала:

— Давайте притянем к ответу Зою Федоровну. Сунуть в макулатуру! Однажды она уже пыталась проделать такое с научной работой Николая Алексеевича...

«Получается цепочка, — подумал Денисов, — погибший ночевал у Сазоновых, и в квартире обнаружена рукопись. А вблизи пустыря, где выброшен портфель погибшего, найдена пишущая машинка, на которой она отпечатана...»

Эксперт тем временем читал вслух отдельные фразы, казавшиеся ему особенно важными.

— «...Почему не окликнул, когда я входила в подъезд? Я не тот человек, Ланц!» Его зовут Ланц! «И представляешь: площадь Вогезов, остров Сите с прямоугольными башнями и острым шпилем собора Нотр-Дам, а оттуда переносишься за тобой к останкам храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах...»

Он поднял глаза на Денисова:

— А она жила в Париже, ездила в Грецию! И ему рассказывала. Во Франции, в Греции был не каждый... — На секунду возникла иллюзия горячего следа, по которому можно незамедлительно двинуться. — Тут еще! «...Гряды за грядой, как стадо наполовину остриженных овец, горы бежали к Тодже!» Это Тува! Тут ответы на все вопросы!.. «Перст судьбы — он племянник!» Помяни мое слово: еще сегодня ты улетишь в Туву, в командировку, хотя я и не представляю, с чего ты там начнешь...

Денисов читал:

«Отчий дом! Как жить, если не оценил любовь, верность, словно сами по себе они — невесть что, ничего не стоят! Неужели сойдет с рук? Не будем наказаны? Страшная мысль: вдруг вещи, и предметы, и части моего тела, покорные с детства, выйдут из повиновения?! Рука с ножницами пролетит мимо страницы, ударит в глаз, в лицо? Или в метро ноги вынесут вдруг на середину платформы перед поездом, а крик разрежет пустоту туннеля!»

С рукописи сняли несколько копий. Королевский через Союз писателей связался с литературным консультантом — ему в спешном порядке отправили экземпляр для чтения. Бахметьев звонил в Кызыл, в министерство автономной республики.

«"Здорово распутываешь петли"», — признает Анастасия, глядя, как я управляюсь со шпагатом. «В самом деле?» Умение развязывать петли — предмет моей гордости. Но дело не только в этом. Я уважаю людей, которые могут освободить бечеву от узлов, знаю механизм обретения мастерства. Мое детство прошло в детском саду, где в основном были дети работников горкомхоза...»

«Еще деталь, — подумал Денисов. — Социальная? Психологическая. Поможет его понять, но пока абсолютно бесполезная...»

«...Оставаясь на неделю в детском саду, дети сами затягивали петли на ботинках и сами их распутывали. Поэтому до сих пор я чудесно развязываю любые узлы, а шнурки у меня постоянно разьединены...»

В отличие от оптимиста эксперта, Денисов не знал, как ко всему этому подступиться; писавшего, казалось, не интересовало ничего, кроме его самого и его любви.

Он повторил:

«Моя прелесть, моя боль! Не ищи в этих строках ни жалоб, ни оправданий! Как прекрасно любить тебя!...»

Денисов вышел за платформу. С началом дневного перерыва пассажиров заметно поубавилось.

Вид пустого вокзального пирса разнообразило несколько урн, мачта с динамиком, кашлеобразные светильники, прикрепленные к подвескам сверху.

Ближе к вокзалу темнели два товарных вагона, превращенных в камеру хранения, — на обоих висели замки, еще два вагона были почтовые, их выгрузили ночью.

До отправления первого — после «окна» — электропоезда оставалось больше часа. Накрапывал дождь.

«Сообщивший о пистолете... — Денисов направился вдоль поезда, — наблюдал все из состава, стоявшего в ту ночь в этом пути».

— Электричке этой еще ждать и ждать! — окликнул Денисова постовой у табло. Он был экипирован по-осеннему — в плаще, в бриджах и сапогах. — До конца перерыва!

— Я знаю.

Он прошел по составу. Пассажиров было мало, сидели на расстоянии друг от друга; в пустых вагонах всегда садились свободно.

«Многое непонятно... — Денисов поглядывал в окна. — То, как складывались для погибшего последние часы, да и дни, которые он провел в Москве. Все вечера пробыл на вокзале — у «места встреч». Ждал? — Сидевшие в вагонах по обычаю поднимали головы, осматривая входившего, но уже через секунду-другую теряли интерес — вошедший становился своим и так же с любопытством наблюдал за входящими следом; Денисов умел не привлекать внимание — для этого надо было только ни с кем не встречаться глазами. — Ланц ждал е е, а о н а не приехала?»

Из окон виднелись мокрые платформы, простиравшиеся до самого элеватора. Схема занятых и свободных путей в точности повторяла ночную на момент обнаружения трупа.

«Пустые платформы, свободный обзор...»

Денисов прошел в четвертый вагон, окна его выходили к месту происшествия.

«Все как на ладони... — Через две платформы видны были даже грязноватые разводы на урне, недалеко от которой была подобрана одинокая гильза. — Кто-то видел, как носильщик нагнулся над лежавшим, поднял что-то, положил в карман. Наблюдавший заинтересовался, пошел вдоль состава, не упуская Салькова из вида — времени до отправления оставалось много... Убедился: передал ли носильщик взятое им сотруднику милиции или же оставил себе... Сальков предпочел оставить».

Денисов вышел на платформу. Сразу у вагона его по рации нашел дежурный — возможно, как раз в этот момент взглянул на экран монитора:

— Двести первый, возвращайтесь...

Королевский разыскивал его с помощью дежурного, чтобы ехать к литконсультанту Союза писателей — тот успел, видимо, прочитать рукопись; Бахметьев тем временем должен был лично — через министерство автономной республики — проверить возможность «тувинского варианта». Так или иначе, предстояло лететь, на месте принимать решение...

— Двести первый!..

— Вас понял, возвращаюсь.

Денисов еще постоял у одного из установленных прямо на перроне аппарата прямой связи «пассажир — милиция».

«Только одного наблюдавший за Сальковым разглядеть не мог — что он носильщик поднял с платформы... Увидеть в темноте пистолет с этого расстояния невозможно...»

— Привет, командир, — с обогнавшего электрокара поздоровались. — Может, отоварить? — Это была дежурная шутка. К вагону-ресторану доставляли заправку — сетки мытого картофеля, молочную кухню, особняком — завернутая в целлофан — лежала тяжелая коровья нога.

— Спасибо. Отоварили.

Он не позволил себе сбиться с мысли: «Выходит, позволивший в милицию наблюдал не за Сальковым — за погибшим... Чтобы знать о пистолете, надо было видеть все происходившее. Целиком. Почему же он сообщил только об оружии? Не о вещах? Не о выстреле?» Надо было возвращаться.

«Ему важно было, чтобы мы нашли пистолет. Через оружие нам он подсовывал версию о самоубийстве... Ложную? Может, и истинную... — Он вдруг вспомнил. В повестях, приводивших Лину в неопикуемый восторг, после убийства, но еще до приезда сотрудников розыска, к трупу обязательно кто-то подходил — не убийца! — потом его долго подозревали, но что-то, как правило, мешало ему признаться. — Портфель унес... — Денисов перескочил через промежуточные посылки и выводы. — На стройку. Вытряс. Надеялся что-то найти?... А может, нашел? Например, первый экземпляр рукописи. Или другие записи, которые его компрометировали...»

— Двести первый... — дежурный снова включился. — Готовьте рапорт на командировку. Бахметьев подпишет. Это чтобы сразу от литконсультанта ехать в управление... Пункт назначения проставите потом.

— Вас понял.

— Что-нибудь есть ко мне?

— Согласуйте насчет оружия, дело может оказаться серьезным.

Теперь уже дежурный сказал:

— Вас понял.

Денисов мысленно вернулся к рукописи, вспомнил почему-то:

«И все же ничего не страшно, если из интерната ты можешь вернуться в Отчий дом!»

ХII. ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

— Документы!

— Сейчас... — Мужчина был массивнее и выше его ростом, несколько секунд, тяжело дыша, приходил в себя. Его мучила одышка. — Минуту... Один момент!

— Потом — другое дело. А сразу-то? Поднял и по платформе, к вокзалу... — Сальков защищал свое право на ложь во спасение. — Вижу, оперативник дежурит. К нему. — Дальше пошло гладко. — «Скорую» вызвали. Стали спасать. Не я — он бы до камышинского на платформе лежал, до четырех утра! Конец пути — глухой, ходят мало! — Сальков не прочь был поставить случившееся себе в заслугу.

— Почему ж пистолет не сдали? — Понятой не успокоился.

— Я ж говорю: думал, зажигалка! Бывает? С тобой вроде ничего такое не случается.

— Такое? — сказал вагонник. — Никогда!

Второй понятой молчал.

— Как лежал пострадавший? — Королевский взглянул на часы. Он понимал, что опаздывает.

— Даже не заметил. — Со следователем Сальков говорил униженно-подобострастно. — Схватил игрушку эту и бегом по платформе.

— Бегом?

— Ну, пишите: «Быстро пошел».

— Дальше.

— Засомневался: «Зачем мне?» Надо бы, конечно, на место положить! А я сунул в мусоросборник у багажного отделения при входе... И все тут!

Королевский заметил Денисова, показал на часы. Сальков тоже увидел старшего опера; Денисову показалось — он снова покраснел. Светлый пушок на щеках выделился сильнее.

— Я только ведь потом сообразил, что из этой штуки он себя... — Сальников поискал слово. — Ш п о к н у л!

«К слову «убить» десятки синонимов, — подумал Денисов. — «Лишить жизни», «умертвить», «ликвидировать», «прикончить», «убрать». Теперь вот «шпокнуть»... У «жить» — совсем мало: «быть», «существовать».

— Куда положили пистолет? — уточнил Королевский. — В середину контейнера? Сбоку?

— Сбоку.

— Вопросы есть? — Это относилось к понятным.

— За пистолетом приезжал? — спросил второй понятой. Все это время он молчал.

— Там записано. — Сальков махнул рукой. — Я все сказал, кому следовало. Приезжал. — Держался он уверенно.

«Вряд ли Сальков знает, что контейнер здесь, перед ним, — подумал Денисов. — Считает, что ему предложат только воспроизвести свои действия при понятых. Маршрут движения, проход с платформы к багажке».

— И что? — спросил понятой. — Пистолета не оказалось?

— Контейнера не оказалось, — мягче объяснил Сальков. — Все контейнеры вывезли!

Королевский достал из «дипломата» чистый бланк, вмешался:

— Контейнеры здесь.

Салькову показалось: он ослышался.

— А с багажки?!

— Перед вами.

Сообщение явилось полной неожиданностью.

«На совещании в сауне этого не учили», — подумал Денисов.

— Покажите понятным, в какой части контейнера должен находиться пистолет, — предложил Королевский.

Контейнер, доставленный от входа в багажное отделение, полон был гнилыми овощами, отходами текстиля.

Сальков выглядел расстроенным.

— Вроде здесь. — Он провел вдоль передней стенки мусоросборника.

— Глубоко?

— Ближе кверху.

Королевский подал знак, один из младших инспекторов в рабочей робе, стоявший на соседнем контейнере, поддел лопатой рыхлую массу.

— Проверить металлоискателем...

Денисов оглянулся. От угла за ними наблюдала группа носильщиков, Денисов увидел бригадира Салькова — Романа, специально приехавшего на вокзал.

«Татьяна оповестила», — подумал Денисов о жене Салькова.

Малословный, с невыразительным плоским лицом, не лишенным, однако, магнетизма, Роман был фигурой загадочной — с носильщиков спрашивал строго за малейшую провинность, если требовалось, первым бросался на выручку постовым и оперативным уполномоченным. Бригадира за помощь благодарили и все же не доверяли: со своими подчиненными он был жесток, говорили, что обложил их бессовестными поборами, про которые ни он, ни носильщики нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах не упоминали.

Роман внимательно наблюдал за всем, что происходит. Денисов поймал на себе тяжелый, пристальный взгляд, бригадир явно выделял его.

«Пистолет найден не будет...» — подумал Денисов.

Содержимое мусоросборника ложилось на асфальт. Младший инспектор освободил большую часть контейнера, второй — в резиновых перчатках — проверял.

Пистолета не было.

Сальков нервничал:

— Может, кто следил в ту ночь за мной? Взял? Может, контейнер спутали?

Из дежурки доставили металлоискатель. Другой младший инспектор, он же оператор, занялся штангами — их следовало соединить с упором.

Денисов отошел в сторону, по рации вызвал дежурного:

— Разыщи Кравцова. Пусть посмотрит за бригадиром носильщиков. За Романом...

Металлоискатель заработал, оператор поправил наушники, поднес к поисковому устройству трехкопеечную монету — проверил звук.

«Если пистолета в контейнере не окажется, — подумал Денисов, — будет сложнее: Салькову придется опознавать оружие по фотографиям. А это менее точно».

Когда Денисов снова оглянулся, бригадира носильщиков поблизости уже не было.

Опознавание оружия производили в кабинете Бахметьева. За окном, в зале для транзитных пассажиров, внизу, было шумно. С высоты антресоли казалось, там, внизу, не затихая, как всегда, круглые сутки льет дождь, бьют фонтаны.

— Не то, не то... — Сальков быстро листал альбом. — Не то...

С тяжелых, из мелованной бумаги, листов смотрели фотографии пистолетов разных годов, стран, моделей. Денисову они напоминали породистых собак.

«Овчарки, спаниели, эрдели...» Длинный итальянский «глизенти» вызывал в памяти русскую борзую, жилетно-карманные американские и бельгийские модели смахивали на короткошерстных терьеров.

— Не ошибаетесь? — спросил Бахметьев. Вместе с судебномедицинским экспертом он зашел в кабинет, где Королевский в присутствии понятых проводил опознание.

— Зачем? Совсем небольшой такой... — Найдя спасительные формулировки, носильщик стал значительно спокойнее. — Я думал, зажигалка! Или игрушечный, стартовый!

— Куда же он делся?

— Из контейнера? Ума не приложу!

— Кто-нибудь видел, как вы бросили туда оружие?

— Это запросто!

Денисов перешел к окну, выходявшему в зал. В проходе между креслами внизу не прекращалось движение людей. Усиленный эхом фон нес звуки беспокойного вокзального бытия.

Он не сомневался в том, что носильщик вначале действительно припрятал пистолет в мусоросборник, а потом вернулся и взял.

«Сейчас пистолет может находиться как угодно далеко, в зависимости от того, кому Сальков или Роман решились его продать...»

Тем временем суждения Салькова о пистолете становились постепенно менее категоричными, он листал альбом не так быстро, порывался вернуться к началу. Королевский нарезал полоски бумаги, носильщик прибег к закладкам, их набралось не менее десятка.

— Похож на эти. Больше ничего не могу сказать. — Сальков показал на страницы, отмеченные закладками.

Следователь принялся за протокол:

— «Алькартасуна», «менц», «пума», «беретта», «алькартасуна» типа «руби», «сулайка» модели 1914 года... — повторял он для понятых. — «Себра», «ретоласа» модели 1914 года, «вальман», «изарра»...

Пистолеты, опознанные Сальковым, были похожи друг на друга, с вертикальными дульными срезами, и все, кроме «менца» второй модели, германского производства, оказались испанскими.

— Смущает то, что почти в каждом из этих имеется выступ отражателя, — констатировал Королевский, когда Салькова увели и сотрудники остались одни, — а на гильзе след выступа отсутствует!

Денисов нашел в блокноте таблицу:

— «Беретта», «пума», «вальман» модели 1914 года... Все без выступа отражателя!

Бахметьев нажал на тумблер прямой связи с дежурным, подвинул ближе протокол опознания, продиктовал марки пистолетов:

— Срочно объявить в розыск...

Через несколько минут телекс с описанием трех из опознанных Сальковым марок оружия должен был попасть в каждое из почти двухсот отделений московской милиции.

— Перед экспертизой поставлено свыше двадцати вопросов, — судмедэксперт огладил бороду, живые, навывкате, глаза блеснули. Человек он был, безусловно, талантливый, своеобразный. Все, в том числе и этот разговор, и свою серьезную, на грани трагического работу, воспринимал как умную интересную игру. — «Какие повреждения на теле трупа?», «Если это огнестрельное ранение, то с какого расстояния произведен выстрел?»

Он предпочел назвать большинство из поставленных Королевским вопросов:

— «Имеются ли на трупе признаки, свидетельствующие о борьбе или самообороне?», «Где находится входная, а где выходная рана?»

Отличить входное отверстие от выходного подчас было трудно: у того и у другого имелся дефект ткани, на языке специалистов, «минус ткань», и только крохотный след пули — «поясок обтирания» — присутствовал, как правило, на входном.

Он перечислял и перечислял. Экспертиза огнестрельной травмы являлась одной из сложных.

— Итог... — он сделал паузу. — Входное отверстие находится на передней поверхности грудной клетки. Слева, здесь поясок обтирания и минус ткань.

— Слева, — повторил Бахметьев.

— Примерно в области пятого межреберья имеется входная огнестрельная рана, а на спине слева, ниже лопатки, выходная. Выстрел в грудь. Это точно. Признаков, свидетельствующих о борьбе или самообороне, нет...

Так же четко ответил он на другие вопросы.

— Направление пулевого канала? — спросил следователь.

— Спереди назад, сверху вниз.

— Сердце?

— Повреждение стенок. Кроме того, тканей левого легкого. В плевральной около двух тысяч миллиграммов жидкой крови.

— Что можно сказать о дистанции?

— Выстрел произведен с расстояния нескольких сантиметров. Исследования подтвердили, — дальше все было знакомым понаслышке. — Пробы Владимирского-Эйдлина. Насчет копоти — контактно-диффузионный...

В заключение — уже по собственной инициативе — эксперт процитировал:

— «Ежели кто себя сам убьет, то подлежит тело его палачу в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам и обозу». — По стилю это напоминало документ Петровской эпохи. Так и оказалось. — «Устав 1716 года. Артикул 164».

Денисов взглянул в зал для транзитных пассажиров внизу. При свете, проникавшем сквозь застекленную по самую крышу стену, при выключенных светильниках в дурную погоду там становилось удивительно пасмурно.

«Цвет дождя, цвет оружия...» — подумал он.

Сбоку, недалеко от касс, виднелась группа носильщиков. Они взволнованно что-то обсуждали. Догадаться о причине возбуждения было нетрудно.

Салькова оставили в дежурной части на три положенных для разбирательства часа. На заднем дворе, в целях устранения возможной ошибки, полным ходом шла проверка остальных мусоросборников. В зависимости от результатов Королевский должен был отпустить Салькова либо задержать.

«Пистолет в последнюю минуту появится, — подумал Денисов. — Потому Роман и приехал».

Кравцова в зале он не увидел.

— В порядке ли вещей то, что самоубийца не оставил ни одного документа, указывающего на свою личность? — Королевский сформулировал вопрос, хотя и не собирался записывать его в протокол. Вопрос был вне компетенции эксперта. — Не говорю уже о предсмертной записке!

Медик пожал плечами:

— Ничего необычного. И в целом — тоже. Самоубийцы,

правда, чаще стреляют в висок. Реже — в рот. Но и в сердце случается. О времени совершения... — Он подумал. — Ночью происходит меньшее число самоубийств, чем днем или вечером. Но и это бывает. То же относительно предсмертной записки и документов.

— Ничего не известно, — следователь вздохнул. — Чем жил последние дни перед гибелью? Что привело к кризису? И второй день дождь... — Королевский смешал вместе обстоятельства уголовного дела и погоду.

Эксперт процитировал по памяти:

— «Несчастливая любовь всегда была в человечестве, но только в последнее время... — Это из книги «О самоубийстве» Невзорова, первая типография императорского университета, Казань, — ...вошло в моду лишать себя жизни от «безнадежной любви»...» — У него была блестящая память. — «Любовь, ревность... — пишет автор. — Все излечимо. Большое значение при лечении ревности, — считает Дескюре, — имеют климатические условия, прогулки». Из напитков в этот период предписывается обыкновенная вода, хороши минеральные ванны...

Дело о неопознанном трупе после установления причин смерти как бы прекращало для него существовать, целиком переходя к следователю и оперуполномоченному. Освобождаясь, медик мог позволить себе не спешить. В его работе судебно-медицинского эксперта так тоже бывало нечасто.

— Пища для человека, который хочет излечиться от ревности, должна быть легко перевариваема. Рекомендуются не злоупотреблять физическими упражнениями, воздерживаться от употребления слабительных. И вообще, писал Фере: «От любви сходит с ума только тот, кто уже до этого был болен душевно...»

Денисов по рации разыскал Кравцова:

— Чем он в данный момент занимается?

— Роман? Ходил к телефону-автомату за вокзал. Телефонном в приемной начальника смены не воспользовался.

— Один?

— Ходил? Да. Проверяется, не смотрят ли за ним. Звонил двум абонентам. Говорил коротко. Мне показалось, что одного из них дома не оказалось, он послал второго его искать. Принимает какие-то чрезвычайные меры. Может, боится, что Сальков расколется?

— Все?

— Да.

«Последствия принимаемых мер, — подумал Денисов, кладя трубку, — по-видимому, не замедлят сказаться».

Он снова не ошибся.

Прошло меньше часа, и дежурный позвонил в кабинет:

— Удача, Денис! Пистолет найден. Сейчас сообщили. Из отдела охраны метро.

XI. «ПЕРСТ СУДЬБЫ...»

Сотрудники охраны метро, передавшие ориентировку, ждали внизу, на платформе: капитан в милицейской форме и оперуполномоченный — спортивного вида, в кроссовках, в двухцветной импортной куртке.

На скамье, окольцевавшей широкую, в мраморных плитках колонну, стояла матерчатая сумка. Выцветшие рисунки ее копировали Периодическую таблицу.

— Так все и было, когда мы приехали, — объяснил капитан. Оперуполномоченный охраны метро констатировал:

— Повезло вам с оружием. В чьи руки оно могло попасть и что могли с ним натворить...

— Кто обнаружил? — спросил Денисов у капитана.

— Дежурная по станции. Вот она идет.

В красном форменном котелке женщина поздоровалась.

— Пассажиры уехали, а сумка стоит! Чувствую: не то...

— По-вашему, сумка долго простояла?

— Минуты три. Максимум четыре. — Женщина выглядела решительной. — Предыдущий поезд отправлялся — ее еще не было.

— Пассажиры стояли у этой скамьи?

— Кто-то был. — Она зажмурилась, мысленно восстанавливая картину. — Не помню.

Денисов подумал:

«Человек, оставивший сумку, может, и сейчас на платформе...» Всегда становилось слегка не по себе, когда оказывалось, что преступник, которого разыскиваешь, и ты почти в одно и то же время находились в одном помещении, на одной улице, могли встретиться глазами, случайно коснуться одежды другого.

— Вызвала уборщицу, чтобы вместе посмотреть. Чтоб без претензий. Стали смотреть. Газеты. А в них э т о... — Она не назвала предмет ни пистолетом, ни оружием.

Подошедшая к разговору старуха в черном халате вздохнула:

— Ну, молодежь! — Она тоже ничего не видела, привычно грешила на молодых.

— Содержимое мы описали коротко. — Милицейский капитан спешил. — Следователю все равно осматривать...

— Старые газеты эксперт пусть проверит, — посоветовал оперуполномоченный, — может, следы пальцев!

— Не нужны? — за себя и уборщицу спросила дежурная. Из туннеля донесся грохот очередного поезда.

— Нет. — Денисов отпустил обеих.

Эскалатором поднялись в вестибюль. Сумку нес капитан, она еще числилась за отделом охраны. В комнате милиции капитан по списку передал Денисову содержимое:

— Газеты «Вечерняя Москва» от 26 и 30 августа, газета «Гудок» от 13 июля, «Водный транспорт» от 11 августа. Пистолет иномарки «пума» — один, магазин — один.

— Отпечатки пальцев смотрели?

— Все блестит. Вытерто. Симпатичная игрушка.

Денисов не поддержал.

«Сколько жизней она унесла? Сколько из нее стреляли? В кого?» Даже при поверхностном взгляде бросалась в глаза незатейливость и целесообразная простота конструкции, в первоизданном виде сохранившаяся только, может, еще в крысоловке.

Он проверил марку: «пума»...

У Салькова был острый глаз — пистолет действительно оказался одним из опознанных им и к тому же испанского производства — вороненый, с прицельной прорезью, со множеством разбежавшихся по кожуху-затвору мелких латинских букв. Денисов разобрал еще три слова: «Fabrique», очевидно, «фабрика», «d'Armes» — «армия?» — и «Guegге». «Военное?» «Война?» — Пистолет мало походил на стартовый, тем более на зажигалку. Денисов взвесил его на руке. — «Граммов девятьсот. Примерно 15 × 15 сантиметров...»

— Магазин пуст... — Получив расписку, капитан сразу распрощался, оперуполномоченный вышел его проводить.

Денисов набрал номер дежурного:

— Пистолет у меня. Действительно «пума». Пусть эксперт никому не уезжает. Начальник у себя?

— Только вернулся из управления, с Лесонарядской. — Управление размещалось в двух зданиях, в разных местах. Постоянно приходилось уточнять: «с Лесонарядской» — означало «от руководства» с вытекающими из этого последствиями.

— Что-нибудь произошло?

— Новости у нас. — Дежурный был доволен: все успехи, что выпадали на период смены («Вот и «пума» тоже...»), шли в актив руководимой им дежурной части. Впрочем, и неудачи — бывал ли дежурный виноват или нет — также списывались на него. — Портфель доставили!

— Погибшего?

— Да. Водитель «аннушки», — имелся в виду трамвай, делавший круг недалеко от вокзала, — подобрал, сдал на склад. Кто-то забыл или бросил.

— На кругу?

— У забора, рядом со стройкой.

— В ту же ночь?

— Подобрал? Да. Но значительно позже. Отвез в трамвайное депо, оставил. А сегодня пришел с выходного, сдал. Нам позвонили.

— «Все восстает на круги своя...» — Королевский привел цитату не точно, но многовековая мудрость от этого не пострадала. — Вот и что-толет возвратился.

Следователь что-то писал в кабинете Бахметьева, начальника отдела не было.

Портфель лежал тут же, на приставном столике, изношенный и старый, каким Денисов себе его и представлял, однако ветхость и обветшалость имеют тысячи лиц, и портфель был иным, чем ему рисовался. Ручка — никто из свидетелей об этом не говорил — была обернута изоляционной лентой, латунные замки выглядели бурными от времени и осадков. Рядом, на газете, лежала неновая в крупную клетку сорочка, несколько шариковых ручек, два соединенных на брелоке ключа.

Денисов потрогал сорочку — она была влажной:

— Обнаружена не в портфеле?

— Рядом. Портфель, похоже, перевернули и вытрясли содержимое. Всей душой надеюсь, что это сделали там же, у забора.

— Наши пошли туда?

— Кравцов, Ниязов. Человек пять. Скоро должны вернуться.

— Можно? — Денисов открыл портфель.

Внутренняя подкладка была чистой, хотя и изрядно подпорченной. Денисов попытался определить этимологию пятен, почти все были явно чернильного происхождения.

— Стерженьки с пастой нам вряд ли поведают о многом. — Следователь снял колпачок с одной из ручек, провел шариком по газете. Шарик оказался зеленым. — Такие продаются везде, в том числе и у вас на вокзале.

— Зеленый. — Денисов кивнул на стержень. — Возможно, этим он написал для Захаровой телефон Сазоновых...

— И в самом деле.

Денисов подумал о погибшем:

«Много писал, а что сделал с написанным? Отослал? Выкинул? Может, тоже находилось в портфеле?»

Королевский отодвинул протокол, поднялся, сделал несколько шагов вокруг стола:

— Когда подбросили пистолет, Сальков находился у нас. У него алиби. Мне бы очень не хотелось, чтобы он снова, как в истории с почтовиками-грабителями, вышел сухим из воды...

— Это бригадир. Роман... — Денисов тоже поднялся.

— Скорее всего оружие было уже продано, и Роман дал задний ход... — Следователь осторожно прикоснулся к пистолету. — И все равно: если бы на рукоятке остались следы пальцев Салькова, носильщик мог сказать, что они от того времени, когда он бросил оружие в мусоросборник. Ничего не докажем. А коль скоро они удалены, он опять ни при чем: это мог сделать тот, кто подбросил «пуму»...

«Следы на газетах, — подумал Денисов, — они-то обязательно принадлежат тому, у кого находился пистолет».

Все три газеты — «Вечерняя Москва», «Гудок» и «Водный транспорт» — лежали теперь упакованные отдельно: ими надлежало заняться эксперту.

«Кто покупает одновременно и «Водный транспорт» и «Гудок»?.. — подумал Денисов. — С одной стороны, моряк, с другой — железнодорожник. Чаще не моряк и не транспортник, а тот, кому долго ехать в электричке, кто проходит мимо киоска «Союзпечати»... — Денисов часто видел их на платформе в Видном, набирающих с десятков газет. — Возможно, Роман. Он как раз ездит на работу из Подольска...»

— Сначала пистолет возвратился, — подытожил Королевский, садясь, — потом и портфель.

Денисов взглянул на часы:

— Пока их нет, спущусь в дежурку. Взгляну на ориентировки.

Сводки по городу редко содержали ответы на то, что тебя интересовало в данную минуту. Но, как все оперативники, Денисов допускал такую возможность, при каждом удобном случае просматривал свежие ориентировки управления МУРа.

Бумаги, прибывшие за день, не составляли исключения — все в них адресовалось другим. Пользуясь загишем, райуправления дублировали ориентировки о нераскрытых тяжких прошлых лет:

«Убийство пожилых супругов в Чертанове...»

«Наезд...»

«...на месте возгорания снова «залипшая» кнопка звонка производства Арзамасского завода, изготовленная с нарушением ГОСТа...»

Денисов просматривал телексы, когда в коридоре раздались голоса. Кравцов и Ниязов еще с двумя оперативными уполномоченными прошли наверх. Под мышкой у Кравцова виднелся завернутый в газету сверток.

Денисов догнал их у кабинета Бахметьева, они вошли все вместе. Начальник был у себя.

— Подожди, — сказал он Кравцову, намеревавшемуся развернуть сверток. Нажал на тумблер прямой связи с дежурным. — Эксперта ко мне. На вокзале? Объяви по радио. Мы подождем.

Свертков было два. В первом оказались предметы различного происхождения и ценности: обложка от записной книжки «Спутник москвича», шнур электробритвы, с полдюжины окурков, стерженьки шариковых ручек, зубная щетка с длинной зеленой ручкой, совсем новая.

— Улов богатый, — прокомментировал эксперт, краснощекий, басистый, с резиновыми перчатками в руках. В отли-

чие от коллег, он был в белом халате поверх формы, «технарь».
— Все? — Даже когда он старался говорить тихо, голос его наполнял помещение. — Я чувствую, Кравцов, ты все кусты обшарил. А заодно и стройку.

— Здесь еще есть. — Кравцов показал второй сверток.

Под газетой оказался небольшой, чуть выше футляра электробритвы, покрытый когда-то краской, а теперь облезлый металлический станок. Денисов узнал портативную пишущую машинку.

— Допотопный экземпляр, — комментировал Ниязов.

— Похоже на «Корону», я как-то видел в справочнике... Разрешите? — Гонор его слегка поутих. Эксперт поискал глазами бумагу, Королевский достал из папки. — Благодарю.

Он надел перчатки, вставил страницу, сильно, одним пальцем, принялся стучать:

«Старший эксперт-криминалист ЭКО Московского управления внутренних дел на железнодорожном транспорте...»

Буквы жирно ложились на бумагу, шрифт был четкий, крупнее обычного, его недавно сменили. Лента тоже была новой.

— Любопытно. Может, пальчики сохранились... — Эксперт осторожно поместил ее в целлофановый пакет.

— В портфель войдет? — спросил Бахметьев.

Эксперт положил пакет с машинкой в портфель, щелкнул замками.

— Снаружи и не догадаешься.

— Где она была? — спросил Бахметьев у Кравцова. — Там же, у забора?

— По другую сторону.

— На стройке? Далеко от места, где стоял портфель?

— По прямой метров пятнадцать. При желании могли вытащить из портфеля и забросить.

— Есть смысл сравнить состав пятен внутри портфеля с окрашивающим составом ленты пишущей машинки... — сказал эксперт.

Следователь согласился:

— Дело!..

«У Сазоновых он писал на стопке бумаги. Даже не на листе! — подумал Денисов. — А у женщины, приехавшей в прокуратуру, поинтересовался, что она пишет: «Н е с т и х и?»»

Он снова представил себе погибшего:

«Угловатый, скованный, в новом, с «нераспечатанными» карманами costume. А сам-то он что писал? Н е с т и х и?»

Денисов подсел к столу, показал на телефон:

— Могу?

Бахметьев кивнул.

— А если сам погибший? — Эксперт воспользовался пау-

зой, глаза его блеснули. — Может, так и расстаются с жизнью, когда все прахом! Помните, у Киплинга: «Смотри, как уходим мы!» Все, что больше ни к чему, не греет — вон! Рубашку, электробритву. Машинку! Бог знает какие надежды он связывал с ней! Размахнулся и за забор... — Дока в своей области, он был удивительно несведущ в остальном, что касалось раскрытия преступлений. Однако в одном мысли его и Денисова оказались близки. — Может, какой-нибудь рифмоплет? Или, как говорят, графоман?!

Денисов набрал номер.

— Алле! — Трубку сняла Елена Дмитриевна Сазонова. — Здравствуйте. Кто это говорит?

Денисов назвал себя.

— Как хорошо! Я ведь, знаете, вам звонила. Зоя Федоровна, моя домработница, такая гулена оказалась! Решила сегодня не возвращаться. Только завтра. К вечеру... Красиво жить не запретишь! Я как-то иду мимо школы... — В кабинете молчали, голос Сазоновой был хорошо слышен. — Вижу: двое парней-девятиклассников дерутся в песочнице для малышей. Другого места не нашлось... Позвала их классную руководительницу: «Скажите вашим идиотам, пусть посмотрят, во что превратились их брюки...» Дома рассказала, так внук и говорит: «Напрасно, бабуля! Красиво жить не запретишь!»

— Хочу вас спросить, — Денисов воспользовался паузой. — Макулатура, которую я видел у вас в передней... Вы еще не сдали ее?

— Вас тоже интересует макулатура?

— Но только ваша. Там на одной из пачек сверху страница с машинописным текстом...

— Сейчас посмотрю.

Пока Денисов говорил, никто в кабинете не проронил ни слова. Денисов не отрывал взгляд от телефона.

— Есть. — Голос в трубке раздался снова. — Я думала, она снова выгнала работы Николая Алексеевича. Но тут другое. Какой-то роман! Не знаю, где она выцарапала, когда убирала квартиру.

— Я мог бы сейчас к вам заехать? Вместе с моим товарищем?

— Милости прошу! Николай Алексеевич на консультации. Терпеть не могу одиночества!

Страниц с машинописным текстом было около двадцати. Ненумерованные, они лежали поверх старых газет, папок, картона. Сазонова молча наблюдала за тем, как приехавший с Денисовым эксперт — в белом халате, в хирургических перчатках — извлек их из пачки.

— Вы медик? — поинтересовалась она. — У нас друг — очень милый молодой человек, зубной техник. Вы очень с ним похожи. И говорит он так же громко.

Денисов припомнил словцо, каким она характеризовала себя при первом знакомстве — «языкатая». Ее выработанная с годами манера общения свидетельствовала о своеобразном чувстве юмора.

— Я криминалист. — Эксперт не обратил внимания на реплику. — Мне понадобится кусочек стола.

— Пройдете в комнаты?

— Лучше на кухне.

Он достал обнаруженную за забором, на стройке, пишущую машинку, вставил в каретку чистый лист, Денисов положил перед ним изъятую страницу с машинописным текстом. На нем был напечатан эпиграф, эксперт скопировал его:

«Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...»

Эксперт выдернул лист, положил рядом с рукописью, помолчал, разглядывая строчки. Наконец он сказал:

— Расположение букв «с» и «т» относительно строки, «н» и «т» — относительно вертикали, «о» и «г»... Отпечатано на этой машинке. Заключение хоть сегодня. Возьму себе? — криминалист показал на рукопись.

— Вначале надо снять ксерокопию. — Денисов обернулся к Сазоновой. — Этот человек, что ночевал у вас...

— Вы так и не узнали, кто он?

— Нет. Не он забыл у вас эти страницы?

Она подумала:

— Давайте притянем к ответу Зою Федоровну. Сунуть в макулатуру! Однажды она уже пыталась проделать такое с научной работой Николая Алексеевича...

«Получается цепочка, — подумал Денисов, — погибший ночевал у Сазоновых, и в квартире обнаружена рукопись. А вблизи пустыря, где выброшен портфель погибшего, найдена пишущая машинка, на которой она отпечатана...»

Эксперт тем временем читал вслух отдельные фразы, казавшиеся ему особенно важными.

— «...Почему не окликнул, когда я входила в подъезд? Я не тот человек, Ланц!» Его зовут Ланц! «И представляешь: площадь Вогезов, остров Сите с прямоугольными башнями и острым шпилем собора Нотр-Дам, а оттуда переносишься за тобой к останкам храмов Аполлона в Коринфе и Дельфах...»

Он поднял глаза на Денисова:

— А она жила в Париже, ездила в Грецию! И ему рассказывала. Во Франции, в Греции был не каждый... — На секунду возникла иллюзия горячего следа, по которому можно незамедлительно двинуться. — Тут еще! «...Гряда за грядой, как стадо наполовину остриженных овец, горы бежали к Тодже!» Это Тува! Тут ответы на все вопросы!.. «Перст судьбы — он племянник!» Помяни мое слово: еще сегодня ты улетишь в Туву, в командировку, хотя я и не представляю, с чего ты там начнешь...

Денисов читал:

«Отчий дом! Как жить, если не оценил любовь, верность, словно сами по себе они — невесть что, ничего не стоят! Неужели сойдет с рук? Не будем наказаны? Страшная мысль: вдруг вещи, и предметы, и части моего тела, покорные с детства, выйдут из повиновения?! Рука с ножницами пролетит мимо страницы, ударит в глаз, в лицо? Или в метро ноги вынесут вдруг на середину платформы перед поездом, а крик разрежет пустоту туннеля!»

С рукописи сняли несколько копий. Королевский через Союз писателей связался с литературным консультантом — ему в спешном порядке отправили экземпляр для чтения. Бахметьев звонил в Кызыл, в министерство автономной республики.

«"Здорово распутываешь петли"», — признает Анастасия, глядя, как я управляюсь со шпагатом. «В самом деле?» Умение развязывать петли — предмет моей гордости. Но дело не только в этом. Я уважаю людей, которые могут освободить бечеву от узлов, знаю механизм обретения мастерства. Мое детство прошло в детском саду, где в основном были дети работников горкомхоза...»

«Еще деталь, — подумал Денисов. — Социальная? Психологическая. Поможет его понять, но пока абсолютно бесполезная...»

«...Оставаясь на неделю в детском саду, дети сами затягивали петли на ботинках и сами их распутывали. Поэтому до сих пор я чудесно развязываю любые узлы, а шнурки у меня постоянно разъединены...»

В отличие от оптимиста эксперта, Денисов не знал, как ко всему этому подступиться; писавшего, казалось, не интересовало ничего, кроме его самого и его любви.

Он повторял:

«Моя прелесть, моя боль! Не ищи в этих строках ни жалоб, ни оправданий! Как прекрасно любить тебя!...»

Денисов вышел за платформу. С началом дневного перерыва пассажиров заметно поубавилось.

Вид пустого вокзального пирса разнообразило несколько урн, мяча с динамиком, каплеобразные светильники, прикрепленные к подвескам вверху.

Ближе к вокзалу темнели два товарных вагона, превращенных в камеру хранения, — на обоих висели замки, еще два вагона были почтовые, их выгрузили ночью.

До отправления первого — после «окна» — электропоезда оставалось больше часа. Накрапывал дождь.

«Сообщивший о пистолете... — Денисов направился вдоль поезда, — наблюдал все из состава, стоявшего в ту ночь на этом пути».

— Электричке этой еще ждать и ждать! — окликнул Денисова постовой у табло. Он был экипирован по-осеннему — в плаще, в бриджах и сапогах. — До конца перерыва!

— Я знаю.

Он прошел по составу. Пассажиров было мало, сидели на расстоянии друг от друга; в пустых вагонах всегда садились свободно.

«Многое непонятно... — Денисов поглядывал в окна. — То, как складывались для погибшего последние часы, да и дни, которые он провел в Москве. Все вечера пробыл на вокзале — у «места встреч». Ждал? — Сидевшие в вагонах по обычаю поднимали головы, осматривая входившего, но уже через секунду-другую теряли интерес — вошедший становился своим и так же с любопытством наблюдал за входящими следом; Денисов умел не привлекать внимание — для этого надо было только ни с кем не встречаться глазами. — Ланц ждал ее, а она не приехала?»

Из окон виднелись мокрые платформы, простиравшиеся до самого элеватора. Схема занятых и свободных путей в точности повторяла ночную на момент обнаружения трупа.

«Пустые платформы, свободный обзор...»

Денисов прошел в четвертый вагон, окна его выходили к месту происшествия.

«Все как на ладони... — Через две платформы видны были даже грязноватые разводы на урне, недалеко от которой была подобрана одинокая гильза. — Кто-то видел, как носильщик нагнулся над лежавшим, поднял что-то, положил в карман. Наблюдавший заинтересовался, пошел вдоль состава, не упуская Салькова из вида — времени до отправления оставалось много... Убедился: передал ли носильщик взятое им сотруднику милиции или же оставил себе... Сальков предпочел оставить».

Денисов вышел на платформу. Сразу у вагона его по рации нашел дежурный — возможно, как раз в этот момент взглянул на экран монитора:

— Двести первый, возвращайтесь...

Королевский разыскивал его с помощью дежурного, чтобы ехать к литконсультанту Союза писателей — тот успел, видимо, прочитать рукопись; Бахметьев тем временем должен был лично — через министерство автономной республики — проверить возможность «тувинского варианта». Так или иначе, предстояло лететь, на месте принимать решение...

— Двести первый!..

— Вас понял, возвращаюсь.

Денисов еще постоял у одного из установленных прямо на перроне аппарата прямой связи «пассажир — милиция».

«Только одного наблюдавший за Сальковым разглядеть не мог — что о носильщик поднял с платформы... Увидеть в темноте пистолет с этого расстояния невозможно...»

— Привет, командир, — с обогнавшего электрокара поздоровались. — Может, отоварить? — Это была дежурная шутка. К вагону-ресторану доставляли заправку — сетки мытого картофеля, молочную кухню, особняком — завернутая в целлофан — лежала тяжелая коровья нога.

— Спасибо. Отоварили.

Он не позволил себе сбиться с мысли: «Выходит, позволивший в милицию наблюдать не за Сальковым — за погибшим... Чтобы знать о пистолете, надо было видеть все происходившее. Целиком. Почему же он сообщил только об оружии? Не о вещах? Не о выстреле?» Надо было возвращаться.

«Ему важно было, чтобы мы нашли пистолет. Через оружие нам он подсовывал версию о самоубийстве... Ложную? Может, и истинную... — Он вдруг вспомнил. В повестях, приводивших Лину в неопикуемый восторг, после убийства, но еще до приезда сотрудников розыска, к трупу обязательно кто-то подходил — не убийца! — потом его долго подозревали, но что-то, как правило, мешало ему признаться. — Портфель унес... — Денисов перескочил через промежуточные посылки и выводы. — На стройку. Вытряс. Надеялся что-то найти?.. А может, нашел? Например, первый экземпляр рукописи. Или другие записи, которые его компрометировали...»

— Двести первый... — дежурный снова включился. — Готовьте рапорт на командировку. Бахметьев подпишет. Это чтобы сразу от литконсультанта ехать в управление... Пункт назначения проставите потом.

— Вас понял.

— Что-нибудь есть ко мне?

— Согласуйте насчет оружия, дело может оказаться серьезным.

Теперь уже дежурный сказал:

— Вас понял.

Денисов мысленно вернулся к рукописи, вспомнил почему-то:

«И все же ничего не страшно, если из интерната ты можешь вернуться в Отчий дом!»

ХII. ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

— Документы!

— Сейчас... — Мужчина был массивнее и выше его ростом, несколько секунд, тяжело дыша, приходил в себя. Его мучила одышка. — Минуту... Один момент!

Он неожиданно рывком подобрал колено к лицу и с поворотом стопы сильно выбросил ногу в сторону. Ботинок просквозил в нескольких миллиметрах от денисовского подбородка.

Здесь не шутили.

Второй прием провести не удалось. Денисов ударил его в живот, под солнечное сплетение. Рука прошла рычагом, закреплённая в плечевом и локтевом суставах, Денисову удалось вложить в удар весь вес.

Отскочив, он выхватил пистолет:

— Сюда, к дереву! Быстро! Иначе буду стрелять! Патрон в патроннике!

Это было пресловутое дерево с объявлениями, служившее источником всевозможной курортной информации.

— Руки на дерево!

Задержанный положил ладони на не особо толстую стволину.

— Ноги как можно дальше! Еще!

Каратист отступил на полшага.

— Еще дальше!

Денисов заставил задержанного вытянуться по диагонали, переложил пистолет в левую руку, нагнулся, правой провел по его одежде. В куртке лежали сигареты и спички. Денисов не стал их брать.

Поза каратиста не позволяла оказать сопротивления — отними он на секунду руки от опоры, оказался бы сразу на земле. Кроме того, Денисов в любую минуту мог еще дальше ногой сдвинуть его ступни. Результат был бы тот же.

Подумав, оперуполномоченный решил еще больше обезопасить себя:

— Спокойно! — Он расстегнул на задержанном ремень, напрочь выдернул его из шлевок.

Каратист сгруппировался, ждал, когда Денисов предложит ему выпрямиться.

Позволь это Денисов — неизвестно, как бы развивались дальше события.

Денисов сорвал еще на поясе брюк задержанного единственную пуговицу. Брюки ослабли.

— Встань нормально!

Задержанный вернулся в вертикальное положение. До дежурки он принужден был поддерживать руками штаны, чтобы не свалились.

«Подонки! Мог сделать меня инвалидом... — зло подумал Денисов. Он держал пистолет в левой руке, правая была свободной. — Врезать бы тебе, да положение не позволяет!»

— Фамилия! Имя-отчество! Быстро!

— Рогов Вячеслав Николаевич...

Денисову показалось, он видел его раньше. Голос был определенно знаком.

— Прописан в Планерском?

— В Донецке.

«Ясно. Ездит из Москвы с нашего вокзала!..»

Центральная улица была пустой. В ночное время на трассе Феодосия — Судак движение замирало.

Мимо спящих на скамьях у автостанции туристов, мимо их огромных рюкзаков Денисов повел задержанного вверх по улице к поселковому отделению.

Было тихо. У перекрестка какой-то человек подошел к ящику с мусором, поставил бутылку из-под шампанского.

— Спички найдутся? — сбоку, с аллеи, ведущей к музею планеризма, вынырнула женщина.

Денисов достал спички, она прикурила.

Рогов все это время смотрел куда-то в сторону, Денисов был настороже, не спускал с него глаз.

— Спасибо.

— Пожалуйста. — Денисов спрятал коробок. — Дорогу найдете?

— Да, здесь близко.

В дежурке никого, кроме дежурного и старшины — командира строевого отделения, — не было.

Увидев доставленного московским оперуполномоченным, дежурный отчего-то сразу насторожился.

— Документы есть? — Вопрос повел нервно.

— Да нет...

Рогов, наоборот, приободрился.

— Откуда прибыли?

Чтобы успокоить дежурного, Денисов предпочел не вмешиваться.

Рогов повторил то же, что и Денисову:

— Я из Донецка.

— Точный адрес...

Он назвал улицу, дом.

Теперь Денисов смог лучше его рассмотреть.

«...33—35 лет, 188 сантиметров, не менее 100—110 килограммов. Лицо обрюзгшее, угловатое книзу... — Ему снова показалось, что он где-то видел его раньше. — Рыхлый, нездоровый цвет кожи. Широкий таз, сильные, н а к а ч а н н ы е ноги, — как выразилась горничная Дома творчества. В последнем он едва не убедился на себе. — Очки в металлической оправе. Куртка из плащевой ткани...»

— Работаю в районном совете добровольного спортивного общества «Наука»...

Он успел прийти в себя, держался с дежурным мягко, хотя и чуть снисходительно.

— Может, вы меня все-таки отпустите, дежурный? Утром я приду.

— Позже решим. С какой целью вы приехали в Планерское? Давно?

— Несколько дней назад. Я в отпуске. Это ведь не возбраняется, правда?

— Откуда идете?

— Гулял! Товарищ ваш... — Он, не глядя, показал на Денисова. — Подошел... Вокруг ночь! Я принял его за другого. Вы извините... — Он развернулся к Денисову, снова, не глядя на него, пожал плечами. — Здесь простое недоразумение...

— Не могу я вас отпустить, — продолжал нервничать дежурный. — Местность паспортизирована... Вы без документов...

— В Донецке у вас есть телефон? — спросил Денисов. — Можно было бы позвонить домой...

Рогов сделал вид, что раздумывает.

— Да нет! Не хотелось бы их тревожить...

— До утра придется побыть у нас. — Дежурный развел руками.

Рогов сказал мягко:

— Что ж! Недолго осталось! И все-таки это безобразие, я считаю. А вам не кажется? Что у вас против меня?

«Безусловно, нам приходилось разговаривать. Но где? Неужели на вокзале?» — снова подумал Денисов.

Он подошел к телефону, попробовал заказать Донецк.

— Кто будет говорить? — спросила телефонистка.

— Денисов.

Услышав фамилию, Рогов бросил быстрый взгляд в его сторону.

«Конечно же! Он знает мою фамилию...»

— Связь через час, — предупредила телефонистка. — Техническое окно на линии...

— А как Москву?

— Я же сказала: «техническое окно»!..

Денисов перешел в кабинет начальника милиции. Набрал номер. Лымарь поднял трубку быстро — привык к ночным звонкам.

— ...Трудно что-нибудь доказать... — Лымарь внимательно выслушал. — Если бы хоть какой-нибудь вещдок... Как бы не пришлось извиняться да отписываться!

Денисов пропустил реплику.

— Я думаю, он и в этот раз, как и в мае, приехал в Планерское на машине. Ключи, видно, успел выбросить...

— Если б найти машину!

— С этим просто. Она рядом с автокемпингом, у дороги. «Жигуль» 18—17. Надо быстро проверить.

— Я сам займусь.

— Сейчас главное — уцепиться! Машина вся грязная. Где-

то под Мелитополем был ливень. Не следил ли он за покупателем, когда тот вез деньги вдове?

Перед Домом творчества было по-ночному пустынно.

Грузовая, подрагивая бортами, прошла в сторону Судака, в кузове были люди — светлячки сигарет вспыхнули и тут же погасли. Навстречу с горы прошелестел ночной велосипедист.

У почты, на повороте, Денисов остановился.

Когда, топчя клумбы, он выбежал из ворот Дома творчества к почте, встреча с Роговым произошла именно здесь. И, следовательно, ключи от машины Рогов мог выбросить тоже здесь.

Денисов рассчитывал потратить на поиски несколько минут, может, до получаса, но ему повезло сразу — недалеко от дерева, рядом со скамейкой, он увидел брелок: миниатюрный череп — с ключами.

«Они...» — Денисов положил ключи в карман. Понятых не было, составлять протокол было не с кем.

Здесь же, рядом со скамейкой, валялся бесформенный чугунный отливok — достаточно тяжелый, непонятного назначения. Принадлежал ли он Рогову? Денисов на всякий случай прихватил и его, завернул в платок; под деревьями осталась еще брючная пуговица — он предпочел ее не заметить.

«Вооружен и очень опасен...» — Думая о Рогове, Денисов использовал название известного фильма. Недаром все эти дни он проходил мимо киноафиш.

В кустах у Дома творчества свистели цикады. Денисов снова подошел к почте. Из глубины поселка доносились негромкие звуки: скрипнула калитка, в цементированный желоб на ближайшей водоразборной колонке ударила звонкая струя.

— Не помешал?

Денисов оглянулся. У междугородных автоматов стоял Мацей — в шортах, в сорочке, в шапочке. Похоже, все лето он не знал другой одежды.

— А может, вы предпочитаете гулять в одиночку?

— Да нет.

— Пожалуйста, скажите. Не стесняйтесь.

«Неужели не догадывается, что я не тот, за кого себя выдаю? — Денисов смерил его взглядом. — И даже не делаю из этого особой тайны!»

— Я думал, вы работаете за столом... — Он перевел разговор.

— Когда что-нибудь большое. — Мацей достал трубку. — Например поэма.

— А стихотворение?

— Обычно приносишь готовое. С улицы, с пляжа. За столом только шлифуешь...

Мацей был одним из тех, кто разговаривал с художницей примерно часа за два до случившегося, поэтому Денисов спросил:

— Как прошел вечер? Были на набережной? Мне показалось, море не очень спокойно!

— Штормит! И сильно... Мы сидели у знакомой. Сусанна Роша, художница. Может, слышали?

— Я читал о ней в районной газете: интересный человек...

— Удивительный! Особенно когда общаешься вот так... — Мацей отмерил чубуком расстояние, как на ринге в ближнем бою. — Когда перед тобой раскрывается человек большой души, необыкновенной судьбы... — Он раскурил трубку. Сладковатый запах смешался с запахом кипарисов.

Денисов воспользовался паузой.

— Мне сказали, она продает дачу... Наверное, это огромные деньги! Кто же в состоянии купить? Разве какой-нибудь фарцовщик...

— Уже купили, мой друг. — Денисову показалось, что поэт чуточку играет, но, может, это объяснялось простой манерностью. — Точнее, купили еще в мае, только широко не объявляли. Но для своих это был секрет Полишинеля — все обо всем знали.

— Кто же покупатель?

— По-моему, он делец. Фамилия вам ничего не скажет. Купил со всей обстановкой, с мебелью...

Денисов слушал внимательно.

— ...Кажется, даже с гобеленами, картинами. С коллекцией якорей, всего, что собрано на берегу. Там даже часть шлюпки с разбитого судна...

Поэт сообщил еще:

— Поселку будет грустно без нее. Да и литераторам! В поселке о ней все трогательно заботились...

Он ни в чем не заподозрил Денисова.

Оперуполномоченный позволил себе быть менее осторожным:

— Дача понравилась мне. Я видел ее с киловой горы. На одном из окон решетка. Художница, должно быть, хранит там картины...

— Решетка на окне? — Мацей удивился. — Впервые слышу.

— А на дверях новый звонок... Странно, что, собираясь уезжать, хозяева заменяют звонок!

— Я и не заметил, что он другой. Зато заметил, что, когда Сусанна читала волошинское «...судьбой и ветрами изваян профиль мой...», голос ее задрожал. Она едва не заплакала.

Оперуполномоченный понял:

«Бесполезно расспрашивать поэта о миллионах в до-
ВЫ...»

Он вспомнил Брэдбери — землянин и марсианин встретились на ночной пустынной дороге. «Куда вы едете?» — спросил землянин. «На праздник. Там, у канала. Прошлую ночь я провел там». — Марсианин показал рукой, землянин взглянул и увидел руины: «Но город мертв много тысяч лет!» — «Мертв? Я ночевал там вчера...» — «Смотрите — колонны разбиты...» — «Разбиты? Я их отлично вижу в свете луны. Прямые, стройные...»

Так было и с нами.

— Начальник еще не звонил, — объявил дежурный, когда Денисов вернулся. — Междугородная тоже молчит.

После составления протокола Рогова поместили в кабинет участкового, под охрану. Задержанный спал, привалившись спиной к стене.

Молоденький сержант, знакомец Денисова, сидевший напротив, шепнул:

— В поселке ни разу его не видел!

Денисов оставил их вдвоем, вернулся к дежурному.

Объявилась междугородная:

— Москву заказывали? Даю... — Москву дали раньше Донецка.

— Переключите на начальника! На кабинет Лымаря! — Там, за двумя дверьми, Денисов мог говорить без помех.

— Слушаю... — Денисов узнал голос помощника дежурного, Сабодаша за пультом в Москве не было.

— Денисов говорит. Из Планерского... — Он продиктовал: — «Рогов Вячеслав Николаевич...» Проверь при мне. Сейчас. Нет ли его во всесоюзном розыске...

— Постараюсь.

Денисов слышал, как помощник неторопливо набирает номер центрального адресного, объясняется на коммутаторе:

— «Рогов...» — «Роман», «Ольга»... Из Донецка... Ничего нет! — крикнул он через пару минут. — Не разыскивается. Все?

— Пока да.

Денисов походил по кабинету. Донецк дали не сразу.

Разговор почти полностью повторился:

— Прошу проверить: «Рогов...»

Дежурный в Донецке записал данные, быстро — быстрее, чем на родном вокзале, — связался с картотекой: выдал ответ:

— Прописан, работает. Все в порядке. Материалами не располагаем.

— Из розыска там никого с тобой рядом? — поинтересовался Денисов. Рассказывать о неясных своих подозрениях следовало только розыскникам — память их была организована особым образом.

— Из розыска? Нет.

— Не дежурят?

— На происшествии. Скоро будут.

— Когда вернутся, пусть свяжутся с Планерским. Вот телефон...

Около часа ночи вернулся Лымарь. Он привез с собой двух мужчин, одинаково жилистых, уже в годах, угрюмых и неуклюжих. Денисов понял: оба имели отношение к машине, поставленной у автокемпинга.

— Товарищ майор! — Дежурный вскочил. — За время дежурства...

Начальник милиции махнул рукой. Вместе с Денисовым и вновь прибывшими прошел к себе в кабинет.

— Это братья Севаковские. — Лымарь представил обоих вместе. — Пенсионеры... Сергей Александрович и Петр Александрович... — Он не уточнил, кто есть кто. Жестом пригласил усаживаться. — Будьте как дома. Не забывайте, что в гостях...

Дурашливая присказка содержала некое предостережение, грубоватый намек — так во всяком случае оценил Денисов.

Лымарь ничего не говорил зря.

— Капитан Денисов, Московское управление внутренних дел на железнодорожном транспорте... — Лицо его, как и в день знакомства, выражало ту же обманчивую приветливость.

При своей внешней похожести, оба брата сильно различались в одежде и манере поведения.

— Очень приятно, — сказал один из них — в светлом костюме, в галстук; он опирался на тонкую, с тяжелым набалдашником трость.

Второй — в затрапезном плаще, в кепке — молча кивнул. Он выглядел более угрюмым, малоразговорчивым.

Тем не менее Лымарь обратился именно к нему:

— Вы живете в Курортном. С дочерью и зятем... — Он одной фразой пересказал содержание начатого в дороге разговора. — У вас машина.

— «Жигули», 18—17.

— Где она? — Лымарь взглядом пригласил Денисова к разговору.

— Дал одному человеку, — Севаковский отвечал неохотно. — Съездить на пару дней в Симферополь. К приятелям.

— Вы их видели?

— Нет. Он и раньше брал машину. Все было в порядке.

— Как его фамилия?

— Рогов... Слава.

— Где познакомились? — спросил Денисов. — Давно его знаете?

Севаковский взглянул недружелюбно, ответил, однако, полно:

— Здесь познакомился, в Курортном. В позапрошлом году. Они каждый год приезжают. С женой, с ребенком, с родителя-

ми жены. Люди видные... Живут у моего брата. — Он, не поднимая головы, кивнул на Севаковского-С-Тростью.

— Часто давали ему машину? — Денисову требовалось свести вопросы в некую схему.

— Несколько раз. Вообще-то они приезжали на своей. У них тоже «жигуль».

— В этом году Рогов был здесь?

— В мае.

— С семьей?

— Семья потом уехала.

— Тоже брал машину?

— Да. — Пенсионер забеспокоился. — Машина действительно цела? Или чтоб успокоить?

— Цела. Он получил ее чистую?

— Да. Только помыл. Где ее нашли?

— На шоссе. Рядом с платной стоянкой.

— Больше он ее не получит! — Севаковский-С-Тростью крутанул набалдашником. В их родне он, видимо, был за старшего, и машиной брата тоже распоряжался сам.

Он повторил вслед за младшим:

— Люди видные... — Уточнил: — У тестя кафедра в институте в Донецке. Металловедения или что-то в этом роде. Теща преподает русский язык иностранцам. Жена тоже преподаватель.

— А сам?

— Слава? Деятель от спорткомитета. Связи большие. Олимпийские шерстяные костюмы, «аидасы», спортивный инвентарь. Этого навалом...

— Сам он — донецкий?

— Нет. Мать живет с младшей сестрой в Старом Осколе.

«Снова наше направление дороги... — подумал Денисов. — Донецк, теперь Старый Оскол. Знакомый поезд: Узловая — Старый Оскол — Валуйки...»

— Там они и познакомились с Валею, с женой, она там была на практике... — Севаковский-С-Тростью спросил, в свою очередь: — Вы следователь?

— Оперуполномоченный.

— Что-нибудь он натворил?

Денисов не ответил.

— Значит, натворил!..

— Что можно сказать о Рогове?

— Волк-одиночка! — Севаковский усмехнулся. — Вроде со всеми, а близко никого не подпускает... Не смотри, что вроде и на должности и при звании. И не сидел! А пасть порвет сразу!

Он хотел добавить позабористее, но Лымарь как бы смехом перебил:

— Он знает! В прошлом за самим был грешок!

— Кто старое помянет... — Севаковский оперся на трость. Но Денисов уже и сам видел: братья были в прошлом уголовниками.

— ...Не хотел я часто встречаться с ним! Но и отказать, честно говоря, не решился. Погоды сухие стоят, дачи горят, как спички!.. — Он повертел тростью. — Два лица! Со стороны если глядеть, мужчина красивый... Не то что наш замухрышка! Любит пожить, пофрантить. Я видел, сколько у него косметики. «Для бритья», «до бритья», «после бритья»!.. Кремы, туалетная вода. Все импортное, дорогое. Присмотрит ванну, надушитесь! Король! Этот, как его... Дионис! А жена мягкая, добрая. Не такой муж ей требовался. Болеет. Тихая такая самочка... Должно быть, фригидна...

Денисов представил Севаковского-С-Тростью в период расцвета его уголовной деятельности — острым на язык, жестким, поверхностно начитанным! Подобием известных ростовских и одесских воров. Симпатии он не вызывал.

— У вас есть телефон Рогова в Донецке?

— Попробую найти. Он у меня дома.

— Сразу позвоните... А как у него с тестем?

Молчавший все это время Севаковский-младший сказал: — Тестю он первому голову оторвет... Но это потом. А пока нормально: машина, поездка, дача — все за счет тестя... Тесть — для него главное! Он и женился-то на нем, на его деньгах. На наследстве!.. — Он замолчал, братья стояли друг друга.

— Рогов не говорил... Он приехал в Планерское из Донецка? Из Москвы?

— Об этом не говорили. — Севаковский-старший оперся о трость.

Денисов прошел по кабинету, подошел к окну. Поселок спал. В отделении было тихо. Близко, за стеной, у дежурного, пищала рация.

С дачи Роша не позвонили, хотя шум и беготня в саду не могли не потревожить художницу.

Денисов снова вошел в разговор:

— Что можно еще сказать о нем?

— Быстро сходится с людьми. Только приедет — через день уже постоянный пропуск в Дом творчества. На корт, в библиотеку... Уже с писателями под ручку!..

— Много читает?

— Не видел, чтобы читал, а книги менял часто. — Севаковский-С-Тростью вернулся к тому, что успело в нем засесть прочно с начала разговора. — Значит, натворил! Ясно! Тесть — он за дачу заплатит, а на карман — ширш! А Славу без коньяка, без компании — без сотни в кармане, без девочек и представить трудно. При том, что всем должен! Тут-то «аидасы» да олимпийские костюмы, наверное, и пошли в ход...

— Этого человека вы никогда с ним не видели? — Денисов

достал снимок. Севаковский-старший долго вглядывался в посмертную фотографию Ланца.

— Никогда.

— Фамилия Волынцев ни о чем не говорит?

— Нет. Впервые слышу.

— Ширяева Наташа, переводчица? Веда?

— Нет, нет.

— Рогов не приходится родственником художнице Роша?

— Сусанне Ильиничне? — Братья усмехнулись. — Ни в коем разе!

Денисов снова вызвал Москву, дежурку:

— Ответы на мои телеграммы пришли? Я давал поручение опросить людей, с которыми Волынцев общался в Коктебеле...

Отвечал помощник, Сабодаша все не было на месте.

— Несколько телеграмм. Их продублировали в Планерское. Еще с вечера. Не получал? Узнай на телеграфе!

Денисов положил трубку, тут же его вызвали вторично. Создалось впечатление, что для девушки с междугородной его разговор с Москвой не остался тайной.

— Тут телеграмма для вас. — Она даже не спросила его фамилию. — Примете по телефону?

Это были ответы на запросы, переданные по телетайпу в Судак утром и накануне.

— ...«Хабаровск. Строева Маргарита Алексеевна находилась в Доме творчества «Коктебель» с 28 апреля по 24 мая...» Успеваете? «Знает Волынцева как соседа по столовой. Характеризует малоразговорчивым, замкнутым. Несколько раз видела в бухте Тихой с женщиной средних лет. Ее приметы...»

Денисову почти не пришлось записывать: приметы женщины он знал достаточно хорошо, а установочные данные свидетелей шли от регистратора Дома творчества через него самого.

— ...«Зарипов Шукурбек сведениями о дружеских, интимных связях Волынцева не располагает...»

Телеграмм было несколько. «Не располагает», «не установлен», «не помнит»...

Одна из привычных фраз милицейского обихода обязательно присутствовала в каждом ответе; в одном — из Орши — все три встретились вместе.

После звонков и переговоров в отделении снова стало тихо. Трещал сверчок. Дежурный читал милицейский журнал, свежие номера «Советской милиции» принесли днем, при Денисове.

Сбор первых доказательств был закончен, и все дело было в том, чтобы их систематизировать. Однако ничто не подсказывало, как выстроить логический ряд, и не было трудной мысли, которая обычно предшествует озарению.

— Машина не вернулась? — Денисов подошел к столу дежурного.

— От Севаковских? Пока нет.

Лымарь позвонил из дома:

— «Волк-одиночка!» — Он охарактеризовал Рогова словечком, заимствованным у Севаковского-С-Тростью. — Что и говорить! Личность опасная. Но и Вольтинцев, Ланц этот, хорош!..

В телефонную трубку проникли звуки настраивающегося симфонического оркестра. Знакомый по сотням радиопередач хорошо поставленный голос объявил состав исполнительей.

— Это на линии, — предупредил Лымарь. — Вольтинцев ублажал Рогова, потому что надеялся через него попасть в компанию знаменитостей! Престижных творческих людей — Веды, Роша, их знакомых... Так?

На стене стукнула минутная стрелка часов, днем Денисов не обратил внимание на металлический плоский квадрат с указателями из узких жестяных обрезков.

— Пожалуй... — В рукописи на этот счет имелось прямое указание автора.

— А Рогов — авантюрист. Он не упускал случая пустить пыль в глаза. — Лымарь попробовал развить мысль. — Потому и назвался племянником вдовы Роша...

Чувствовалось, что Лымарь не знает рукописи Ланца. Он допускал одну неточность за другой. Сказал, в частности:

— Ланц мог посвятить Рогова в свои проблемы. Вами еще не установлен мотив убийства...

Алюминиевая стрелка на циферблате громыхнула снова, казалось, неиспользованные ночные минуты, уходя, не исчезают, а превращаются в металлолом.

«Проблемы Ланца все известны... — подумал Денисов. — Они все до одной в его рукописи...»

— Может, тебе поговорить с Роговым? — Лымарь все не до конца отдавал себе отчет в происшедшем.

— Есть ли смысл... — Денисов не хотел его обижать. «Рогов наверняка запомнил мою фамилию. Вряд ли он разговорится в моем присутствии...»

Существовало одно важное обстоятельство: в Москве, отвечая в то утро из дежурки по прямому проводу «пассажир — милиция», Денисов, как положено, назвал себя прежде, чем теперь уже знакомый, молодой, с одышкой голос произнес:

«Все знает носильщик, жетон 46. Пусть скажет, куда он дел оружие...»

Дождаясь звонка от Севаковского-старшего, Денисов форменным образом маялся: вышел в дежурку — там было по-прежнему тихо, все проводившие ночь в поселковом отделении находились на своих местах.

На улице неярко горели светильники. Фотографии на стенде

«Их разыскивает милиция» выглядели едва различимыми.

Денисов вспомнил. В туристической поездке по ФРГ, в Гамбурге вместе с Линой рассматривали они фото перед полицейским участком на Репербанштрассе — портреты разыскиваемых преступников были ярко освещены, под каждым проставлена была сумма вознаграждения за предоставление сведений — «50000 д. м.», «100000 д. м.»

«Принципиально разные приемы розыска...»

Звонок, которого он с таким нетерпением ждал, раздался около трех утра.

— Не спите? — звонил Севаковский-старший. — Я тоже. Отвык. Днем кое-как перемагаюсь да еще на рассвете прихватываю пару часов. А теперь еще неприятность с машиной... Вы скажите мне правду: цела? Не очень он ее?

— Цела. — Денисова интересовало свое: — Телефон в Донецке нашли?

— Все перерыл! Записывайте. Это — тестя... — Он продиктовал фамилию, номер телефона. — А это — молодых...

— Спасибо. Как зовут жену Рогова?

— Валентина. Валентина Хрисанфовна... Только она не Рогова, а под девичьей фамилией матери. Там все сложно...

В Донецке, несмотря на глухой ночной час, трубку подняли сразу:

— Алло... — Голос показался Денисову тревожным, женщина не спала.

— Валентина Хрисанфовна? Разбудил? Пожалуйста, извините.

— Пожалуйста. Я болею. — Голос был детский, капризный. Похоже, она была рада звонку. — Весь день сплю... — В том, что жена Рогова не спросила: «Кто звонит?» «Кого вам?», а выполнила предписания этикета, был обнадеживающий знак. — Вам, наверное, Славу? Его, к сожалению, нет.

— Он собирался в Москву...

— Сейчас он в Старом Осколе.

— Давно? — Денисов прикинул даты.

— Уже больше недели...

— Я думал, в Москве.

— Нет. Я сама брала ему билет в Старый Оскол. Туда и обратно.

— Когда вы его ждете?

— Завтра. А если успеет, то уже сегодня к вечеру. — Она говорила как человек, которому нечего скрывать. — Он там у родни.

— Звонит?

— Каждый день по несколько раз... — Она не удержалась от маленькой похвальбы, — но он не знает, что я болею.

— Не сказали?

— Зачем? Он бы все бросил, прилетел!
— Действительно, у вас простуженный голос.
— Тут и другие нехорошие явления... — Денисов почувствовал, что проник в чужой хрупкий мир незнакомого человека, мир, которому, как он понимал, уже в ближайшие часы суждено расколоться. У Денисова не хватило духу намекнуть ей на это.

— Нервы?

— Вот именно.

— Доктор вас наблюдает?

— У мамы двоюродный брат известный невропатолог...

Был соблазн поинтересоваться: «В Москве?», «Как его фамилия? Сазонов? Окунев? Не через вашего ли мужа Волинцев попал в Москву к Сазоновым на квартиру?»

— И что медицина?

— «Поменьше волноваться. Нервные клетки не восстанавливаются...»

— Поправляйтесь, — прощаясь, пожелал Денисов.

Приняла ли она его за другого? Выражало ли нежелание узнать, с кем она разговаривает, небрежение к кругу знакомых мужа и некий обидный снобизм?

«Все было жестко рассчитано Роговым! Вплоть до алиби...»

Денисов с минуту сидел молча.

«Железнодорожные билеты куплены до Старого Оскола и обратно... Спустя какое-то время можно будет доказать, что в дни убийства Волинцева и вдовы Роша Рогов находился за тысячи километров от обоих мест преступлений — от Москвы и от Коктебеля — у родственников, в Старом Осколе...»

В специальной литературе, распространявшейся по списку, и полухудожественной — вся начала века — «Дело об убийстве Марии Лесковой», «Дело об убийстве г. Фон-Зона в Спасском переулке», «Процесс семьи Шарбан», «Дело Тарновской», «Убийство в Гусевом переулке», которую Денисову пришлось прочитать за последние годы, психология убийц рассматривалась разное: надо было быть криминологом, чтобы сделать четкие выводы.

«Жить — значит, наслаждаться...» — признавалось большинство совершивших корыстные убийства — от банальных до наиболее изощренных.

Но «волки-одиночки» были опасны особенно.

Денисов запомнил одного из них. Тим Тоде, общительный сельский парень, младший в семье и общий любимец, в течение часа из-за наследства хитроумно умертвил своих — отца, мать, сестру, четырех старших братьев и служанку, — одного за другим под разными предлогами выманывая из избы во двор. Соседям он объяснил, что на дом налетела банда, и он один остался в живых, спрятавшись в погребе.

«Неутолимая жажда удовольствия... Нет жалости, одна озлобленность...»

На общей могиле погибших по выбору Годе была сделана надпись: «Человек, будь всегда готов предстать перед Всевышним!...»

Еще Денисов подумал о Рогове:
«Первое ли это его преступление?»

Дежурный все еще сидел с журналом.

— Новая повесть. — Он смутился от того, что, войдя в дежурку, московский оперуполномоченный снова застал его за чтением. — Невозможно оторваться...

Денисов заглянул в кабинет участкового.

Рогов спал в той же неудобной позе, откинувшись широкой спиной к стене. Выражение его рыхлого лица было усталым, снисходительно-вялым и недобрый даже во сне.

Расслабь он мышцы, и на щеках появится высокомерная подловатая усмешка...» — подумал Денисов.

Сержант за столом играл карандашами, взад и вперед перегоняя по столешнице.

— Да! Еще телеграмма из Москвы! — вспомнил дежурный. — Вы как раз выходили... Я записал. Вот! — Он спрятал журнал в стол, достал телеграмму.

— ...«Сутыгин Арсентий Иванович, — читал вслух Денисов, — находился в Доме творчества «Коктебель» вместе с Волынцевым Александром Андреевичем... Волынцев держал себя замкнуто, дружеских связей ни с кем не поддерживал...» Так!.. — В телеграмме дальше стояло: «Незадолго до отъезда из Планерского Волынцев познакомился с молодым мужчиной по имени Слава. Установочными данными на Славу не располагает. Приметы...» Сутыгин давал удивительно точное описание Рогова: «Лицо красивое, но обрюзгшее, манеры мягкие, но сразу видно, что мягкость нарочитая, маска...»

Денисов спрятал телеграмму:

«Первый раз Рогов и Волынцев встретились в документе уголовного дела. Не в эссе и не в моих предположениях!»

Он поблагодарил дежурного:

— А теперь еще раз закажите Москву. Вокзал. Отдел внутренних дел.

— Слушаю... — Трубку в Москве снова взял помощник.

— Попробуй меня соединить... — Денисов продиктовал номер телефона. — Сутыгин Арсентий Иванович...

— Сейчас?

— Ну!

— Попробую...

Щелчком тумблера он словно вверг Денисова в пустоту. Звуки исчезли. Медленно-однообразно поползли секунды.

Мысленно Денисов увидел освещенный этаж знакомого милицейского здания. Пустой перрон впереди.

«Ушла последняя электричка и три последних ночных поезда... Тамбовский скорее всего подавали на тот же путь, как шесть дней назад, в ту ночь, когда погиб Волынцев...»

Черная громада элеватора с разбежавшимися по фасаду паутинами лестниц заслоняла вокзал...

— Даю! — ворвался голос помощника дежурного в Москве, — Сутыгин у телефона! Говорите.

— Я из Крыма! — крикнул Денисов. — Из Коктебеля, где вы весной отдыхали. Оперуполномоченный Денисов...

— Меня уже допрашивали... — Голос Сутыгина оказался хриплым, будто ему сдавило горло. — Я знаю: Александр погиб. Все записали...

— Товарищ, который к вам приезжал, был плохо знаком с деталями. Ему дали список вопросов... — Слышимость была отличной. — Очень серьезное дело!

— Спрашивайте!..

Денисов знал: если действительно нужно, люди сразу это чувствуют.

— ...Вообще-то нам не пришлось много общаться... — прохрипел Сутыгин. — Перекинулись еще в первый день двумя-тремя словами и все поняли друг про друга. Судьба-то одна: работаем! В свободное время, в отпусках — пишем!

— Кто вы по профессии?

— Рыбак! И еще литератор!

— Что вы можете сказать о своем соседе?

— Держался особняком. Замкнуто. Компаний не водил... —

Сутыгин задохнулся.

— Давал вам что-нибудь читать?

— Из своего? Несколько эссе. Что-то вроде «Признания в любви Прекрасной даме». Мучился, стеснялся... Оказалось, судьбы наши схожи: неналаженный быт...

— Кто его дама? Назвал?

— Он мне показал ее на теннисном корте. Она была с компанией... И потом я ее встречал. Хорошо одевается. В очках...

— Он к вам проникся, — признал Денисов.

— Мы бы, безусловно, сошлись ближе, к тому все и шло! Но тут ко мне приехали... — Сутыгин как-то особенно шумно закашлялся. — А Саша неожиданно подружился с одним из отдыхавших. Я упомянул его в протоколе допросов. Со Славой!

— Что он собой представляет?

— Весьма скользкий. Живет где-то на юге. Я, между прочим, как-то предупредил, чтобы Саша был с ним поаккуратнее...

— Что-то произошло?

— Мы оба ушли, Слава оставался один в комнате. Неожиданно мне пришлось вернуться — забыл полотенце. Я видел, как Слава рылся в рукописи. Что мог он там искать?

— Еще минуту, — попросил Денисов.

— Пожалуйста. Как там погода в Коктебеле?купаются?

— Да, но сейчас, похоже, погода сильно испортилась... Эссе Ланца... Простите, Волынцева. «Признания Прекрасной даме»... Как они в смысле объема?

— Страниц пятьдесят — шестьдесят...

«У нас, выходит, меньше половины!..»

— По-вашему, Волынцев и Слава раньше знали друг друга?

— Думаю, нет. Я понял, что Слава входил в ту же компанию писателей, что и она...

«Думаю, да», «думаю, нет»... — Денисову показалось, что он исчерпал запас точных сведений. — Надо заканчивать».

Он спросил еще:

— Может, вы знаете и других их общих знакомых?

— Одну, пожалуй! Я забыл об этом, когда допрашивали... —

Сутыгин надсадно закашлялся. — Старуха, известная художница! Она живет в Коктебеле...

— Роша?

— Фамилии не помню. Дача недалеко от спасательной станции...

«Роша», — подумал Денисов.

— Саша говорил мне, что он собирается посетить ее вместе со своим новым знакомым...

Концу разговора мешали посторонние включения — это на коммутаторе оперативной связи в Москве, через который шел разговор, кто-то несколько раз нетерпеливо снимал трубку.

— Алло! — Едва Сутыгин протиснулся, крикнул Сабодаш: — Ты искал меня? Живой?

В отличие от других дежурных, Антон никогда не спал ночью и к утру только лучше себя от этого чувствовал.

— Да. Работы много?

— Полно. Я только что вернулся с линии. У тебя там какой час?

— Как и в Москве.

— Понятно. Ты чего-то хотел?

— Срочное дело... Найди ключ от кабинета, в котором занимается Королевский. Он в Харькове. Ключ где-то в дежурке.

— Знаю.

— В шкафу висит костюм, который был на погибшем. В целлофане.

— Так.

— Новый, синего цвета.

— «Вест-Берлин». Карманы зашиты.

— Все, кроме заднего. Вызови из дома эксперта... — Денисов почувствовал, что Антон приуныл на том конце провода.

— У него в сейфе пистолет «пума», из которого произведен выстрел... Пока машина ходит за экспертом, позвони Кравцову, он приедет на своей. Надо провести следственный эксперимент. Входит ли «пума» в задний незащищенный карман брюк. Понимаешь?

— Значит, все-таки убийство? Ты разгадал! — За всю их совместную службу Сабодаш в нем ни разу не усомнился.

— Думаю, да. И еще! Антон!...

— Все, что скажешь!

— Поставь пленку. Ту, что мы утром тогда записали...

— «...Все знает носильщик. Жетон 46»?

— Да! Хочу еще раз услышать...

Последним в серии звонков был вызов из Харькова. Звонил Королевский:

— Что это у нас сегодня? Коллективная бессонница? Звоню в дежурку в Москву — говорят, ты задержал убийцу...

Денисов подробно ввел его в курс дела.

— То есть пока только цепь умозаключений... — Королевский был слегка разочарован.

— Думаю, к утру будет все определеннее... Что в Харькове?

— Пока ничего особенного. — Было слышно, как Королевский щелкнул зажигалкой. — К осмотру квартиры Волынцева приступили поздно. Сделали перерыв на ночь. Утром опять поедем.

— Какое впечатление?

Следователь подумал.

— Жил в однокомнатной квартире. Один. Не женат... В ванной тем не менее женский халат, в прихожей — босоножки. Тридцать седьмой размер... Материально обеспечен. Предметов роскоши не видно. По крайней мере, на глазах. Гарнитур. Картина...

— Автор — Роша?

— Армянская фамилия. Барсегян? Еще диктофон.

— Записные книжки, кассеты?

— Все есть. Адреса, телефоны. Пробую разобраться, в чем загвоздка... Не знаю, передали ли тебе! Ведь в тот день, когда Волынцева первый раз заметили у нас на вокзале, он утром прилетел в Харьков! Из Тувы!

— В тот день? — Это было новостью.

— Да! Прилетел, бросил вещи... — Королевский чуть-чуть театрализовал: скорее всего был не один — с харьковскими коллегами. — И сразу улетел в Москву! Рюкзак лежит посреди комнаты!

— Раскрытый?

— Да. Такие вот несуразности... — Он был доволен произведенным эффектом. — На всякий случай запиши телефоны, можно звонить.

— В гостиницу?

— И на квартиру Волынцева тоже. Вот телефон его соседей, они мои понятые... Все?

— Посмотри: пишущая машинка, рукописи могли уместиться в рюкзаке?

— Могли, я смотрел.

— Он и взял их, по всей видимости!

— Но что за спешка? Тува — Харьков — Москва... Примчаться, чтобы погибнуть!

По неосвященным аллеям Дома творчества гудел ветер. Погода испортилась.

Денисов услышал море, оно било глухими ударами неподалеку, за белевшими между деревьями домами. Казалось, в гигантской русской бане плещет на огромную раскаленную каменку волна и с грозным шипением мгновенно испаряется.

В одном из писательских корпусов окно было освещено. Когда Денисов проходил, оттуда доносился негромкий треск пишущей машинки.

«ТИХО!» — предупреждало различимое лишь вблизи объявление на перекрестке. — «РАБОТАЮТ ПИСАТЕЛИ!» Напротив было начертано черной краской:

«ВЕРНАЯ РУКА — ДРУГ ИНДЕЙЦЕВ. Начало в 20 часов».

«Верная рука...» — Денисов поймал себя на том, что, и отойдя на порядочное расстояние, продолжает повторять: «Верная рука», «Кожаный чулок», «Отчий дом...»

Придя к себе, он заварил чай, снова разворошил рукопись:

«Анастасия! Такою я, юношей, представлял себе женщину, которую полюблю и с которой проживу всю жизнь. Потому и полюбил ее в первый же час!...»

«Если бы она любила тебя, разве захотела бы, чтобы ты уехал отсюда раньше! Как просто! Пойми, безумец! И сейчас ее нет. Давай же оправдывай ее, скажи, что она смотрит на часы, скучает. Ты надеешься разжалобить ее сердце, если она увидит, как ты сидишь здесь, не зажигая огня, один в темноте. Услышит твой дрожащий голос... Не будет этого!»

«Чужая красивая драгоценность... Утром я просыпаюсь в твоих хоромах бездомной голодной собакой...»

Итог этой темы, отмеченной еще литературным консультантом Союза писателей, восходил к мысли, выраженной в эпитафии:

«...Тут лежит перо Жар-птицы, но для счастья своего не бери себе его...»

Не это, безусловно, интересовало Рогова, когда ему наконец удалось в отсутствие хозяев номера заглянуть в рукопись Волынцева.

И не это:

«... Не берет за руку, отодвигается, когда я касаюсь ее. «Не целую. Не беру за руку. Значит, не могу. Не это главное. Решай, как тебе легче. И не рассказывай о своем комплексе...»

«... Я люблю тебя. С е г о д н я. У меня никого нет. Был муж, теперь ты...»

Денисов привычно перелистнул несколько страниц:

«...Мое уязвленное честолюбие, нескромность, остатки гордыни, которая, как оказалось, не исчезла до конца, зависть, недружелюбие — все поднялось во мне во имя этого чувства, рядящегося под самую сильную и светлую любовь в жизни!»

«... Я б е г а ю з а т о б о й! Это стыдно и сладко. Мы как в школе. За нами следит весь класс. Ребята открыто меня презирают, мы деремся каждый день...»

«...Моя жизнь прошла бездарно. В ней не было ни блеска, ни машин, ни имен...» «Все кончилось. Рано или поздно это должно было случиться. Не хотелось ни говорить, ни двигаться. Я чувствовал себя тем, кем не был, может, на самом деле, но в результате стал — честолюбивым пронырой и лицедеем...»

Денисов нашел, что искал:

«...Я нагнал его, он шел почти бесшумно. Мы дважды свернули вправо. Исчез. Но стука двери не было. Я остался. Видимо, он заметил меня. Кто он? Профессор, с которым я так и не познакомился? Я мог простоять всю ночь. Было еще темно, когда он появился снова. Я шел за ним...»

«Что? Что надо?» Я подошел, когда он уже сидел в машине. Высок, выше меня. В очках. Мне показалось, он напуган».

«Перст судьбы: он — п л е м я н н и к...»

«...Он оглянулся, исчез и отсутствовал минут семь, может, больше. На этот раз он меня явно не видел. Я стоял не шелохнувшись. Потом он появился снова, он нес что-то длинное, плохо различимое в темноте; оглядевшись, бросил рядом с забором. Когда шаги его не стали слышны, я подошел: в траве лежал багор, наподобие пожарного. Я забыл, что у людей свои корысти, дела. Когда-нибудь мы посмеемся над перипетиями этой ночи...»

Денисов завернул рукопись, бросил в сумку электрокипятильник, туалетные принадлежности — нехитрый свой скарб.

Он знал: у него не будет времени сюда вернуться. С особой тщательностью оглядел номер, вышел, запер за собой дверь. Это было как бы продолжением игры:

«Тот, кто въедет утром, не должен догадаться, что до него тут жил оперативный уполномоченный розыска...»

В аллеях густо лежала темнота. Одно из окон писательского корпуса все еще было освещено. Стрекот машинки доносился глухо, неразборчиво. У ворот Дома творчества никто не сидел. Денисов вышел на центральную улицу, сероватые тени скрывали поселок.

Денисову стало спокойнее. Он знал, почему неверна версия начальника коктейбельской милиции в том виде, как Лымарь ее сформулировал:

«Волынцев мог посвятить Рогова в свои проблемы...»

«Он спутал, Лымарь! Проблемы Ланца хорошо известны. Все. До одной! Из его рукописи!.. Именно они привели его ночью в мае к даче...»

Электроника слабо пискнула. В Москве начинало светать, в Планерском рассвет еще и не предвиделся.

«...Он выслеживал счастливого соперника, а выследил уголовника, который готовил убийство вдовы Роша! И теперь нас не может не тревожить вопрос: будут ли учтены показания убитого, записанные им в дневники, где герои надежно упрятаны под псевдонимами?»

Все вставало на свои места:

«Рогов назвался племянником вдовы, чтобы объяснить ночное вторжение в чужую дачу... Он и не предполагал, что вдова Роша, ее племянница, Наташа, Волынцев, а теперь и он, Рогов, после этого навсегда окажутся связаны как родственники, члены одного клана в болезненном воображении неудачливого литератора...»

На шоссе было по-прежнему тихо, только у автобусной станции негромко играла гитара. Туристы пели, сгрудившись у рюкзаков.

«Мать моя, — донеслось до Денисова. — Давай рыдать, давай думать и гадать, куда, куда меня пошлют...»

«...И в случае любого ущерба, нанесенного вдове Роша, в этом самом порядке и будут внесены в первый же протокол допроса Волынцева! «Никогда!» — понял Рогов, прочитав приведенное в эссе Ланца описание, пока жив Волынцев, ему уже не завладеть, не подвергая себя огромному риску, м и л л и о н а м и в д о в ы Р о ш а !.. Никогда!»

Денисов прошел рядом с туристами. Песня оборвалась: его спросили, который час, он машинально ответил.

«Рогову пришлось выбирать: либо отказаться от преступления, либо решиться на двойное убийство. И решать быстро — осенью, когда Роша получала оставшиеся деньги, Ширяева и Волынцев снова собирались в Коктебель...»

— Спасибо, — донеслось с рюкзаков.

— Пожалуйста.

«У волков-одиночек не остается потерпевших. Свидетелей в живых они, как правило, тоже не оставляют. Поэтому он избавился от Волынцева... Это разгадка. Но первое ли это дело Рогова? Слишком тщательно и безжалостно оно готовилось...»

Денисов не раз приходил к выводу о благодатной роли задач, кажущихся неразрешимыми: «К сожалению, только, гордиев узел часто легче рассечь, чем обнаружить...»

— Слушаю. — Лымарь снял трубку подозрительно быстро. Видимо, собрался в отделение. — Не мог уснуть. Звонил — тебя не было. Ты уходил?

— К себе. Собрал вещи.

— Думаешь, уедешь?

— Наверное. Сюда прилетит следователь. Королевский.

— Ты что-то хотел?

— Надо послать сержанта в поселок.

— К Роша?

— К Веде. Хорошо, если она с мужем ходит к художнице.

— Я съезжу сам. Все?

— Да.

Денисов положил рукопись на стол. Она была все еще раскрыта на знаменательном месте:

«...Когда-нибудь мы вместе посмеемся над перипетиями этой ночи...»

Частыми громкими звонками оповестила о себе междугородная. Денисов снял трубку.

— Донецк вызывает... — На линии была все та же телефонистка. — Говорите.

— Денисов, слушаю.

— Доброе утро!.. — Донецкий розыскник не стал тратить времени, взял быка за рога. — Как его фамилия, которым интересуешься? Рогов? Дежурный правильно записал?

— Да. Рогов Вячеслав...

— Николаевич... Я проверил. Прописан, работает... Ничего за ним нет.

Денисов надеялся, что задержанный как-то известен Донецкому уголовному розыску.

— И на слуху?

— И на слуху тоже. В связи с чем ты им интересуешься?

— Думаю, он одиночка, чистодел. Не оставляет следов...

Розыскник внимательно слушал.

— ...Здесь продана дача. Деньги большие. Часть заплатили в мае, часть позавчера. Оба раза делал попытки... Если что, его бы сто лет искали! Машину оставлял у стоянки, но так, чтобы избежать регистрации.

— У него машина? — Донецкий розыскник заинтересовался: у них, видимо, было что-то связанное с машиной.

— «Жигуль».

— А кто в даче?

— Хозяйка. Ей за восемьдесят.

— Одна?

— Да.

— Это меняет дело. Шулятников!.. — крикнул он кому-то. Денисов слышал, как донецкие оперативники коротко переборзились несколькими фразами.

— Здравствуйте. Внешность Рогова можете описать? — спросил Шулятников. Он держался официально.

— Высокий, молодой...

— Еще!

— В очках, рыхлый. Я разговаривал сейчас с его женой. Он обеспечил себе алиби: на всякий случай приобрел билеты в Старый Оскол.

Собеседник на линии уточнил:

— Вы из Планерского? Старший опер?

— Москва. Транспортная милиция.

— В отпуске?

Денисов не мог бы сказать, кто из оперативников его спросил. Первый? Второй?

— Командировка. У нас убийство на Павелецком вокзале. Меньше недели назад. Я подозреваю Рогова.

— А доказательства? Санкцию на арест получите?

— Пока не знаю. Доказательства все больше косвенные.

Абоненты в Донецке тихо посовещались. Наконец один спросил осторожно:

— Как он? Книжки читает?

— С этим благополучно... Первым делом незаконно выхлопотал пропуск на территорию Дома творчества! На корт и в писательскую библиотеку...

— Стоп! Я пошел звонить начальнику розыска.

— Интересует? — спросил Денисов.

— У нас нераскрытое убийство. От ноября прошлого года. Потерпевшая — Смааль Валерия Иосифовна. Тоже одинокая, пожилая. Преступник молодой. Приехал на машине. Всех перебрали — знакомых, родственников...

— Так...

— Теперь книголюбам занялись. Ты сказал — сразу по приезде в библиотеку записался. А наша Смааль работала в библиотеке на общественных началах. Сначала проверим, нет ли на Рогова читательского формуляра...

— Долгое дело?

— Зачем? Н а ш контингент весь выписан!

ХІІІ. ОТЧИЙ ДОМ

Компания, приехавшая вместе со старшим оперуполномоченным Пашениным — Веда, ее муж, йог — Зубарев, Ширяева, Мацей, — сразу же заняла его кабинет, лишила те-

лефона, а самого Пашенина выселила в комнатенку, именуемую «лабораторией». Один из сотрудников там уже занимался «фотоделом» — тиражировал изображения задержанного.

— На даче перерезан телефон... — объявила дежурному Веда. — Сусанна, бедняжка, всю ночь пыталась дозвониться — не смогла...

В поселке было по-прежнему темно, тихо. В милиции царил возбуждение. Ширяева несколько раз принималась плакать, ее успокаивали. Говорили все разом. Пашенин снова комплексовал: появление большого числа представителей творческой интеллигенции его нервировало.

Веда выступала громче и увереннее всех, именно она — не старший опер — сообщила дежурному последние вести с места происшествия:

— Приехала опергруппа из Судака. С розыскной собакой. Джемом. Сейчас все там. И начальник милиции, и Сусанна. Все на даче.

— Вы подходили к окну со стороны сада? — поинтересовался дежурный. — Окно не разбито?

— Окно цело. Нам показали. Под окном брошен длинный крюк...

— Пожарный багор, — подсказал Георгий. Муж.

— Они пытались его просунуть в форточку, сбросить крючок со внутренней двери. Что-то спугнуло...

Потом вся компания по очереди ходила во двор — «мыть руки». Все та же Веда, проходя, случайно в кабинете участкового увидела Рогова. Он ее тоже заметил.

— Привет, Слава!

— Привет, ребята. — Рогов писал объяснение. На секунду он замер, держа авторучку над форменным бланком.

— Ты тоже здесь? — удивилась она.

— И я, Ведочка, — Рогов криво улыбнулся, но голос его не дрогнул, звучал все так же мягко, ласково.

«Этот будет бороться за жизнь до конца...» — подумал Денисов.

— Давно приехал? — спросила она, все еще ничего не понимая.

— Давно. Очень давно, Ведочка.

Участковый, сидевший напротив, встал, чтобы закрыть дверь.

— Надолго? — еще спросила она.

— Очень надолго. Думаю, на всю жизнь. — Денисов поймал на себе испытующий взгляд.

Веда, к счастью, ничего не поняла или не захотела понять.

— Знаете его? — поинтересовался Пашенин.

— Славу? А как же! Он нам новую дорогу показал в Старый Крым. — Георгий при этих словах заметно помрачнел, но она

успокоила его. — Он ухаживал за дочерью... — Веда назвала фамилию довольно известного писателя. — Потом куда-то исчез...

— За окном дачи, где решетка... — спросил дежурный, когда они снова вернулись в кабинет старшего опера. — Там кабинет? — Он готовится отвечать на звонки, которые вот-вот должны были последовать — из Симферополя, Киева, может, даже Москвы.

— Спальня. И казна! Сусанна держит там свои п о б р я - к у ш к и...

— В шкафу?

— В металлическом ящике. — Ширяева вытерла глаза платком, вступила в разговор. — Ключ от него всегда при ней. Она бы его ни за что не отдала! Я ее знаю. Представляете, что могло быть!

Денисов ловил на себе взгляды Веды, ее мужа. После происшедшего они выражали только отчуждение и опасливую осторожность.

«Известный синдром. — Денисов отвернулся. — Люди, боящиеся крыс, переносят свой страх и на крысоловку тоже...»

— Я могу засвидетельствовать: Сусанна — женщина очень мужественная! — важно заметил Мацей.

Увидев Денисова в отделении, он с секунду колебался: должен ли он делать вид, что никогда не знал его прежде?

Они поздоровались.

— Я, между прочим, сразу догадался, кто вы, — с ходу придумал Мацей. Легенде этой было суждено потом долго гулять по Дому творчества «Коктебель».

— Не сомневаюсь.

— МУР?

— Транспортная милиция, Московское управление.

— Длинная у вас рука, однако...

Денисов поймал удивленный взгляд Ширяевой; пришло ли ей в голову, что его приезд в Коктебель связан с нею? С гибелью Волынцева? С их взаимоотношениями?

Что-то удерживало его еще в кабинете Пашенина. Люди, о которых он читал в эссе? Их манера общения?

— В доме, должно быть, были и другие ценности? — допытывался дежурный.

— Может, им было известно о колье? — Ширяева словно кого-то или чего-то ждала — оглядывалась на дверь. — Сусанна купила его, когда мы жили в Париже, на Рю де Риволи. В доме еще коллекция греческих икон. Марки Николая...

— Родственника?

— Да, он вот-вот появится. Следователь сказал, чтобы все, кто вечером приходил на дачу, собрались в отделении милиции. Нас допросят... — Она что-то чувствовала — снова оглянулась.

— Денисов — междугородная... — крикнули из коридора.

Он вернулся в кабинет Лымаря.

У телефона был Бахметьев.

— Ну как? — Бахметьев сплеховал только в первой фразе. Может, оттого, что соединение произошло неожиданно.

— Нормально. Вы из дежурки?

— Да. Сюда уже позвонили из Донецка. Я в курсе убийства Смааль.

— Что Донецк?

— Рогов короткое время, пока не определился, обучался на курсах подготовки начальников почтовых вагонов...

С этой минуты Бахметьев повел разговор твердо. Знание неизвестных Денисову обстоятельств дела как бы уравнивало их.

— У нас на вокзале?

— Да.

«Я мог встречать Рогова на парке прибытия...» — подумал Денисов.

— Понятно поэтому, отчего он решился выбрать местом преступления нашу станцию — он ее отлично знает! С «пумой» тоже все ясно... — Бахметьев говорил, как об известном с самого начала.

«У победы сто отцов...» — заметил классик.

— ...В костюме Волынцева оружие лежать не могло. Единственный незащищенный карман — узок, пистолет не входит...

Связь неожиданно ухудшилась, голос Бахметьева стал едва слышен.

— ...Он выстрелил в момент, когда маневровый закрыл платформу, а хлопок выстрела был едва слышен за стуком колес... Что-то на линии!..

Голос Бахметьева исчез вовсе. Денисов мысленно продолжил:

«...Рогов оставил пистолет на платформе, взял документы и вещи, чтобы личность убитого как можно дольше не могла быть установлена, вошел в стоявший на путях пустой сцен. Оттуда он видел Салькова, похитившего «пуму» и тем нарушившего желаемый им планшет места происшествия. Сообщив милиции про носильщика и пистолет, он вылетел в Коктебель. Путь к следующему преступлению был открыт...»

— Алло, Москва...

«А до этого Рогов через жену приобрел билеты до Старого Оскола и обратно, а сам заезжал в Харьков к Волынцеву...» Денисов с десятков раз мысленно прошел путь, по которому Бахметьев только пускался в свое недолгое странствие. Но Бахметьев по своей милицейской биографии был обхэзэсник и следователь, а он, Денисов, был розыскником.

«...В Харькове Рогов ничего не успел, так как Волынцев, едва прилетев из Тувы, в тот же день мчится в Москву. Рогов

едет вместе с Волинцевым в Москву. По-видимому, кто-то, Окунев или Сазонов, действительно родственники его жены. Он знает о них и по телефону пристраивает Волинцева на квартиру. Там тот живет, пока Рогов не совершает убийство, инсценировав его как самоубийство...»

Разговор со столицей окончательно прервался.

— Положите трубочку... — посоветовала телефонистка. Денисов так и сделал. Молча ждал.

В милицейском доме все было привычно — мебель, фотография дочки Лымаря на столе под стеклом. Денисов мог перечислить, что находится у Лымаря в запертом металлическом сейфе, в столе, какую одежду он держит в шкафу на случай приезда начальства. В мрачноватом этом кабинете все было, как в том — родном — с колонной, поддерживавшей арочный свод, со стрельчатыми окнами, выходящими на перрон.

Связь с Москвой отсутствовала.

Подумав, Денисов достал рукопись.

«Отчий дом! Здесь ты всегда желанен. Ты еще и брат, и ребенок. Тебе лучший кусок! Ты один из пальцев на руке. Здесь спасут, не предадут, не бросят! Обмоют после смерти. Здесь не покинут, когда прозвучит команда: «Дети и женщины садятся в шлюпки в первую очередь...»

«Если я вернусь к Отчему дому, я не забуду, как страдал сам, не сделаю другого несчастливим!»

И дальше:

«...обмануть глядящие с надеждой глаза, дрожащие губы, слышать несвойственное, бодрое: «Никуда тебя не отпущу!» Когда строишь на песке, рано или поздно все равно приходится об этом жалеть...»

«Я уходил бесповоротно, навсегда. К идеалу далеких лет. Длинная белая нить пристала к моей одежде. Я снял ее, она поплыла по ветру. Что-то заставило меня оглянуться: нить плыла еще несколько секунд. Отчий дом отделялся от меня, оставаясь вдали.»

Снова прозвенела междугородная.

— Алло! — сказал Бахметьев. — А это вот и для тебя новость!.. С «пумы»-то они следы удалили! А на газетах, в которые завернули пистолет перед тем как подбросить в метро, остались их отпечатки! Пальцы бригадира — Романа!..

Денисов не удивился. Дактилоскопия и вообще криминалистические науки, родившиеся как инструмент для раскрытия преступлений, обязательно подводили тех, кто пытался воспользоваться ими для правонарушений.

— Ширяева там, в Коктебеле? — спросил Бахметьев.

— Да. Хотели что-то уточнить?

— Я жду звонка Королевского. Думаю, он решит лететь в Планерское.

Бахметьев вернулся к тому, на чем его прервали:

— Чем ты объясняешь стремительные перемещения Волынцева? — Погибший так и не стал для Бахметьева Ланцем.

— Кое-что я предполагаю. — Денисов был готов к вопросу. — Пусть Королевский в Харькове свяжется с телеграфом. А лучше позвонит соседям Волынцева, у них есть телефон. Должна существовать срочная телеграмма, которая пришла накануне возвращения Волынцева в Харьков...

— Не понял!

Дверь в кабинет открылась, вошли незнакомые сотрудники — майор и еще двое в гражданском. Оперативная группа вернулась с места происшествия. Пора было заканчивать разговор.

Бахметьев это почувствовал, спросил все же:

— Что насчет телеграммы?

— Из-за нее Ланц и торопился в Москву. Чтобы попасть к тамбовскому поезду. Алло! В этой истории есть еще женщина. Он с ней встречался до знакомства с Анастасией. В ту ночь она, видимо, уезжала с нашего вокзала.

— Не понял!

— Он спешил в Москву, чтобы проститься. Может, искал сочувствия и понимания!

— Ну, ладно. Оставляю это на твоей совести. Потом разберемся! Все!

— Мне вылетать? Остаться?

— Решим. В течение получаса я позвоню.

С прибытием опергруппы, осматривавшей дачу Роша, отделение наполнилось сотрудниками милиции. Теперь оно наполнило штаб накануне начала массированного наступления. Звонили по всем телефонам сразу. В район и область хлынула оперативная информация. Одновременно всюду в помещении срочно наводили чистоту и порядок. Не исключался приезд высшего областного начальства.

— Звонок с дверей изъяли? — спросил Денисов у старшего следственно-оперативной группы.

— На даче Роша? — Следователь оказался молоденький, с гонорком. Не приходилось сомневаться в том, что это его первое крупное дело. — Нет! Почему вы спрашиваете?

— Если он арзамасский, выпущенный с нарушением действующего ГОСТа, — предупредил Денисов, — то мог быть установлен не случайно. После затяжного звонка кнопка «залипает», накаляется сердечник внутри, воспламеняется лаковая катушка. — Он помнил предупреждение сводок-ориентировок МУРа, даже если проглядывал их второпях, руководствуясь интересами своей — вокзальной — конторы.

— Не задумал ли он сжечь дачу, чтобы не оставить следов?
— Следователь нашел глазами Лымаря. — Товарищ майор! Мы недосмотрели. Поезжайте. Аккуратно снимите. Составьте протокол. Возьмите с собой Пашенина. Срочно!

Лымарь кивнул:

— Сейчас. — Он взглянул на Денисова. — Остаешься?

— Еще не знаю.

Несколько секунд, пока они простились накоротке, показались следователю вечностью:

— Прямо сейчас поезжайте! Берите машину!

— Пока, — старший опер Пашенин тоже подошел. — Вдруг не увидимся! Приезжай!

Лымарь и Пашенин уехали. В ожидании звонка Денисов потолкался по кабинетам. Потекли удивительно неспешные минуты. Ненадолго он стал знаменитостью, на него поглядывали с любопытством. В том числе Веда и ее друзья; их всех допросили, кроме Георгия и Мацея. Компания ждала обоих, чтобы идти вместе.

— Вот! Правда, не особенно качественная... — дежурный подал Денисову фотографию Рогова, — но тем не менее!..

На снимке Рогов выглядел одутловатым, с болезненно-рыхлым лицом, в траурной черной рамке — следе неровно расположенного при печатании негатива.

— Отправили?

— Да, с нарочным, на телеграф. Для Донецка и в Москву.

Мацей подошел тоже — ему хотелось загладить холодность, с которой он первоначально встретил Денисова в отделении.

Он не знал Рогова, внимательно разглядывал фотографии:

— Такой молодой... — Черная рамка ввела его в заблуждение. — Между прочим, с нами человек, который кое-что в этом понимает, может помочь. Никита!

Зубарев — высокий блондин, йог и экстрасенс, по терминологии Денисова, — положил фотографию на стол, принялся пристально вглядываться. От напряжения на висках у него выступили бисеринки пота, потом Зубарев поднял ладони, медленно покружил ими, не касаясь бумаги.

«Самый невзрачный, казавшийся наиболее простым и понятным, — Денисов вспомнил эссе, — а на самом деле философ, знаток древний «кабалы». — Это о нем!» Он пожалел, что не нашел незнакомое слово в большом энциклопедическом справочнике.

Зубарев подвел итог:

— Сердечная недостаточность. И почки не в порядке. Все вместе. Но в первую очередь сердечная недостаточность. Она и была причиной смерти... — Он убрал руки.

Его тоже ввело в заблуждение траурное обрамление.

— Спасибо. — Денисов ни о чем не обмолвился.

Веда вздохнула у окна:

— Не надо про смерть!

В это время в кабинете Лымаря снова раздался пронзительный звонок междугородной, Денисов извинился.

— Думаю, это мне!

И ошибся.

Звонил Киев — дежурный по министерству требовал список опергруппы, выезжавшей на место преступления. Майор из райотдела перечислил всех — Денисов, как находившийся все это время в кабинете, естественно, упомянут не был. Затем майор скромно выслушал поздравления.

«У победы сто отцов...» Денисов пожал плечами. С задержанием преступника всегда заканчивается некий присущий поединку интим, что ли? Чувство единоборства.

Следом за дежурным сразу позвонил Бахметьев.

— Можешь вылетать. К вечеру в Коктебеле будет Королевский. Все сделает сам.

— В Харькове нашлось что-нибудь? — Денисов намеренно не спросил про телеграмму для Ланца, и Бахметьев тоже ничего о ней не сказал. Видимо, пока не было ничего известно.

— Разыскали свидетеля. Он видел в Харькове Волынцева вместе с Роговым. Донецк передал им его фотографию. Приедешь — узнаешь подробности.

— По нашей фотографии? Из Планерского?

— По донецкой. Изъяли у него дома.

— Значит, жена Рогова в курсе?

— Там идет обыск. Все, пожалуй. Не задерживайся.

Денисов не успел отойти, как его снова вызвали. На этот раз на проводе оказался Донецк. У телефона был один из оперативных уполномоченных, с которыми Денисов разговаривал ночью, — Шулятников.

— Алло, Денисов! Слышно? С нас приходится!..

«Раскрыто»... — понял Денисов.

— У нас была свидетельница — видела, как преступник сел в машину. Твердо опознала Рогова по фотографии, по комплекции тоже подходит...

— Не пойму, как, совершив такое преступление в ноябре, он через полгода решил на новое...

— У Смааль он почти ничего не взял. Ценности лежали в настольной лампе. Потерпевшая словно предчувствовала — попросила зятя спрятать драгоценности, чтобы она и сама не знала, где. Собиралась выезжать за пределы...

— Догадываюсь, чем это для нее обернулось...

— Вот именно. Особая жестокость. Всюду кровь. Всю ночь вместе с ним искала свои кольца по всей квартире... — Он помолчал. — Вашей вдове в Коктебеле сильно повезло.

— Кстати. Как фамилия жены Рогова? Сазонова? Окунева?

- Окунева. А что?
— Это для следователя.
— Ты остаешься? Я, наверное, тоже лечу со следователем в Коктебель...
— Нет! Уже поехал... Минуту — и ты бы меня не застал...

Впереди шла Веда с друзьями, тоже молчаливые, усталые; бессонная ночь ни для кого не прошла бесследно.

Когда Ширяева проходила мимо Денисова, взгляды их встретились.

«У нее большие глаза, округлый подбородок на белом с желтыми пятнышками пирамидальном лице, змеистые прекрасные полные губы Моны Лизы... — Он заучил наизусть как ориентировку словесный портрет, чтобы без запинки цитировать регистраторам, официанткам в Доме творчества, в пансионате, на турбазе — везде, где придется вести розыск. — Длинные сложные уши с серьгами из сердолика под цвет бус. Глаза серо-голубые...»

Денисов мог окликнуть — «Анастасия!» или «Легитим!», Ширяева сразу бы догадалась, что ее и оперативного уполномоченного из Москвы соединяет общая тайна. Но он не сделал этого. Ширяева могла спросить о Ланце, а он ничего не мог ей сказать: решать, что является пока следственной тайной и что нет, — было законной прерогативой прилетающего в Коктебель следователя.

Несколько минут все шло молча.

Впереди из-за домов послышалась музыка, кто-то нес включенный транзистор.

«Я вам скажу оди-и-ин секрет... — обвораживая, запел низкий женский голос, — кого люблю-ю, то-го здесь нет...»

Несмотря на дурное настроение, на усталость, компания задвигалась, защелкала пальцами, принялась пританцовывать.

— Наташа, — окликнула Веда, — думаю, нам лучше сразу отправиться к Сусанне. Успокоить...

— Обязательно. — Лицо женщины все еще было прекрасно, мужчины из компании Веды потянулись к ней; чтобы идти рядом.

«О чем ты сейчас думаешь?» — спрашиваем мы каждую минуту друг друга, как дети...» — вспомнил еще Денисов. — «Мне страшно, что все это кончится...» Каждый вечер я готов сказать тебе: «Милая, я больше не могу!», а говорю вместо этого: «Милая, давай поженимся!»

Ему показалось, что он знает об Анастасии и Ланце все или почти все.

«Неудовлетворенное честолюбие, — подумал он, — капкап даже для более сильных характеров. Любой неуспех Волынцев приписывал исключительно неумению стать своим в

кругу профессионалов, войти в который он всю жизнь стремился. Ловушки, расставленные нам в детстве, рано или поздно обязательно срабатывают...»

Компания сворачивала.

— Мы еще увидимся? — спросила Веда.

— Наверное. — Он помахал рукой, и Ширяева в ответ тоже подняла руку.

Наступало утро. В небе отделялись более глубокие черные тона.

У автостанции было заметно движение. Из Феодосии прибыл автобус — пустой, с одним-единственным пассажиром — тот, с которым четыре дня назад прикатил и Денисов — тряский, отправляющийся с конечного пункта еще затемно. В заднем его стекле тревожно мигали многочисленные огоньки; это караван грузовых машин из Судака сигнализировал, обозначая обгон.

Денисов вышел на шоссе. Со стороны Судака оно постепенно «одомашнивалось», переходя в более или менее широкую главную улицу, впрочем, изрядно побитую. Деревьев и мазанок по другую сторону поселка было меньше, давала о себе знать «промышленная зона» — автостоянки, два или три склада, несколько гаражей.

Было еще темно, но на шоссе люди уже ждали попутных машин.

— На Симферополь? — спросил Денисов.

— Да, все на Симферополь. В аэропорт.

У почты степенный человек снимал навесные замки с кабин междугородных автоматов. Делал он это основательно, неспешно, на каждое отпирание уходило не меньше минуты.

Подумав, Денисов вошел в одну из кабин, опустил монету, набрал номер.

В Москве трубку снял Бахметьев, он все еще сидел за пультом дежурного.

— Новости есть? — Денисов поставил сумку. Куртка, жестко перехваченная у воротника, коснулась пола.

— Есть. Слушаешь?

— Да.

— Ты прав насчет второй женщины...

Внимательно перечитывая эссе убитого, этого нельзя было не заметить.

— ...Сейчас позвонил Королевский; у соседей Волынцева в Харькове действительно лежала телеграмма. Когда он прилетел из Тувы, ему сразу ее вручили. И он помчался...

— Что в телеграмме?

— Королевский восстановил такой текст, — Бахметьев помешкал, надевая очки. — «Буду Москве проездом поезд 441 вагон 4. Если не встретимся, будь счастлив. Больше не могу. Прощай». И подпись. Какая — в жизни не догадаешься!

— Мне кажется, я знаю. — Денисов вздохнул. — Телеграмма была подписана «Отчий дом».

Даже отсюда было слышно море, неумолчное передвижение гальки. Будто кто-то невидимый, тяжелый, не спеша шел вдоль железнодорожного полотна, загребая ногами свежесыпанный гремучий балласт.

За деревьями взмыли огни, несколько человек с обочины перешли на дорогу.

Денисов повесил трубку. Поправил под мышкой кобуру.

Преступление было раскрыто. Он мог не спешить.

Было справедливым, чтобы люди, пришедшие раньше его, уехали первыми.

T0966

452

200,

1
1
3

2

МЕДИЦИНСКОЕ

